

ISSN 0038-5050

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

6

1983

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

6

Ноябрь — Декабрь

1983

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Юньский Пленум ЦК КПСС и задачи советских этнографов	3
В. Бромлей (Москва). О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности	10
П. Колпакова (Ленинград). О жанровой и сюжетно-тематической классификации русской народной бытовой песни	23
А. Красновская (Москва). Проблемы этнической истории о. Сардиния в I тысячелетии до н. э.	33
История науки	
Д. Тумаркин (Москва). Материалы экспедиции М. Н. Васильева — ценный источник по истории и этнографии Гавайских островов	48
Сообщения	
А. Дубова (Москва). О некоторых аспектах содержания антропологической науки	62
А. Сухарева (Москва). Орнамент декоративных вышивок Самарканда и его связь с народными представлениями и верованиями (вторая половина XIX — начало XX в.)	67
А. Аршавская (Ташкент). Традиционное жилище в селении Хуфар (Узбекская ССР)	79
Юбки, факты, гипотезы	
С. Савоскул (Москва). Н. К. Рерих и легенда о Беловодье	88
Юбилеи	
Взгляд на основные работы доктора исторических наук, профессора Геннадия Евгеньевича Маркова (к 60-летию со дня рождения и 30-летию научно-педагогической деятельности)	102
Ученая жизнь	
А. Липинская (Москва). Всесоюзная конференция «Современные этносоциальные процессы на селе и задачи их изучения в свете решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС»	106
М. Герасимова, Г. В. Лебединская, Г. Л. Хить (Москва). III Европейский антропологический конгресс	111
М. Дробижева, М. С. Кашуба (Москва). Международный симпозиум «Роль семьи в этнокультурных процессах в условиях социализма»	114

И. Рюйтел (Тарту). Всесоюзная конференция «Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма»	116
М. Г. Рабинович (Москва). Симпозиум по древнему домостроительству	120
Л. Н. Виноградова (Москва). Конференция «Полесье и этногенез славян»	121
Т. А. Жданко (Москва). Региональное совещание по изучению быта сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана	124
Е. С. Соболева (Ленинград). Пятые маклаевские чтения	127
Н. М. Пашаева (Москва). Заседание, посвященное памяти Ф. Ф. Аристова	131
Коротко об экспедициях	133

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Е. П. Бусыгин (Казань). Этнография русского крестьянства Сибири	134
Э. С. Литвин (Ленинград). Русский фольклор в высшей школе	141

Народы СССР

Е. Н. Данилова (Москва). Я. С. Смирнова. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в.	140
Ю. И. Семенов (Москва). З. П. Соколова. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы фратрии и рода	151
М. Н. Морозова, З. П. Соколова (Москва). <i>Ildiko Lehtinen. Naisten Korum. Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa</i>	153

Народы Зарубежной Европы

М. Я. Мельц (Ленинград). Б. Н. Путилов. Героический эпос черногорцев	156
--	-----

<u>Ольга Александровна Сухарева</u>	158
-------------------------------------	-----

<u>Михаил Кириллович Гегешидзе</u>	163
------------------------------------	-----

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1983 году	167
---	-----

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
 В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
 С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижина,
 Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
 (зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
 А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
 П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,
 Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19
 телефон 126-94-91

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

ИЮньСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК КПСС И ЗАДАЧИ СОВЕТСКИХ ЭТНОГРАФОВ

Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС, обсудивший актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы, явился крупнейшим событием в жизни нашей партии и государства. Пленум определил стратегию КПСС в той сфере деятельности, главное содержание которой — формирование нового человека. Значение этой проблемы трудно переоценить. Как подчеркивалось на Пленуме, формирование нового человека — не только важнейшая цель, но и непереносимое условие коммунистического строительства.

Пленум подчеркнул необходимость поднять идеологическую, воспитательную, пропагандистскую деятельность на уровень тех больших и сложных задач, которые решаются ныне нашей страной. «Партийные комитеты всех ступеней, каждая партийная организация, — подчеркнул в своей речи на Пленуме Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, — должны понять, что при всей важности других вопросов, которыми им приходится заниматься (хозяйственных, организационных и иных), идеологическая работа все больше выдвигается на первый план. Мы ясно видим, какой серьезный ущерб приносят изъяны в этой работе, недостаточная зрелость сознания людей, когда она имеет место. И наоборот, мы уже сегодня хорошо чувствуем, насколько возрастают темпы продвижения вперед, когда идеологическая работа становится более эффективной, когда массы лучше понимают политику партии, воспринимая ее как свою собственную, отвечающую кровным интересам народа»¹.

Идеологическая работа призвана повышать коммунистическую убежденность, общественно-политическую активность трудящихся, их творческую энергию. В решении этой задачи партия видит надежный путь к тому, чтобы, неуклонно укрепляя материально-техническую базу общества, одновременно привести в действие всю мощь духовного потенциала строителей коммунизма. Тем самым будет создана возможность более полного и эффективного использования колоссальных резервов советской экономики, науки, культуры.

Необходимость совершенствования идеологической, массово-политической работы диктуется также особенностями современной международной обстановки. Как подчеркивается в Постановлении Пленума ЦК КПСС, на международной арене происходит резкое, небывалое за весь послевоенный период обострение борьбы двух общественных систем, двух полярно противоположных мировоззрений. Империалистическая реакция, прежде всего правящая верхушка США, вынашивая планы мирового господства, подталкивает человечество на грань ядерной катастрофы. Против СССР, против стран социализма ведется беспрецедентная по своим масштабам психологическая война. Буржуазная пропаганда стремится очернить социалистический строй, подорвать социально-политическое и идейное единство нашего общества. Поэтому особую важность сегодня приобретают воспитание политической сознательности трудящихся, решительная борьба против буржуазной идеологии².

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 года. М.: Политиздат, 1983, с. 5.

² См. Там же, с. 68.

Для правильного понимания как насущных вопросов, так и перспектив — и в экономике, и в политике, и в идеологии — необходимы прежде всего ясные представления о характере того этапа, на котором сейчас находится наша страна. Партия определила его как этап развитого социализма. На июньском Пленуме ЦК КПСС концепция развитого социализма получила дальнейшее развитие на основе реалистического подхода к оценке параметров нашего пути к коммунизму.

В материалах Пленума отмечается, что советское общество вступило в исторически длительный этап развитого социализма и находится в начале этого этапа. Уровень развития страны, достигнутый в результате упорного созидательного труда нескольких поколений советских людей, представляет собой диалектическое единство как реальных успехов в коммунистическом строительстве, в осуществлении многих экономических, социальных и культурных задач первой фазы коммунизма и крепнущих ростков коммунистического будущего, так и еще нерешенных проблем, оставшихся от вчерашнего дня. Это общество, где уже созданы экономическая база, социальная структура и политическая система, соответствующие социалистическим принципам, где социализм развивается на собственной коллективистской основе. Вместе с тем это общество, сталкивающееся с определенными трудностями роста, подтягивающее некоторые отставшие тылы, устраняющее недостатки, связанные и с объективными, и во многом с субъективными причинами. К числу таких недостатков относятся неполадки в хозяйственном механизме, не удовлетворяющая наше социалистическое общество производительность труда, особенно в сельском хозяйстве, недостаточная гражданская зрелость и дисциплинированность части людей.

На Пленуме отмечалось, что в определенный период бытовало облегченное представление о путях и сроках перехода к высшей фазе коммунизма. В практике пропагандистской и научной работы иногда как бы сглаживались неровности пути, по которому идет советский народ. Между тем без полного и осознанного преодоления отрыва идеологической работы от реальных условий жизни невозможно добиться повышения эффективности этой работы.

Многосторонние текущие и перспективные задачи деятельности КПСС, рассмотренные на Пленуме, в совокупности составляют стратегию совершенствования развитого социализма. Эта стратегия должна стать сердцевиной как теоретической, так и всей пропагандистской, воспитательной работы.

В своей деятельности по преобразованию общества КПСС опирается на прочный фундамент марксистско-ленинской теории, на передовую науку. В последнее время теоретический арсенал нашей партии обогатился важными идеями и обобщениями, в разработке которых немалая заслуга принадлежит советским ученым — представителям различных отраслей общественнознания. Но, как отмечалось на Пленуме, наука, к сожалению, еще не подсказала практике нужные, отвечающие принципам и условиям развитого социализма решения ряда важных проблем. Помощь партии со стороны научных учреждений могла бы быть более основательной. «... Мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, — говорил в речи на Пленуме Ю. В. Андропов, — не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические»³.

На Пленуме были подвергнуты серьезной критике научные учреждения, работа которых страдает теоретической бесплодностью, мелкотемьем, замыкается в «диссертационных» и групповых интересах. Пленум потребовал активизировать исследовательский поиск, обеспечить решительный поворот научных учреждений, всех ученых-обществоведов к ключевым задачам совершенствования развитого социализма. Партийным комитетам, организаторам науки следует уделять больше внимания

³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 года, с. 19.

вопросам планирования, стиля и метода исследований, идейного воспитания научных коллективов, повышения результативности их работы.

Партия и государство ждут от ученых-обществоведов разработки надежных путей повышения эффективности производства и совершенствования распределительных отношений, исследований закономерностей становления бесклассовой структуры общества, интернационализации социальной жизни, развития социалистического народовластия, проблем общественного сознания и коммунистического воспитания. Во внимательном изучении, оценке и обобщении нуждается опыт братских социалистических стран. Необходим глубокий анализ новых явлений в международных отношениях, в развитии мирового социализма, в мировом революционном процессе, всех аспектов и сторон общего кризиса капиталистической системы. Разработки обществоведов должны выливаться в практические рекомендации, обоснованные социальные прогнозы⁴.

Пленум уделил серьезное внимание методологической стороне исследований. Это прежде всего опора на реальность, полный учет и раскрытие объективных законов общественного развития. Научным учреждениям следует более гибко и оперативно сосредоточивать силы на наиболее актуальных вопросах, умело применять испытанную марксистско-ленинскую методологию научного поиска, заботиться о его мировоззренческой четкости. Нельзя, оставаясь на почве науки, «забывать» об основополагающих принципах материалистической диалектики.

Среди важнейших задач, поставленных Пленумом перед общественными науками, немало таких, которые непосредственно касаются этнографии и должны решаться ею совместно с другими научными дисциплинами. Это особенно относится к задачам, связанным с дальнейшей разработкой и претворением в жизнь национальной политики партии как неотъемлемой части стратегии совершенствования развитого социализма.

На Пленуме подчеркивалось, что идеологическая работа в условиях нашей страны, объединяющей свыше ста наций и народностей, невыполнима без внимательного изучения их специфических интересов, особенностей национальной психологии и культуры. Ведь решение национального вопроса в том виде, в каком он достался нам от прошлого, отнюдь не означает, что все проблемы в этой сфере вообще сняты с повестки дня. «Мне уже приходилось отмечать,— говорил на Пленуме Ю. В. Андропов,— что совершенствование развитого социализма обязательно должно включать продуманную, научно обоснованную национальную политику. В основе ее — принципы, завещанные нам Лениным: полное равноправие всех наций и народностей страны, свободное их развитие в рамках братского союза и неуклонный курс на их сближение»⁵. В связи с этим на Пленуме подчеркивалась необходимость вовремя подмечать новые позитивные сдвиги в национальных отношениях, всесторонне анализировать тенденции расцвета и сближения социалистических наций, находить такие формы работы, которые открывают еще больший простор взаимообогащению культур народов СССР, и вместе с тем своевременно выявлять возникающие здесь проблемы и противоречия, находить оптимальные пути их решения⁶. Способствовать выполнению этих благородных задач — почетный долг советских этнографов.

Следует отметить, что у этнографов нашей страны уже сложились устойчивые традиции исследования современности, участия в решении практических задач социалистического строительства. Достаточно вспомнить о том значительном вкладе, который внесли этнографы в подготовку национально-государственного размежевания в Средней Азии и Казахстане, в разработку проектов использования земель древнего орошения в этом регионе, их многолетнее, продолжающееся и в наши

⁴ См. Там же, с. 70.

⁵ Там же, с. 17.

⁶ См. Там же, с. 59.

дни участие в подготовке и осуществлении мероприятий по подъему благосостояния и культуры народов Севера. Научные разработки этнографов могут помочь планированию снабжения населения различных районов страны теми или иными промышленными и продовольственными товарами, проектированию современных типов жилища и поселений с учетом национальных традиций и местных климатических условий, выработке новой гражданской обрядности, разворачиванию борьбы с вредными пережитками прошлого. В ряде обобщающих этнографических и этносоциологических исследований, опубликованных за последние десять-пятнадцать лет, подверглись рассмотрению многие актуальные вопросы развития и сближения социалистических наций и народностей, формирования новой исторической общности — советского народа. О большой общественной значимости и широком признании таких исследований свидетельствует, в частности, присуждение в 1981 г. группе сотрудников Института этнографии АН СССР Государственной премии СССР за коллективный труд «Современные этнические процессы в СССР».

Однако, отдавая должное уже сделанному, надо признать, что в свете положений и выводов июньского Пленума ЦК КПСС необходим более решительный поворот этнографической науки к реальным практическим задачам, которые ставит жизнь перед советским обществом. Это должно отразиться как на проблематике и направленности исследований, так и на увеличении удельного веса в нашей работе, повышении действенности и эффективности научных разработок и практических рекомендаций по конкретным вопросам коммунистического строительства, входящим в предметную область этнографии и смежных наук. Необходимо также совершенствовать механизм передачи заинтересованным ведомствам и организациям выработанных рекомендаций, более активно добиваться их внедрения. Иными словами, речь идет о дальнейшем развитии конструктивных — управленческих и прогностических — функций советской этнографической науки.

На магистральном направлении этнографических исследований должно находиться изучение этнических аспектов современных национальных процессов в СССР. Надо уделять особое внимание рассмотрению общих тенденций и основных направлений этих процессов, исследованию конкретных механизмов их диалектических взаимосвязей, выявлению и анализу условий и факторов, ускоряющих или замедляющих их развитие. В углубленном изучении нуждаются также взаимосвязь этнических и социально-экономических сторон национальных процессов, специфика их протекания в разных регионах страны, в городской и сельской среде, особенности развития и запросы в области языка, культуры и быта групп некоренного населения республик. По-прежнему актуально исследование путей этнического развития малых народов.

В ближайшие годы важно обеспечить комплексное изучение современных национальных процессов в СССР, предпринимаемое этнографами совместно с философами, историками, экономистами и представителями других отраслей обществоведения. В частности, этнографы могут принять более активное участие в междисциплинарном исследовании формирования и развития новой исторической общности — советского народа, первого в истории человечества межнационального (межэтнического) образования, сложившегося на базе социализма.

Выдвижение в качестве центральной задачи советской этнографической науки изучения современных этнических процессов в нашей стране и научного обоснования путей их дальнейшей оптимизации не означает ослабления внимания к проблемам этногенеза и этнической истории народов СССР, к исследованию их традиционных культур. Актуальность этих исследовательских направлений определяется, в частности, тем, что они имеют большое значение как для патриотического и интернационального воспитания трудящихся, для борьбы с проявлениями национализма, местничества, неклассового подхода к оценке исторических событий, с попытками идеализации патриархальщины, так и для исполь-

вания положительных традиций в практике нашей жизни. В этой связи важна продолжаемая Институтом этнографии АН СССР совместно с родственными научными учреждениями союзных и автономных республик работа по созданию региональных историко-этнографических атласов, охватывающих несколько республик с многонациональным населением.

Для понимания современных национальных процессов в СССР и управления этими процессами существенно учитывать различия между национальностями, проявляющиеся в семейно-бытовой сфере. В нашей стране и в ряде социалистических государств сейчас скоординировано изучается роль семьи в этнокультурных процессах. Сводный труд «Семья у народов СССР», подготавливаемый Институтом этнографии АН СССР, так же как региональные исследования в Средней Азии, Казахстане и в Прибалтике, не только обобщает результаты изучения семьи, но и сосредоточат внимание специалистов на наиболее актуальных вопросах, уточнят основные направления работ по этой проблематике.

С семейно-бытовой сферой тесно связаны как естественное движение населения, так и его миграции. На XXVI съезде КПСС и на июньском Пленуме ЦК КПСС в связи с проблемой использования трудовых ресурсов поднимался вопрос об изучении возможностей перераспределения их между отдельными регионами, об управлении демографической ситуацией. Хорошо известно, сколь важен этнический аспект данной проблемы. Это с новой силой подчеркивает большую актуальность этнодемографических исследований, необходимость планомерного развития их в разных регионах страны. Этнографы вместе с учеными смежных специальностей призваны выработать научно обоснованные рекомендации, направленные на оптимизацию демографических аспектов развития советского общества.

Важная, практически значимая задача этнографов — глубокое изучение традиционных трудовых навыков народов СССР, стереотипов их производственного поведения. Научные разработки, освещающие региональную и этническую специфику в указанной сфере, следует готовить так, чтобы они могли учитываться планирующими и хозяйственными органами при решении вопросов, связанных с размещением и развитием отраслей народного хозяйства.

В свете задач по реализации Продовольственной программы и решений июньского Пленума ЦК КПСС весьма актуальны изучение и обобщение народного производственного опыта и традиций в использовании естественных средств жизни. В частности, заслуживают внимания и поддержки рекомендации всесоюзной конференции по изучению этносоциальных процессов на селе, информация о которой публикуется в этом номере журнала. В них содержатся конкретные предложения по использованию народного опыта в таких областях, как террасированное земледелие на склонах гор, борьба с эрозией почв, ведение высокопродуктивного личного хозяйства на малых участках земли и т. д.

Очень важна в идеологическом отношении проблема изучения, преобразования и использования в практике коммунистического строительства народной обрядности и традиций. При этом нужно исходить из того, что, как недавно напомнил Ю. В. Андропов, «в духовном наследии, традициях, в быту каждой нации есть не только хорошее, но и плохое, отжившее»⁷. Пристального внимания и всестороннего исследования заслуживает и новая обрядность, превратившаяся в неотъемлемый компонент советского образа жизни. Мы не можем закрывать глаза на то, что эта обрядность порою деформируется, что под ее покровом иногда возрождаются мещанские, мелкобуржуазные и иные чуждые нам обычаи и традиции. Этнографы должны внести свой вклад в борьбу с этими негативными явлениями. Актуальность изучения бытовых традиций, обрядов еще более возросла в связи с поставленной на Пленуме задачей

⁷ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР.— Коммунист, 1983, № 1, с. 8.

формирования у советских людей высокой культуры быта, поведения, культуры разумного потребления.

Как отмечалось на Пленуме, немалая часть населения нашей страны еще остается под влиянием религии, причем зарубежные идеологические центры стремятся не только поддерживать, но и насаждать религиозность в СССР, придавать ей антисоветскую, националистическую направленность. Это налагает большие и ответственные задачи как на специалистов-религиоведов, так и на других ученых-обществоведов, занимающихся данной проблематикой, в том числе на этнографов. Институт этнографии АН СССР предполагает выпустить в ближайшие годы обобщающие труды «Этнос и религия», «Происхождение религии» и «Религия на ранних ступенях общественного развития». Подъему религиоведческой, научно-атеистической работы будет, несомненно, способствовать десяти томное издание «Религии в XX веке», подготавливаемое Отделением истории АН СССР при самом активном участии этнографов.

В свете поставленной на Пленуме задачи изучения специфических интересов наций и народностей, особенностей национальной психологии формирования у всех советских людей высокой культуры межнационального общения необходимо шире развернуть исследования этнопсихологических проблем, в том числе связанных с развитием национального самосознания, национальных чувств, межэтнического общения.

Еще один актуальный аспект деятельности советских этнографов — исследование этнолингвистических процессов, особенно проблем развития национально-русского двуязычия. Это прогрессивное явление получило в стране широкое распространение. Однако, как отмечалось на Пленуме, есть немало фактов, когда слабое знание русского языка ограничивает человеку доступ к богатствам интернациональной культуры, сужает круг его деятельности и общения. Важно учитывать, что необходимость свободного владения русским языком наряду с языком своей национальности обусловлена объективными потребностями развития производительных сил нашего многонационального государства. ЦК КПСС и Совет Министров СССР недавно приняли постановление, направленное на создание условий, облегчающих населению союзных республик изучение русского языка. Эта важная проблема должна постоянно находиться в поле зрения этнографов.

В свете задач, поставленных перед обществоведами июньским Пленумом ЦК КПСС, необходимо развивать и совершенствовать исследования тенденций и перспектив современных этнических процессов в зарубежных странах, в региональном и мировом масштабе, выявлять взаимосвязи собственно этнических, социально-экономических и политических аспектов конкретных национальных проблем, изучать роль этнических факторов как в развитии социалистических государств, так и в национально-освободительной и классовой борьбе в капиталистических и развивающихся странах. Разумеется, сохраняют свою актуальность также исследования этногенеза и этнической истории народов зарубежных стран, этногеографических и этнодемографических проблем нашей планеты. На основе обобщения уже проведенных исследований планируется подготовить капитальный коллективный труд «Этнические процессы в современном мире». Вместе с тем, опираясь на анализ современных процессов, нужно в ряде случаев смелее переходить к этнополитическому прогнозированию.

Сосредоточивая усилия на рассмотрении вопросов, имеющих непосредственное практическое значение, этнографы должны одновременно продолжать разработку фундаментальных научных проблем, ибо только так можно создать теоретический задел, необходимый для успешного развития прикладных исследований. Пример тому — разработка теории этноса и этнических процессов. Именно крупный скачок на этом исследовательском направлении позволил определить как особое место этнографической науки в изучении современности, так и сферы и методы ее сотрудничества со смежными научными дисциплинами, способст

вовал подъему уровня конкретных исследований по таким практически значимым разделам нашей науки, как современные этнические процессы и этническая история. Дальнейшей разработке этой проблематики посвящена опубликованная в этом году монография Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса».

К числу фундаментальных научных проблем, которыми традиционно занимаются советские этнографы, относится творческая разработка марксистско-ленинской концепции первобытности и процесса возникновения классов и государственности. Теоретические исследования по этой проблематике и связанные с ними работы более частного характера имеют большое мировоззренческое значение и играют важную роль в борьбе с буржуазной идеологией, обосновывая исторически преходящий характер таких явлений, как классы, частная собственность, государство, эксплуатация человека человеком. В текущей пятилетке будет завершена работа над обобщающим трехтомным исследованием «История первобытного общества». Главная его задача — разработка наименее исследованных и требующих переосмысления в свете новых данных науки проблем первобытной истории, в частности таких, как рубежи антропосоциогенеза, специфика первобытной экономики, конкретные механизмы классово- и политогенеза.

Развитие материалистической концепции исторического процесса — один из важных идеологических аспектов деятельности советских этнографов. Этнография в тесном содружестве с социологией, психологией и антропологией дает идеологическим работникам мощное оружие и в борьбе против расизма, национализма, шовинизма во всех их видах и псевдонаучных облачениях. Этой проблематике посвящены специальные монографии и сборники, среди которых следует особо отметить изданную в 1982 г. книгу «Расы и общество», а также статьи и материалы, публикуемые в ежегоднике «Расы и народы» и журнале «Советская этнография». Большое идеологическое значение имеет критический анализ современных направлений и школ в зарубежной этнографии. Исследования по этим вопросам будут обобщены в двухтомном коллективном труде «Современная западная этнология». В целях более эффективной пропаганды за рубежом достижений советской этнографической науки в области исследования различных современных проблем, в первую очередь советского образа жизни, решения национального вопроса в нашей стране, развития и сближения социалистических наций, необходимо и дальше расширять публикацию книг и статей советских этнографов на иностранных языках.

Наряду с исследованием актуальных научных проблем, подготовкой разработок и рекомендаций по конкретным вопросам совершенствования развитого социализма советские этнографы, как и все обществоведы, призваны более активно участвовать в воспитательной, массово-политической работе. За последние годы ими достигнуты на этом поприще немалые успехи. Тут и публикация научно-популярных книг и статей, и деятельное участие в выпуске рассчитанной на массового читателя 20-томной этногеографической серии «Страны и народы мира», и выступления по радио и телевидению, и чтение лекций по линии общества «Знание». Значительную роль в распространении этнографических знаний и в интернациональном воспитании трудящихся играют этнографические и историко-краеведческие музеи, а также этнографические выставки. Однако в свете положений и выводов июньского Пленума ЦК КПСС предстоит поднять идейно-воспитательную деятельность этнографов на уровень новых задач. Необходимо изживать в этой работе элементы «чистого» просветительства, усиливать ее действенность, связь с реальной жизнью, с текущими и перспективными задачами развития советского общества. В частности, целесообразно, как это рекомендовала всесоюзная конференция по изучению этносоциальных процессов на деле, шире использовать выступления этнографов по радио и телевидению для пропаганды народных трудовых традиций и профориентации молодежи, опубликовать в центральных и местных женских журналах

серию статей этнографов по вопросам трудового воспитания в семье с учетом этнической, городской и сельской специфики.

Насущная задача советских этнографов — умело и творчески пропагандировать советский образ жизни, такие фундаментальные ценности социализма, как коллективизм и товарищеская взаимопомощь, нравственное здоровье и социальный оптимизм, братская дружба народов СССР. Вместе с представителями других отраслей обществоведения этнографы могут внести свой вклад в создание динамичной и эффективной контрпропаганды, о необходимости которой говорилось на Пленуме ЦК КПСС.

Как отмечалось на Пленуме, формирование нового человека должно начинаться уже в первые годы его жизни. В связи с поднятым на Пленуме вопросом о необходимости реформы школы целесообразно активизировать усилия этнографической общественности, направленные на включение в школьные программы определенной суммы этнографических знаний. Важно ввести во всех педагогических институтах и университетах преподавание будущим учителям истории курса «Этнография народов СССР».

На Пленуме подчеркивалось, что необходимым условием усиления всей идеологической работы в стране является глубокое усвоение и творческое применение теории и методологии марксизма-ленинизма самими идеологическими кадрами. Это принципиальное положение, полностью относящееся и к кадрам этнографов, особенно актуально в год, который по праву назван годом Карла Маркса, основоположника научного коммунизма, революционной пролетарской идеологии.

Пленум потребовал значительно усовершенствовать работу сети партийного просвещения. Необходимо всемерно развивать активные формы занятий, придавать им большую практическую направленность, искоренять формализм и начетничество. Смысл политической учебы должен заключаться в том, чтобы каждый глубоко понимал политику партии, умел применять на практике полученные знания, ясно представлял себе и выполнял на деле свой собственный долг.

Важным условием повышения эффективности научно-исследовательской и идейно-воспитательной деятельности этнографов является более четкая координация их творческих усилий в масштабе всей страны. Это требует возрастания организаторской, координирующей роли головного научного учреждения — Института этнографии АН СССР. Нужно дальше развивать и такую испытанную форму коллективного обсуждения актуальных проблем этнографической науки, совершенствования методологии и методики научных исследований, их координации и выработки практических рекомендаций, как всесоюзные конференции, совещания и школы-семинары по этнографии и этносоциологии.

Июньский Пленум ЦК КПСС нацелил партию и весь советский народ на дальнейший подъем идеологической, массово-политической работы, на осуществление величественной программы совершенствования развитого социализма. Этнографы не пожалеют усилий для выполнения этих задач.

Ю. В. Бромлей

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ *

В свете материалов июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС неизмеримо возрастают задачи общественных наук в разработке проблем всестороннего совершенствования развитого социализма. На это особое

* В основу статьи положен доклад, сделанный автором на Всесоюзной конференции «Современные этносоциальные процессы на селе и задачи их изучения в свете решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС» (Казань, 31 мая 1983 г.).

Внимание обратился в своей речи на Пленуме Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, указавший на необходимость решительного поворота обществоведов «к реальным, практическим задачам, которые ставят жизнь перед нашим обществом. Общественные науки, — подчеркнул он, — в такой же мере, как и естественные, должны стать эффективными помощниками партии и всего народа в решении этих задач»¹.

Призыв партии глубоко и всесторонне изучать то общество, в котором мы живем и трудимся, ориентирует этнографическую науку на активное участие в разработке проблем современности. Одной из важнейших среди них является проблема этнографического изучения современного села, которая приобрела особое значение в связи с Продовольственной программой партии.

Характеризуя этнографические, прежде всего этносоциальные аспекты изучения современного села, представляется целесообразным остановиться также на некоторых общих задачах нашей науки по изучению современности. Ведь этносоциальные процессы, происходящие ныне на селе, при всей своей специфике неразрывно связаны со многими другими сторонами современного этносоциального бытия социалистического общества.

Говоря о сегодняшних актуальных задачах нашей науки, нельзя не напомнить, что внимание к проблемам современности является доброй традицией советских этнографов. Изучение современных процессов в нашей стране прошло уже несколько этапов. На первом этапе оно концентрировалось на их культурно-бытовых аспектах. Серьезная работа в этой области проводилась еще в 1920—1930-е годы в связи с практическими задачами переустройства жизни народов отсталых в прошлом краев страны. В конце 30-х годов деятельность этнографов в данном направлении почти не развивалась. Усилившись вновь в конце 40-х годов, этнографическое изучение современной культуры и быта народов страны первоначально было несколько поверхностным, главным образом описательным. Более глубокий характер и широкий размах эти исследования приобрели в конце 50-х — первой половине 60-х годов. В это время был подготовлен и опубликован ряд монографий о культуре и быте колхозного крестьянства, в том числе такие, которые прочно вошли в научное достояние советской этнографии².

Одновременно была поставлена задача изучения быта рабочих, а затем и всего городского населения страны. Ранее считалось, что этнографы должны изучать лишь сельское население, поскольку урбанизация идет к стиранию этнической специфики. Урбанизация, как известно, отнюдь не означает полного исчезновения традиционных особенностей культуры и быта, но их выявление у городского населения сопряжено с немалыми трудностями методического характера. Это же относится и к раскрытию в целом этнической специфики народов, бытовая культура которых испытала значительное влияние промышленного развития. Однако по мере накопления опыта подобного рода трудности оказались в значительной мере преодоленными. Постепенно совершенствовалась методика исследований. Изучение сложных явлений современной жизни потребовало привлечения массового материала, обрабатываемого с помощью вычислительной техники.

Далее советские этнографы перешли к тематическому изучению отдельных аспектов современной бытовой культуры народов СССР. Это,

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 г. М.: Политиздат, 1983, с. 6.

² См. например: Село Вирятно в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XLI); Абрамзон С. М., Антипина И. И. и др. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVII); Терентьева Л. Н. Колхозное крестьянство Латвии. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LIX); Вардуган Д. С., Карапетян Э. Т. Семья и семейный быт колхозников Армении. Ереван, 1963; Яохина Л. А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Наука, 1964, и др.

в частности, позволило сделать более широкие выводы и обобщения¹ современных культурно-бытовых процессов, протекающих в среде колхозного крестьянства. В таком ключе в конце 60-х и в 70-е годы развинулись исследования в Белоруссии, Молдавии, на Украине, в Закарпатье, Поволжье, на Алтае и т.д.³

В целом этнографическое изучение колхозного крестьянства оказало действительную помощь в решении практических задач коммунистического строительства. Этнографы представляли в Госплан материалы, помогающие планировать снабжение различных районов СССР промышленными товарами с учетом национальных особенностей и потребностей населения (например, в отношении сортов, типов и расцветки тканей, готовой одежды, некоторых продовольственных товаров, предметов домашней утвари, мебели и т. д.). Участвовали этнографы также в выработке типов современного жилища применительно к национальным традициям народов и местным климатическим условиям различных зон нашей страны. Эта работа практически содействовала повышению жизненного уровня и удовлетворению потребностей населения. Полученные этнографами материалы были учтены и при создании проектов новых типов поселений и жилищ, выработке новой гражданской обрядности; они помогли развертыванию борьбы партийных, общественных и советских организаций с вредными пережитками прошлого.

Этнографическое изучение современности, однако, не ограничивалось исследованием культурно-бытовых процессов. Главное внимание в последнее время стало уделяться анализу современных этнических процессов в целом — многогранного явления, тесно сопряженного с самыми различными общественными сферами: от экономики до психологии. Культурно-бытовые изменения составляют лишь один из аспектов этих процессов. И каким бы важным ни был этот аспект для раскрытия характера современных этнических процессов, тем не менее очевидно, что одних данных о состоянии бытовой культуры далеко не достаточно для их всестороннего изучения. Известно, в частности, что этническое самосознание может формироваться и крепнуть независимо от степени сохранения традиционных компонентов бытовой культуры и даже наряду с их утратой. Вместе с тем, как показали исследования последних лет, в современных условиях профессиональная культура, превращаясь в достояние самых широких масс, оказывает более сильное влияние на этнические процессы, чем традиционно-бытовая культура, границы которой постепенно суживаются.

Значение этой проблематики для такого многонационального государства, каким является Советский Союз, трудно переоценить. Как отмечено в докладе Ю. В. Андропова на торжественном заседании, посвященном 60-летию образования Союза ССР, «успехи в решении национального вопроса отнюдь не означают, что исчезли все проблемы, которые порождает сам факт жизни и труда в рамках единого государства множества наций и народностей... Вот почему совершенствование развитого социализма... должно включать и продуманную, научно обоснованную национальную политику»⁴. Важность этой задачи была им вновь подчеркнута на июньском Пленуме ЦК КПСС⁵.

Все это обуславливает не только научную, но и практическую значимость развернувшегося в последние годы этнографического изучения этнических аспектов национальных процессов в СССР. Особое внимание при этом уделяется определению общих тенденций и главных направлений развития данных процессов в нашей стране за годы Советской вла-

³ См. например: *Кувеньова О. В.* Громадський побут українського селянства Київ, 1966; *Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани.* М.: Наука, 1967; *Культура и быт казахского колхозного аула.* Алма-Ата: Наука, 1967; *Тер-Саркисянц А. Е.* Современная семья у армян. По материалам сельских районов Армянской ССР. М.: Наука, 1972; *Бондарчик А. К., Соболенко Э. Р.* Новые явления в семейном быту сельского населения Белоруссии. М.: Наука, 1973, и др.

⁴ *Андропов Ю. В.* Шестьдесят лет СССР.— *Коммунист*, 1983, № 1, с. 6—7.

⁵ См.: *Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 г.*

Выделены основные, характерные типы таких процессов — этническая консолидация, этническая ассимиляция и межэтническая интеграция (сближение). Изучаются также особенности современных этнических процессов в отдельных регионах Советского Союза, механизм этих процессов.

Эти исследования осуществляются на основе этнографических наблюдений с широким привлечением статистических материалов и данных лингвистики. Они позволили, в частности, констатировать исчезновение прежней обособленности и замкнутости многих локальных этнографических групп внутри отдельных наций и народностей, выявить конкретные формы складывания новых общесоветских черт в бытовой культуре народов нашей страны. Заметно расширилось в рассматриваемый период изучение этнолингвистических компонентов этих процессов; положено начало исследованию их этнопсихологических аспектов.

Вместе с тем сопровождавшая этнографическое изучение современности разработка теории этноса позволила условно выделить в национальных общностях и национальных процессах две основные стороны: этническую и социально-экономическую. Соответственно нация стала характеризоваться как этносоциальная общность, а национальные процессы как этносоциальные. Разграничение в национальных явлениях двух основных сторон в свою очередь выдвинуло задачу изучения взаимосвязи и взаимодействия этнического и социально-экономического в рамках нации, в национальных процессах. Именно такого рода задача и осуществляется новой пограничной дисциплиной — этносоциологией современности⁶. Отметим, что целые разделы из таких работ, как «Социальное и национальное», «Опыт этносоциологического исследования образа жизни» и др. посвящены сельскому населению различных регионов, происходящим на селе социально-экономическим, демографическим, культурно-бытовым, этнолингвистическим процессам, сельской семье, проблеме сельских трудовых ресурсов и т. д.

Параллельно шло и собственно этнографическое изучение этих процессов, в центре которых находятся культурно-бытовые изменения, происходящие у народов нашей страны. Ныне важная особенность такого рода исследований — применение массовых анкетных опросов с последующей обработкой материалов на ЭВМ, в силу чего в методическом отношении подчас уже трудно провести четкие границы между этнографическими и этносоциологическими исследованиями.

Вместе с тем предпринимались шаги для комплексного изучения национальных процессов в СССР совместно с философами, историками партии, экономистами, правоведами и т. д. Одной из последних работ такого плана явилась недавно опубликованная книга «Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС».

В ходе этих исследований выявилась существенно более сложная картина этнического, национального развития, чем предполагалось. Наполненный при этом обширный материал прежде всего свидетельствует о том, что наряду с доминирующей тенденцией интернационализации всей общественной жизни народов нашей страны имеют место, а во многом и усиливаются; тенденции к дифференциации в экономических, социокультурных, демографических и других сферах. Не случайно Ю. В. Андропов, выступая на заседании Президиума Верховного Совета СССР 12 января 1983 г., обратил особое внимание на необходимость конкретнее и глубже учитывать национальную специфику при последовательном обеспечении подлинного равенства народов⁷.

Разумеется, равенство не является синонимом однородности, поскольку всегда действует множество факторов исторического, социально-экономического и природно-климатического характера, приводящих к различиям между народами. Между союзными и автономными республиками, а также автономными областями и, соответственно, нация-

⁶ Подробнее см.: Бромлей Ю. В. Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР. — Сов. этнография, 1983, № 2.

⁷ Правда, 13 января 1983 г.

ми и народностями легко обнаруживаются заметные расхождения таким важным показателям, как доля городских жителей, пропорция в развитии народного хозяйства, фондовооруженность работников, энерговооруженность труда, степень механизации сельского хозяйства, средний уровень образования населения. В течение значительного исторического периода этими показателями руководствовались при сравнении уровней социально-экономического развития народов. В настоящее время использование некоторых из таких показателей, казалось бы простых и убедительных, требует учета дополнительных критериев, иначе может сложиться неполное представление об уровнях развития народов. Даже такой показатель, как доля городского населения, не является символом уровня развитости. Если сельское хозяйство продвинуто в научно-техническом отношении, если при этом город с его многообразной социально-культурной инфраструктурой транспортно доступен в пределах маятниковой миграции сельского жителя, то проживание значительной части людей на селе никак не служит доказательством меньшего развития. Об уровне социально-экономического развития наций и народностей в гораздо большей степени свидетельствуют такие, например, показатели, как суммарный реальный доход социально-профессиональных групп населения с учетом поступлений от рыночных продаж и доходов от труда вне сферы общественного производства; доля лиц с высшим, средним специальным и полным средним образованием по возрастным когортам; плотность и временная доступность сетей транспортного и бытового обслуживания и т. д.

Касаясь вопроса о национальных аспектах обеспечения подлинного равенства, нельзя не напомнить о поставленной XXVI съездом КПСС задаче последовательного осуществления этого принципа в отношении представителей некоренных национальностей, проживающих во всех наших республиках. При этом речь идет о все возрастающей доле их в населении страны. Так, в 1979 г. число лиц, не являющихся коренными жителями союзных и автономных республик, составляло 55 млн. чел. (почти 20% населения страны). У них, как подчеркивалось на съезде, есть свои специфические запросы в области языка, культуры и быта. И наша задача, задача этнографов — изучать такого рода запросы; это, разумеется, относится не только к городскому, но и к сельскому населению некоренных национальностей.

Одной из серьезных проблем, актуальность которых возрастает в последние годы, является демографическая ситуация, сложившаяся в большинстве областей страны, особенно в Европейской части СССР, у русских, украинцев, белорусов, прибалтийских и некоторых других народов. У этих народов в настоящее время уже вполне определился — и в городе, и в селе — переход к семье с одним-двумя детьми. Сравнительно удовлетворительная картина воспроизводства населения в целом по СССР создается за счет коренных народов Средней Азии, казахов, азербайджанцев, темпы прироста которых в три раза выше, чем средне-союзные. Достаточно сказать, например, что с 1970 по 1979 г. среднегодовой прирост узбеков составил 362 тыс., а украинцев — 177 тыс. человек. В результате за период 1959—1979 гг. доля народов славянской языковой группы снизилась с 77,1 до 72,8%, а тюркоязычной группы возросла с 11,1 до 15,2%.

Столь сильное изменение национальной структуры уже в настоящее время порождает некоторые социально-экономические проблемы. Почти все быстро растущие в численности тюркские народы, а также таджики, остаются преимущественно сельскими жителями: на 1979 г. горожан среди узбеков было менее 30%, среди киргизов — менее 20% и т. п. Приверженность к сельскому образу жизни, ко многим старым обычаям, а также недостаточное знание русского языка как основного языка межнационального общения препятствуют их миграции в города, несмотря на неполную занятость в сельском хозяйстве (за последние 20 лет численность сельского населения в Средней Азии увеличилась на 70%, а в республиках Европейской части СССР уменьшилась на 22%).

Следует иметь в виду, что демографические процессы приобрели значительную инерционность, преодолевать которую с каждым годом будет все труднее. Вместе с тем, как отмечал в своем докладе на июньском Пленуме ЦК КПСС К. У. Черненко, привлечь и направить резервы трудовых ресурсов в те места, где они особенно сейчас необходимы, «удастся пока не в полной мере»⁸. В реальной оценке возможностей перемещения мигрантов в трудонедостаточные районы республик и за их пределы, а также в изучении тех условий, которые могут способствовать их адаптации на новых местах, этнографы и этносоциологи должны принять самое деятельное участие. Но если возможность миграций в действительно широких масштабах требует дополнительного экспериментального изучения, то целесообразность особой заботы о людских ресурсах в трудонедостаточных районах очевидна.

Принятые на основе решений XXVI съезда КПСС меры дополнительной помощи семьям при рождении второго — третьего ребенка несомненно сыграют стимулирующую роль. И все же они не могут существенно изменить динамику рождаемости у славянских и прибалтийских народов. Необходима дальнейшая разработка системы мер, стимулирующих повышение рождаемости вообще и у этих народов в особенности.

Для понимания современных этносоциальных и этнодемографических процессов на селе существенно также учитывать различия между национальностями, которые имеют место в семейно-бытовой сфере. Дело в том, что, как свидетельствуют проведенные исследования, преодоление общих социальных различий между нациями в уровне образования и структуре занятий не нашло пока полного соответствия в изменениях в семейной жизни. Более того, различия в размере семьи между нациями, как уже говорилось, увеличились.

То, что семья как социальная ячейка сравнительно устойчиво сохраняет и выражает исторически утвердившиеся этнические черты, отражается на всей системе внутрисемейных отношений и супругов, и родителей с детьми. Естественно, национально-региональные особенности не могут не учитываться и в развитии общественных форм воспитания детей, и в регулировании семейных отношений. С проблемами семьи органически связано не только естественное, но и механическое движение населения. Институт семьи занимает важное место в системе ценностных ориентаций, в известной мере детерминирует социальное поведение народов. Ослабление семейных уз родителей и детей способствует миграциям у народов Прибалтики, русских, украинцев, белорусов. С другой стороны, сохранение некоторых элементов архаических отношений, в частности, в селах Средней Азии, сдерживает перемещения населения как межрегиональные, так и внутрирегиональные, между городом и селом. Придавая важное значение разработке проблем семьи, Институт этнографий АН СССР в настоящее время подготавливает специальный сводный труд «Семья у народов СССР».

Результаты этнографических и этносоциологических исследований, изложенные в ряде монографий и статей, убедительно показывают, что продолжается интенсивная интернационализация всех сторон жизнедеятельности сельской семьи. Вместе с тем отмечаются неравномерность и специфические особенности протекания этого процесса в различных этносоциальных средах. В частности, условия в сельской местности в известной мере ограничивают возможности широких межличностных контактов: влияние общественного мнения на селе, как правило, высоко, и эффективность социального контроля большая, чем в городе; члены семьи часто работают в одном коллективе, их производственные и семейные интересы совпадают.

Кроме того, сельская семья в значительной степени продолжает сохранять свою производственную функцию, которая связана с работой в личном подсобном хозяйстве. Все это делает сельскую семью более

⁸ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 года, с. 59.

замкнутой, чем городская семья, более устойчиво сохраняющей традиционные нормы в сфере семейно-бытовых отношений. Данные исследований фиксируют эти различия между городом и селом практически во всех сферах семейной жизни, хотя общая тенденция заключается в сближении характеристик сельской и городской семьи, особенно в сравнительно молодых возрастных группах населения, обладающих более высокими квалификацией и социально-профессиональным статусом.

Но эту тенденцию не следует интерпретировать слишком упрощенно как копирование современной сельской семьей эволюции городской семьи. Надо помнить, что хотя сельская семья меняется под воздействием тех же социальных факторов (прежде всего урбанизации в широком смысле этого слова), происходит это в совершенно иных социально-культурных условиях. Соответственно можно предполагать, что и конечный результат будет несколько иным, что в большей степени сохранятся достоинства современной сельской семьи: ее стабильность, уважительное отношение к старшим, эффективность трудового воспитания детей и другие.

При все возрастающем сходстве жизни семьи у всех народов, особенно ощутимо проявляющемся в семьях работников умственного и высококвалифицированного физического труда, именно в семейно-бытовой сфере наблюдаются и наибольшие национальные различия. Это, например, выражается в более строгом соблюдении норм почитания родителей и старших родственников у народов Кавказа и Средней Азии и приблизительно одинаковой распространенности этих норм среди различных возрастных групп. Несмотря на то, что у народов Средней Азии существенно изменились взгляды на роль женщины в обществе и семье, здесь все же заметнее сохраняется разделение домашних обязанностей на мужские и женские, чаще встречается свой стиль взаимоотношений в семье даже у представителей умственного труда. У народов Кавказа и Средней Азии строже соблюдаются семейные обычаи и обряды.

Особое внимание следует обратить на значительные различия в трудовых навыках народов нашей страны и на необходимость учитывать этот факт при решении проблем, связанных с размещением и развитием отраслей народного хозяйства. В рамках национальных культур сложился и стал их важной составной частью своеобразный опыт трудовой деятельности, способствующий высокой результативности в одних обстоятельствах и менее благоприятствующий в других. Если быть рачительными хозяевами, то целесообразно беречь и применять на деле ценные трудовые навыки, накопленные многими поколениями.

К сожалению, хозяйственные органы, занимаясь планированием, недостаточно учитывают значение национального трудового опыта при размещении и развитии производства. Это неизбежно сказывается на эффективности последнего, качестве продукции, сроках освоения производственных мощностей, которые в ряде случаев превосходят сроки морального износа оборудования и т. д.

Как подчеркнул Ю. В. Андропов в докладе «Шестьдесят лет СССР», «Современные производительные силы требуют интеграции даже тогда, когда речь идет о разных странах. Тем более они требуют тесного и умелого соединения усилий различных регионов и республик в одной и той же стране. Наиболее разумное использование природных и трудовых ресурсов, климатических особенностей каждой республики, наиболее рациональное включение этого потенциала в общесоюзный, — вот что принесет наибольшую выгоду каждому региону, каждой нации и народности, равно как и всему государству»⁹.

Следует иметь в виду, в частности, то обстоятельство, что в старых культурных и промышленных центрах (преимущественно в РСФСР и Прибалтике), где особенно велика доля образованной молодежи, одновременно наиболее высоки показатели морального износа оборудования, устарела отраслевая структура народного хозяйства. Местная мо-

⁹ Коммунист, 1983, № 1, с. 7.

Прежде не всегда получает здесь привлеченную для себя работу. Вместе с тем для построенных в ряде национальных республик (особенно в Средней Азии) новейших предприятий с высокопрогрессивным оборудованием местная рабочая сила оказалась неподготовленной, приходится использовать работников из РСФСР, особенно с Урала. Все эти трудности — результат недостаточного учета местных особенностей трудовых ресурсов, в том числе их национальной специфики, прежде всего — трудовых навыков и традиций.

Таким образом возникает сложная, во многом противоречивая задача: с одной стороны, нужно знать и учитывать национальные и региональные (внутринациональные) особенности трудового поведения населения при планировании инвестиций в народное хозяйство, размещения и развития производства, а с другой — надо строить зачастую вопреки готовности населения, для чего нужно не только учитывать навыки и традиции, сложившиеся стереотипы производственного поведения, но и направленно изменять их. Необходимо развернуть соответствующие исследования для решения данных проблем¹⁰.

В связи с проблемой трудовых навыков и традиций и их роли в развитии экономики встает вопрос о задачах этнографии в сбережении информации об элементах производственной культуры (орудия и предметы труда, способы обращения с ними, методы их изготовления, типы конструкций и др.). Опыт показывает, что современные технологии периодически испытывают дефицит подобной информации, и то, что вчера казалось ушедшим в далекое прошлое, сегодня вновь становится общественной потребностью — разумеется в преобразованном виде.

Этнографам непременно следует учитывать и процесс сближения физического и умственного труда не только в городе, но и на селе, притом сближения, происходящего прежде всего путем все большей интеллектуализации труда, связанного с производством материальных ценностей. Еще в дореволюционные годы В. И. Ленин с особой теплотой говорил о передовых рабочих, сочетавших революционность и подлинную образованность. Он называл их интеллигентными рабочими¹¹. Ныне, в век научно-технической революции, в эпоху развитого социализма перед нами стоит задача сделать массовым, всеобщим тип интеллигентного работника. Только такой работник в состоянии эффективно трудиться в современном высокоразвитом производстве, как промышленном, так и сельскохозяйственном.

Не является секретом то обстоятельство, что многие трудности, которые испытывает экономика нашей страны в последние годы, сложности перехода к интенсивным формам хозяйствования сопряжены с недостаточностью общекультурного и профессионально-квалификационного уровня работников в народном хозяйстве. Задачи, поставленные в связи с этим, грандиозны, и решение их потребует немалого времени. Ибо речь идет не о школьных годах обучения, а о восприятии той городской индустриальной культуры, овладение которой требует усилий поколений. Не случайно К. Маркс отмечал, что «историческое предназначение капитала будет выполнено тогда, когда... всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения...»¹². Известно, что по большей части народы СССР не знали этой череды поколений, прошедших школу дисциплины капитала. И аналогичная историческая задача поэтому выпала у нас на долю социализма, который тоже не может решить ее в короткие исторические сроки, хотя это и происходит неизмеримо быстрее, чем при капитализме.

¹⁰ Подробнее см.: Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. Национальные трудовые традиции — важный фактор интенсификации производства. — Социологические исследования, 1983, № 2.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 268—269.

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 280.

Все мы прекрасно знаем и многократно высказывания В. И. на о насущнейшей необходимости приобщения к высотам культуры привития культурных навыков каждому труженику.

Проблема эта многосторонняя. Во-первых, нужно обеспечить каждому работнику получение производственно-необходимого образования, дающего возможность результативно выполнять основные функции в труде. Традиционно навыки сельского труда передавались по наследству, от поколения к поколению через институты патриархальной семьи и соседской общины. Подобное было возможно, пока труд крестьянина оставался функционально мало расчлененным, пока список сельских профессий был беден и устойчив во времени и пространстве. Ныне мировой опыт показывает, что высокую продуктивность сельского хозяйства может обеспечить только работник с таким же образовательным цензом, как городской рабочий. На этого работника приходится (по стоимости) не меньше основных фондов, чем на горожанина, его труд основательно энерговооружен и достаточно разнообразен, особенно в агропромышленных комплексах. Такова общая перспективная «модель».

Однако было бы опаснейшим заблуждением ограничиться ею. Сельское хозяйство всегда было и будет связано с характером природной среды. А следовательно высокоценным является сбережение и воспроизводство в национальной культуре накопленных этносами способов использования естественных средств жизни. Эти культурные трудовые традиции важны и в экономическом, и в нравственном отношениях. Они способствуют воспитанию патриотизма, чувства приверженности к родной земле. Но передача этого культурного наследия традиционными путями все реже становится возможной. При современном образе жизни не столько семья и соседство, сколько специализированные институты обучения и воспитания могут обеспечить сбережение и передачу этой драгоценной информации. А отсюда следует, что общая «модель» высокообразованного интеллигентного сельского труженика с необходимостью включает систематическое знание традиций труда и производства. Здесь-то мы видим важную конструктивную роль этнографического знания, которое способно систематизировать, обобщить и донести до каждого этот опыт, показать, что, где, когда и как производили на своей земле наши предки. Надо использовать для этого и выступления по телевидению и радио, и обмен знаниями с хозяйственниками. При этом не следует ждать, пока к нам обратятся за консультациями, нужно самим активнее вступать в контакты с местными учреждениями, от которых зависит применение трудовых традиций в современном производстве.

Характеризуя традиции в использовании естественных средств жизни, обычно ссылаются на народы Севера. Но не менее показательны в этом отношении и другие народы, другие регионы. На Кавказе, например, ведущей отраслью сельского хозяйства в горных районах исконно являлось отгонное скотоводство, базировавшееся на великолепных альпийских пастбищах, которые, по оценкам специалистов, были в состоянии прокормить более миллиона голов скота только в пределах Северного Кавказа. При этом скот здесь можно содержать на подножном корму с апреля-мая по сентябрь-октябрь включительно. Затем отары овец перегоняли на прилегающие к горам равнинные пастбища: на Северном Кавказе — в Кизлярские и Ставропольские степи, а в Закавказье — в междуречье Куры и Аракса, в Мильскую и Карабахскую степи и в приморские районы (крупный рогатый скот на большие расстояния обычно не гоняли, выпасая его поблизости от селений).

В советские годы общий объем скотоводства в крае значительно сократился в связи с массовым переселением горцев на равнину. Для такого переселения были веские причины: горцы страдали от малоземелья, отсутствия дорог и транспортных связей с городскими и культурными центрами. В послевоенный период процесс переселения получил еще больший размах вследствие разделения селений на перспективные и не-

перспективные, что привело к почти полному запустению ряда мест горной полосы Кавказа (исключение составляют Дагестан и некоторые районы Грузии, в частности Сванетия). Такая политика в области сельского расселения в общеисторической перспективе безусловно оправдана, однако сейчас искусственное форсирование ее может привести к дальнейшему резкому снижению поголовья скота в регионе. Между тем, задача в настоящее время состоит скорее всего в обратном, в закреплении в горах оставшегося еще там сравнительно немногочисленного населения (в первую очередь молодежи). Только так можно сохранить многовековой опыт выпаса скота в экстремальных, по сути дела, условиях горного края. Возможности для этого есть. В большинстве горных районов проложены дороги (на что, кстати, в свое время были истрачены немалые средства), связавшие селения с районными, областными и республиканскими центрами. По этим дорогам можно без больших потерь перегонять сезонно скот с равнин в горы и обратно, что в ряде случаев уже осуществляется местными колхозами.

Важным вопросом социально-экономического развития СССР на современном этапе и в ближайшей перспективе является управление процессами развития сети поселений, как городских, так и сельских, включая создание агропромышленных комплексов. Дело в том, что ее проектирование осуществляется преимущественно на базе единой модели формирования групповых систем без должного учета этнокультурных особенностей, сложившихся на протяжении веков под влиянием специфических исторических, социально-экономических и природных условий. Поэтому в перспективе целесообразно при разработке проектов расселения учитывать данные этнографической науки, которые мы должны донести до проектирующих организаций.

Серьезное внимание следует уделить особенностям современных этнических процессов в городской и сельской среде. В большинстве городов этническая мозаичность населения высока, процессы разносторонней интернационализации протекают наиболее интенсивно, что сочетается с развитием профессиональных форм культуры народов и национального самосознания. В селах же сохраняется преимущественно моноэтнический состав населения, который с течением времени становится все более выраженным; село остается в какой-то мере центром традиционно-этнического, в связи с чем процессы интернационализации здесь бесспорно имеют свою специфику, и это не может не учитываться в управлении национальными процессами.

Такого рода специфика относится не только к производственной, о чем речь шла выше, но и к бытовой культуре. В частности, стало уже тривиальным в теоретическом плане, хотя на практике далеко не всегда реализуемым, требование учета этнических традиций в сельской архитектуре, обеспечении сельского населения определенными — этнически-специфическими товарами и т. п. Сказанное относится в известной мере и к культуре досуга. В качестве основной причины неудовлетворенности сельского населения возможностями проведения досуга еще сравнительно недавно называли тот факт, что мощной и развитой городской культурной индустрии село может противопоставить лишь клуб, библиотеку и школу. Несомненно, во многих случаях это обстоятельство дает о себе знать и сегодня. Однако нельзя не учитывать и того, что культурная жизнь села находится в состоянии быстрого развития, и уровень удовлетворенности культурных потребностей его населения в конце 60-х и в начале 80-х годов далеко не одинаков. Это обусловлено прежде всего тем, что на современном этапе разветвленная телесеть, охватывающая $\frac{3}{4}$ сельского населения, в значительной степени восполнила ту острую нехватку культурной информации развлекательного характера, которую еще совсем недавно ощущал сельский житель. И это, надо сказать, сыграло немалую роль в повышенной притягательности для него (особенно для сельской молодежи) городского образа жизни. Но, конечно, и сегодня должна приниматься во внимание национальная специфика той профессиональной культуры, которая поступает в село через

вые каналы средств массовой информации, главным образом радио и телевидение. Об этом убедительно свидетельствуют данные специальных обследований, показывающие наиболее устойчивую приверженность сельского населения к национальным формам художественной культуры. Вместе с тем значимость для человека художественной культуры, как известно, не исчерпывается лишь ее пассивным потреблением, использованием только в целях так называемой проективной разрядки. Хотя это само по себе существенно, но у людей есть еще потребность в активном творчестве, прежде всего художественном. И удовлетворение этой потребности сельских жителей (особенно молодежи) — немаловажный фактор для того, чтобы сделать содержательным их досуг. При этом, несомненно, следует учитывать этническую специфику художественных традиций. Само собой разумеется также, что традиции народного творчества — неиссякаемый источник развития современных художественных промыслов, в чем селу (в первую очередь агропромышленным комплексам) должна принадлежать далеко не последняя роль.

Наконец, есть еще один вид традиций, традиций психологического характера, о которых, очевидно, не следует забывать, когда речь идет о современном селе. Имею в виду присущее всем народам представление об определенных достоинствах сельского образа жизни, которые в наши дни, в условиях суперурбанизации, становятся все более очевидными большинству горожан. О росте престижности сельского образа жизни свидетельствует, в частности, тот факт, что в отдельных республиках уже сегодня конкурс в сельскохозяйственные вузы выше, чем в институты индустриального профиля. Но «вечный зов» природы, эта издавна присущая человеку тяга к трудовому общению с ней у каждого народа имеет свою традиционную этническую специфику. И ее надо непременно принимать во внимание, в том числе при разработке проблем этнопедагогики.

Важной стороной деятельности этнографов является исследование этнолингвистических процессов. Языковая политика имеет не только социально-культурное, но и производственное значение. За годы Советской власти в нашей стране, как известно, получило интенсивное развитие и распространение национально-русское двуязычие. Русский язык ныне — необходимое средство межнационального общения для всех народов СССР. В условиях совершенствования развитого социализма эта функция русского языка приобретает особую актуальность, возрастает роль его углубленного изучения наряду с родным языком, и дальнейшего распространения на добровольных началах как языка взаимообогащения и сотрудничества народов СССР. Это обусловлено прежде всего потребностями развития производительных сил нашего многонационального государства. Настоятельная необходимость все более тесного соединения хозяйственных усилий всех республик, всех наций и народностей страны придает особое значение языку межнационального общения, выступающему важнейшим каналом передачи научно-технической информации, как и всех других знаний, накопленных обществом. Расширение роли русского языка в межнациональном общении тем более важно, что в силу неравномерности естественного прироста населения в разных регионах страны для ее экономического развития существенно усиливается значение межреспубликанского обмена трудовыми ресурсами. Растет многонациональность республик, все большее распространение получают многонациональные трудовые коллективы, особенно при осуществлении крупных народнохозяйственных программ. В частности, как уже говорилось, недостаточное владение русским языком заметно тормозит миграцию в города жителей сел в тех регионах страны, где сельское население является избыточным.

Свободное владение русским языком всеми гражданами СССР вместе с тем призвано обеспечить дальнейшее, более глубокое, приобщение каждого народа к культурным достижениям всех других народов страны и к мировой культуре. Слабое знание русского языка, как отмечалось на июньском Пленуме ЦК КПСС, «ограничивает доступ человеку

к богатствам интернациональной культуры, сужает круг его деятельности и общения»¹³. Важнейшая функция языка межнационального общения — способствовать усилению единства духовной жизни народов нашей страны, их братской дружбы, еще большему идейно-политическому упрочению новой исторической общности — советского народа.

Распространение русского языка как языка межнационального общения заметно продвинулось за последнее время. За два десятилетия между переписями 1959 и 1979 гг. число лиц, свободно владеющих русским языком, возросло с 76 до 82% всего населения страны. И все же до сих пор примерно 40% граждан СССР нерусской национальности не владеет свободно русским языком (в отдельных республиках процент таких лиц превышает половину их коренного населения). Более того, в некоторых республиках молодежь знает русский язык хуже, чем люди среднего поколения. Поэтому по-прежнему остаются актуальными задачи дальнейшего распространения и качественного улучшения знания русского языка, особенно в сельских районах Средней Азии, Закавказья, Молдавии.

Между тем в стране не только ощущается насущная необходимость в кардинальных сдвигах в распространении русского языка среди нерусского населения, но и сложились необходимые языково-культурные предпосылки для этого. Осуществление ленинской национальной политики, приведшее к расцвету национальных языков, обусловило небывалый рост культурного уровня всех народов страны; значительно усилилась в их духовной жизни роль средств массовой информации, в том числе функционирующих на языке межнационального общения. Все это существенно облегчает качественное освоение русского языка гражданами СССР нерусской национальности.

Установлено, что важнейшим фактором распространения национально-русского двуязычия является этническая среда. Рост полиэтничности состава трудовых коллективов и территориальных общностей приводит к расширению практики межнационального общения с помощью русского языка. Вместе с тем в ходе исследований выявилась определенная неравномерность процесса увеличения многонациональности республик. Дело в том, что за последние 20 лет около 5 млн. русских переселилось за пределы РСФСР, однако в некоторых республиках (главным образом южных) их доля сократилась либо относительно, либо даже абсолютно. Это несомненно повлечет за собой падение стимулирующей роли среды в распространении и особенно в функционировании русского языка.

Эти обстоятельства учитываются в принятом недавно Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дополнительных мерах по улучшению изучения русского языка в общеобразовательных школах и других учебных заведениях союзных республик. Намечен комплекс мероприятий, направленных на создание условий, облегчающих населению национальных республик изучение русского языка, обеспечивающих высокий уровень подготовки соответствующих преподавателей, повышение их квалификации.

Другой аспект языковой проблемы связан с приобщением русских и лиц других некоренных национальностей к языкам коренных жителей республик. Это улучшает межличностные национальные отношения.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду особо подчеркнуты значение дальнейшего укрепления братской дружбы народов СССР, воспитания трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма. Реализация этой установки XXVI съезда КПСС требует внимательного изучения психологических аспектов национальных процессов, в том числе и межличностных отношений. Например, то обстоятельство, что национальное самосознание формируется в дихотомии «мы — они», т. е. сквозь призму «своих» культурных ценностей, вызывает необходимость в развернутой и многообразной (телевизионной,

¹³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 года, с. 59—60.

литературной, музейной и т. п.) пропаганде этнографических знаний о характерных чертах культуры разных народов, особенно соседних.

Развитие социалистических наций, новые условия их взаимодействия, когда они выступают равными не только по своим правам, но и по реальному социально-экономическому положению, делает необходимым постоянное совершенствование идеологической работы. Активная пропаганда успехов республик и народов, особенно в прошлом отсталых в своем развитии, должна сочетаться с показом реальной (практической) заинтересованности их в тесных контактах и сплочении.

Судя по материалам этносоциологических исследований, в некоторых случаях на национальную почву может переноситься ощущение каких-то нереализованных ожиданий в конкретных жизненных ситуациях, чаще всего связанных с трудовой карьерой. Меры идеологического воздействия не все могут здесь решить. Предупреждение нежелательных явлений в межнациональном общении зависит от регулирования социальных проблем, актуальных для современного этапа развития общества, соотношения спроса и предложения на конкретные виды труда, профессиональной ориентации молодежи, в ряде районов — от дальнейшего расширения жилищного строительства, улучшения коммунального обслуживания. Как отмечал Ю. В. Андропов в докладе «Шестьдесят лет СССР», для борьбы с негативными явлениями в области национальных отношений «важно все — и отношение к языку, и к памятникам прошлого, и трактовка исторических событий, и то, как мы преобразуем села и города, воздействуем на условия труда и жизни людей»¹⁴.

Сказывается на национальных отношениях и определенная противоречивость этнокультурных традиций. «Надо помнить, — подчеркивал Ю. В. Андропов, — что в духовном наследии, традициях, в быту каждой нации есть не только хорошее, но и плохое, отжившее. И отсюда еще одна задача — не консервировать это плохое, а освободиться от всего, что устарело, что идет вразрез с нормами советского общежития, социалистической нравственности, с нашими коммунистическими идеалами»¹⁵. В данной связи значительные задачи стоят перед этнографической наукой в области борьбы с религиозными пережитками. Это особенно важно в настоящее время, когда многие религиозные явления маскируются и выдаются за национальные обряды и обычаи.

Ощущается острая необходимость фундаментального изучения социальных, идеологических и других последствий развития новой обрядности в СССР. Новая обрядность, социалистическая и материалистическая по своему идейному содержанию, яркая и торжественная по форме, получает все большее распространение в общественном, семейном и индивидуальном быту всех народов нашего Отечества. Обряды превратились в неотъемлемый компонент советского образа жизни и играют все возрастающую роль в общественном сознании людей.

Однако новая обрядность нередко служит ширмой для возрождения мещанских, мелкобуржуазных и других обычаев и традиций. Повышение уровня жизни, которое должно приводить к дальнейшему совершенствованию социалистических черт образа жизни, реализуется в этих случаях в деформации социалистических нравов и обычаев. Пышные свадьбы, поминки, юбилеи и т. д. широкой волной захлестнули первоначально южные районы — республики Закавказья и Средней Азии, — а в настоящее время, как показывают наблюдения этнографов, все более распространяются и в северных регионах, включая основные области проживания русского народа.

Эти дорогостоящие обычаи нежелательны, по крайней мере, в двух отношениях: во-первых, они отвлекают от ритма трудовой жизни, отнимают много времени и сил, приводят, по сути дела, к уничтожению значительных материальных ценностей (это в первую очередь связано с излишествами в потреблении продуктов питания); во-вторых, они вредны идеологически, так как в них самым пошлым образом используют

¹⁴ Коммунист, 1983, № 1, с. 8.

¹⁵ Там же.

и элементы общесоветской социалистической обрядности (посещение эргон для советских людей мест и т. д.) в чудовищном сочетании с уждыми социализму, мещанскими по целевой функции обрядами. Другими словами, псевдоидейность отдельных элементов служит как бы правданием мещанской сущности этих обычаев, фактически заменив их традиционные для мещанской среды в прошлом церковные обряды. Обрбу с этими явлениями можно вести только на основе точного этнографического знания подлинно народных обычаев и обрядов, развивая и совершенствуя в русле общесоветской традиции.

В этой статье затронуты лишь некоторые проблемы современности, настоятельно требующие внимания советских этнографов. Отнюдь не претендуя на исчерпывающую характеристику этих проблем, представлялось существенным показать, что в свете задач, выдвигаемых партией на современном этапе перед общественными науками, особенно очевидна необходимость повышения практической роли этнографии, усиления ее конструктивных управленческих функций, в том числе в разработке сельской проблематики. Надо, чтобы прогрессивный опыт народа стал достоянием писателей, архитекторов, художников. Это поможет ликвидировать разноречие в выработке новых обрядов, проектов сельских домов, а также избежать огульного отрицания традиционных элементов быта. Этнографы могут принять участие в общественном регулировании производства предметов быта. Ведь все более очевидной становится необходимость учета этнической специфики во всех социальных мероприятиях, связанных с дальнейшим совершенствованием народного социализма, особенно тех, которые относятся к современному делу. При этом представляется также важным иметь в виду, что повышение практического значения этнографических исследований в решении современных задач невозможно без совершенствования всех сторон этих исследований — методологических, методических, организационных и т. д. От установления статистических зависимостей, позволяющих ориентироваться в причинах полученных результатов, следует все больше переходить к изучению самого механизма исследуемых процессов; от изучения различных сторон жизнедеятельности этносов-народов — к их исследованию как целостного объекта; от описания — к объяснению. Только при таком общем подходе этнографическая наука может внести свой весомый вклад в изучение современной сельской проблематики.

Н. П. Колпакова

О ЖАНРОВОЙ И СЮЖЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ БЫТОВОЙ ПЕСНИ

Любой материал, в том числе и народно-песенный, может быть классифицирован и исследован в различных аспектах в зависимости от цели, которая при этом преследуется. У нас еще нет достаточного количества вспомогательных описаний, справочников, указателей, каталогов, работ по систематизации как фольклорного, так и этнографического материала, которые помогали бы исследователям и широкому кругу читателей свободно ориентироваться в богатом национальном народном поэтическом творчестве хотя бы в пределах его основных, наиболее крупных жанров. Особенно сложно обстоит дело с народной песней.

Если русские былины, исторические песни, сказки и предания, т. е. жанры повествовательные, можно как-то сопоставить по тематике, сюжетике, художественным средствам с эпическими и повествовательными

ми жанрами других народов благодаря соответствующим международным указателям (что уже частично и сделано)¹, то международного справочника (указателя, каталога) по жанрам, темам, сюжетам и текстам традиционных народных бытовых песен нет². Это, очевидно, не случайно—возможно, что его и нельзя создать. Общеизвестное изречение «песня — душа народа» говорит о том, что песня каждого народа — значительно более индивидуальна, чем героический эпос или сказка, поскольку она повсюду рождалась и развивалась в особо тесной связи с национальными особенностями истории, быта и культуры создавшего ее этноса. В частности, одной из наиболее характерных черт текстов русской народной традиционной песни является своеобразие композиционного облика: она захватывает не грандиозностью развертываемых картин, как былины, и не занимательностью повествования, как сказка; в ней зачастую нет никакого сюжета. Ее сила в глубокой эмоциональности, в обаянии поэтических сопоставлений и красочных языковых средств, в пластике лирических образов, где красота народно-поэтического слова подкрепляется выразительностью напева. Все это имеет свое особое национальное выражение, свою особую структуру и художественные приемы. Обобщения и подгонка под одну мерку для какого-либо международного каталога или указателя тут вряд ли возможны. Поэтому исследователь, желая нарисовать общую картину русской традиционной песенности, едва ли сможет при этом сослаться на опыты ученых, систематизирующих песенные богатства своих народов, выросшие на иной, чем русская, национальной традиции; в свою очередь ученым, занимающимся другими народами, русское исследование в этом плане, вероятно, не могло бы помочь.

Многолетний опыт по собиранию и изучению народных песен закономерно привел автора данной статьи к желанию, не претендуя на широкие, тем более международные масштабы своей работы, на материалы русского песенного фольклора выработать какие-то принципы систематизации песенных текстов; иными словами, составить ориентировочный жанровый и сюжетно-тематический указатель русских народных песенных текстов. Такое описание (или указатель) в любой форме и даже на самой предварительной ступени разработки материала могло бы служить и фольклористам, и широким кругам любителей народной поэзии. Оно было бы нужно прежде всего для того, чтобы на конкретном материале уточнить взаимосвязь песни с народным бытом и выявить национальную специфику в жанрах и темах русского традиционного песенно-поэтического творчества; оно могло бы облегчить исследователям возможность сравнивать русскую песню с песней других народов и, сопоставляя, наблюдать жанровую и сюжетно-тематическую общность и различия в их устной народно-поэтической традиции, прежде всего в песенной традиции соседей-славян. Наконец, его можно было бы использовать при выяснении истории публикации, географического распространения, разночтений, степени популярности того или иного песенного текста. Словом, такой указатель, содержа в себе разнообразные фактические данные, мог бы служить многим различным целям при изучении русской народной песни.

В качестве первой попытки подобного рода автором данной статьи был составлен такой указатель. Вначале были просмотрены наиболее фундаментальные текстовые и музыкальные сборники, своды-антологии тематические и областные сборники народных песен XVIII—XX вв., а

¹ См. Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1960; Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971; Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970; Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. Баран Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. Н., Новиков Н. В. Под ред. Чистова К. В. Л.: Наука, 1979, и др.

² В данной работе речь идет не о песне как музыкально-поэтическом комплексе а о песенных текстах, представляющих собой самостоятельный огромный раздел словесного народно-поэтического творчества. Эпические жанры (былины, баллады и др.) в рассмотрении не входят

как же значительное число неопубликованных архивных материалов, собранных многочисленными экспедициями в различных районах СССР. Все это в общей сложности дало около 40 000 народно-песенных текстов.

Уже в самом начале работы, естественно, встал целый ряд принципиальных вопросов, которые нужно было выяснить прежде, чем приступать к систематизации материала. Потребовалось и уточнить некоторые положения, ставшие традиционными для нашей фольклористики.

Издавна принято считать, что русских народных традиционных песен очень много. Действительно, репертуар их, понимаемый как комплекс повседневных бытовых народно-поэтических произведений, веками существовавших в обиходе русского народа, огромен, разнообразен и очень сложен. Однако следует помнить, что впечатление необъятности и пестроты этого репертуара в значительной степени обусловлено громадным числом песенных вариантов, возникших в различных районах за долгое время. Бесспорно, каждый вариант может быть рассмотрен как относительно самостоятельное художественное произведение; но при этом он все-таки является вариантом, т. е. одним из разночтений какого-то известного текста. При работе над создававшимся указателем общие черты таких разночтений стали очевидными уже при самом первоначальном рассмотрении и учете материала и составлении рабочей картотеки; поэтому в процессе работы над этой картотеккой оказалось возможным объединить многие песенные тексты-варианты в группы по признаку их общих основных сюжетных, эмоциональных и художественных контуров. Это сразу внесло известную организованность в общую массу собранного материала.

Составление рабочей картотеки явилось одним из самых первых этапов работы. Это была еще не систематизация материала, но необходимая подготовка к ней. Для каждой песни выделялась карточка с аннотацией и библиографией (в хронологической последовательности использованных источников), с первой строкой — зачином каждого используемого в библиографии текста. Это последнее представлялось очень существенным, так как давало понятие об устойчивости (или, наоборот, способности к изменению) зачина данного текста в зависимости от времени и места записи. (Случалось, что в 10 вариантах одной и той же песни на карточке стояло до 10 различных зачинов.) При подборе библиографии особенно внимательно учитывались источники, включающие материал различных географических районов и записи разных лет: это выявляло картину бытования песни. Для большего удобства исследователей материал — особенно из редких и малодоступных источников — повсюду, где возможно, давался с дополнительной ссылкой на перепечатку его в общезвестном семитомном своде А. И. Соболевского³.

Когда все учтенные песенные тексты были разнесены на карточки, совершенно четко выявилось подсказанное самим материалом разделение его на основные группы, различные по своему бытовому назначению и темам, причем, как выяснилось при дальнейшем рассмотрении, каждой такой группе соответствовала и определенная система художественно-выразительных средств. Тут возник вопрос: не следует ли на основании всех этих совпадающих групповых признаков говорить о различных песенных жанрах, самостоятельно существующих в общей системе русской народной песенности?

Термину *жанр* потребовалось дать объяснение. Он был рассмотрен с позиций, не совпадающих с традиционным представлением об этом термине в работах по народной песне. Поскольку каждая народная песня является произведением народного художественного творчества, понятие *жанра* было определено для создававшегося указателя как обобщенный тип художественного произведения, обладающий своей особой бытовой функцией, содержанием и системой художественных средств, обеспечивающих выполнение этой функции.

³ Великоорусские народные песни, изданные проф. А. И. Соболевским. Спб., 1895—1902, т. I—VII.

С этой точки зрения становилось очевидным, что общепринятое традиционное толкование термина *жанр* фактически делит народные песни не на жанры, а лишь на группы, по одному из двух признаков: тематика (любовные, семейные, солдатские и пр.) или бытовое назначение (игровые, плясовые, свадебные и др.). Но песня игровая могла быть в то же время и любовной, а песня плясовая рассказывать о семейной жизни. Такие общепринятые группировки оказались не однородными — они включают в себя песни различного типа. Так, при ближайшем рассмотрении оказался неоднородным *жанр* свадебных, среди которых есть группы песен, предназначенных для величаний, заклинаний, лирических высказываний, каждая со своими тематическими, функциональными и художественными отличиями; не оказался однородным и *жанр* игровых, среди которых наряду с песнями подлинно игровыми, театрализованными имеются песни и типа лирических, и типа величальных и т. д. Следовательно, традиционное толкование термина *жанр* требовало пересмотра.

Исходя из приведенного выше определения этого термина (единство бытовой функции, содержания и системы художественных средств), следовало выяснить те основные направления, по которым развивалась песня. Этих основных направлений оказалось четыре: 1) песня хранила пережитки древних поверий, веру в магию, служила заклинанием и оберегом человека (песни этого типа в указателе условно названы заклинательными); 2) развлекала человека, подавая явления трудовой общественной и семейной жизни в переосмысленной театрализованной форме (песни игровые); 3) величала человека-труженика в моменты его высших трудовых и личных достижений (песни величальные); 4) отражала духовный мир и эмоции человека, порожденные теми или иными обстоятельствами его интимной жизни (песни лирические).

Так возникло в указателе деление всего материала на четыре основных песенных жанра. В каждом оказались тысячи текстов, которые требовали дальнейшего внутреннего упорядочения. Проведенная систематизация выявила внутри каждого жанра наличие более или менее многочисленных тематических циклов. Так, в жанре заклинательных песен четко выступали циклы аграрный, общественный и семейно-бытовой; в жанре игровых — циклы аграрный, любовный, семейный, общественно-бытовой; в жанре величальных — календарный, игровой, свадебный; в жанре лирических (наиболее обширном) — циклы любовный, свадебный, семейно-бытовой, шуточно-сатирический, солдатский, тюремный, разбойничий, бурлацкий, ямщицкий. Все это оказались именно тематические циклы в пределах одного жанра, но не самостоятельные жанры.

На первый взгляд в определении этих тематических циклов имеются как бы перекрещивания: так, свадебная тематика есть и в величальных, и в лирических песнях, семейно-бытовая — в заклинательных, игровых и лирических, любовная — в лирических и величальных и т. д. Но при более пристальном рассмотрении оказывается, что все эти тематические циклы в каждом отдельном случае отличаются своими специфическими особенностями и, несмотря на сходную тематику должны быть помещены в указателе в разных разделах.

Содержание каждого тематического цикла оказалось во всех жанрах очень широким. Появилась необходимость — и возможность, подсказанная самим материалом, — дальнейшего дробления и уточнения. В тематических циклах сами собой стали возникать подгруппы. Так, например, в лирическом жанре, в цикле любовных песен появились подгруппы «Быт и любовь девушки», «Быт и любовь молодца», «Разлука», «Измена» и др.; в цикле свадебных песен того же лирического жанра — тематические подгруппы «Девушка перед просватаньем», «Молодец перед просватаньем», «День свадьбы» и др.; а в жанре величальных — подгруппы «Величания невесте», «Величания жениху», «Величания гостям» и т. д. Короче говоря, песни всех жанров распались на те или иные тематические подгруппы.

Но хотелось — и материал как бы сам шел этому навстречу — дать внутри каждой из подгрупп во всех жанрах еще более мелкое деление — по сюжетным мотивам (к этому вопросу мы еще вернемся). Так, например, в тематической подгруппе «Быт и любовь девушки» наметились елкие сюжетные рубрики — «Девичьи будни», «Девушка и родная семья», «Девушка и мачеха» и др.; в тематической подгруппе «Рекрутство» — рубрики «Перед набором», «Набор», «На приеме» и пр.

Подобное дробление нельзя было считать излишним: оно, бесспорно, помогало как при тематическом сопоставлении русских песенных вариантов в разных записях, так и при сопоставлении русских песен с песнями других народов, родственными им по содержанию и поэтическому языку (например, с украинскими). Кроме того, поскольку содержание песни обычно укладывается на сравнительно сжатой «словесной лошади», каждая ее деталь, каждый отдельный оттенок текста приобретают особый вес и значение. Вариант отдельного мотива в других фольклорных жанрах, например в сказке, может оказаться менее заметным в общем ходе повествования и не влиять на развитие сюжета сказки в целом, в то время как в песнях, казалось бы, незначительные различия зачастую создают ощутимую разницу в восприятии текста и могут вырасти в нечто существенное для его идейно-художественных чертаний. Такова, например, общеизвестная игровая песня о молодце, которого мать хочет женить то на боярышне или княжне, то на купеческой дочери, то на поповне, в то время как сам молодец выбирает себе невесту по своему вкусу и женится то на девушке из знатной семьи, то, наоборот, на трудолюбивой скромной крестьянке. Тут нельзя передать содержание песни обобщенно: каждое различие указывает на происхождение (или бытование) песни в определенной социальной среде, каждое предлагает различное отношение к ней со стороны исполнителей. Другой пример — песня величального жанра с традиционным заголовком «Кто у нас хороший», которая имеет ряд различных концовок и поворотов сюжетных мотивов: молодец один гуляет в поле, молодец идет к невесте; молодец попадает в круг подруг невесты, которые хвалят и угощают его, и т. д. Все эти различия при сходном содержании указывают на разные фазы бытования песни в общей системе традиционного свадебного обряда. Таким образом, выделение и учет, казалось бы, мелких расхождений в тексте той или иной песни привели к тому, что в качестве все эти варианты, хотя и сгруппированные в соседних разделах, оказались все же не под одним, а под разными порядковыми номерами.

Применительно к традиционной народной песне не всегда легко было истолковать понятие *сюжет*.

В литературоведении по отношению к произведениям профессионального искусства существует несколько различных определений этого термина для жанров прозаических или стихотворно-повествовательных. Приведем некоторые особенно употребительные: «Основные события, в которых раскрываются взаимоотношения людей, изображаемые автором характеры»⁴, «Отражение динамики действительности в форме разрывающегося в произведении действия»⁵; для жанров поэтических: «...смена эмоций, идей, настроений, переживаний субъекта, вызванных явлениями действительности»⁶. К народной песне эти определения не подходят: поскольку развития событий в лирической песне очень мало нет, повествовательный элемент в ней зачастую отсутствует; вместе с тем в ней нет «смены эмоций, идей, настроений, переживаний субъекта», изображение которых является основой профессиональной поэтики. В бытовой народной песне имеются мгновенные, не индивидуализированные, а типовые зарисовки душевных состояний, выраженные с помощью традиционных художественных образов, близких и понятных всему народному, а иногда и шире — всему человеческому

⁴ Малая советская энциклопедия, т. 10, М., 1940, с. 570.

⁵ Литературная энциклопедия, т. 11, М., 1939, [с. 139—140]

⁶ Там же.

коллективу, состояний, связанных с явлениями повседневногo быта типическии, общепонятными переживаниями. Зарисовки эти беглы часто статичны: они сочетают полную неподвижность сюжетной ситуации с полным отсутствием индивидуального отношения к миру, егo субъективного видения. Иными словами, поскольку сюжет в понимании литературоведческом у массы народных песен отсутствует, термин этот в приложении к ним должен пониматься не как действие героя, а как его состояние, и во многих случаях при систематизации приходится заменять его понятием сюжетного мотива, как бы только намекающего на не развернутый полностью сюжет.

Но если в понимании литературоведческом сюжет — основное содержание произведения, то в очень многих народных песнях содержание сплетено из ряда отдельных сюжетных мотивов в сложные клубки (комплексы) и не всегда легко определить, который из мотивов является основным. Так, например, среди песен свадебного тематического цикла имеется большое количество тесно переплетенных и перекликающихся между собой сюжетных мотивов внутри таких тематических подгрупп, как «Горе и жалобы невесты», «Власть родителей», «Раздумья невесты» и др. На основании какого из всех этих мотивов следовало отнести данную песню в ту или иную сюжетно-тематическую подгруппу? Здесь приходилось учитывать и роль песни в общей системе обряда, и связь ее с определенным обрядовым моментом, и целый ряд приводящихся данных, выясняющихся обычно только при углубленном рассмотрении материала.

Вопрос о ведущем сюжетном мотиве оказался тесно связанным с другим: что подлежало в Указателе аннотации? При отсутствии развивающегося сюжета — с чего следовало начать пересказ «содержания» песни? Многие тексты представляют собой статичное описание или сопоставление: голубка кормит голубя — невеста угощает жениха; на тарелке скатываются вместе два яблока — молодожены садятся рядом за стол и т. п. Подобные параллелизмы, сравнения или метафоры, стоящие в поэтическом зачине песни, исчерпывают все ее содержание. В указателе эти художественные приемы аннотированы как условно понимаемый сюжет песни.

Наконец, встретились и еще одна трудность: иногда песни разных жанров оказывались очень близки по тематике, художественным образам и различались лишь отдельными мелкими деталями, связанными со спецификой того или иного жанра. Правомочно ли было разносить их в различные жанровые рубрики как самостоятельные единицы? Очевидно, да: общий принцип определения жанровой специфики, положенный в основу предлагаемой классификации, устанавливает жанровую принадлежность песни на основании не отдельных признаков, а суммы их. Возможное сходство общего содержания и отдельных образов в песнях смежных жанров не должно удивлять, так как ни один из жанров не является чем-то изолированным от соседних, и многие темы (труд, семья, любовь и др.) разрабатываются в различных жанрах параллельно. Но поскольку разработка эта производится в каждом жанре своими особыми художественными средствами и бытовое назначение сходных песен бывает различным, указатель относит их к разным жанровым подразделениям. Попутно следует отметить, что наличие в народном традиционном репертуаре песен, сходных по содержанию, но различных по своей бытовой роли и художественной традиции, представляет для исследования особый интерес: оно указывает, что, несмотря на различную жанровую окраску, многообразные сюжетно-тематические разделы русской народной песни в целом обладают общностью идейно-художественного содержания. Так, например, песни о судьбе молодки в семье грубого и злого мужа имеют и в лирическом, и в игровом жанре сходный характер протеста и жалобы, изображаемых в соответствии с художественно-выразительными средствами данного жанра; песни о людях ленивых, глупых, жадных и т. п. будут иметь общий, роднящий их тон общественного осуждения и в лирических-сатирических,

в игровых, и в свадебных «корильных» и т. д. Все это подчеркивает глубину, искренность и силу переживаний, которые века назад легли в основу традиционной русской народной песенности и до наших дней составляют ее главную ценность и красоту.

* * *

После распределения просмотренных песен в последовательном порядке по жанрам, тематическим циклам, тематическим подгруппам и таким сюжетам или сюжетным мотивам указатель получил следующий вид:

Песни заклинательные

1) Аграрный тематический цикл

Святочные. Закливание и встреча коляды; воспевание щедрости коляды; приветствие хозяевам дома.

Масленичные. Закливание и встреча масленицы; праздник масленицы; проводы и щипцы с масленицей.

Весенние. Закливание весны. Закливание солнца. Закливание дождя. Закливание дуги. Закливание птиц. Закливание насекомых. Закливание плодovitости животных.

Семицкие и троицкие. Закливание семика и троицы; закливание воды (рек, озер, сенок); закливание деревьев и трав; гадания девушек; «кумление» девушек.

Живные. Закливание урожая; работа на ниве; уборка хлеба.

2) Общественный и семейно-бытовой тематический цикл

Подблюдные. Закливание благоденствия родной земли; закливание личного благополучия человека.

Свадебные. Закливание счастливого брака молодоженов, его крепости, богатства и благополучия в доме новобрачных.

Песни игровые

1) Аграрный тематический цикл

Огородные и полевые работы. Горох; мак; капуста; редька; репа; хрен; лен; пшеница (посадка, посев, сбор урожая, продажа и пр.).

Птицы (общение с ними, их повадки). Воробей; гуси; утка; селезень; перепелка; терка; лунь.

Животные (общение с ними, их повадки). Баран; волк; заяц; козел; медведь; лень; ящер.

2) Семейный и общественно-бытовой тематический цикл

Любовь, брак, семья. Девушка и родная семья; выбор пары (товарища, подруги); истинная любовь; любимый и родители девушки (противопоставление); выбор невесты; выбор молодцем новой родни; выбор девушки жениха; девушка обижает молодца; девушка уступает молодцу; неравный брак девушки со стариком; неравный брак девушки с недоростком; неравный брак молодца со старухой; молодка и новая семья.

Быт. Домашнее хозяйство; рукоделие; лень; дрема; монастырь; бытовые сценки.

Песни величальные

1) Календарный тематический цикл

Святочные. Святочные величания девушке, молодцу, семейной паре.

Волочebные. Хозяевам дома.

Живные. Хозяевам поля.

2) Застольный тематический цикл

Застольные. Почетным сотрапезникам.

3) Величально-игровой тематический цикл

«Припевки»: девушке, молодцу, молодой паре; «корильные» игровые припевки.

4) Свадебный тематический цикл

Величания невесте. Восхваление качеств невесты (род, красота, богатство и пр.) семья невесты.

Величания жениху. Восхваление качеств жениха (красота, ум, богатство и др. дома и семьи жениха; уважение к жениху в доме невесты; сочувствие окружающим счастью жениха).

Величания новобрачным. Воспевание взаимной любви новобрачных; положительных качеств молодой пары (богатство, чиновность и пр.).

Величания гостям. Тысяцкому; свахе; свату; дружке; священнику; гостье-девушке; гостю-молодцу; женатой паре гостей; гостю-ребенку; гостье-вдове; поезжанам; «кривильные» величания гостям.

Песни лирические

1) Любовный тематический цикл

Быт и любовь девушки. Девичьи будни; эпизоды быта; девушка и родная семья; девушка и мачеха; власть родителей; страх перед родителями; девичья красота; девичьи развлечения («беседы», гулянья, хороводы и пр.); девушка влюблена; девичья любовная тоска; девичьи сны; гаданья, приметы.

Быт и любовь молодца. Молодец и родная семья; красота молодца; молодец пьет и гуляет; попытки молодца завлечь девушку обманом; рекрутство и тюрьма как наказание за гульбу; одиночество и тоска молодца; молодец на чужбине; думы молодца о женитьбе; молодец влюблен.

Взаимная*счастливая любовь. Согласие и счастье; подарки; подарок кольца; молодец навещает девушку; девушка любит молодца вопреки всем запретам; верность любимому; девушка сама выбирает свою судьбу; молодец сватается к девушке.

Нарушенная любовь. Предостережение девушке от необдуманного брака; девушка отказывает молодцу из-за его дурной славы, пьянства, нелюбимой семьи и т. п.; сплетни; ссоры и примирения влюбленных; девичье коварство; молодец оскорбляет и бьет девушку.

Измена. Молодец покидает любимую; девушка обманута; соперница; молодец женится на сопернице; молодец любит одновременно нескольких девушек; девушка изменяет молодцу.

Разлука. Судьба и люди разводят влюбленных; разлука из-за насильственного брака с нелюбимым (с нелюбимой); девушка уезжает на чужбину; молодец уходит в солдаты по призыву; переписка в разлуке; птицы и ветры — посредники между разлученными, вестники между разлученными; разлука — разрыв, конец любви.

Девичья гульба. Девичье легкомыслие: гульба, вино, кабаки, веселье; родные разрешают девушке гульбу; родные уговаривают девушку бросить гульбу; раскаянье девушки в гульбе; дурная слава девушки; любовь к женатому; добрачный ребенок; брак по расчету.

Любовь и смерть. Болезнь любимого (любимой); молодец умирает (трагически погибает); девушка умирает (трагически погибает); молодец убивает девушку; девушка убивает молодца; самоубийство из-за любви.

2) Свадебный тематический цикл

Молодец перед просватаньем. Советы молодцу жениться; выбор невесты; сватовство.

Девушка перед просватаньем. Власть родителей; горе и жалобы невесты; родители любят, жалеют и утешают дочь.

Просватанье. Приготовление в доме невесты к приезду жениха; приезд жениха на просватанье; невеста просватана; взаимное одаривание.

После просватанья. Страх невесты перед новой судьбой; споры, насмешки невесты над женихом; взаимная любовь и согласие жениха и невесты; невеста оплакивает свою молодость, волю и красоту; раздумья невесты; сны и предчувствия невесты; молитвы невесты; невеста и подруги.

Сиротство жениха и невесты. Жених-сирота; невеста-сирота.

День свадьбы. Утро свадебного дня у невесты; приезд жениха; отъезд к венцу; венчанье; приезд от венца в дом молодого; одаривание молодкой новой родни; свадебный пир.

Молодожены. Взаимная любовь молодоженов; молодой и семья молодки; семейное счастье, молодая семья; молодка и новая родня; разочарование, упреки, жалобы.

3) Семейный тематический цикл

Счастливый брак. Семейное счастье; взаимная любовь.

Брак, несчастливый для молодца. Женитьба молодца на нелюбимой; уход молодца солдаты от злой жены; женатый молодец любит другую женщину, гуляет с девушкой; муж и родня нелюбимой жены; муж желает смерти нелюбимой жене.

Брак, несчастливый для девушки. Брак с нелюбимым; неравный брак со стариком; еравный брак с недоростком; муж — пьяница, гуляка, «неумеха»; молодка любит ружка, гуляет тайком от мужа, желает мужу смерти (радуется ей, убивает мужа); озьяство молодки; молодка и семья мужа; молодка и ее родная семья; вдовство; молодка-мачеха.

4) Общебытовой тематический цикл

Народный быт. Крестьянский быт, труд; народ и начальство; родная природа.

5) Общебытовой шуточный и сатирический тематический цикл

Юмор и сатира. Неумелая хозяйка; плохая рукодельница; хозяйка-лентяйка; жена-модница; муж — глупец, «неумеха»; дурные отношения молодки с семьей мужа; мель, пьянство; гульба; воровство; сатирические характеристики деревень-соседок; цуховенство, монахи; баре, господа, начальство; шуточные песни о животных, птицах, насекомых.

6) Солдатский тематический цикл

Рекрутчина. Дурные предзнаменования (вещие сны молодца, недобрые приметы и предчувствия, конь-прорицатель); перед набором; запись в рекруты; набор; богачи сдают в рекруты сына бедняка; родители выбирают одного из сыновей в рекруты; сдача сына в рекруты как наказание; в «приеме»; молодец сам продается в рекруты; рекрут набрит; проводы, прощание.

Солдатчина. Солдатские будни; солдаты на марше; бесприютность солдат; солдат и командиры; тоска по близким; распад семьи; солдаты и девушки; чужбина; служба во флоте; приготовления к военному походу; поход; война и боевые эпизоды; беглые солдаты; смерть в бою; смерть на чужбине; последние обращения умирающего к семье; смерть начальника; мертвый воин; плен; бегство из плена; возвращение домой; радость встречи; родня не узнает вернувшегося; возвращение в разрушенный дом.

7) Тюремный тематический цикл

Тюрьма. Быт и думы арестанта; возмущение, социальный протест; арестант и его семья; арестант и его любимая; девушка-арестантка; выкуп из тюрьмы; подкуп палача; казнь в тюрьме.

Ссылка. Каторга; бегство с каторги; бродяжничество.

8) Разбойничий тематический цикл

Быт шайки. Разбой; воровство; убийство; дележ добычи; похищение девушки.

Любовь разбойника. Жена разбойника; девушка-разбойница.

Наказание за разбой. Царский суд над разбойником. Казнь.

9) Бурлацкий тематический цикл

Быт бурлака. Тяжесть бурлацкой работы; бурлаки и девушки; бурлаки на чужбине.

10) Ямщицкий тематический цикл

Быт ямщиков. Труд ямщика; болезнь и смерть ямщика в пути.

Таким получилось общее содержание «Жанрового и сюжетно-тематического указателя по русской народной бытовой песне» в записях и

№... Девушка от любовного горя идет в лес, рвет цветы, вьет венок дружку; просит носить венок и любить ее.

Пальч., № 65 (Соб., V, № 29) ⁷
 Ефим., с. 54, № 18 (Соб. V, № 26)
 с. 115, № 8 (Соб. V, № 25)
 Соб. V, № 24
 № 27
 № 28
 № 30

Ты прости-прощай, весь вольный свет
 Я мала была, да горя не было
 А я куда с горя деваюся
 Печаль-то, горе, горе великое
 Мне куда с горя деватися
 Куда идти, печаль нести?
 Как в лесе под кустиком

Или: №... Девушка спрашивает родителей, разрешают ли они ей веселиться; оба отвечают, что следует пользоваться своей молодостью, пока не пришла старость.

Сахар., с. 38, № 40 ⁸
 с. 64 (без №)
 Магнитск., с. 124, № 9 (Соб. II, № 16)
 Попов, с. 68, № 32 (Соб. II, № 15)
 Соб. II, № 17
 № 18
 № 19
 Зыр., № 143

Со высоких ворот
 Сокол ли мой, сокол
 Из улицы в улицу
 Летал сокол высоко да высоко
 Пойду, млада, в темный лес
 По улице широкой
 Залетная пташечка
 Летал сокол высоко и далеко

Или: №... Игумен постригает девушку в монахини против ее воли; ей хочется веселиться, плясать, скакать; она раздиривает свою мантию и камилавку сестре, брату подругам, а сама отказывается вести монашеский образ жизни.

Прач, № 122 ⁹ (Соб. VII, № 357)
 Терещ. VII, с. 210 (Соб. VII, № 356) }
 Кир., № 1226
 Рыбн., с. 161, № 1 (Соб. VII, № 359)
 с. 162, № 2 (Соб. VII, № 352)
 Балак., № 16
 Можар., с. 69, № 1 (Соб. VII, № 352)
 Р.-Корс., № 70 }
 Шейн II, № 1064 }
 Соб. VII, № 353
 № 355
 № 360
 Лаговск., с. 50, № 116
 Иваницк., № 401

Не спасибо игумну тому
 Не мое дело черничкой быть
 Ой, старец лих, лихоманец лих
 Не спасибо те, игумну, тебе
 Не спасение игумну тому
 Не спасибо игумну тому
 Не спасибо монаху тому
 Не спасет бог игумена того
 Рано молоду в чернички стригут
 Не спасибо игумну тому
 Рано молоду в чернички стригут

⁷ В приложении к указателю дается полный список использованных источников библиографических сокращений. Приводим расшифровку сокращений в приводимых пр мерах: *Пальч.*—Крестьянские песни, записанные в селе Николаевке Мензелинского уезда Уфимской губ. Н. Е. Пальчиковым. Спб., 1888; *Ефим.*—Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. Собр. П. С. Ефименком. Народная словесность. М., 1878; *Соб.*—Великорусские народные песни, изд. проф. А. И. Соболевских Спб., 1895—1902, т. I—VII.

⁸ *Сахар.*—Сказания русского народа, собр. И. Сахаровым. Спб., 1841, т. I—II; *Магнитск.*—Песни крестьян села Беловолжского Чебоксарского уезда Казанской губ. В. Магнитского. Казань, 1877; *Попов*—Народные песни, собр. в Чердынском уезде Пермской губ. Вас. Поповым. М., 1880.

⁹ Прач—Собрание народных русских песен с их голосами. На музыку положил Иван Прач. М.: Музгиз, 1955; *Терещ.*—А. Терещенко. Быт русского народа. Спб. 1848, т. I—VII; *Кир.*—Песни, собр. П. В. Киреевским. Новая серия, В. I—II. М., 1917—1929; *Рыбн.*—Песни, собр. П. Н. Рыбниковым. М., 1909—1910, т. I—III. *Балак.* Сборник русских народных песен/Сост. М. Балакирев. М., 1866; *Можар.*—Святочные песни, игры и гадания Казанской губ. Ал. Можаровского. Казань, 1873; Р.-Корс. Н. А. Римский-Корсаков. Сто русских народных песен. М.: Музгиз, 1951; *Шейн*, Великоорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. Материалы собр. и привед. в порядок П. В. Шейном. В. I—II. Спб., 1898—1901; *Лаговск.*—Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губ. В. II.—Тр. Костромского научного о-ва по изучению местного края. В. XXIX. Третий этнографический сборник. Кострома, 1923; *Иваницк.*—Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собр. Н. А. Иваницким в Вологодской губ. Вологда, 1960.

Варианты зачинов открывают возможность для различных наблюдений над жизнью песни.

В каком порядке следовало располагать песни внутри тематических клов и сюжетных групп? Понятно, что никакое размещение в алфавитном порядке (по первой строке, возможное при публикации ограниченного количества текстов в каком-либо сборнике или своде) использовано быть не могло, так как нельзя было выбрать «основной» зачин у песни, имеющей их 10—15 вариантов. Поэтому в указателе пришлось отказаться от заголовков песен по первой строке и разместить их в последовательности — назовем условно — «жизненного процесса»: например, заклинательных-аграрных — от святок через весь календарный год до окончания жатвы; в лирических любовных — от жизни девушки или моды в родной семье до свадьбы; в солдатских — от рекрутского приема через жизнь в полку, походы и битвы до возвращения воина домой, и т. п. Таким образом, читая подряд аннотации к песням, входящим в отдельные указателем жанры, тематические циклы, подгруппы и сюжетные группировки, читатель получает достаточно ясное представление об общем объеме и характере содержания русской бытовой традиционной песенности не только во всех основных, но и в самых деталях разветвлениях ее тематики; а просматривая после каждой аннотации библиографию, знакомится со степенью популярности и с географической распространенностью той или иной песни в народном репертуаре на протяжении последних столетий.

Н. А. Красновская

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ О. САРДИНИЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

История Сардинии — второго по величине острова Средиземного моря — столь же интересна, как и сложна. Ее изучение, начиная с самых древних периодов, помогает реконструировать этногенез и дальнейшее этническое развитие сардинцев — одной из наиболее ярких своей народной культуре этнических общностей современной Европы. В настоящей работе автор продолжает исследование основных вех сардинской этнической истории, предпринятое им в двух предыдущих работах¹.

В начале I тысячелетия до н. э. Сардиния стала привлекать внимание финикийцев. Из-за туманности сведений у античных авторов невозможно установить, когда именно они здесь появились. Единственное ясное письменное указание на проникновение финикийцев на остров греческим автором Исторической библиотеки Диодора Сицилийского (0—29 гг. до н. э.). По его словам, финикийцы, обогатившись на торговле с Востоком, «высылали многочисленные колонии, одни — в Сицилию, другие — в Ливию, Сардинию и Иберию» (V,33,3).

Финикийская колонизация Западного Средиземноморья отличалась специфическими чертами, отражавшими сам характер этого народа, стоявшего не столько из земледельцев, сколько из моряков и торговцев. Колонии их повсюду представляли собой приморские поселения, имевшие двойное назначение. Во-первых, это были опорные пункты вдоль пути, который вел из Тира и Сидона в Тартесс (на юге современной Испании), где добывались серебро и медь, во-вторых, торговые акторы, связывавшие финикийских купцов с местным населением.

¹ Красновская Н. А. Загадочные башни Сардинии.— Сов. этнография, 1978, № 4, 137—147; *ее же*. Некоторые проблемы дофиникийской колонизации Сардинии.— Сов. этнография, 1980, № 5, с. 34—44.

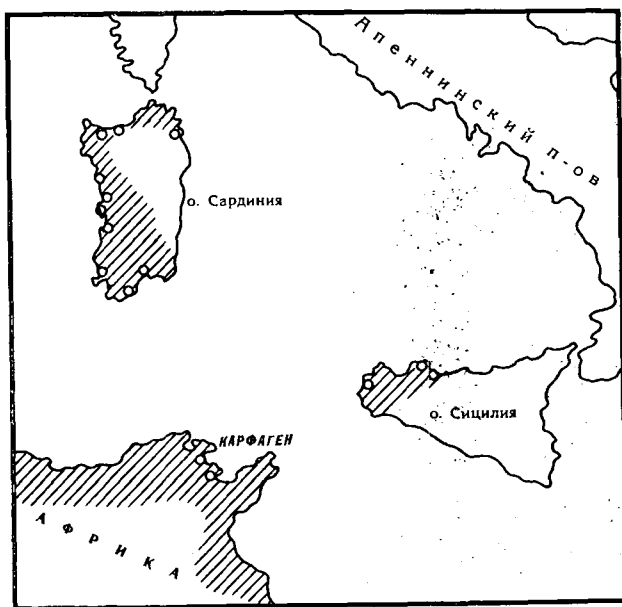

Рис. 1. Финикийско-карфагенская экспансия в Западном Средиземноморье (сост. по: *Schmiedt G. Antichi porti d'Italia.*— *L'Universo*, anno XLV, 1965, № 2)

Воссоздать в некоторой степени картину финикийской колонизации Сардинии позволили археологические материалы. Поскольку раскопки на острове до недавних лет не носили систематического характера, да тировка многих археологических памятников, связанных с присутствием здесь финикийцев, неоднократно менялась. На основе косвенных данных из трудов античных писателей и по материалам раскопок последних десятилетий роль финикийцев в этнической истории Сардинии можно представить следующим образом.

По-видимому, остров привлек внимание финикийцев и как «мост» на пути в Испанию, и благодаря своим природным богатствам. Некоторые историки полагают, в частности, что Сардиния составляла для финикийцев главный источник получения меди². На западном и южном берегах острова финикийские мореходы, корабли которых издавна бороздили Средиземное море, нашли надежные гавани для своих судов³. По всей вероятности, вначале финикийцы основали на Сардинии лишь причальные пункты и приморские эмпорiums (подобно тому, как они поступали в других регионах Средиземноморья)⁴, превратившиеся затем в складские пункты городского типа. Археологические материалы указывают, что таковые, несомненно, существовали на острове уже в VIII в. до н. э.⁵

Постепенно на Сардинии установился обмен товарами между островитянами и береговыми финикийскими колониями.

Вероятно, прежде всего финикийцы колонизовали южную часть острова. Первым их городом была здесь Нора, которую вообще считают самым древним сардинским городом. Дату основания этой колонии определяют по-разному — от X до VI в. до н. э.⁶ Другими значительными

² *Pais E.* *La Sardegna prima del dominio romano.* Roma, 1881, p. 50.

³ *Mori A.* *Sardegna.* Torino, 1966, p. 28.

⁴ *Schmiedt G.* *Antichi porti d'Italia.*— *L'Universo*, anno XLV, 1965, № 2, p. 222
Moscatti S. *Il mondo dei fenici.* Milano, 1979, p. 21.

⁵ *Mori A.* *Op. cit.*, p. 28.

⁶ Так, первый ее исследователь Дж. Патрони на основании эпиграфических свидетельств датирует возникновение Норы самым концом X или началом IX в. до н. э. См.: *Patroni G.* *Nora, colonia fenicia in Sardegna.*— *Monumenti antichi*, 1904, v. XIV
C. Moscati считает, что город возник в VIII в. до н. э. См.: *Moscatti S.* *Italia Archeologica.* Novara, 1973, p. 186—187. Некоторые исследователи, оспаривая то положение

финикийскими колониями на Сардинии были Сульчис, Таррос и Каралис⁷. Неясным до наших дней остается важный вопрос о проникновении финикийцев в глубинные районы острова. Во всяком случае, даже в период расцвета колоний финикийцев на Сардинии (VIII—VII вв. до н. э.) нельзя говорить об их настоящем господстве. С VI в. до н. э. началось угасание финикийских колоний на острове, к чему привело завоевание ассирийцами городов Тира и Сидона, и их упадок.

Когда на Сардинии появились отдельные финикийские колонии, она привлекла внимание и греков. Об этом свидетельствуют многие фрагменты из произведений греческих авторов (см., например: Геродот, VII, 165—168; Диодор Сицилийский, IV, 29,5; V, 15; Страбон, V, II, 7; Павсаний, I, 29,5; VII, 22; X, 17). В некоторых отрывках рассказывается (часто в форме мифов) о переселении на остров греков во главе с теми или иными героями. В этом, возможно, нашли отражение какие-то реальные исторические события или по крайней мере стремление эллинов колонизовать этот остров, «замечательный по величине и многолюдству населения и по своему плодородию» (Полибий, I, 79).

Восстановить на основании этих фрагментов все события, связанные с предполагаемой греческой колонизацией Сардинии, и их хронологическую последовательность не представляется возможным. Традиция позволяет лишь выявить общие тенденции политики греков по отношению к Западному Средиземноморью вообще и к Сардинии в частности.

Известно, что в VIII—VI вв. до н. э. западный бассейн Средиземного моря активно осваивался малоазиатскими греками из области Ионии. Подлинный авангард «великой колонизации» Западного Средиземноморья составляли жители ионийского города Фокеи. Торговые и военные суда фокеев регулярно курсировали по Средиземному морю от берегов Ионии до Сицилии, Балеарских островов и даже Пиренейского полуострова⁸. «Фокеецы, — пишет Геродот, — прежде всех эллинов стали совершать далекие путешествия по морю, открыли Адриатический залив, Тиррению, Иберию и Тартесс...» (I, 163).

Около 600 г. до н. э. недалеко от устья Родана фокеецами была основана колония Массилия (латинск. Massilia, современный Марсель), ставшая их опорным пунктом в Западном Средиземноморье⁹. В 565 г. до н. э. греки высадились на восточном берегу Корсики. Здесь, совсем близко от Сардинии, они основали колонию Алалию (Геродот, I, 165; Диодор Сицилийский, V, 13). О максимальном приближении ионийских мореплавателей к Сардинии говорят и греческие названия расположенных недалеко от нее больших и малых островов западного бассейна Средиземного моря. Так, о. Менорка был назван греками Мелусса, о. Майорка — Кромнусса, о. Ибиса — Питиусса и пр.¹⁰, да и сама Сардиния носила когда-то греческое имя Ихнуса. Известно также, что в древности на северо-восточном берегу острова существовал город с типично ионийским именем Ольвия. В научной литературе не раз высказывалось предположение, что основание его было следующим после Алалии звеном в фокеейской колонизации Западного Средиземноморья¹¹. Однако прямых указаний на это в античных источниках нет,

---

что финикийская колонизация Сардинии имела место задолго до карфагенской, склонны относить основание Норы к довольно позднему времени. Так, М. Паллоттино датирует эпиграфические надписи Норы IX—VII вв. до н. э. См.: Pallottino M. Sardegna puragica. Roma, 1950, p. 16. К. Тальявини считает, что Нора была основана еще позднее — между VIII и VI вв. до н. э. См.: Tagliavini C. Le origini delle lingue neolatine. Bologna, 1969, p. 122.

⁷ На месте финикийского Каралиса вырос Кальяри — в настоящее время главный город Сардинии. О его финикийском происхождении см.: Serra G. D. Caralis «Cagliari» e Gabile «la Galilea» di Sardegna. — Beiträge zur Namenforschung, 1951, II, S. 103; Schmiedt G. Op. cit., p. 231—235.

⁸ Магидович И. П., Магидович В. И. История открытия и исследования Европы. М.: Мысль, 1970, с. 21.

⁹ Шифман И. Ш. Возникновение карфагенской державы. М.—Л.: Наука, с. 70—80; Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. М.: Наука, 1976, с. 68.

¹⁰ Мишулин А. В. Античная Испания. М.: Наука, 1952, с. 237.

¹¹ Pallottino M. Op. cit., p. 15.

а данные археологи говорят о том, что греческое поселение в Ольвии существовало недолго.

Самые ранние упоминания о давнем и постоянном интересе малоазийских греков к Сардинии и об их попытках (может быть, и не увенчавшихся успехом) колонизовать остров встречаем у Геродота (I,170). Указания на то, что греки издавна переселялись на Сардинию то малыми, то значительными группами, можно найти и у Диодора Сицилийского, Павсания, Солина и некоторых других античных писателей. Эти авторы нередко приводят древнегреческие легенды, объясняющие происхождение названий местных сардинских племен от имен своих героев, якобы стоявших во главе колонистов. Как бы много в них ни было вымысла, они опять-таки свидетельствуют о притязаниях эллинов на Сардинию и об их попытках основать там свои колонии в весьма отдаленные времена.

Когда на Сардинии появились первые финикийские и греческие колонисты, они столкнулись здесь, по-видимому, с неоднородным в этническом отношении населением. На основании отдельных сохранившихся фрагментов из трудов античных авторов можно заключить, что здесь жили многие автохтонные или переселившиеся сюда с незапамятных времен племена, а также какие-то пришельцы из Африки или Малой Азии. Ни точное время, ни последовательность прибытия на остров каждой из этих этнических общностей установить невозможно. Вполне вероятно, что открытие и чтение новых эпиграфических памятников внесет свои коррективы в эту страницу истории острова. При современном состоянии исследований древнего населения Сардинии о нем можно сказать следующее.

На протяжении всего I тысячелетия до н. э. наиболее значительную роль в истории острова играли племена иолеев или илиенсов (греческ. Ἰολαῖς или Ἰολῆσι, латинск. Iienses). По всей вероятности, они были и самыми многочисленными. В полулегендарных отрывках из сочинений древних греков (Диодор Сицилийский, IV,30 и VI,15; Страбон, V,II,7; Павсаний, X,17,2) иолеи фигурируют как выходцы из Эллады. Римские писатели (Помпоний Мела, II, 123; Солин, 46,12; Силий Италик, XII, 344) то связывают их с Илионом, т. е. с Троей, то называют «древнейшим» или «известнейшим» народом острова.

В конце прошлого века сардинский историк Этторе Пайс, проанализировав отрывки из упомянутых выше греческих авторов и некоторые данные островной топонимики, пришел к выводу, что иолеи в очень отдаленные времена переселились на остров из Африки¹².

Второй группой племен, с которыми на острове, по-видимому, столкнулись финикийцы (а позднее также карфагеняне и римляне), были корсы (латинск. Corsi). Античные авторы оставили о них лаконичные, но не противоречащие друг другу упоминания. Плиний Старший (III,7,85) называет их в числе «известнейших» народов Сардинии. Птоломей (III,3,6) помещает их на севере острова. Современные исследователи полагают, что корсы попали на Сардинию с соседней Корсики, переплыв узкий пролив Бонифаччо. Вероятно, они были родственны или даже идентичны древнейшим племенам, населявшим Корсику и встречавшимся в античных источниках под тем же названием. На Сардинии они жили в 18 поселениях¹³.

Третья древнейшая этническая общность Сардинии — балары (латинск. Balari). Павсаний (X,17,5) пишет, что они происходили якобы от ливийских и иберийских воинов, сначала сражавшихся вместе с карфагенянами против местных племен Сардинии, а потом дезертировавших и поселившихся между иолеями и корсами. Имя балары, как заявляет Павсаний, обозначает на языке корсов «беглецы». Современный исследователь Р. Б. Мотцо считает, что на самом деле этноним балары ука-

¹² Pais E. Op. cit., p. 294.

¹³ Loddò-Canepa F. La Sardegna attraverso i secoli. Torino, 1951, p. 11; Meloni P. La Sardegna romana. Sassari. 1981, p. 202.

зывает на связь с названием Балеарских островов и на возможное родство жителей этого архипелага с населением Сардинии¹⁴.

В произведениях римских писателей все эти племена фигурируют то под их этнонимами, то под общим именем *Sardi* (сарды), происходящим от латинского названия острова (*Sardinia*)¹⁵.

Обо всем, что касается финикийской и греческой колонизации острова, а также об истории и этнической принадлежности его местных племен из-за указанного характера античных источников можно говорить лишь предположительно. Более определенны данные, которыми историческая наука располагает о карфагенской или пунической колонизации. О ней есть сведения у Юстина, Страбона, Ливия и Павсания. Правда, на основании этих свидетельств можно по-разному толковать те или иные вопросы, связанные с долгим присутствием карфагенян на острове. В последние десятилетия большой материал о карфагенском периоде истории Сардинии дают археологические раскопки, в результате которых на острове вскрываются все большие площади с пуническими слоями.

Карфаген, как известно, был одной из финикийских колоний в Западном Средиземноморье. Благодаря своему положению на перекрестке финикийских торговых путей ему удалось добиться союза с другими финикийскими колониями и городами, основанными в разное время по всему бассейну Средиземного моря. В этом союзе Карфаген постепенно занял ведущее положение и образовал сильное государство, располагавшее мощным торговым флотом и вооруженными силами. Разбогатеv, карфагеняне легко находили средства для борьбы с греческими колониями в Западном Средиземноморье (возможно, и на Сардинии).

Карфагенская колонизация Сардинии существенно отличалась от финикийской. Как отмечалось выше, финикийцы проникли на остров мирным путем. Колонизация же из Карфагена носила характер вооруженного вторжения. Убежденные, что военное преимущество будет более прочным и продолжительным, чем преобладание, достигнутое путем торговых отношений, карфагеняне начали систематическое завоевание острова. Свои первые действия на Сардинии карфагенские колонисты, поддержанные вооруженными силами, предприняли в середине VI в. до н. э. По Юстину (XVIII, 7, 1—2), военная кампания карфагенского полководца Малха, которую можно отнести к десятилетию между 545 и 535 гг. до н. э., окончилась провалом. В дальнейшем дела карфагенян шли хоть и медленно, но более успешно (Юстин, XIX, 1, 3). Вторая военная кампания по завоеванию острова продолжалась около 25 лет. После того, как карфагеняне в 535 г. до н. э. разрушили на Корсике фокейскую колонию Алалию (Алерию), они не только не подпускали эллинов к Сардинии, но изгнали с острова и тех из них, кто уже здесь обосновался¹⁶. Несмотря на героическое сопротивление местных жителей, карфагеняне, как свидетельствуют Юстин (XIX, 1), Диодор (V, 14) и Павсаний (X, 17, 8), вытеснили их с равнин и холмов и загнали в горные районы внутренней части острова.

Несомненно, действия карфагенян были облегчены предшествующей колонизацией острова финикийцами. Прибрежные города, жители которых были близки завоевателям по этническому происхождению и социальному развитию, сдались им без сопротивления¹⁷. Вскоре после их занятия карфагеняне возродили здесь финикийские колонии¹⁸. После

¹⁴ *Motzo R. B. Balari*.— *Enciclopedia Italiana*. Milano, 1930, v. V, p. 898.

¹⁵ Первоначально название «сарды» не носило этнического характера, а лишь указывало на географическую принадлежность этих племен. Подробнее см.: *Красновская Н. А.* Некоторые проблемы дофиникийской колонизации Сардинии.

¹⁶ *Meloni P.* Op. cit., p. 12; *Moscatti S.* I Cartaginesi in Italia. Milano, 1977, p. 134—135. *Машкин Н. А.* Карфагенская держава до пунических войн.— *Вестн. древней истории*, 1948, № 4, с. 39.

¹⁷ *Mori A.* Op. cit., p. 303.

¹⁸ *Машкин Н. А.* Указ. раб., с. 40.

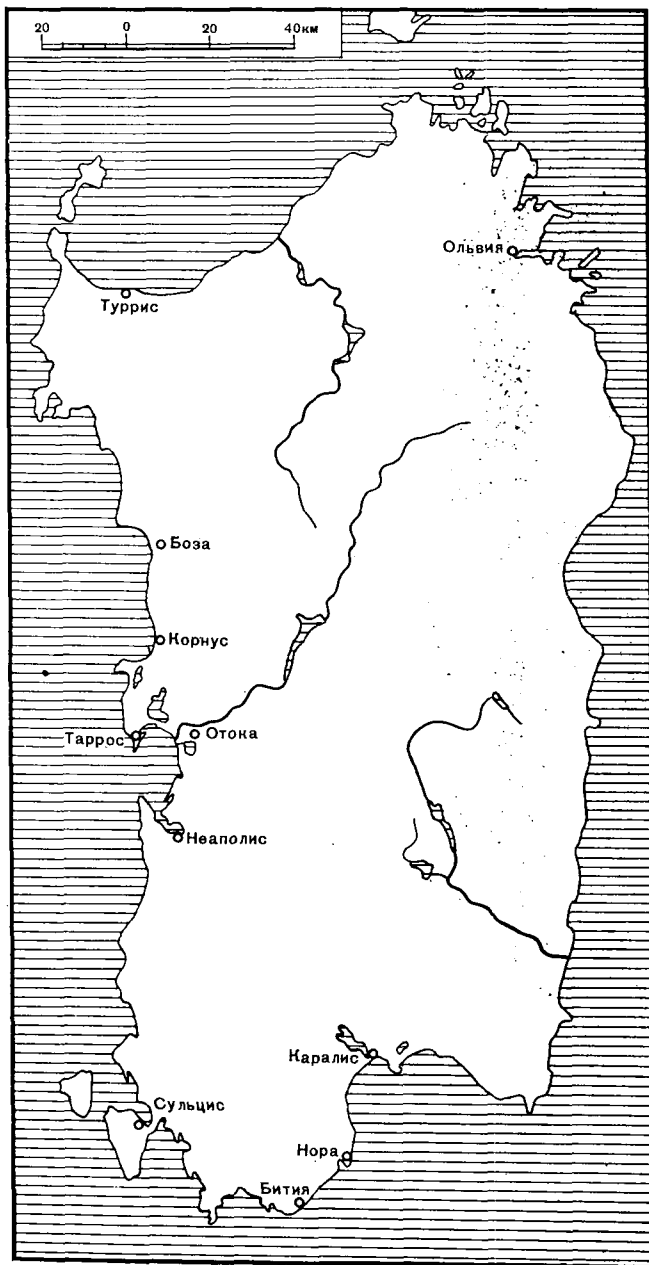

Рис. 2. Финикийско-пунические пункты на о. Сардиния
(сост. по: *Mori A. Sardegna. Torino, 1966*)

этого пришельцы начали постепенно завоевывать глубинные районы острова. Предполагают, что отправным пунктом их продвижения по Сардинии стала древнейшая финикийская колония Нора¹⁹. Однако отступившие в горы иолеи, балары и другие местные племена долгое время не признавали власть карфагенян²⁰.

Античные источники приписывают значительное число мятежей против завоевателей лишь иолеям. Желая освободиться от вытеснивших их в горы карфагенян, они устраивали вылазки, нападая на завоевателей в те моменты, когда на родине чужеземцев происходили тяжелые события. Первый крупный мятеж островитян относится ко времени же-

¹⁹ Шифман И. Ш. Указ. раб., с. 70—80.

²⁰ *Mori A. Op. cit.*, p. 30.

юкой и смертоносной эпидемии чумы, поразившей Карфаген и буквально грозившей ему уничтожением. Для умирнения горцев Сардинии карфагеняне послали регулярное войско под командованием Макея, но оно было наголову разбито. В дальнейшем карфагеняне неоднократно направляли свои военные силы против иолеев и других племен острова, но те так и не были полностью покорены. По-видимому, они постоянно создавали напряженную обстановку для карфагенян, которым приходилось содержать гарнизоны, всегда готовые к умирнению горцев²¹.

Население равнинных южных районов Сардинии, вероятно, не принимало участия в антикарфагенских выступлениях. Можно предположить, что новые пришельцы столкнулись на острове с трудностями лишь при покорении населения глубинных его районов.

Полвека назад в исторической науке было принято считать, что карфагеняне вообще никогда не имели намерения занимать малопродуктивные горные области острова, в которых они не нуждались. Им были необходимы лишь прибрежные районы Сардинии как военная, коммунистическая, торговая и опорная зоны²². С конца 1960-х годов утвердилась другая точка зрения, согласно которой, напротив, карфагеняне с первых лет своего пребывания на острове стремились проникнуть в его глубинные районы. Особенно последовательно и доказательно эту точку зрения проводят итальянские историки Сабатино Москати и Ферруччо Баррека²³. Оба они постоянно привлекают для доказательства своей правоты данные археологии и эпиграфики. В результате археологических раскопок на Сардинии было выявлено, что многие пунические центры острова были связаны между собой разветвленной сетью дорог. Естественно, это позволяло карфагенянам легко передвигаться по острову сначала для нейтрализации местных жителей, а позднее — для поддержания с ними постоянных экономических контактов и распространения в их среде своей культуры.

Торговля карфагенян привела на Сардинии к высокому развитию риморских финикийских городов Каралиса, Норы, Сульчиса и Тарроса к основанию других населенных пунктов. Особенно много их появилось на западном побережье острова, где из укрепленных поселений исчезли города Монте Сиран, Отока, Неаполис, Корнус и Боза. На севере был основан Туррис²⁴.

Во всех этих пунктах и поныне сохраняются значительные остатки карфагенских сооружений. Многочисленны и археологические свидетельства проникновения пунийцев внутрь Сардинии. Судя по ним, карфагеняне господствовали над обширной западной зоной острова между долиной Темо и заливом Кальяри, а на востоке их владения доходили до Барумини и Нурри. В этом районе возникли карфагенские поселения, выполнявшие двойную функцию — военную и колонизаторскую. Вероятно, самым крупным из этих внутренних пунических центров был город Макопасса (сегодняшний Макомер), занимавший важное стратегическое и торговое положение²⁵.

Карфагеняне, колонизовав приблизительно две трети Сардинии, сделали ею до завоевания острова римлянами (середина VI в. — 8 г. до н. э.). Естественно, за этот долгий период островитяне должны были пережить важные и глубокие перемены в социальной структуре, экономике, культуре и языке. Именно в период карфагенского господства на острове резко обозначилось его деление на два совершенно различных мира. В горах центральной и восточной части острова существовал замкнутый и изолированный мир коренных жителей Сардинии, занимавшихся пастушеством. Население равнин и холмов южных и за-

²¹ Машкин Н. А. Указ. раб., с. 40.

²² Wagner M. L. *La lingua sarda. Storia, spirito e forma*. Berna, 1950, p. 14.

²³ Moscati S. *I Cartaginesi in Italia...*, p. 138—139; Barreco F. *La Sardegna fenicia e punica*. Sassari, 1974, p. 64.

²⁴ Moscati S. *Italia archeologica*. Novara, 1973, p. 190—193.

²⁵ Pesce G. *Preistoria e protostoria della Sardegna*. — In: *Conoscere la Sardegna*. Cagliari, 1976, p. 90.

падных районов Сардинии испытало на себе огромное влияние карфагенской колонизации²⁶. Именно оно было вовлечено в сферу материального производства и культурной жизни карфагенян. Как свидетельствуют многие источники, в этих районах острова завоеватели не только подчинили хозяйство местного населения нуждам своей торговой политики, но и постепенно организовали производство продовольственных товаров и даже добычу полезных ископаемых. Сардиния стала одной из главных житниц Карфагена. Зерновые выращивались в крупных карфагенских плантационных хозяйствах, где карфагеняне эксплуатировали труд многочисленных привезенных рабов, вероятно, ливийского происхождения.

Известно, что карфагеняне принесли на остров культуры пальмы и льна²⁷. Предполагают, что завоеватели способствовали развитию на Сардинии рыболовства, солеварения и добыванию минералов²⁸. При карфагенянах на острове впервые появились изделия из золота и железа²⁹, а также были введены в обращение деньги³⁰.

Вступив в экономические контакты с населением равнинной и береговой частей острова, карфагеняне позднее достигли определенного *modus vivendi* и с непокоренными горцами. Иолей, балары и корсы занимались пастушеством и доставляли в прибрежные районы скот, сыр, шкуры и другие продукты своего примитивного хозяйства. Об очень оживленных торговых отношениях между местными народами острова и его завоевателями свидетельствуют многочисленные находки карфагенских монет в самых отдаленных уголках Центральной Сардинии.

Постепенно была достигнута определенная культурная интеграция островитян с карфагенянами. Последние как представители более высокой культуры повлияли на многие стороны жизни местного населения. Начиная с III в. до н. э., можно, по-видимому, уже говорить о некоей сардо-пунической культуре³¹.

Особенно значительным было пуническое воздействие на религиозную и культовую жизнь островитян. В результате археологических раскопок на острове постоянно обнаруживаются эпитафии, скульптуры, архитектурные памятники, вотивные предметы, по которым можно составить представление о религиозных культах, практиковавшихся здесь в течение всего периода финикийско-пунической колонизации³².

Главным божеством карфагенян и покровительницей самого города Карфагена считалась Танит. Ее культ был введен и на Сардинии. На острове стали поклоняться и второму карфагенскому божеству — Ваалу или Ваалу-Аммону. Это бог алтаря с вожженным огнем, изображавшийся обычно в виде сидящего старца с бараными рогами. Культ этих двух главных пунических божеств обычно отправлялся в специальном священном месте, названном семитским словом «тофет», обозначавшим буквально «место сожжения». Тофет представлял собой участок земли в уединенном месте, далеко от центра города, огороженный невысокой каменной стеной. В святыщах подобного типа археологи постоянно обнаруживают терракотовые урны в форме ваз с сожженными человеческими останками. Эти вазы, как правило, располагаются вокруг каменных колонн с рельефной фигурой божества и вотивной пунической надписью. В центре тофета находился очаг для сожжения принесенных в жертву.

²⁶ Pauli R. Sardinien. Geschichte. Kultur. Landschaft. Köln, 1978, S. 140—142.

²⁷ Bellieni C. La Sardegna e i Sardi nella civiltà del mondo antico. Cagliari, 1928, v. 1, p. 36. Barreca F. Op. cit., p. 167.

²⁸ Struglia G. Sardegna nostra. Cagliari, 1973, p. 54; Barreca F. Op. cit., p. 168—169.

²⁹ Pesce G. Sardegna punica, Cagliari, 1961, p. 129.

³⁰ Birocchi E. La monetazione punico-sarda.— Studi sardi, 1935, anno I. f. 2: Barreca F. Op. cit., p. 162—166.

³¹ Pauli R. Op. cit., p. 141; Barreca F. Op. cit., p. 77.

³² В ранний период своей истории финикийцы изображали божества, которым они поклонялись, в виде каменных колонн или конусов. Позднее они стали передавать их образы каменными человекоподобными изваяниями. Barreca F. Op. cit., p. 118.

Известно, что у финикийцев и карфагенян практиковались человеческие жертвоприношения. Сначала было широко распространено ритуальное убийство и принесение в жертву первенцев из аристократических семей³³. Позднее оно было заменено обрядом убийства дряхлого главы племени, чтобы не исчезла его жизненная энергия (что, по их верованиям, произошло бы, если бы он умер естественной смертью). На Сардинии к настоящему времени обнаружено шесть таких тофетов, которые были характерны для карфагенян.

Третьим божеством, введенным карфагенянами на Сардинии, был Бес. Его изображали в виде толстого добряка-карлика, с большим животом и толстыми конечностями. Предполагают, что в пантеоне пунических божеств он играл роль бога, способного отгонять злых духов и приносить покой и удачу. На Сардинии найдено шесть каменных, очень похожих друг на друга изваяний этого бога. Всего, по последним археологическим и эпиграфическим данным, на острове поклонялись одиннадцати финикийско-карфагенским божествам. Кроме трех, названных выше, здесь почитались также Мелькарт, покровитель многих городов, сравниваемый обычно с Геркулесом; Эсмун, бог, исцеляющий от болезней (позднее идентифицируемый с Эскулапом), Сид и др.³⁴. В Карфагене поклонялись и некоторым чужеземным божествам, особенно египетским и греческим. Известно, что карфагеняне в 396 г. до н. э. разграбили сиракузский храм Деметры и Коре-Персефоны. Желая предотвратить несчастья, которые могли бы на них обрушиться за столь тяжкие преступления, карфагеняне ввели в родном городе греческий культ этих богинь. Поклонение Деметре и Коре доказано и для Сардинии, в частности, неизменным атрибутом их культа — особыми вазами, называемыми *kegros*³⁵. Культовые отправления карфагеняне выполняли и в храмах, от которых на Сардинии сохранились многочисленные руины³⁶.

В период своего подчинения карфагенянам Сардиния стала привлекать внимание римлян. Причины, по которым они интересовались островом, были сходны с теми, что побудили карфагенян здесь прочно обосноваться. Однако интерес римлян к Сардинии был, пожалуй, более глубоким. Для них остров был прежде всего военным плацдармом. Римляне очень хотели превратить его в опорный пункт для своих легионов и одновременно в продовольственную базу для них: ведь карфагеняне за три столетия своего господства, как уже отмечалось, сумели организовать на острове производство сельскохозяйственных продуктов, главным образом зерна, создав здесь обширные латифундии.

Для римского военного флота имело большое значение и удобное географическое положение Сардинии, прежде всего ее близость к африканскому берегу и то обстоятельство, что через нее лежал путь к Пиренейскому полуострову. Естественно поэтому, что в длительной борьбе между Римом и Карфагеном овладение Сардинией могло сыграть решающую роль. В случае успеха любая из сторон приближала свои вооруженные силы и военные «базы» к самому сердцу противника: от Сардинии одинаково близко и до Карфагена, и до Рима.

Римляне стали интересоваться Сардинией еще в республиканский период их истории: они пытались высадиться на острове в IV в. до н. э., однако тогда их кратковременные экспедиции не имели успеха³⁷. Систематическая и постоянная борьба Рима с Карфагеном за Сардинию началась во время первой Пунической войны (264—241 гг. до н. э.). В 259 г. до н. э. римские войска под командованием Луция Корнелия Сципиона высадились на северо-западе Сардинии, захватили порт Оль-

³³ *Pesce G.* La scoperta del tophet di Sulcis.— *Atti del Convegno di studi religiosi sardi.* Padova, 1963, p. 19; *Barreca F.* Op. cit., p. 118.

³⁴ *Brigaglia M.* La Sardegna. Novara, 1973, p. 56; *Barreca F.* Op. cit., p. 119—127.

³⁵ *Жюльен Ш.-А.* История Северной Африки. Тунис — Алжир — Марокко с древнейших времен до арабского завоевания (647 год). М.: Изд-во иностр. лит., 1961, т. 123; *Barreca F.* Op. cit., p. 121.

³⁶ *Struglia G.* Op. cit., p. 62.

³⁷ *Sanna A.* Op. cit., p. 15; *Wagner M. L.* Op. cit., p. 18.

вию и изгнали оттуда карфагенян³⁸. В течение последующих 18 лет борьба между римлянами и карфагенянами шла с переменным успехом. В 241 г. до н. э. карфагенский флот был побежден римлянами в битве у Эгадских островов. Этим сражением завершилась первая Пуническая война. Однако Сардиния оставалась пока в руках карфагенян.

Через несколько лет, воспользовавшись мятежом карфагенских наемников, Рим отправил на остров войска под командованием консула Тиберия Семпрония Гракха. Во время кампании 238—237 гг. они оккупировали южную часть Сардинии. В 227 г. до н. э. из Сардинии и Корсики была образована вторая римская провинция³⁹.

Датой окончательного политического подчинения острова Риму считается 238 г. до н. э. Но еще долгие годы понадобились римлянам на то, чтобы действительно покорить Сардинию.

Фактически римляне оказались на острове приблизительно в том же положении, что и карфагеняне в первые годы их завоевания Сардинии, а может быть, даже и в худшем. Они выступали в роли жестоких рабовладельцев, чем вызвали к себе непреодолимую ненависть островитян. Если карфагенянам сравнительно быстро удалось подчинить себе береговые области, то римлян враждебно встретило все население острова: и сардо-пунийцы городов и южных равнин, и жители горных районов Сардинии. Населению Сардинии были прежде всего невыносимы непосильные налоги, введенные римлянами и взимаемые ими со всей собственности им систематичностью и жестокостью. Жители горных районов, веками чувствовавшие себя свободными от подобных поборов, не могли смириться с создавшимся положением. Древние авторы и эпиграфические памятники (главным образом триумфальные фасты) донесли до нас сведения о бесчисленных мятежах сардов против новых завоевателей. Поэтому римляне вынуждены были постоянно предпринимать карательные экспедиции в разные части Сардинии. Им неоднократно удалось сломить на какое-то время сопротивление островитян. Консулы возвращались в Рим, думая, что покорили мятежную Сардинию, но в это время вспыхивали новые восстания свободолюбивых жителей острова⁴⁰.

В период второй Пунической войны (218—201 гг. до н. э.), после блестящих побед карфагенского полководца Ганнибала в континентальной Италии, горцы Сардинии еще больше воодушевились и восстания их участились. Они использовали тактику внезапных нападений на равнину, отступления без боя, засад, вызывая раздражение римлян, считавших такое поведение вероломством. Эта тактика была рассчитана на изматывание сил противника и изнуряла его на враждебной и плохо знакомой земле, где к тому же свирепствовала малярия⁴¹.

Во время Пунических войн местное население и в прибрежной полосе неоднократно поднималось против римлян. Жители равнин и береговых районов тоже были настроены антиримски. В ходе второй Пунической войны карфагенянин Магн Кальв организовал на острове восстание, во главе которого затем встал один из представителей крупной латифундистской торговой аристократии по имени Гампсикора. Это был типичный сардо-пуниец. Историки по-разному определяют его происхождение. К. Беллиени и Р. Ди Туччи, вероятно, опираясь на Тита Ливия, называют его «знатным сардом»⁴², А. Мори — «сардо-пунийцем»⁴³. Дж. Струлья считает его карфагенянином⁴⁴.

Так как восстание было хорошо подготовлено, римлянам пришлось отправить на остров большое войско. На помощь восставшим поспешил карфагенский флот, который стремился отрезать высадившиеся на

³⁸ *Struglia G.* Op. cit., p. 15; *Wagner M. L.* Op. cit., p. 18; *Macciotta L.* La Sardegna e la storia. Cagliari, 1971, p. 66.

³⁹ *Putzulu E.* Op. cit., p. 33; *Meloni P.* Op. cit., p. 49.

⁴⁰ *Di Tucci R.* Storia della Sardegna. Sassari, 1964, p. 13.

⁴¹ *Bellieni C.* Op. cit., p. 99.

⁴² *Bellieni C.* Op. cit., p. 102.

⁴³ *Mori A.* Op. cit., p. 32.

⁴⁴ *Struglia G.* Op. cit., p. 74.

рове римские войска и оставить их без снабжения. По-видимому, тели равнин поддерживали дружеские или деловые контакты с горными Сардинии. Об этом говорит тот факт, что эти племена оказались союзниками в общей борьбе против римлян. Известно, что вождь поганцев Гампсикора направился в горы для организации отрядов из местных племен острова⁴⁵. Об этом сообщает Тит Ливий, называющий их «сардами в шкурах» («*Sardi pelliti*») (*Ливий*, XXIII, 40). Возможно, слово «*pelliti*» было в древности постоянным эпитетом горных сардов. Мелен, балары и другие племена глубинных районов Сардинии носили куртки из овечьей шкуры, служившие им не только одеждой, но и щитами в бою. Факт, что сарды носили одежду из шкуры, дважды отметил Марк Туллий Цицерон. Он называет жителей острова «разбойниками, одетыми в шубы» («*latrunculi mastrucati*»)⁴⁶. Прилагательное «*mastrucatus*» происходит от древнего сардинского слова «*mastruca*», обозначающего «шуба из овчины» или «тулуп»⁴⁷ и вошедшего затем в латинский язык.)

После второй Пунической войны, окончившейся поражением (хотя не уничтожением) Карфагена, последний уже не мог надеяться на возвращение Сардинии. В течение нескольких десятков лет после появления восстания Гампсикоры остров казался спокойным, и Рим продолжал его постепенное «завоевание». Но, несмотря на то, что внешний «возбудитель» сардов — Карфаген — фактически уже сошел с арены как политическая и моральная сила, островитяне продолжали сопротивляться римскому господству. В 178 г. до н. э. в очередной раз поднялись иолеи и балары. Они спустились с гор и наводнили усмиренные римлянами равнины и приморские районы. Завоеватели, постоянно рвавшие на острове сильные гарнизоны, послали на подавление гор в Тиберия Семпрония Гракха⁴⁸.

Жестокая война продолжалась 2 года и окончилась поражением горцев. Семпроний Гракх вернулся в Рим победителем, а в триумфальном шествии в честь консула родом проследовали захваченные в плен иолеи и балары. Затем пленники были проданы в рабство, из-за многочисленности — по ничтожной цене. Считается, что именно в это время утвердилось ставшее потом общеизвестным выражение «*Sarvenales*» («продаваемые сарды»)⁴⁹.

Однако и победа Тиберия Гракха не была окончательной. Известно, что восстания местных народов происходили также в 126—123 гг. и в 112—111 гг. до н. э. В 111 г. до н. э. Марк Цецилий Метелл отметил последний триумф над сардами, но и это вовсе не означало полной победы. Так, Цицерон называет победителем «разбойников в овечьих шкурах» претора Тита Альбуция (92 г. до н. э.). Последнее сохранившееся в истории упоминание о восстании на Сардинии относится к 19 г. до н. э.⁵⁰

Римляне владели островом добрых семь веков, и, судя по историческим, лингвистическим, этнографическим данным, оставили глубокие следы в языке, обычаях, традициях, социальной и экономической организации островитян⁵¹.

К концу господства римлян над Сардинией почти во всех ее районах завершилась романизация. Однако этот процесс носил здесь затяжной

⁴⁵ Meloni P. Op. cit., p. 14; Salvi S. Le nazioni proibite. Firenze, 1973, p. 559.

⁴⁶ Toschi P. Invito al folklore italiano. Roma, 1963, p. 44.

⁴⁷ Wagner M. L. Das ländliche Leben Sardiniens im Spiegel der Sprache. Heidelberg, 1921, S. 136.

⁴⁸ Sanna A. Op. cit., p. 15; Meloni P. Op. cit., p. 68—75.

⁴⁹ Из вотивной дощечки, посвященной по поводу этого события богине Mater Matrona, известно, что во время этой войны римляне убили и взяли в плен 80 тыс. сардов. Putzulu E. Op. cit., p. 34.

⁵⁰ Sanna A. Op. cit., p. 15; Putzulu E. Op. cit., p. 39; Wagner M. L. La lingua sarda, p. 10; Meloni P. Op. cit., p. 144.

⁵¹ Mori A. Op. cit., p. 34; Surchi S. Un'anima da riscoprire.— In: Tuttitalia. Enciclopedia dell'Italia antica e moderna. Sardegna. Firenze—Novara, 1963, p. 71; Bria M. Op. cit., p. 7; Pittau M. Sardegna al bivio. Cagliari, 1973, p. 28—35.

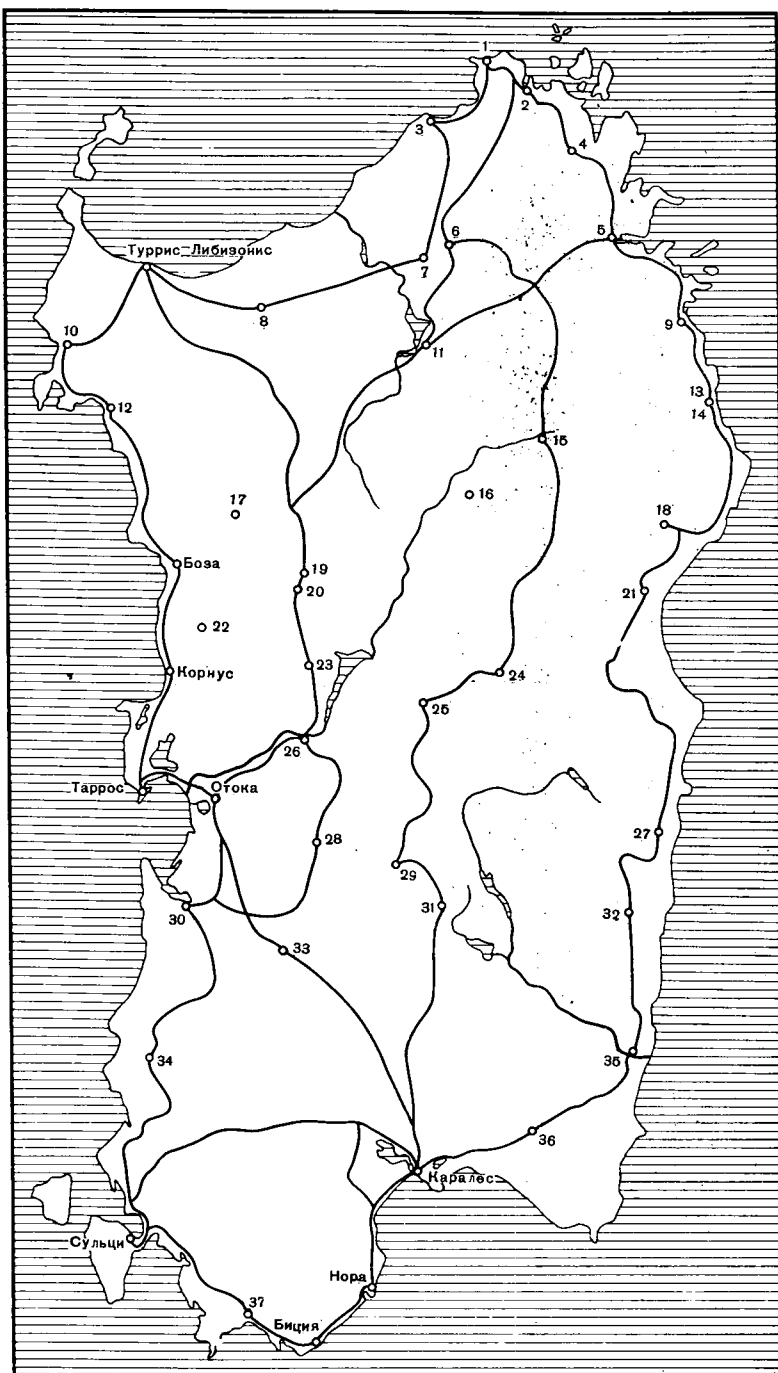

Рис. 3. Римские населенные пункты и дороги на о. Сардиния (сост. по: Meloni P. La Sardegna. Sassari, 1980): 1 — Тибула, 2 — Элефантария, 3 — Виниола, 4 — Турублум Минус, 5 — Ольвия, 6 — Гемелле, 7 — Эруциум, 8 — Ад Геркулем, 9 — Коклеария, 10 — Нуре, 11 — Лигвидо, 12 — Карбия, 13 — Портус Лигвидонис, 14 — Ферония, 15 — Капут Тирси, 16 — Акве Лезитане, 17 — Гурулус Вегус, 18 — Фанум Каризи, 19 — Молария, 20 — Макопсиса, 21 — Виниола, 22 — Гурулис Нова, 23 — Ад Меднас, 24 — Сорабиле, 25 — Августис, 26 — Форум Траяни, 27 — Кустодия Рубриенсис, 28 — Узелис, 29 — Валенция, 30 — Неаполис, 31 — Биора, 32 — Портинсес, 33 — Акве Неаполитане, 34 — Металла Сардопаторис Фанум, 35 — Саркапос, 36 — Феррария, 37 — Тегула

характер, и остров был целиком романизован гораздо позднее, чем другие земли, завоеванные римлянами в тот же период.

Из-за крайней скудости данных невозможно проследить все веки романизации Сардинии. К тому же этот сложный процесс проходил неодинаково в разных частях острова. Причины подобной неравномерности следует видеть в пестром этническом составе населения Сардинии накануне ее завоевания римлянами.

Несмотря на то, что римляне были встречены враждебно всеми этническими группами Сардинии, они с первых своих шагов на острове взялись за его систематическое освоение. Прежде всего глубокой романизации подверглись равнинные районы Сардинии. Она проходила здесь в нескольких сферах: экономической, культурной, административной. Как и в других завоеванных ими регионах, римляне начали со строительства новых и восстановления старых дорог. Наряду с римлянами и сабами, говорившими на латинском языке, к дорожным работам широко привлекались жители равнин, что знакомило их с римской культурой. Еще большее значение имело само существование и функционирование этих дорог, обеспечивших постоянный контроль римлян над населением разных районов острова и тем самым приобщавших жителей Сардинии к римской цивилизации.

Одним из типичных факторов романизации было и то, что римляне держали на острове свои легионы. Легионеры обрабатывали земли близ своих лагерей, а также вступали в мирные контакты с местным населением, знакомя его со многими элементами римской культуры. В свои легионы римляне привлекали и покоренных островитян. Несомненно, сарды романизовались как в ходе военной службы, так и после нее, становясь ветеранами. Возвращаясь домой, они приносили с собой знание римского образа жизни, религии, культуры. Получив земельные участки и поселившись на них вместе с семьями, сарды-ветераны становились таким образом проводниками романизации на родном острове.

Римляне сохранили крупные латифундии, появившиеся на Сардинии еще во время карфагенян, и создали новые. Земельные участки большой протяженности стали собственностью императоров, сенаторов и богатых лиц. Латифундисты жили в прекрасных виллах, снабженных удобствами. Особенно много вилл и деревень, принадлежавших римским собственникам, возникло в равнинной части острова вокруг городов Каралиса, Туриса и Ольвии. Для освоения земель на острове было переселено какое-то число италийских колонистов. Реорганизация латифундий также стала мощным фактором романизации сардинских равнин, ибо это означало вовлечение новых масс населения Сардинии в совместную с римлянами сферу деятельности и приобщение местного населения к латинскому языку.

Римляне построили на острове много общественных сооружений: акведуков, мостов, амфитеатров, терм и пр. Новые завоеватели восстановили на Сардинии горнорудное и металлургическое дело. Как известно по археологическим данным и из произведений некоторых античных писателей, римляне добывали на острове свинец, серебро и железо. В разработке рудников свидетельствуют характерные римские названия многих сардинских населенных пунктов, например такие как: Плумбейя, Арджентария, Феррария и Металла. Для добывания минералов и руд металлов, для постройки общественных сооружений также привлекалось местное население. Естественно, это также способствовало более тесному общению островитян с римлянами, усвоению ими латинского языка и невольно приобщало их к римской культуре.

Римляне ввели на острове свой аппарат административного управления. Здесь действовали статьи римского права, касающиеся налогообложения, регулирования правовых отношений между островитянами и римлянами и т. п. Все это, вместе взятое, также способствовало романизации населения Сардинии. Ведь вместе с систематическим проведением в жизнь римских правовых норм и норм «общественного порядка» не только распространялся латинский язык, но и внедрялись в со-

знание людей новые представления и новые формы поведения в личных областях жизни. Это, собственно, и означало распространение римской цивилизации на сардинской почве.

При новых завоевателях стала более сложной религиозная жизнь островитян. К богам, принесенным на Сардинию финикийцами и карфагенянами, добавилась теперь значительная часть пантеона языческого Рима. Археологические и эпиграфические памятники свидетельствуют о том, что здесь стали поклоняться Вакху, Сильвану, Венере Юноне, Марсу, почитали нимф и ларов, знали о культе императора⁵².

Видный советский исследователь романского мира В. Ф. Шишмарев, характеризуя процесс романизации в Италии, отметил, что римляне сумели «не только сплотить в одно политическое целое многоязычное и пестрое по своему этническому составу население Апеннинского полуострова, но и ассимилировать его, превратив в нечто единое, в основном говорящее одним языком, живущее одной культурной жизнью и почти одним и тем же бытом»⁵³. Эти слова как нельзя лучше отражают ситуацию, сложившуюся на рубеже старой и новой эры в полуостровной Италии, где в этот период, по-видимому, завершался процесс формирования латинской народности⁵⁴. Если же говорить о жизни второй римской провинции того же времени, приходится отметить, что даже к населению равнин Сардинии, прежде всего освоенных римлянами, никак нельзя отнести все перечисленные Шишмаревым черты романизации.

Следует помнить, что в отличие от ситуации на Апеннинском полуострове на берегах Сардинии римская культура наслонилась не на близкие культуры италийских народов, а на пуническую культуру карфагенян и пунизированного ими местного населения.

Как уже указывалось, накануне прихода римлян в Сардинию значительное число жителей ее городов составляли карфагеняне, которые прочно обосновались и на плодородных равнинах Южной и Западной Сардинии. В городах и в сельских местностях этих районов острова позиции развитой цивилизации карфагенян были сильны и в среде завоеванных ими местных жителей. Некоторые итальянские исследователи считают, что пуническая цивилизация в Сардинии была столь же жизненна, как в Африке⁵⁵. Действительно, за три столетия своего бытования на Сардинии пуническая культура пустила столь прочные корни, что, по образному выражению итальянского историка К. Беллиени, в момент перехода острова к римлянам «вся Южная Сардиния имела пуническое лицо и сердце»⁵⁶.

Пунический этнический компонент был мощным и после нескольких веков господства римлян. А так как он был к тому же представлен прежде всего образованной частью населения, его было нелегко ассимилировать. Если население сардинских равнин и заговорило единым языком своих новых завоевателей, его «пуническое сердце» продолжало биться еще долго. Так, археологические и эпиграфические находки II в. н. э., с одной стороны, говорят в пользу интенсивной романизации равнин, с другой — многие из них свидетельствуют о том, что в этих районах очень долго жил пунический этнический компонент, а в ряде случаев сохранялся и билингвизм⁵⁷.

Еще позднее римлянам удалось ассимилировать жителей горной Сардинии. Несколько веков, когда в равнинной части острова римляне внедряли свою культуру вширь и вглубь и превращали эти места в жит-

⁵² *Loddo-Canepa F.* Op. cit., p. 34; *Meloni P.* Op. cit., p. 334—344.

⁵³ *Шишмарев В. Ф.* Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. Л.: Наука, 1972, с. 7.

⁵⁴ *Лащук Л. П.* О формах донациональных этнических связей.— Вопросы истории, 1967, № 4, с. 88.

⁵⁵ *Moscatti S.* I Cartaginesi in Italia. Milano, 1977, p. 141.

⁵⁶ *Bellini C.* Op. cit., p. 55—56.

⁵⁷ *Moscatti S.* I Cartaginesi in Italia..., p. 141.

вищу империи, иолеи, балары и другие древнейшие племена Сардинии ставались в стороне от этого процесса. Можно сказать, что в это время они даже не были подчинены власти Рима политически. Многочисленные завоевательные походы римских войск во внутреннюю Сардинию заканчивались порой временными, порой мнимыми победами над горцами. И хотя последнее сохранившееся в истории упоминание о мятеже горцев относится к 19 г. н. э., многие племена, по-видимому, сохраняли свою самостоятельность и позднее. Из произведений некоторых античных авторов известно, что горцы скрывались в надежных убежищах и совершали оттуда налеты на равнины с целью грабежа. Подобная ситуация отмечена и в так называемой таблице Эстерцили, а также в депрете проконсула острова Эльвия Агриппы⁵⁸.

Таким образом, становится очевидным, что на рубеже старой и новой эры племена, населявшие горные зоны Сардинии, не только не подверглись романизации, но фактически даже не были завоеваны римлянами. Об этом же говорят и слабо представленная в центральных районах латинская эпиграфика, и меньшая, чем в береговых зонах, протяженность римских дорог, и небольшое число археологических памятников, которые можно бесспорно приписать римлянам. Иолеи, балары и корсы сохраняли в течение нескольких веков римского господства и свои этнические названия, что, бесспорно, свидетельствует о самостоятельной жизни самих этих общностей.

На основании всего изложенного представляется возможным выделить основные этапы этнической истории населения Сардинии в I тысячелетии до н. э.

К началу тысячелетия относится колонизация острова финикийцами. Наиболее значительные их города были основаны на юге Сардинии. В береговых районах острова установился обмен товарами между финикийцами и местными жителями. Осваивать глубинные районы Сардинии финикийцы, по-видимому, не стремились. В VI в. до н. э. финикийские колонии острова переживали постепенное угасание из-за политического ослабления самой Финикии.

В тот же период, когда ряд районов Сардинии осваивался финикийцами, ею стали интересоваться древние греки. Античные авторы пишут об этом часто, но свидетельства их недостоверны. Совершенно очевидно, однако, что в их полубогатых повествованиях нашло отражение стремление эллинов овладеть островом. В какой степени оно воплотилось в жизнь, сказать трудно.

В VI в. до н. э. на Сардинии впервые появились карфагеняне. Их колонизация острова существенно отличалась от финикийской. По сути дела это было военное вторжение. Карфагеняне, заставшие на Сардинии конгломерат разных племен и народов, владели значительной частью острова более трех столетий. В результате им удалось пунизировать население сардинских городов и прибрежных равнин и достигнуть определенного *modus vivendi* с горными жителями острова. В 238 г. до н. э. Сардиния стала официальным владением Рима. Приход новых завоевателей был встречен враждебно всеми островитянами: и карфагенянами, и пунизированными сардами, и независимыми горцами. Поэтому как фактическое завоевание отдельных областей острова, так и процесс их романизации проходили здесь крайне медленно. Особенности этого процесса, отмеченные в настоящей статье, позволяют автору утверждать:

Во-первых, в конце I тысячелетия до н. э. этнический состав жителей Сардинии продолжал оставаться пестрым.

Во-вторых, когда в этот период в древнем Риме завершался процесс формирования латинской народности, островитяне не стали одним из ее компонентов.

⁵⁸ *Sanna A. Op. cit.*, p. 15; *Meloni P. Op. cit.*, p. 124; *Corpus Inscriptionum Latinarum*, 2, 7852. Приводится по ст.: *Wagner M. L. Die Punicer und ihre Sprache in Sardinien.*— *Die Sprache*. Wien, 1955, B. III, H. 2, S. 94—95.

Д. Д. Тумаркин

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ

**М. Н. ВАСИЛЬЕВА — ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
И ЭТНОГРАФИИ ГАВАЙСКИХ ОСТРОВОВ ***

В июле 1819 г. из Кронштадта в кругосветное плавание вышла экспедиция, руководимая капитан-лейтенантом М. Н. Васильевым. Шлюпом «Открытие» командовал сам Васильев, а шлюпом «Благонамеренный» — капитан-лейтенант Г. С. Шишмарев. Главной целью экспедиции было отыскание морского пути из Тихого в Атлантический океан севернее американского континента или материка Евразии. Эта цель, в то время невыполнимая, не была достигнута. Но экспедиция Васильева внесла свой вклад в решение данной проблемы. Дважды проникнув в Северный Ледовитый океан, она описала значительный участок арктического побережья Америки, изучила условия плавания в этих широтах, собрала сведения о местном населении, а в Беринговом море открыла о. Нунивак, нанесла на карту некоторые другие острова или уточнила их местоположение, уделила серьезное внимание этнографическим наблюдениям. Находясь в Тихом океане, экспедиция посетила также Порт Джексон (Сидней), Калифорнию, Камчатку, основные поселения Русской Америки. В апреле 1820 г. Васильев и его спутники обнаружили группу коралловых островов, которые назвали островами Благонамеренного, и оставили их краткое описание¹. В марте-апреле и декабре 1821 г. корабли экспедиции заходили на Сандвичевы (Гавайские) острова².

По возвращении «Открытия» и «Благонамеренного» в Кронштадт (август 1822 г.) в русских газетах и журналах появились сообщения, высоко оценивающие как научные результаты экспедиции, так и мореходное искусство и мужество ее участников. Поэт В. И. Хвостов воспел это кругосветное плавание в поэме. Однако отчет об экспедиции Васильева не был опубликован, и долгое время считалось, что ее подробного описания не существует.

Дело в том, что Васильев по возвращении в Россию не получил длительного отпуска для написания труда о возглавлявшейся им экспедиции, а был вскоре назначен на командную должность в Кронштадт. В одном из документов, хранящихся в Центральном государственном архиве военно-морского флота СССР в Ленинграде (ЦГАВМФ), прямо говорится, что «Васильев... отозвался неимением времени для описания сего достопамятного путешествия»³. Тогда за этот труд взялся А. П. Лазарев (брат известного мореплавателя, исследователя Антарктиды) участвовавший в плавании в качестве лейтенанта на шлюпе «Благонамеренный».

В 1830 г. Лазарев закончил описание экспедиции и представил свое сочинение начальству. Но Ученый комитет Морского штаба отказал:

* В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на XV Тихоокеанском научном конгрессе в Новой Зеландии (Данидин, февраль 1983 г.).

¹ Это был очевидно, атолл Нукуфетау, открытый, как выяснилось позднее английским капитаном А. Де Пейстером в 1819 г.

² Оба корабля вначале подошли к западному побережью о. Гавайи, где ранее находилась резиденция короля. Но, узнав, что она недавно перенесена в Гонолулу (южное побережье о. Оаху), экспедиция отправилась туда. Во время обоих заходов русские корабли стояли в Гонолулу, обладающем прекрасной гаванью.

³ ЦГАВМФ, ф. 205, оп. 1, д. 644, л. 5.

добрить полученную рукопись, видимо, все еще надеясь на то, что такое описание в соответствии с традицией будет подготовлено начальником экспедиции. В результате труд Лазарева пролежал 14 лет без движения, а затем был взят обратно автором⁴.

Почти одновременно с рукописью Лазарева в Ученый комитет Морского штаба поступили записки о той же экспедиции от бывшего мичмана (с 1820 г. — лейтенанта) «Благонамеренного» К. К. Гиллесема. Комитет уклонился от одобрения и этой рукописи, и в 1831 г. она была возвращена автору⁵. Лишь в 1849 г., через два года после смерти Васильева, сокращенный вариант записок Гиллесема был опубликован в одном из петербургских журналов⁶.

В 1852 г. в журнале, издававшемся Морским министерством, появились «Сведения о чукчах» командира «Благонамеренного» Г. С. Шишмарева⁷. Эти материалы, собранные им в 1821 г. во время плавания в Беринговом море, были опубликованы посмертно (Шишмарев умер в 1835 г. в чине контр-адмирала). В редакционном предисловии сообщается, что они «заимствованы нами из записок Г. Шишмарева»⁸.

Новый этап в выявлении и публикации материалов экспедиции Васильева начался только после Второй мировой войны. В 1948 г. в Смоленском областном архиве была обнаружена неизвестно как попавшая туда упомянутая выше рукопись Лазарева. В 1950 г. она была издана отдельной книгой⁹. В отличие от Гиллесема, осветившего в журнальной публикации лишь часть плавания на «Благонамеренном», Лазарев, опираясь на собственный дневник, составил систематическое описание экспедиции с самого ее начала до возвращения в Кронштадт. В его «Записках» приводится много интересных данных по географии и морскому делу, рассказывается о посещенных местностях и встречах с их обитателями, но, к сожалению, содержится сравнительно мало этнографических наблюдений (исключение составляет довольно подробное описание культуры и быта оленных чукчей).

В качестве приложений к упомянутой рукописи опубликован ряд архивных материалов, освещающих подготовку плавания и частично дополняющих «Записки» Лазарева. Но и после этой публикации в фондах ЦГАВМФ оставалось немало документов экспедиции Васильева, все еще не известных исследователям, в том числе и такие, которые представляют значительный интерес для историков и этнографов. О некоторых из них автор этих строк рассказал в небольшой статье, опубликованной в 1960 г.¹⁰

Прежде всего выяснилось, что Васильев провел большую подготовительную работу, предполагая, очевидно, написать отчет об экспедиции. Эта работа отражена в его объемистых черновых записках, занимающих несколько тетрадей большого формата. Судя по всему, записи делались, что называется, по горячим следам — во время плавания или вскоре по

⁴ ЦГАВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 44, л. 29—49.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 44, л. 9—28; ф. 205, оп. 1, д. 258, л. 1—17.

⁶ Гиллесен К. Путешествие на шлюпе «Благонамеренный» для исследования берегов Азии и Америки за Беринговым проливом с 1819 по 1822 г. — Отечественные записки, 1849, № 10—12. (О Гавайских островах — № 12, с. 215—225). В деле о рассмотрении указанной рукописи в Ученом комитете Морского штаба сохранилось подробное оглавление ее первой части (ЦГАВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 44, л. 32). Ознакомление с этим документом показывает, что в журнальной публикации отсутствуют главы и части глав, имевшиеся в рукописи. В архивных документах и публикациях встречаются разные написания фамилии этого офицера — Гиллесем, Гилльсен, Геллесем (далее цит. как Гиллесем).

⁷ Шишмарев Г. Сведения о чукчах. — Записки Гидрографического департамента, X. СПб., 1852, с. 178—200.

⁸ Там же, с. 179.

⁹ Лазарев А. П. Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренного» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 гг. Под редакцией, с вступительной статьей и комментариями А. И. Соловьева. М.: Географгиз, 1950. Текст опубликован с незначительными сокращениями, оговоренными редактором (далее цит. как Лазарев).

¹⁰ Тумаркин Д. Д. Новые архивные материалы о гавайцах. — Сов. этнография, 1960, № 2, с. 158—160.

его окончании. Это заметки о ходе экспедиции, очерковые описания ряд местностей, включая Камчатку, Калифорнию и Алеутские острова справки по заинтересовавшим его вопросам (например, о китобойном промысле на Тихом океане). Один из наиболее подробных разделов его записок озаглавлен «Сандвичевы острова»¹¹. Как по обилию этнографических деталей, так и особенно по уровню обобщений этот раздел превосходит соответствующие части публикаций Гиллесема и Лазарева.

Для сбора материалов о природе, населении и истории Гавайских островов Васильев составил подробный вопросник и поручил его заполнение одному из офицеров шлюпа «Открытие» лейтенанту Р. П. Бойлю. Выполняя это поручение, Бойль расспрашивал через переводчика (англичанина Дж. Бекли, исполнявшего, по его словам, обязанности капитана порта в Гонолулу) гавайских вождей и других островитян, беседовал с иностранными поселенцами. Он не только ответил на поставленные вопросы, но и составил записку по этой проблематике¹². Материалы, собранные Бойлем, были использованы Васильевым при написании раздела его записей, посвященного Гавайским островам. Однако сопоставление этих рукописей показывает, что начальник экспедиции располагал и другими данными, полученными в ходе собственных бесед и непосредственных наблюдений.

Стремясь глубже изучить различные стороны жизни гавайцев, Васильев поручил офицерам своего шлюпа составить русско-гавайский словарь. В этой рукописи, также хранящейся в ЦГАВМФ, содержится перевод около 800 слов и речевых оборотов, дается краткая справка о фонетике местного языка и ее специфике на отдельных островах архипелага¹³. В том же архивном фонде автор этих строк обнаружил два письма американского миссионера Х. Бингхема, адресованных Васильеву и датированных 15 апреля и 30 декабря 1821 г.¹⁴

Однако история выявления материалов кругосветной экспедиции Васильева на этом не закончилась. В 1968 г. в журнале, издаваемом Географическим обществом СССР, появилось сообщение о находке путевого дневника еще одного участника плавания — мичмана «Благонамеренного» Н. Д. Шишмарева (племянника командира этого шлюпа)¹⁵. В. В. Кузнецова, обнаружившая дневник, привлекла внимание читателей к значению этой рукописи для изучения действий экспедиции Васильева в северных широтах¹⁶. Однако дневник Шишмарева представляет не меньший интерес и для специалистов по истории и этнографии Гавайских островов.

Ознакомление с дневником показывает, что это писарская копия, по-видимому, подготовлявшаяся к печати. В примечании, помещенном на первой странице, сообщается, что рукопись «была доставлена в редакцию С. В. Максимова»¹⁷. С. В. Максимов (1831—1901) — известный русский этнограф и публицист, который с середины 50-х годов прошлого века на протяжении нескольких десятилетий активно сотрудничал в журнале «Морской сборник», выпускавшемся Морским министерством, и некоторых других периодических изданиях. Отсюда можно заключить, что дневник Н. Д. Шишмарева был предложен к публикации уже после смерти автора, скончавшегося в 1843 г. В рукописи встречаются сокращения и другая редакторская правка, сделанные карандашом. Однако этот дневник, к сожалению, так и не был напечатан.

¹¹ ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 104, л. 16—70 (далее цит. как *Васильев*).

¹² ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 113, л. 1—16 (далее цит. как *Бойль*). В архивной копии эта рукопись отнесена к числу сочинений «неустановленных авторов». Путем анализа содержания записки и сопоставления ее с другими материалами мне удалось установить ее авторство.

¹³ ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 44, л. 1—17.

¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 116, л. 2—6.

¹⁵ Журнал 1819, 1820, 1821 и 1822 годов на шлюпе «Благонамеренном». — ЦГАВМФ, ф. 203, оп. 1, д. 7306, л. 1—264 (далее цит. как *Шишмарев*).

¹⁶ Кузнецова В. В. Новые документы о русской экспедиции к Северному полюсу. — Изв. ВГО, 1968, № 3, с. 237—245.

¹⁷ Шишмарев, л. 1.

Шишмарев вел «журнал» день за днем, излагая важнейшие события экспедиции от своего назначения на шлюп в мае 1819 г. до возвращения в Кронштадт. Молодой моряк, впервые отправившийся в дальний вояж, стоятельно и вместе с тем очень живо и непосредственно описывал увиденное. Его дневник в ряде случаев существенно дополняет труды других участников экспедиции.

Материалы об этом плавании удалось обнаружить и в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ОРГПБ). Здесь хранятся, например, части двух записок упомянутого выше сочинения Лазарева, позволяющие проследить авторскую работу над текстом. Одна рукопись представляет собой агмент писарской копии его путевого дневника (июль — ноябрь 1820 г.), другая — часть промежуточного варианта его «Записок» (октябрь 1820 г. — май 1822 г.) с обильной правкой¹⁸. Сравнение показывает, что в окончательный вариант не попали некоторые детали, касающиеся морского дела, и в то же время были добавлены немногочисленные дие рассуждения и отдельные фактические детали; текст подвергся еще значительной литературной правке. Там же находится составленный Лазаревым «Словарь с русского языка на сандвической»¹⁹, который охватывает более 700 слов и словосочетаний и отчасти дополняет логичный словарь, подготовленный офицерами «Открытия».

Работу по выявлению трудов Васильева и его спутников и теперь нельзя считать законченной. Так, до сих пор не удалось обнаружить копии записок К. К. Гиллесема и Г. С. Шишмарева. Не исключено, что дневники вели и некоторые другие участники экспедиции. Следует также учитывать, что на борту «Благонамеренного» находился талантливый живописец Е. М. Корнеев, который, по его собственным словам, исполнил в ходе экспедиции около 300 рисунков²⁰. Как видно из дневника Н. Д. Шишмарева, этот художник написал несколько акварелей во время пребывания на Гавайских островах²¹. Вернувшись в Россию, намереваясь издать художественный альбом с гравюрами, рассказывающими о кругосветном плавании. Однако морской министр воспротивился этой публикации, заявив, что гравюры должны быть напечатаны вместе с описанием экспедиции Васильева²². Когда Лазарев в 1830 г. представил свои «Записки» на рассмотрение Ученого комитета морского штаба, к ним был приложен 171 рисунок, выполненный Корнеевым²³. Дальнейшая судьба этой коллекции, несомненно, имеющей большую познавательную и художественную ценность, остается пока неизвестной. Но поиски материалов экспедиции Васильева продолжают и возможны новые находки.

Васильев и его спутники дважды посетили Гавайские острова в 1819 г., т. е. в переломный период истории этого архипелага.

В мае 1819 г. умер Камеаеа I, основатель единого гавайского государства. В годы его правления еще продолжали развиваться отдельные родовые черты местной культуры, произошло объединение архипелага, утвердился общественный строй с феодальными чертами, на смену введению вождей пришла королевская власть, но знакомство с западной цивилизацией принесло островитянам наряду с техническими новациями серьезные социальные бедствия. Под руководством Камеаеа I гавайский народ успешно сдерживал натиск чужеземцев (*хао-лоа*). Однако уже тогда появились симптомы, позволявшие предвидеть исход этой неравной борьбы²⁴. После смерти Камеаеа I процесс раз-

¹⁸ ОРГПБ, Ф. XVII.106.11, л. 213—257; ф. И. Т. Помяловского, № 72, л. 1—140.

¹⁹ ОРГПБ, Ф. XVII.106.11, л. 16—34.

²⁰ Гончарова Н. Н. Художник кругосветной экспедиции 1819—1822 гг. Е. Корнеев. Изв. ВГО, 1973, № 1, с. 70.

²¹ Шишмарев, л. 117об.—118.

²² Гончарова Н. Н. Указ. раб., с. 71.

²³ ЦГАВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 44, л. 32.

²⁴ См. *Kuykendall R. S. The Hawaiian Kingdom, 1778—1854. Foundation and Transformation. Honolulu, 1938, ch. 2—3; Тумаркин Д. Д. Вторжение колонизаторов в «край южной весны». М.: Наука, 1964, гл. 2—5; его же. Материалы первой русской кругосвет-*

рушения гавайской культуры и подчинения островитян иностранной пришельцам, насаждающим собственную культуру, быстро двинулись вперед.

В ноябре 1819 г. Лиолио (Камеамеа II), унаследовавший имя, власть но не таланты своего отца, провозгласил ниспровержение старой гавайской религии²⁵. В апреле 1820 г. на острове высадились первые американские миссионеры. Тогда же этот архипелаг начал превращаться в главную базу американских китобоев на Тихом океане. Миссионеры китобой играли решающую роль в процессе «американизации» архипелага на протяжении нескольких последующих десятилетий. Но в первые годы после смерти Камеамеа I, когда эти группы хаоле еще только начинали свою деятельность на Гавайях, особенно глубокого воздействия на все стороны жизни местного населения оказывала «сандаловая лихорадка» — массовый вывоз с островов сандалового дерева.

В дневниках и записях участников экспедиции Васильева ярко и разносторонне запечатлена обстановка, существовавшая тогда на Гавайских островах, и в этом главная ценность их трудов для историков и этнографов. Но в этих источниках содержится также немало интересных данных о самобытной культуре гавайцев и сдвигах в различных ее компонентах под влиянием контактов островитян с носителями западной цивилизации.

Наиболее подробно описаны Васильевым и его спутниками материальная культура и хозяйственные занятия местного населения. В этих отношениях их дневники и записи, пожалуй, превосходят труды Ю. Ф. Лисянского и других русских путешественников, посетивших архипелаг в начале XIX в.²⁶ Так, участники экспедиции сообщают интересные сведения о земледелии — одной из основных отраслей гавайской экономики. Они рассказывают о традиционных сельскохозяйственных культурах, уделяя особое внимание методам выращивания таро, характеризуют другие продовольственные ресурсы архипелага (домашние животные, рыба, съедобные водоросли и т. д.)²⁷. Шишмарев подобно Лисянскому предсказал большое будущее сахарному тростнику²⁸. Сообщая о местных приемах приготовления пищи, русские моряки подробно описали устройство земляной печи (*уми*), процесс выработки ритуального опьяняющего напитка *кава* (*ава*)²⁹.

«Сандвичане, — подчеркивал Шишмарев, — имеют большую способность и хороший вкус к рукоделаниям»³⁰. В трудах участников экспедиции рассказывается о способах изготовления циновок, дается характеристика лодок гавайцев, их оружия, рыболовных принадлежностей, посуды и другой домашней утвари³¹. Почти все участники экспедиции, писавшие о гавайцах, отмечали высокие художественные достоинства тап (*капа*) и описывали методы ее выделки³². Характерно, что Васильев и Бойль стремились всякий раз точно определить материал, из которого сделан тот или иной предмет, причем стремились узнать его местное название.

ной экспедиции как источник по истории и этнографии Гавайских островов. — Сов. этнография, 1978, № 5, с. 71—84.

²⁵ О предпосылках и причинах этой «культурной революции» см., например, Kendall R. S. Op. cit., p. 65—70; Тумаркин Д. Д. Гавайский народ и американские колонизаторы, 1820—1865. М.: Наука, 1971, с. 83—87; Sahlins M. Historical Metaphors and Mythical Realities. Structure in the Early History of the Sandwich Islands Kingdom. Ann Arbor, 1981, p. 33—66. В книге Саллинса приведена обширная литература по этому проблеме.

²⁶ Тумаркин Д. Д. Материалы первой русской кругосветной экспедиции..., с. 72—

²⁷ Васильев, л. 28—30, 32, 50; Бойль, л. 13об.; Шишмарев, л. 120—121об.

²⁸ Шишмарев, л. 121об.

²⁹ Васильев, л. 28об.—29, 32; Шишмарев, л. 119об.—120; Лазарев, с. 268; Гиллем

³⁰ Шишмарев, л. 121об.

³¹ Васильев, л. 31об., Бойль, л. 13, 15; Шишмарев, л. 106, 120об., 188.

³² Васильев, л. 30об.—31; Бойль, л. 14; Шишмарев, л. 121об. — 122; Гиллем

Васильев, Шишмарев и Гиллесем оставили подробное описание традиционного гавайского жилища, состоявшего по ритуальным соображениям из нескольких построек. По их наблюдениям, дома вождей (*алии*) амого короля отличались от жилищ общинников (*макааинана*) в основном лишь своими размерами, наличием фундамента из коралловых плит и внутренним убранством³³. Однако, как сообщает Шишмарев, некоторые вожди по примеру хаоле, поселившихся в таких же «шалашах», стали делать в своих жилищах «перегородки, отделяя спальню от прихой, и имеют кровати, но никогда не случалось видеть, чтобы они лежали на них»³⁴. В марте 1821 г. лишь Каауману — любимая жена Каамеа I, соправительница (*куина нуи*) Лиолио — жила в двухэтажном деревянном доме, построенном для нее американским торговцем; в конце 1821 г. такой же дом был сооружен для Лиолио³⁵.

Все участники экспедиции, писавшие о гавайцах, обращали внимание на их одежду, прически и украшения. Эти наблюдения касаются как традиционной повседневной одежды (женской юбочки *пау*, мужской надремной повязки *мало* и накидки *кихеи*, изготовляемых из тапы), так церемониального одеяния вождей — плащей и шлемов из красных, золотистых и черных птичьих перьев³⁶. По сведениям, полученным Васильевым и Шишмаревым, изготовление этих драгоценных плащей и шлемов фактически прекратилось; вместо них король и другие верховные вожди при встречах с хаоле надевали европейскую одежду, а в особых торжественных случаях (например, при посещении иностранных военных судов) — раззолоченные «генеральские» и «адмиральские» мундир, которыми снабдили их за высокую плату предприимчивые американские торговцы³⁷. Менее знатные алии и макааинана обычно ходили в традиционной одежде, к которой добавляли иногда отдельные части европейского костюма³⁸. Впрочем, и для Лиолио и других верховных вождей европейская одежда оставалась чем-то чуждым, и по возвращении домой после встреч с иностранцами они с удовольствием сменяли на легкие традиционные одеяния³⁹.

Примерно то же самое можно сказать о европейских кушаньях, которые подавались во время официальных приемов. Васильев утверждает, что король и другие правители «приезжали к нам запросто обедать, подавались им наши щи, любят также пирожное»⁴⁰. Однако Гиллесем и Шишмарев уточняют, что заморские деликатесы гости заедали «своим обычным таро, привезенным ими с собой», что Лиолио «даже не умел есть на стуле и никогда не употреблял ложки, ножа и вилки»⁴¹.

Участники экспедиции в целом правильно охарактеризовали общественный строй гавайцев в конце XVIII — начале XIX в., сообщив о наличии на островах раннеклассового общества с двумя основными социальными группировками (алии и макааинана) и об иерархии среди самих вождей⁴². В рукописях Васильева и Бойля довольно подробно описаны существовавшие в тот период поземельные отношения и вытекающая из них система многоступенчатой зависимости — от макааинана до верховных вождей. Значительный интерес, в частности, представляют приводимые данные о регулировавшихся обычаями повинностях в пользу алии в форме натуральных поставок и отработок, которые макааинана несли с появлением чужеземцев. Сообщается и о различных «королевских по-

³³ Васильев, л. 23—24; Шишмарев, л. 111, 118об.—119; Гиллесем, с. 218.

³⁴ Шишмарев, л. 119.

³⁵ Гиллесем, с. 218, 221; Шишмарев, л. 119об.

³⁶ См., например: Васильев, л. 31—32 об.; Бойль, л. 7об.—8, 13об.—14; Шишмарев, л. 108об., 117—118.

³⁷ Васильев, л. 35об.; Шишмарев, л. 108, 111об., 112 об., 193—194; Лазарев, с. 256, 259—260; Гиллесем, с. 222—224.

³⁸ Васильев, л. 33; Шишмарев, л. 108об., 112об.; Лазарев, с. 256; Гиллесем, с. 224.

³⁹ Васильев, л. 33об.; Гиллесем, с. 222.

⁴⁰ Васильев, л. 54.

⁴¹ Гиллесем, с. 222—223; Шишмарев, л. 120об.

⁴² Васильев, л. 34об.—35; Бойль, л. 2об.—3об., 9; Шишмарев, л. 114об.; Гиллесем, с. 221.

борах», которые увеличивались и становились все более разнообразными по мере развития товарообмена с хаоле⁴³. При сопоставлении с другими источниками эти материалы позволяют глубже понять социальную организацию гавайцев накануне открытия архипелага Дж. Куком и ее эволюцию в начальный период контактов с иностранцами.

Васильев и его спутники не смогли собрать сколько-нибудь подробных данных о старой гавайской религии, хотя в их дневниках и записках и встречаются упоминания о различных видах табу (*капу*) и статуях богов⁴⁴. Однако Бойлю удалось записать интересную информацию о религиозных обрядах и церемониях, устраивавшихся во время праздника плодородия *макахики*, причем он в отличие от Лисянского, оставившего подробное описание этого праздника, сумел выявить его основную социальную функцию: во время макахики происходил сбор податей в пользу верховного вождя, считавшегося в мирные дни воплощением бога Лоно⁴⁵.

Внимания специалистов заслуживают также собранные Бойлем сведения о брачных обычаях гавайцев и подробное описание им комплекса обрядов, производившихся при похоронах вождя. Бойль отмечает, что эти обряды в основном соблюдались и в 1821 г., прекратились лишь человеческие жертвоприношения⁴⁶.

В трудах участников экспедиции Васильева содержатся некоторые сведения об обстоятельствах, при которых произошло ниспровержение старой религии и было подавлено восстание ее приверженцев во главе с Кекуаокалани — племянником Камеамеа I, хранителем священного изображения бога войны. По словам Лазарева, этот ревнитель веры предков «был поддерживаем, кроме жрецов, большей частью народа»⁴⁷. Но зато, как подчеркивают русские мореплаватели, королю-святоотцу помогали иностранцы и его войско было хорошо вооружено, тогда как у восставших почти не было огнестрельного оружия⁴⁸.

Лазарев и Шишмарев полагали, что в результате отмены системы табу, разрушения святилищ (*хеиау*) и сожжения стоявших там статуй богов гавайцы «остались совершенно без всякой религии»⁴⁹. Но, как сообщают английские миссионеры Д. Тайермен и Дж. Беннет, посетившие архипелаг в 1822 г., старые верования отнюдь не были искоренены⁵⁰. «Даже среди тех, кто внешне признал новый порядок, — писал, обобщая многочисленные сообщения очевидцев, Р. С. Кикендолл, — было много таких, которые тайно сохраняли верность своим богам. Старые боги Гавайев имели приверженцев долгое время после 1819 г. ...многим идолам, тайно сохраняемым, столь же тайно поклонялись»⁵¹.

О скоропалительности вывода Лазарева и Шишмарева свидетельствуют и некоторые материалы экспедиции Васильева. Как видно из этих материалов, даже Лиوليو и его ближайшее окружение, сыгравшие ведущую роль в официальном ниспровержении «идолопоклонства», во многом оставались еще (возможно, подсознательно) во власти старых верований. Помимо упомянутого выше сохранения традиционных похоронных обрядов, об этом свидетельствовал глубоко укоренившийся страх перед вредоносной магией. По гавайским поверьям, человека можно было колдовством обречь на смерть, если овладеть его мокротой или

⁴³ Бойль, л. 2об.—3; Васильев, л. 35—36; Шишмарев, л. 116; Гиллесем, с. 223; Лазарев, с. 337.

⁴⁴ Бойль, л. 4—4об., 9; Шишмарев, л. 116, 120; Лазарев, с. 272.

⁴⁵ Бойль, л. 9—9об.; Тумаркин Д. Д. Материалы первой русской кругосветной экспедиции..., с. 76—77.

⁴⁶ Бойль, л. 8—9, 12об. См. также Васильев, л. 32об.—33.

⁴⁷ Лазарев, с. 272.

⁴⁸ Васильев, л. 49об., 60; Бойль, л. 5об.; Лазарев, с. 272—273. По сообщению Васильева и Бойля, перевод Лиوليو окончательно определился после того, как капитан американского судна «Араб» в решающий момент продал королю 800 ружей.

⁴⁹ Лазарев, с. 273; Шишмарев, л. 115об.

⁵⁰ Tyerman D., Bennet G. Journal of Voyages and Travels, v. I. L., 1831, p. 370—374, 382, 485—486.

⁵¹ Kuykendall R. S. Op. cit., p. 69.

слюной. Поэтому Лиолио и других вождей повсюду безотлучно сопровождали доверенные прислужники с маленькими, тщательно закрываемыми коробочками «для сморканья и плеванья»⁵².

Дж. Ванкувер и А. Шамиссо обнаружили на Гавайских островах зачатки театральных представлений. «Сии торжественные игры овагийцев (гавайцев.— Д. Т.),— писал Шамиссо, посетивший архипелаг в 1816—1817 гг. в составе русской кругосветной экспедиции О. Е. Коцебу,— приводят нам на память хоры греков и их трагедии, существовавшие прежде введения в оные разговоров»⁵³. Васильев и Шишмарев подробно описали эти синкретические представления, во время которых хор излагал какую-нибудь легенду или вспоминал действительно происшедшее событие, а другие участники в танце (*хула*) изображали рассказываемое. Во время первого пребывания экспедиции в Гонолулу такие «игралища» устраивались ежедневно при восходе и заходе солнца возле королевского «дворца», а иногда и в крепости. В них участвовали до 150 женщин и 30 мужчин из «знатных семейств». В отличие от Ванкувера и Шамиссо русские моряки упоминают о наличии в хоре «запевалы», т. е. солиста⁵⁴.

О том, что такие представления и после официального ниспровержения старой религии в какой-то мере сохраняли ритуальный характер, свидетельствует интересное наблюдение Шишмарева. Он сообщает, что по окончании «игралищ» танцоры бросали украшавшие их венки, а иногда и прикрывавшие их наготу куски тапы внутрь небольшой загородки, где стояли «два столбика»⁵⁵. Не символизировали ли эти «столбики» запретные статуи богов? «Нам рассказывали,— пишет Васильев,— что в песнях и плясках своих они просят верховное существо, чтобы дало им во всем изобилие, сохранило бы их владетеля, избавило бы от несчастий и всех зол»⁵⁶.

Природные красоты окрестностей Гонолулу и всей южной части о. Оаху, имеющей, по словам Гиллесема, «лучший климат на земном шаре»⁵⁷, красочные «игралища» вождей, официальные визиты и приемы, пирушки, устраиваемые американскими капитанами и торговцами в честь русских моряков,— все это не заслонило от участников экспедиции Васильева суровые реальности повседневной жизни гавайцев, на которую глубокий и зловеющий отпечаток наложила «сандаловая лихорадка»⁵⁸.

В дневниках и записках участников экспедиции содержится немало сведений о вывозе гавайского сандала (*илиаи*), фактически монополизированном американцами, об организации этой торговли и ее связи с пушным торгом на Тихом океане. Сообщается о ценах, по которым «бостонцы» приобретали илиаи на Гавайских островах и продавали его в Кантоне. Впрочем, как подчеркивали русские моряки, эта разница в ценах еще не позволяла правильно судить о прибылях американских фирм, так как «бостонцы» расплачивались с гавайской знатью за сандал не деньгами, а различными товарами, за которые назначали непомерно высокие цены⁵⁹.

Чтобы побудить короля и верховных вождей, которым Лиолио разрешил участвовать в торговле сандалом, в больших количествах прода-

⁵² Васильев, л. 41об.; Шишмарев, л. 111; Лазарев, с. 256.

⁵³ Шамиссо А. Наблюдения естествоиспытателя экспедиции.— В кн.: Коцебу О. Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив... в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах. Т. III, СПб., 1823, с. 311—312.

⁵⁴ Васильев, л. 54—55об.; Шишмарев, л. 109об.—110. См. также Лазарев, с. 270; Гиллесем, с. 224.

⁵⁵ Шишмарев, л. 110.

⁵⁶ Васильев, л. 55об.

⁵⁷ Гиллесем, с. 225.

⁵⁸ О причинах «сандаловой лихорадки», см.: Bradley H. W. The American Frontier in Hawaii. The Pioneers, 1789—1843. Berkeley, 1942, p. 60—61; Тумаркин Д. Д. Гавайский народ и американские колонизаторы, с. 32—34.

⁵⁹ Васильев, л. 21об.—22об., 24об.—25, 36, 67; Бойль, л. 3об.—4; Шишмарев, л. 121; Лазарев, с. 258; Гиллесем, с. 223.

вать это благоуханное дерево, американцы стремились привезти на острова большое количество «новинок», способных поразить воображение гавайских алии, — «престижную» одежду, ткани и украшения, всевозможную галантерею, за которыми последовали фарфоровые сервизы, хрусталь, китайские шелка, сборные дома и т. д. Важной статьей ввоза были также ром и другие спиртные напитки⁶⁰.

Гавайская знать была ослеплена открывшейся перед нею возможностью обогащения, которое в соответствии с традиционными верованиями, по-видимому, представлялось ей приобщением к сверхъестественной силе (*мана*) чужеземцев⁶¹. Торговцы умело разжигали эту страсть к приобретательству и незаметно придавали ей нужное им направление. Они внушали гавайским алии, что те должны стараться во всем походить на «белых джентльменов», и ловко сбывали им товары в которых, как подчеркивал Васильев, эти вожди «по справедливости не имеют никакой надобности»⁶².

Особенно выгодным делом была продажа королю и верховным вождям старых морских судов, за каждое из которых торговцы-янки получали большой груз драгоценного илиаи. Если Камеаеа I обычно придирчиво осматривал предлагаемое судно, проверяя его мореходные качества, то Лиолио и его сподвижники интересовались главным образом внутренним убранством кают и свежестью палубной окраски. Убедившись в этом, американские фирмы стали скупать старые, предназначенные на слом суда, наспех ремонтировать их, чтобы они могли выдержать еще одно далекое плавание, и, окрасив палубные надстройки в яркие цвета и убрав каюты коврами, посылали вместе с грузом для продажи на Гавайские острова. Эти суда обычно скоро приходили в негодность⁶³.

Как было показано выше, Лиолио и верховные вожди чисто внешне усвоили отдельные элементы западной культуры. Однако легкое обогащение в годы массового вывоза сандалового дерева, в том числе появление больших запасов спиртных напитков, способствовало моральному разложению и перерождению правящей верхушки. Лазарев сообщает, что в то время как простой народ, терпя большие лишения, трудился на заготовке сандалового дерева, вожди «вовсе ничего не делали, разве иногда, скучая праздностью, занимались играми, состоявшими в катании камней, бросании костей и в отгадывании под подушкой камня. Европейцы ввели в употребление между старшинами карты, в которые они, как мужчины, так и женщины, играют между собой беспрестанно... Кроме непрерывной карточной игры, ни один сандвичанин, имеющий случай достать рому, не упустит оный, чтобы не выпить. Сам король, имеющий в изобилии сей крепкий напиток и беспрестанно покупающий виноградные вина, как нам рассказывали, не подлечит в сем исключению и часто после обеда напивается до потери чувств»⁶⁴.

В трудах участников экспедиции Васильева можно обнаружить краткие характеристики Лиолио и некоторых верховных вождей (Каауману, Каланимоку, Куакини, Поки, Каумуалии)⁶⁵. Эти алии отличались друг от друга умственными способностями, широтой кругозора и темпераментом. Но, как видно из дневников и записей русских моряков, у членов этой правящей группировки было нечто общее: приобщаясь, пусть даже внешне, к образу жизни чужеземцев, становясь своего рода жерт-

⁶⁰ Васильев, л. 22об., 36, 69об.; Шишмарев, л. 119об.; Лазарев, с. 337; Гиллесем, с. 223. См. также: Beechey F. W. Narrative of a Voyage to the Pacific and Bering's Strait... in the Years 1825, 1826, 1827, 1828, v. II, L., 1831, p. 417; Bradley H. W. Op. cit., p. 61—62, 69—70. Васильев (л. 133об.) отмечает, что часть приобретенных у иностранцев тканей и одежды Лиолио раздавал приближенным к нему вождям меньшего ранга.

⁶¹ Sahlins M. Op. cit., p. 31.

⁶² Васильев, л. 23.

⁶³ Васильев, л. 48об.—49об.; Бойль, л. 4, 6об.; Шишмарев, л. 111об., 192об.—194; Лазарев, с. 258—259; Гиллесем, с. 221. См. также: Tyerman D., Bennet G. Op. cit., v. I, p. 463—464; Kuykendall R. S. Op. cit., p. 91.

⁶⁴ Лазарев, с. 270.

⁶⁵ Бойль, л. 4, 5, 10об.; Шишмарев, л. 106об., 114, 116, 120 об.; Лазарев, с. 253—254, 270; Гиллесем, с. 220—223.

на западной цивилизации, они все более отгораживались от макаианцев, у них притуплялось национальное самосознание, постепенно исчезло уважение к родной культуре, слабело стремление к сохранению независимости архипелага. «Роскошь, которую американцы прельщались», — писал Васильев, — ослепила их и заглушает природный добрый их ум, способности ума и ведет, кажется, к гибельным последствиям [для] его народа. Они видят это, но не знают, как освободиться из-под ее влияния»⁶⁶.

Васильев и его спутники сообщают о начавшемся упадке вооруженных сил, созданных Камамеа I для защиты архипелага от чужеземцев. Так, крепость в Гонолулу, построенная в последние годы жизни «Напонона Тихого океана», в 1821 г. «хотя и имела много пушек, но некому было ими действовать»⁶⁷. Фактически она использовалась лишь для «грабидж», которые устраивались на крепостном дворе⁶⁸. Сам Лиолио говорил русским морякам, что его войско и флот не могут устоять против иностранцев, а годятся только против местных «возмутителей»⁶⁹. Как указывал американец Дж. Джарвис, поселившийся на Гавайских островах в 30-х годах XIX в., богатства, полученные вождями в период сандаловой торговли, «истощились в условиях пьянства и разгула или были уничтожены вследствие небрежности»⁷⁰. Более того, гавайские алии на многие годы попали в долговые сети, расставленные американскими скупщиками сандала⁷¹. Расплачиваться же за все пришлось рядовым островитянам.

Русские моряки с возмущением писали о том, что гавайские правители посылают в горы тысячи макаианцев для заготовок сандалового дерева и этой тяжелой повинностью, как выразился Васильев, «истребляют народ»⁷². Дело в том, что илиаи рос высоко в горах, где климат намного холоднее, чем в прибрежных низменностях, и островитяне в их легких одеждах жестоко страдали там от холода, заболели и в результате нередко погибали. Да и «тяжелая работа с гор носить сандаловое дерево себе доводит их до изнурения»⁷³.

В этом деле имелась и другая зловещая сторона. Как подчеркивал Бойль, вследствие массовых повинностей по заготовкам илиаи «поля остаются на долгое время без присмотра и обрабатывания»⁷⁴. Как бы дополняя и обосновывая это наблюдение, Васильев вспоминает, что в апреле 1821 г. король привез в Гонолулу с о. Мауи около пяти тысяч островитян «для рубки и таски с гор сандалового дерева, нисколько не пекаясь, чем они должны себя содержать»⁷⁵. А Лазарев сообщает, что когда корабли экспедиции через 8 месяцев снова пришли в Гонолулу, на заготовки сандала «послано было множество народа, поля около ивиани опустели...»⁷⁶.

Регулярный отрыв многих тысяч гавайцев от их основных занятий — земледелия и рыболовства — значительно сократил продовольственные

⁶⁶ Васильев, л. 46об.

⁶⁷ Лазарев, с. 275. См. также: Beechey F. W. Op. cit., v. II, p. 431.

⁶⁸ Васильев, л. 42об.—43; Шишмарев, л. 110.

⁶⁹ Васильев, л. 43; Лазарев, с. 275.

⁷⁰ Цит. по: Bradley H. W. Op. cit., p. 70. См. также: Kamakau S. M. Ruling Chiefs of Hawaii. Honolulu, 1961, p. 251, 255.

⁷¹ Ka Moololeo Hawaii. Histoire havaiienne redigee par des élèves de la grande école de Lahainaluna, mise en ordre par un des professeurs. Paris, 1861, p. 193—199; Тумичев Д. Д. Гавайский народ и американские колонизаторы, с. 38—44.

⁷² Васильев, л. 23.

⁷³ Васильев, л. 21об.; Гиллесем, с. 224. См. также: Tyerman D., Bennet G. Op. cit., I, p. 415; Ellis W. Narrative of a Tour Through Hawaii, or Owhyhee. L., 1828, p. 402—403; Simpson G. Narrative of a Journey Round the World, during the Years 1841 and 1842, v. II. L., 1847, p. 13.

⁷⁴ Бойль, л. 3.

⁷⁵ Васильев, л. 23.

⁷⁶ Лазарев, с. 337. «Сандаловая лихорадка» пошла на убыль уже в 1823 г. Но масштабная заготовка илиаи, становившаяся все более обременительной по мере истребления сандаловых рощ, продолжалась до начала 1840-х годов главным образом ради погашения «задолженности» гавайских вождей американским торговцам. К этому времени на островах практически не осталось больше сандала, годного для экспорта.

ресурсы островов. Между тем король и вожди не только продолжали, но и увеличивали продажу на иностранные суда продовольствия, изъемаемого у макаианна, так как спрос на съестные припасы неуклонно возрастал по мере превращения Гавайских островов в главную базу американских китобоев на Тихом океане. Поэтому продовольственно-положение макаианна стало весьма серьезным. Бойль писал, что ряды островитяне «с трудом могут достать пропитание».⁷⁷

«Народ, т. е. самый нижний класс, — подчеркивал Васильев, — в крайней бедности, беспрестанно в работе и ничего не имеет»⁷⁸. Бедственное положение рядовых гавайцев способствовало развитию на островах проституции. К иностранным кораблям, приходившим в Гонолулу, немедленно подплывало на лодках или добиралось вплавь множество женщин⁷⁹. Проституцией вынуждены были заниматься даже малолетние девочки. Вот характерная запись в дневнике Шишмарева: «Отец малолетних дочерей своих лет 10 или 11 предлагает за безделицу»⁸⁰. Лазарев по этому поводу замечает, что иностранцы «вместо уклонения от сего постыдного торга, сами поддерживают оный»⁸¹.

Развитие проституции послужило одной из причин дальнейшего распространения среди гавайцев венерических болезней, занесенных на острова еще матросами Кука. Васильев сообщает, что при здешних нравах сифилис «распространился со всею своею лютостью быстро почти по всему народу»⁸².

Русские моряки не могли не заметить прогрессирующей депопуляции архипелага: Жестокая эксплуатация рядовых островитян королем и вождями, особенно в связи с «сандаловой лихорадкой», опасное развитие алкоголизма, широкое распространение сифилиса, смертоносные эпидемии, занесенные иностранными моряками, — таковы были, по мнению начальника экспедиции, основные причины быстрого вымирания гавайцев⁸³.

Депопуляции в какой-то мере способствовала и вербовка молодых гавайцев на иностранные суда. Они быстро становились отличными матросами, работали за пищу и одежду, не получая, как правило, никакой денежной оплаты⁸⁴. Бесправные и угнетенные на островах, некоторые макаианна не стремились вернуться в родные места и добровольно начинали полную лишений и опасностей жизнь морских скитальцев⁸⁵. Однако имеются сведения о том, что «бостонцы» порой не гнушались продавать завербованных или похищенных ими гавайцев в рабство на северо-западном побережье Америки, получая за них шкурки морских бобров, либо попросту оставляли их там, если надобность в них отпала. «Иные из американцев, сказывали нам, были столь бесчеловечны, — писал Васильев, — что для своих выгод продавали этих добрых сэндвичан колошам (тлинкитам. — Д. Т.) для жертвоприношений»⁸⁶. О том же ранее сообщал участник первой русской кругосветной экспедиции Ф. И. Шемелин⁸⁷.

В дневниках и записях Васильева и его спутников довольно часто мелькают имена американских капитанов и торговцев, с которыми русские моряки познакомились в Гонолулу (Томас и Джон Мик, Джон Эббетс, Уильям Дэвис, Джон Джонс, Томас Браун и др.), встречаются

⁷⁷ Бойль, л. 30б. См. также Тумаркин Д. Д. Гавайский народ и американские колонизаторы, с. 38—43.

⁷⁸ Васильев, л. 23.

⁷⁹ Шишмарев, л. 109; Гиллесем, с. 220—221. См. также Тумаркин Д. Д. Материалы первой русской кругосветной экспедиции..., с. 82.

⁸⁰ Шишмарев, л. 106об.

⁸¹ Лазарев, с. 271.

⁸² Васильев, л. 18об.

⁸³ Васильев, л. 18—23.

⁸⁴ Васильев, л. 25; Шишмарев, л. 120 об.—121.

⁸⁵ Cheever H. T. The Island World of the Pacific. N. Y., 1855, p. 396; Катакау S. I. Op. cit., p. 404.

⁸⁶ Васильев, л. 27.

⁸⁷ Тумаркин Д. Д. Материалы первой русской кругосветной экспедиции..., с. 83.

некоторые сведения о бытовой стороне жизни «бостонцев» на островах. Так, Васильев и Шишмарев пишут о том, что «хозяева судов и их агенты, прибывши на Вагу (Оаху.— Д. Т.), живут большею частью на берегу, строят себе такие же шалаши, как и коренные жители», только обычно отделяют в них «спальню от рабочей комнаты» и устраивают окна со ставнями, поднимающимися кверху⁸⁸. Шишмарев, рассказывая, что американцы, подолгу живущие на Гавайских островах, заводят туземных жен, обзаводятся детьми, сообщает отдельные любопытные детали о таких семействах⁸⁹. От внимания Васильева не укрылось появление в Гонолулу первой постоянной розничной лавки, хозяин которой особенно бойко торговал ромом⁹⁰.

Наряду с «бостонцами», участвующими в сандаловом бизнесе, русские моряки встречались в Гонолулу с капитанами американских китобойных судов. Среди них был Джозеф Аллен из Нантакета, капитан «Маро», первый обнаруживший в 1820 г. большие стада кашалотов к востоку от Японии. Он подробно рассказал Лазареву об организации американского китобойного промысла на Тихом океане⁹¹.

Васильев и его офицеры осуждали «бостонцев» за то, что те сбывают гавайской знати массу ненужных ей товаров и тем самым способствуют усилению эксплуатации рядовых островитян, отмечали, что эти капитаны и торговцы сознательно спаивают короля и вождей⁹². С явным неодобрением рассказывали участники экспедиции и о том, что американцы стремятся «воспрепятствовать всеми силами самим сандвичанам на судах ходить и учиться мореплаванию», срывают попытки Лиолио наладить самостоятельную торговлю с Камчаткой⁹³. Но главный огонь своей критики Васильев и его спутники направили на белых советников короля и верховных вождей из числа матросов, дезертировавших с торговых судов, беглых каторжников и всякого рода авантюристов, которые не только не уберегали гавайскую знать от необдуманных поступков, но и развращали и обманывали ее, действуя заодно со скупщиками сандала.

«К числу зол, европейцами добрым сандвичанам сообщенных, — писал Васильев, — главное есть то, что поселились между ними жить самые негодные люди, беглые из Ботани-бея, случайно отставшие от судов в дурной нравственности и согнанные от шкиперов матросы развратного поведения». Васильев добавлял, что этих «негодяев» он видел «между старшинами, королём и их женами как самых приближенных к ним людей»⁹⁴. «Они в глазах короля весьма кажутся приверженными, — записал в своем дневнике Шишмарев об этих советчиках и «друзьях» Лиолио, — но в случае всегда готовы обмануть его»⁹⁵.

Особенно вредное влияние на молодого короля оказывали француз Жан Ривэ и испанец Франсиско де Паула Марин. Отмечая успешные опыты Марина по выращиванию на Гавайских островах европейских продовольственных культур (что приносило ему немалый доход), Васильев и Шишмарев вместе с тем крайне отрицательно отзывались об этом иностранном поселенце. Так, Васильев писал, что своих многочис-

⁸⁸ *Васильев*, л. 23 об.; *Шишмарев*, л. 119, 189. Лишь для Дж. Джонса, назначенного консульским агентом США на Гавайских островах, в конце 1821 г. строился деревянный дом (*Шишмарев*, л. 119 об.). Лазарев сообщает, что Джонс «оставался в полном бездействии, ибо кораблю неизвестно было значение слова консул, и только торговал в компании с Броуном» (*Лазарев*, с. 337).

⁸⁹ *Шишмарев*, л. 116 об.—117, 119.

⁹⁰ *Васильев*, л. 24 об.—25.

⁹¹ *Лазарев*, с. 254, 264—266. В те годы японские порты были недоступны для иностранных судов в связи с политикой изоляции, проводимой сёгунами династии Токугава. Поэтому китобой, промышлявшие вблизи от берегов Японии, избрали своей основной базой Гавайские острова. См. *Stewart C. S. A Visit to the South Seas in the U. S. Ship Vincennes during the Years, 1829 and 1830. L., 1833, p. 366—367.*

⁹² *Васильев*, л. 22 об.—23; *Лазарев*, с. 253.

⁹³ *Васильев*, л. 45, 65—66; *Шишмарев*, л. 188 об.

⁹⁴ *Васильев*, л. 19. Ботани-бей — бухта на восточном побережье Австралии (в окрестностях нынешнего Сиднея), сделанная в конце XVIII в. английским правительством местом ссылки преступников.

⁹⁵ *Шишмарев*, л. 115—115 об. См. также *Бойль*, л. 4 об.—5; *Лазарев*, с. 263.

ленных дочерей, прижитых от туземных жен, этот испанец «раздашкиперам на содержание, живет скаречно, жаден к интересу до чревычайности... и во всех поступках оказывает себя человеком низких свойств»⁹⁶.

Что же касается Ривэ, то этот бывший матрос выдавал себя за врача, хотя был совершенно невежественным в медицине. Искусно исполняя слаботи Лиолио, он сумел стать его переводчиком и секретарем и от имени короля заключал различные сделки с американскими купцами, получая от них солидные «благодарности». В частности, Васильев узнал, что именно этот «мастер ставить наружные проносные» был обвинен в том, что «бостонцам» удалось навязать королю старый бриг «Гаддеус». Это судно имело настолько сильные повреждения «в подводной части у килы, бывши на мели в реке Колумбия», что на нем было опасно совершать даже небольшие переходы⁹⁷.

«Должность министра финансов исправляли испанец Марини и француз Ривес, которые обманывали короля как могли,— вспоминает Гиллесем.— Им это было весьма легко, потому что учитывать некому, а о правильном расходе и приходе в хозяйстве и думать нельзя. Марини занимался продажей сандаального дерева и соли, отдавая королю сколько ему вздумается. Чтоб купцы не открыли его плутней он делился с ними. Ривес был, так сказать, государственным казначеем. Плутуя заодно с Марини, он показывал менее прихода, чем действительно было». Гиллесем добавляет, что островитяне ненавидели Ривэ и «несколько раз, во время нашего пребывания на острове, сжигали его шалаш, чем извъявляли свое негодование против него»⁹⁸.

Среди иностранцев, поселившихся в Гонолулу и посещавших его по торговым делам, наблюдалось острое соперничество, часто происходили ссоры и дразги. Рассказывая о них, Васильев отмечал, что «один на другого наговаривает, чтобы войти в доверенность»⁹⁹. Однако почти все эти иностранцы — от «солидных» капитанов и торговцев до последних бродяг и пропойц — фактически выступали единым фронтом против еще одной группы хаолов — американских миссионеров. «Они находили для себя выгодным,— поясняет Гиллесем,— чтобы жители этих островов оставались в невежестве, боясь, что учение миссионеров исправит нравственность этого народа, особенно женщин, ведущих довольно развратную жизнь, и что тогда им невозможно будет более удовлетворять своим страстям: сластолюбию и жадности обогатиться посредством обмана»¹⁰⁰. А Васильев, отвечая на вопрос, почему «европейцам некоторым, как то Марину, Бабли и другим, и американским купцам не понравились миссионеры», особо подчеркнул, что эти иностранцы видели в церковниках янки опасных соперников: «вообще жизнь честного человека им не нравится, а миссионеры хотят похитить у них жертву из рук»¹⁰¹.

Участники экспедиции обнаружили, что миссионеры находились в условиях почти полной изоляции. «Все взрослые и особенно вельможи,— вспоминает Гиллесем,— следуя примеру своего правителя, чуждались миссионеров и не хотели принять не только христианской веры, но и никаких наставлений»¹⁰². Да и сам фактический глава миссии Хайрем Бингхем в письме Васильеву жаловался на крайне тяжелые условия деятельности и подчеркивал, что «пороки все еще господствуют в этой нечестивой стране, где мы сталкиваемся с массой невежества, предрассудков и суеверий... как среди туземцев, так и среди иностранцев»¹⁰³.

Васильев и его спутники рассказывают, что на первых порах миссионеры пытались проповедовать христианство на своем родном языке, ис-

⁹⁶ Васильев, л. 43об.—44. См. также Шишмарев, л. 115—115об., 122об.

⁹⁷ Васильев, л. 44об.

⁹⁸ Гиллесем, с. 224. См. также Шишмарев, л. 119.

⁹⁹ Васильев, л. 46об. См. также Шишмарев, л. 15.

¹⁰⁰ Гиллесем, с. 220.

¹⁰¹ Васильев, л. 61.

¹⁰² Гиллесем, с. 220.

¹⁰³ Бингхем — Васильеву, 15 апреля 1821 г.—ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 116 л. 4—4об.

пользуя в качестве переводчиков трех привезенных из США гавайских юношей, которые прошли там специальную подготовку в миссионерской школе. Результаты такой прозелитической деятельности фактически были равны нулю. Одновременно члены миссии с помощью тех же переводчиков начали обучать несколько десятков гавайцев (взрослых и детей) английскому языку, используя в качестве учебных пособий Библию и Катехизис. «Даже сам король начал было ходить в оную (школу.— Д. Т.) для обучения английскому языку,— пишет Лазарев,— но как сие скоро ему наскучило, то и прислал вместо себя двух человек, которые последовали также его примеру и через несколько дней перестали посещать школу»¹⁰⁴. В декабре 1821 г. в «школу» ходило лишь 15 человек, преимущественно «дети обоего пола, прижитые европейцами с сандвичанками»¹⁰⁵, и ее пришлось вскоре закрыть¹⁰⁶.

Обдумав причины своих неудач, миссионеры решили взяться за дело с другого конца: овладеть гавайским языком, создать для островитян письменность, перевести на местный язык богослужебные книги и научить «язычников» их читать. В декабре 1821 г. русские мореплаватели наблюдали первые шаги, предпринимавшиеся в этом направлении. Васильев и Лазарев сообщают, что Бингхем и другие члены миссии усилительно изучали гавайский язык, спешно разрабатывали для него азбуку и уже начали готовить к печати букварь¹⁰⁷. «Бингам просил еще нашего живописца изготовить ему начальные рисунки для детей, что Карнеев (Корнеев,— Д. Т.), с позволения начальника экспедиции, сделал отлично хорошо»¹⁰⁸. Эти рисунки были, по-видимому, использованы в первых миссионерских публикациях на гавайском языке¹⁰⁹.

Лазарев оставил хвалебный отзыв о Бингхеме, подчеркнув его сдержанность, кротость и смирение¹¹⁰. Но когда в 1824—1825 гг., после смерти Лиолио, Каауману и другие верховные вожди по политическим соображениям решили вступить в союз с американскими миссионерами и навязать гавайскому народу новую систему табу, на сей раз пуританские запреты, Бингхем показал свое подлинное лицо. О. Е. Коцебу, снова посетив Гавайские острова в сентябре 1825 г., обнаружил, что этот кальвинистский священнослужитель, «околдовавший» Каауману, стал фактическим правителем архипелага¹¹¹.

В нашей статье мы, разумеется, не смогли дать полный и всесторонний обзор материалов кругосветной экспедиции Васильева, касающихся Гавайских островов. Но и сказанное, на наш взгляд, свидетельствует о том, что труды ее участников в совокупности составляют ценный источник для изучения как самотыпной истории гавайцев, так и особенно истории культурных изменений и межкультурных контактов на этом полинезийском архипелаге.

В своей книге «Истоки этнографической науки» С. А. Токарев справедливо отметил большой вклад в этнографическое изучение народов Океании, который внесли русские кругосветные экспедиции И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, В. М. Головнина, О. Е. Коцебу, Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, Ф. П. Литке¹¹². В этот перечень, несомненно, следует включить и экспедицию М. Н. Васильева.

¹⁰⁴ Лазарев, с. 262. См. также Шишмарев, л. 190.

¹⁰⁵ Лазарев, с. 262—263. См. также Васильев, л. 60об.—61об.; Шишмарев, л. 190.

¹⁰⁶ Bradley H. W. Op. cit., p. 131—132.

¹⁰⁷ Васильев, л. 63; Лазарев, с. 263.

¹⁰⁸ Лазарев, с. 263. В январе 1822 г. типограф Э. Лумис, входивший в состав миссии, напечатал маленькую брошюру, которая должна была служить букварем (Bradley H. W. Op. cit., p. 134—135).

¹⁰⁹ В одной из книг по истории Гавайских островов (Kuykendall R. S., Gregory H. E. A History of Hawaii. N. Y., 1927, p. 132) опубликована фотокопия страницы первой брошюры, выпущенной миссионерами для юных гавайцев. По мнению искусствоведа Н. Н. Гончаровой, изучающей творчество Корнеева, помещенные здесь рисунки выполнены этим художником (личное сообщение Н. Н. Гончаровой).

¹¹⁰ Лазарев, с. 263.

¹¹¹ Коцебу О. Е. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. Пер. с нем., предисловие и комментарии Д. Д. Тумаркина. М.: Наука, 1981, с. 289—290.

¹¹² Токарев С. А. Истоки этнографической науки. М.: Наука, 1978, с. 145.

Н. А. Дубова

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОДЕРЖАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

В настоящее время в связи с актуализацией проблемы развития человека все чаще возникает вопрос о сущности антропологии, о ее предмете, методах и задачах. Вопрос этот уже неоднократно ставился на протяжении длительной истории развития науки (самостоятельная наука, исследующая вариации строения человека, оформилась в XVIII—XIX вв.). На разных этапах границы ее расширялись, включая многие биологические и социальные науки о человеке, и сужались до изучения лишь морфологии. Эти этапы были в свое время подробно рассмотрены В. В. Бунаком¹ и совсем недавно А. А. Зубовым².

Для советских ученых традиционна точка зрения на антропологию как на специфическую биологическую науку, изучающую вариации физического типа здорового человека во времени и пространстве. Антропология имеет три взаимосвязанные раздела: учение об антропогенезе — процессе историко-эволюционного формирования физического типа человека, обусловленного социогенезом; морфология человека, изучающая индивидуальную, возрастную, половую изменчивость физического типа в связи с групповыми (расовыми, этническими, профессиональными и пр.) характеристиками, возникающими под влиянием различных условий жизни и труда; расоведение, исследующее сходство и различие между расами человека по их биологическим особенностям, историю формирования рас, причины и факторы расообразования³. Выделение в составе антропологии четвертого раздела — физиологической антропологии (на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в 1964 г. так была даже названа одна из секций)⁴ мне представляется недостаточно обоснованным. Ведь изменчивость физического типа человека уже подразумевает изучение его (типа) всеми возможными методами, в том числе и физиологическими. Поэтому-то и в антропогенетических исследованиях и в расоведении рассматриваются и функциональные признаки. Обращаясь к «Словарю иностранных слов», читаем: «физический — относящийся к организму человека..., телесный»⁵. Поэтому, говоря о предмете антропологии, правильнее, видимо, употреблять термин «биологический тип» или «биотип» человека. Однако поскольку стало традиционным употребление термина «физический тип», в статье мы будем пользоваться им.

¹ Бунак В. В. Антропология, ее разделы и содержание. — В кн.: Бунак В. В., Нестурх М. Ф., Рогинский Я. Я. Антропология. М., 1941, с. 5—12.

² Зубов А. А. Содержание понятия «антропология» на современном уровне развития и интеграции науки в СССР. — Сов. этнография, 1982, № 5.

³ См., например: Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высш. школа, 1978.

⁴ См.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 1 (М.: Наука, 1968), а также ряд более поздних публикаций (В. П. Алексеев. Горизонты антропологии. — В кн.: Будущее науки. М.: Знание, 1972, в. 5; Т. И. Алексеева. Физиологическая антропология. — В кн.: Морфология человека и животных. Антропология. М., 1974, т. 6).

⁵ Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1979, с. 540.

Взгляд на антропологию как на комплексную биологическую и социальную науку, распространенный в странах Западной Европы и в Америке, был подвергнут критике В. В. Бунаком и (с других позиций) А. А. Зубовым⁶.

В. П. Алексеев, развив положение И. В. Тимофеева-Рессовского об уровнях изучения человека, примененное Я. Я. Рогинским к антропологии⁷, обосновал точку зрения о новом подходе к классификации антропологических знаний. Им предложено несколько уровней: индивидуальные (молекулярный, клеточный, тканевой, органный или системный, организменный, или, по И. В. Тимофееву-Рессовскому, онтогенетический) и надорганизменные (этнический и расовый)⁸. Однако нам представляется, что в работе В. П. Алексеева речь идет не столько о новом подходе, сколько о новых направлениях антропологических исследований, которые по сути дела будут способствовать решению тех же антропологических проблем: уточнению этапов сложения физического типа homo sapiens, выявлению современной вариации более глубоких структур в различных этнических, профессиональных, возрастных и других группах человека и его расах. Если же В. П. Алексеев считает, что в задачи антропологии входит изучение молекулярной биологии, цитологии, гистологии, генетики и т. п. человека, то приходится признать, что его точка зрения по существу перекликается с недавно сформулированным необычным определением антропологии, согласно которому она представляет собой систему наук — генетики, экологии, анатомии, физиологии, психологии и ряда других⁹. Такое понимание предмета антропологии не просто было высказано, но имело и организационные последствия. Так, в рамках Всесоюзного научного общества анатомов, гистологов и эмбриологов (ВНОАГЭ) в 1979 г. была восстановлена секция антропологии (факт сам по себе отрадный) и созданы затем ее отделы в большинстве союзных республик. С сожалением надо отметить, что многие республиканские антропологические секции ВНОАГЭ, базируясь на анатомических или спортивно-медицинских учреждениях, даже не включают в свой состав антропологов.

Очень показательна в этом смысле тематика докладов, представленных на Второй всесоюзной антропологической конференции в Минске¹⁰. При всей научной значимости проблем, обсуждавшихся на этой конференции, все же удивление вызывает тематика ряда докладов, например, в секции психологической и спортивной антропологии и др.¹¹ В некоторых из докладов анализируются те или иные свойства отдельных индивидуумов, тогда как современная антропология, в частности советская антропологическая школа, придерживающаяся популяционной концепции структуры человечества, использует индивидуальную изменчивость отдельных соматических, биохимических, физиологических и других показателей в тесной связи с групповыми характеристиками, будь то

⁶ Бунак В. В. Указ. раб.; Зубов А. А. Указ. раб.

⁷ Рогинский Я. Я. Методологические основы антропологии. — Научн. докл. высш. школы. Биологические науки, 1966, № 3, с. 17.

⁸ Алексеев В. П. Указ. раб.; его же. Историческая антропология. М.: Высш. школа, 1979, с. 45—48.

⁹ Наиболее полно это понимание предмета антропологии представлено в докладе А. Никитюка на Второй всесоюзной антропологической конференции в Минске в 1981 г., см.: Дубова Н. А., Долинова Н. А., Яблонский Л. Т. Вторая всесоюзная антропологическая конференция. — Сов. этнография, 1982, № 5. См. также: Никитюк Б. А. Предисловие к кн.: Тегако Л. И., Саливон И. И., Микулич А. И. Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей (по данным исследования населения Поозерья). Минск: Наука и техника, 1981, с. 3—7.

¹⁰ См.: Дубова Н. А., Долинова Н. А., Яблонский Л. Т. Указ. раб.

¹¹ Например: «О связи некоторых нейродинамических и психодинамических особенностей индивидуальности», «Влияние функциональной музыки на психофизиологическое состояние и потребностно-мотивационную сферу учащихся», «Динамика показателей двигательной функции скелетных мышц юных метателей молота», «Топография мышечной силы и активной подвижности в крупных суставах у спортсменов, специализирующихся по спортивной гимнастике», «К вопросу о профилактике срыва процесса адаптации опорно-двигательного аппарата при неадекватных нагрузках», «Адаптационные перестройки костей на уровне микроструктур» и др.

расовые или этнические, профессиональные или какие-либо другие подразделения. Ряд докладов посвящен частным вопросам самостоятельных наук — психологии, спортивной морфологии и др. Кстати, несмотря на то что руководство секции антропологии ВНОАГЭ включает в систему антропологических знаний генетику, биохимию, физиологию и другие науки, ни на одном из заседаний минской конференции они представлены не были.

Какой же из приведенных точек зрения о предмете антропологии следует отдать предпочтение? На наш взгляд, все они недостаточно полно отражают сущность антропологии. Они «вырывают» отдельные аспекты из общей глобальной проблемы развития человека, искусственно пытаясь соединить при этом данные различных наук. Почему, например, включая в антропологию социологию и психологию, зарубежные (в частности, американская) школы рассматривают такие дисциплины, как антропогенетика, спортивная морфология и искусствоведение отдельно? Почему в концепции, представленной Б. А. Никитюком и другими специалистами, полностью игнорируются социальные науки, но включается психология?

Правомернее отдать предпочтение традиционному для советской науки определению антропологии. В нем более конкретно по сравнению с другими формулируется предмет науки: вариации физического типа человека во времени и в пространстве. Именно при таком понимании наука пользуется едиными, свойственными лишь ей методами — антропометрией, антропоскопией и т. д. Физический тип человека изучается, как известно, не только антропологией, но и медициной, морфологией, анатомией и прочими отраслями знаний, однако «все эти области отграничиваются от антропологии тем, что они: 1) рассматривают человека как некий единый обобщенный тип, 2) изучают главным образом эволюцию отдельных органов или тканей, а не их конкретное сочетание в данном организме». В противоположность этому антропология рассматривает человека гораздо более углубленно, исследуя его конкретные разновидности — возрастные, половые, ареальные и внеареальные, и притом в свете взаимообусловленности этих вариаций¹². Ценнейший материал для антропологии, безусловно, могут дать исследования по генетике, экологии, гистологии и другим биологическим наукам. Применение методов этих и других наук в антропологических исследованиях с неизбежностью повлечет за собой возможность новых обобщений, формулировку новых гипотез, решений. Очевидна необходимость и обратной связи, т. е. использования методов и данных антропологии в смежных дисциплинах¹³. В то же время исследования в пограничных областях сами по себе еще не знаменуют сложения самостоятельных спортивной, медицинской, эргономической и других антропологий. Эти исследования лишь предполагают использование методов антропологии в той или иной науке или же методов других наук в антропологии. Вряд ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что применение математических методов в различных биологических дисциплинах, и в частности в антропологии, не свидетельствует еще о существовании антропологической математики или математической антропологии. Поэтому, вероятно, правы антропологи, проводящие совместные исследования с медиками, анатомами, психологами, этнографами, археологами и другими специалистами. Но проводя эти исследования, они совершенно не вправе забывать о предмете своей науки. Привлечение новых «свежих» сил в антрополо-

¹² Бунак В. В. Указ. раб., с. 11.

¹³ Всем хорошо известна, например, различная чувствительность людей к одному и тому же лекарственному препарату. Ясно также, что это скорее всего является следствием физиологических различий между индивидуумами. В свою очередь эти различия, кроме индивидуальных имеют и групповые, в частности расовые особенности. Но в то же время затруднительно, во всяком случае сегодня, назвать хотя бы одну или несколько работ, так или иначе рассматривающих этот вопрос, имеющий немаловажное практическое значение для медицины. Кстати, необходимость именно такого сотрудничества подчеркивалась давно. См., например: Vallois H. V. Race.— In: Anthropology Today Chicago, 1952, p. 161.

ню, за что ратует секция антропологии ВНОАГЭ, также должно осуществляться под этим углом зрения. Противоположные тенденции, ведущие к полной потере антропологией своей специфики, легко прослеживаются на примере уже упоминавшейся конференции в Минске¹⁴. Они ведут к размыванию самой сущности антропологической науки и потере информации об объекте исследования, которая может быть получена только с позиций антропологической науки и ее методов.

Специфическим явлением современности, связанным с прогрессом научной мысли, является все возрастающее многообразие аспектов человекознания. «Проблема человека становится не только центром обществоведения, но и центром всей науки. Она по существу превращается в ту цементирующую основу, на которой формируется тесное единство естественных, общественных и технических наук...»¹⁵. Иными словами, начинается складываться единая наука, предметом которой являются человек и природа в их диалектическом единстве¹⁶.

В связи с этим возникает необходимость решения проблемы интеграции научных дисциплин и междисциплинарных связей в изучении целостной, комплексной концепции человека, на что указывает целый ряд авторов¹⁷. Б. М. Кедров в работе, посвященной классификации наук и их взаимодействию, пишет: «Комплексность в научном исследовании — это не простое сложение методов различных наук вместе, не простое исследование синтеза за анализом, а слияние наук воедино при изучении общего для них объекта...». И далее: «Когда возникает задача комплексного исследования конкретного объекта, то кажется, на первый взгляд, что дело сводится к тому, чтобы составить организационную ячейку из специалистов различного профиля, дать им тему, определить сроки намеченной работы, обеспечить необходимыми условиями и — дело с концом. Но здесь отсутствует самое главное, без чего оркестра из соборных музыкантов не получится: не обеспечена слаженность и стройность общей комплексной работы и взаимное тонкое понимание участниками оркестра друг друга, и нет дирижера, способного уловить правильно игру каждого из них»¹⁸. Таким «дирижером» междисциплинарных связей и основой интеграции наук должна явиться марксистская диалектика, а именно та ее часть, которая в современной философии известна как концепция развития и соотношения уровней объективной реальности¹⁹. Разработанная в принципиальной форме Ф. Энгельсом, эта концепция получила последующее развитие в современной философской литературе²⁰.

Ф. Энгельс показал, что построение целой системы знаний и их иерархия не могут осуществляться искусственно, что последовательность форм

¹⁴ Так, в сделанном на пленарном заседании минской конференции докладе Н. И. Аринчина с интересным для антропологов названием «Эволюционные структурно-функциональные предпосылки к возникновению человека», раскрылась эволюция механизма обеспечения мозга артериальной кровью. В чем же заключался антропологический аспект доклада? По всей видимости, его не было, прежде всего уже потому, что учение об антропогенезе включает сравнительную анатомию только начиная с отряда приматов. Этот доклад важен для антропологов лишь тем, что показывает сложение отдельных структурно-функциональных связей, позволяющих эволюционировать головному мозгу позвоночных. Собственно антропологических выводов из такого доклада не следует. Думается, что с антропологической точки зрения важным было бы показать как и какие особенности (предпосылки) сыграли роль в формировании головного мозга человека, были ли такие структурно-функциональные предпосылки; что можно считать поворотными критическими точками (и есть ли они), соответствующими стадиям архантропа, палеоантропа, неоантропа. Именно такой подход или близкий к нему можно было бы назвать антропологическим. Без увязки с человеком, отрядом приматов, этот вопрос целиком остается в сфере сравнительной анатомии.

¹⁵ Чепиков М. Г. Интеграция науки. М.: Мысль, 1981, с. 226—227.

¹⁶ Марке К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 124.

¹⁷ См., например: Анищев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.

¹⁸ Кедров Б. М. О современной классификации науки (основные тенденции в ее эволюции). — Вопросы философии, 1980, № 10, с. 94, 100—101.

¹⁹ Кедров Б. М. Марксистская философия: ее предмет и роль в интеграции современных наук. — Вопросы философии, 1982, № 1, с. 52—62.

²⁰ См., например: Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974.

движения материи отвечает последовательности ступеней развития природы в целом, так и истории науки. Он подчеркивал, что классификация наук тесно связана с их историей. «Подобно тому как одна форма движения развивается из другой, так и отражения этих форм, различные науки должны с необходимостью вытекать одна из другой»²¹. Переходы от одной науки к другой должны быть естественными, совершаться сами собой.

Историческое развитие материального мира имеет направленность от простого к сложному, от низшего к высшему, от естественного к общественному. Но развитие материи не есть простая последовательность сменяющих друг друга известных форм объективной реальности — физической, химической, биологической и социальной. Высшие ее формы, возникая из низших, сохраняют последние в качестве своей естественной основы²² и развивают ее (основу) далее. Результатом развития этой основы является возникновение специфической физики химических процессов, биохимии и биофизики живого, биологии, биохимии и биофизики человека²³.

Концепция развития и соотношения уровней объективной реальности применима, согласно Ф. Энгельсу, ко всей природе. «Но то, что применимо к природе, ... применимо также ко всем отраслям истории общества и ко всей совокупности наук, занимающихся вещами человеческими...»²⁴. Точно так же, как из газообразной туманности путем дифференциации, возникают, по мысли Ф. Энгельса, физическая, химическая, биологическая и социальная формы движения материи²⁵, так из раннего недифференцированного знания появляются вначале так называемый комплекс точных наук, в частности, физика, затем в средневековье — химические науки, в новое время — биологические и, наконец, в середине прошлого века — науки об обществе. Позднее формируются так называемые пограничные, стыковые отрасли знания — физхимия, биохимия, биофизика и др. Сегодня же, когда возникла потребность в сложении единой науки о человеке и природе в их диалектическом единстве, логично предположить, что первым уровнем интеграции наук о человеке должен явиться комплекс знаний о биологии человека, ядром которого будет антропология как наука об изменчивости внутри видов и видовых особенностях семейства гоминид; второй уровень — совокупность наук о человеке и образующих его (человека) «органическое тело» естественных основах существования — биологических, биохимических, биофизических и др. Наконец, третий уровень — это комплекс наук о человеке, естественных основах его существования и образующих его «неорганическое тело» природных условиях существования.

Какое же место в этой системе занимает антропология как специфическая биологическая наука? Что является объектом ее исследования?

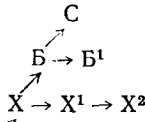
В этой связи следует вспомнить небезызвестное отношение Ф. Энгельса к термину «антропология», назвавшего его (термин) неудачным.

²¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 565.

²² Термин «основа» в рассматриваемом классиками марксизма смысле означает низшую ступень развития, без которой не может возникнуть высшее и которая включается, с определенным изменением, в высшую ступень объективной реальности. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19.

²³ Развитие идет от низшего (Н) к высшему (В) с удержанием и последующим развитием низшего в качестве естественной основы высшего (Н¹) и может быть выра-

жено формулой: $N \xrightarrow{B} N^1$. Эту наиболее общую формулу развития применительно к известным формам объективной реальности — физической (Ф), химической (Х), био-

логической (Б) и социальной (С) можно развернуть: $\Phi \rightarrow \Phi^1 \rightarrow \Phi^2 \rightarrow \Phi^3$.

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 305.

²⁵ Там же, т. 20, с. 355—366.

и. В новейшее время», — пишет Энгельс, — «закладывалась основа «так называемой (неудачно) антропологии, опосредствующей переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории»²⁶. Термин антропология подразумевает всестороннее исследование человека методами различных наук, поэтому Энгельс вводит понятие «специфическая биология» человека, исторически изменяющаяся под влиянием труда²⁷. Именно такое содержание предмета антропологии традиционно для советской науки, именно его придерживаются в настоящее время многие исследователи в области антропологии²⁸.

Поэтому, учитывая, что только в одном случае мы имеем четкий предмет, конкретные задачи и единые своеобразные методы изучения, под антропологией как относительно самостоятельной отраслью знания следует понимать, на наш взгляд, науку, изучающую вариации физического, а точнее, биологического типа человека во времени и в пространстве, т. е. социально обусловленную, исторически развивающуюся биологию человека. Или, говоря словами В. В. Бунака, «учение о видовых особенностях и внутривидовых вариациях строения семейства гоминид»²⁹.

²⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 501.

²⁷ «Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще». — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 359; см. также с. 490.

²⁸ Бунак В. В. Указ. раб.; Рогинский Я. Я. Указ. раб.; Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Указ. раб.; Зубов А. А. Указ. раб. Такого определения предмета антропологии придерживается и М. И. Урысон. На Второй всесоюзной антропологической конференции в Ленинске он говорил о специфике антропологии как единой и целостной науки (см. Дурова Н. А., Долинова Н. А., Яблонский Л. Т. Указ. раб., с. 127).

²⁹ Бунак В. В. Указ. раб., с. 11.

О. А. Сухарева

ОРНАМЕНТ ДЕКОРАТИВНЫХ ВЫШИВОК САМАРКАНДА И ЕГО СВЯЗЬ С НАРОДНЫМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ И ВЕРОВАНИЯМИ [ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.]

Известно, что изобразительное искусство народов Средней Азии после распространения здесь ислама утратило присущую ему ранее свободу в выборе сюжетов и сделалось преимущественно орнаментальным. Разнообразными узорами покрывались стены жилищ, деревянные и металлические предметы быта, ткани. Высоко развито было вышивальное искусство, представленное несколькими крупными направлениями.

Исследование среднеазиатского орнамента показало, что составляющие его основу стилизованные растения (побеги, цветы, листья) и геометрические фигуры наделяются в народном сознании, прежде всего в признании тех, кто их создает, иным содержанием. Впервые на это указал М. С. Андреев в 1928 г., утверждавший, что за растительными или геометрическими орнаментальными мотивами кроется мир реальных предметов и что в узорах отражены те или иные представления об окружающем мире¹. С тех пор изучение среднеазиатского орнамента заметно продвинулось вперед, причем в трудах этнографов, которые, в силу своей специальности получают сведения непосредственно от создателей произведений народного искусства, неизменно выявлялась скрытая под

¹ Андреев М. С. Орнамент горных таджиков верховьев Амударьи и киргизов Памира. Ташкент, 1928.

традиционными растительными, иногда геометрическими формами мая разнообразная семантика.

Богатый материал по вышивальным узорам содержится в обильно иллюстрированной книге Г. Л. Чепелевецкой о крупной декоративной вышивке (сузани) Узбекистана². Большую ценность имеет исследование коврового орнамента Средней Азии В. Г. Мошковой³, собравшей сведения непосредственно от ковровщиц. В ее изданном посмертно и частично доработанном А. С. Морозовой труде есть таблицы орнаментальных мотивов, многие из которых приведены с их названиями. Отдельные древние мотивы В. Г. Мошковой удалось расшифровать, но большая часть их ждет своего исследователя. Семантика орнаментальных мотивов вообще недостаточно изучена. Однако благодаря многолетней собирательской работе этнографов накоплен значительный материал, открывающий возможности для более глубокого понимания орнаментального искусства. Записано множество названий орнаментальных мотивов, особенно старинных, вышедших из употребления и в основном забытых. Названия нередко доносят до нас представления, некогда ассоциировавшиеся с этими мотивами.

Надо сказать, что разнообразие орнаментальных мотивов наиболее характерно для тех отраслей народного искусства, которые находились в руках женщин. Если в мужском художественном ремесле, особенно в декорировке зданий, основную роль играли отвлеченные геометрические построения *гирех*⁴, а изобразительные мотивы лишь изредка дополняли такого рода узор или вовсе отсутствовали, то мастерицы-женщины, не проходившие ремесленного ученичества, нивелирующего приемы и ассортимент орнаментальных форм, были в этом искусстве более свободны. Они могли шире проявлять свою индивидуальность, создавать новые узоры, вкладывая в них непосредственные впечатления от окружающего мира, и образы, навеянные верованиями или фольклором. Однако народное искусство всегда было глубоко традиционным, и любой сюжет выражался в привычных, установленных обычаях формах, скрывающих значение мотивов, которое нередко выявляли их названия. Эти особенности среднеазиатской орнаментики сказались и в искусстве декоративной вышивки.

В оседлых районах Среднеазиатского междуречья традиция требовала, чтобы вышивальные узоры имели растительный облик. Обычно в них четко выделялись — и расцветкой и формой — элементы цветочные и лиственные. Это было свойственно прежде всего основным, ведущим вышивкам — вышивкам по белым тканям, игравшим важную роль в быту. Эти вышивки можно рассматривать как образцы высших достижений вышивального искусства. Любой сюжет, использованный для создания орнамента, должен был приобрести растительную форму, чтобы не выпасть из общего стиля растительных композиций. Лишь в немногих вышивках (преимущественно из Нурата или Бухары и никогда из Самарканда) мы встречаем сравнительно реалистическую трактовку изображений кувшинчиков, птиц, иногда человеческих фигур, а в одном случае — лошади⁵. Но обычно эти фигуры не входят в основную композицию, а располагаются на местах, оставшихся недостаточно заполненными. Только в одном очень старом, видимо, нуратинском сузани парные фигуры павлинов помещены в центре композиции, окружая самый крупный мотив⁶.

Как состав орнаментальных мотивов, используемых вышивальщицами того или иного района, так и их толкование, раскрывают историю

² Чепелевецкая Г. Л. Сузани Узбекистана. Ташкент: Гос. изд-во худ. лит. УзССР, 1961.

³ Мошкова В. Г. Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX в. Ташкент: Фан, 1970.

⁴ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент: Госполитиздат УзССР, 1961.

⁵ Чепелевецкая Г. Л. Указ. раб., с. 84, табл. XIV, с. 101, рис. 7.

⁶ Чепелевецкая Г. Л. Указ. раб., с. 103, табл. 9.

образительного искусства. Наряду с узорами, созданными нашими современниками, в вышивках обнаруживаются мотивы, возникшие в древности и засвидетельствованные памятниками прошлых веков. Одни древние мотивы сохранились почти без изменений (например, изображение плодов граната), другие были переосмыслены. Так, встречающийся в ранних памятниках орнамент в виде цепочки завитков, обращенных то в одну, то в другую сторону, стал называться *оташ-ароба* — «поезд», с которым этот мотив ассоциировался только по признаку соприкосновения одинаковых элементов. В некоторых случаях можно видеть влияние в одном узоре разных мотивов, потерявших в процессе трансформации свои отличительные черты. Примером может служить рассмотренный археологом Г. В. Григорьевым мотив птицы, широко распространенный в среднеазиатской орнаментике. Эта птица в процессе глизации лишилась хвоста и головы и слилась с узором, восходящим изображению стручка перца или миндаля⁷.

Автор данной статьи много лет, начиная с 1934 г., занимался изучением декоративной вышивки⁸ в условиях работы в Госуд. музее истории культуры и искусства Узбекской ССР (Самарканд), где можно было помимо рассмотрения, анализа и датировки музейных образцов постоянно общаться с вышивальщицами и, что особенно важно, рисовальщицами узоров. Последние оказались истинными творцами этого искусства, современного и старого, знатоками орнамента и хранительницами традиций. Многие из них начали свою сознательную жизнь и рисование узоров еще во второй половине XIX в., когда господствовали старые мотивы и стиль вышивок. Несколькими пожилыми рисовальщицами были нарисованы по памяти целые комплекты вышивок из их собственного приданого, а также приданого их близких⁹. Изучение комплектов, относящихся к разным десятилетиям XIX — начала XX в., позволило проследить эволюцию вышивок за этот период, вскрыть сущность происшедших в их стиле и орнаменте изменений и выявить в какой-то степени семантику узоров. В те годы значение мотивов было известно не только рисовальщицам. Многие женщины хорошо знали вышивки, постоянно употреблявшиеся в быту каждой семьи, принимали участие в их выполнении, получали их при выходе замуж в приданое, а некоторые обучались этому искусству с детства.

Декоративная вышивка оказалась чрезвычайно удобным объектом для исследования орнамента. Наибольшее развитие она получила в Самарканде. Даже в Нурате и Бухаре в конце XIX — начале XX в. не производилось такого огромного количества декоративных вышивок, как в Самарканде. Здесь было много профессиональных рисовальщиц, в том числе и очень пожилых, но отнюдь не утративших ни своего мастерства, ни знания тех орнаментов и композиций, которые им приходилось использовать (иногда заимствуя, а иногда создавая заново) в течение всей их долгой жизни.

Сравнение самаркандских вышивок второй половины XIX в. с более поздними показало, что в каждой ранней вышивке есть некоторые обязательные мотивы; в вышивках же более поздних их нет. Правда, и в поздних вышивках были мотивы излюбленные, часто встречающиеся, но они получали такое значение лишь в силу моды. Так, с начала XX в. для лиственной части узора вышивок по белой ткани в Самарканде вошел в моду узор *палак*, изображавший извивающиеся плети бахчевого растения (не надо смеиваться с ташкентским термином *палак*, означающим сплошь зашитое *сузани* на белой ткани). Самаркандский узор в виде гибких плетей бахчевых растений, обвивающих розетки, настолько пришелся по вкусу, что продолжает использоваться и теперь.

⁷ Григорьев Г. В. Тус-Тупи (к истории народного узора Востока). — Искусство, 1957, № 1.

⁸ Сухарева О. А. К истории развития самаркандской декоративной вышивки. — Литература и искусство Узбекистана. Ташкент, 1937, кн. 6.

⁹ Эти рисунки хранятся в Самарканде в Государственном музее истории культуры и искусства им. А. Икрамова Узбекской ССР.

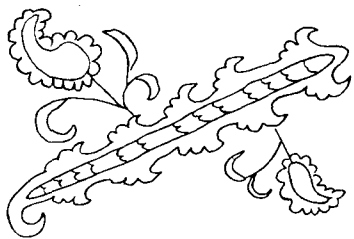

Рис. 1. Мотив *корди ош* — «кухонный нож»

предметы, которые считались оберегами. Целесообразно поэтому рассмотреть узоры вышивок и в плане пережиточных ранних верований мирно уживавшихся в быту народов Средней Азии с исламом¹⁰. Доисламские религиозные представления во многом определяли, даже в начале XX в., понимание мира и его явлений. Болезни, неудачи в делах, бесплодие нередко связывались в народном сознании с влиянием духов или магической силой недруга. Была создана целая система борьбы с несчастьями такого рода, особые приемы защиты людей, их домов и потомства, их хозяйства. Вследствие этого еще в древности возникли комплексы магических приемов, существенную роль в которых играли амулеты. Их носили при себе, держали в домах или выставляли у ворот и на ограде усадьбы.

Моменты, наиболее важные для человека и всего его рода, — рождение ребенка, обрезание и вступление в брак — считались чрезвычайно ответственными и опасными. Верили, что в период сорокодневья — первые сорок дней жизни (*чилла*, от тадж. *чиль* — «сорок») — люди особенно беззащитны, подвержены нападению злых духов и магической порче. Поэтому их стремились защитить при помощи разных обрядов, молитв и заклинаний¹¹, а также различных магических предметов специального назначения. Использовались для этого и многие предметы быта. Полагали, что сильными защитными свойствами обладали, например, огонь, нож и всякие иные острия. Надеваемые на невесту ювелирные украшения должны были нейтрализовать «дурной глаз» и отвлечь его от новобрачной. Апотропеическое значение приписывалось сердолику и бирюзе.

Многие факты свидетельствуют о том, что оберегами служили также вышивки, в том числе и крупные декоративные — *сузани*, которыми убиралась свадебная комната. В некоторых районах вышивки развешивались по стенам комнаты новобрачных и долго не снимались. Так было принято в Самарканде, Ходженте, Ташкенте. В других местах вышивкам отводилась более скромная роль в убранстве комнаты новобрачных: ими покрывали постели днем. Но как бы ни применялись вышивки, везде они прежде всего украшали брачное ложе: поверх одеял и тюфячков на него стелили вышитую простыню (*руйджо* или *джойпуш*), на подушки набрасывали специальную вышитую накидку (*болинпуш*, *такьяпуш*, *ястыкпуш*), зимой поверх стеганого одеяла молодые накрывались вышитым покрывалом, которое собственно и называлось *сузани*.

Назначение декоративных вышивок породило три их вида — *сузани*, *руйджо* и *болинпуш*, к которым позже, под влиянием ислама, присоединился еще вышитый коврик для совершения молитв — *джойнамаз*. Эти вещи в Самарканде и составляли один комплект.

Во время свадьбы вышивки использовались не только для брачного ложа: *сузани* набрасывалось на невесту, когда ее перевозили (обычно на лошади) в дом жениха (Самарканд). Ведя невесту от ворот дома к свадебной комнате, *сузани* держали над ней в виде балдахина (Ташкент, Уратюбе, Ходжент). Сам способ употребления явно свидетельствует о том, что вышивкам придавалось значение оберега. В некоторых

¹⁰ Доисламские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975.

¹¹ См. *Сухарев А. А.* Мать и ребенок у таджиков. — Иран, III. Л., 1929.

местах это осознавалось, в других (Самарканд) было забыто: считали лишь, что вышивки обладают «хорошими свойствами» — *хосият доран*.

Значение оберегов могли иметь орнаментальные мотивы, прототипом которых были нож и светильник. Эти мотивы помещались между крупными розетками, симметрично размещенными на всем поле вышивки, и, следовательно, занимали важное место в композиции, которая строилась на чередовании розеток и данных мотивов.

Узор *корди ош* — «кухонный нож». На вышивках изображался нож — корди ош, имевшийся в каждом хозяйстве. Форма его, как и любого среднеазиатского ножа, весьма характерна: верхний конец был слегка загнут вверх, нижний — отогнут в противоположную сторону. В мотиве «кухонный нож» без труда обнаруживаются черты реального прототипа, но в соответствии с традицией, обязательной для орнамента вышивок, «ножу» придана форма, близкая к растительной. Сам нож изображен в виде продолговатой фигуры с загнутыми вверх и вниз концами; к ней примыкает листовидное обрамление, значение которого подчеркивается зеленым (на старых вышивках) цветом этой части узора. «Нож» разделен волнистыми линиями на поперечные полосы, окрашенные в разные цвета, — прием, широко распространенный в Средней Азии.

Кроме мотива «кухонный нож» на старинных самаркандских вышивках нередко можно видеть другой, близкий по семантике мотив — *тег* или *тегча* («острие»; «лезвие»; «нож»). Названию мотива соответствовала и форма: это была ланцетовидная фигура с заостренным концом. Она часто встречается в композиции крупных розеток вышивок на больших тканях. «Острия» направлены от центра розетки во все стороны, как бы отражая врага, откуда бы он ни грозил.

И реальный нож имел не только утилитарную бытовую функцию: одновременно, как уже говорилось, он был и сильным оберегом. Злые духи не могли повредить человеку, носящему при себе нож. Нож в ножнах, подвешенный к поясу, входил в мужской костюм, поэтому духи редко вредили мужчинам. Для женщин значение оберега имел кухонный нож. Одно его упоминание способно было отогнать нечистую силу. Когда однажды в молодости мне довелось уходить из дома вриятельницы-таджички вечером, хозяйка, опасаясь, как бы мне ненароком не повредили злые духи, посоветовала на ходу повторять: «корди ош, корди ош, корди ош». Можно не сомневаться, что именно это значение ножа сделало его стилизованное изображение обязательным для старых вышивок.

Узор *чорчирог* — «светильник». Значение оберега, видимо, имел и другой, также очень распространенный на старых вышивках мотив, — изображение светильника. Апотропеическая роль огня хорошо известна всем народам мира, она широко прослеживается и в Средней Азии. Обведение вокруг огня, перешагивание через него входило в обряд изгнания болезни, как и во многие другие обряды, в частности свадебные. Горящий светильник обносили вокруг голов жениха и невесты, огонь не гасили в комнате, где лежали роженица и новорожденный, оставляли его и в комнате новобрачных. Такое же значение, несомненно, придавалось когда-то изображению светильника на свадебных вышивках. Прототипом ему послужил масляный светильник с четырьмя фитилями, обращенными в разные стороны. Такие светильники известны по археологическим материалам. Они употреблялись в быту до конца XIX в., а кое-где и позже. Орнаментальный мотив четырехфитильного светильника представлял собой расположенные крестообразно (в виде креста) четыре овала с листовидным обрамлением. Так как узору должна была быть придана растительная форма, сами светильники

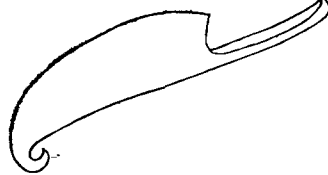

Рис. 2. Нож *корди ош* для рубки мяса (зарисовка)

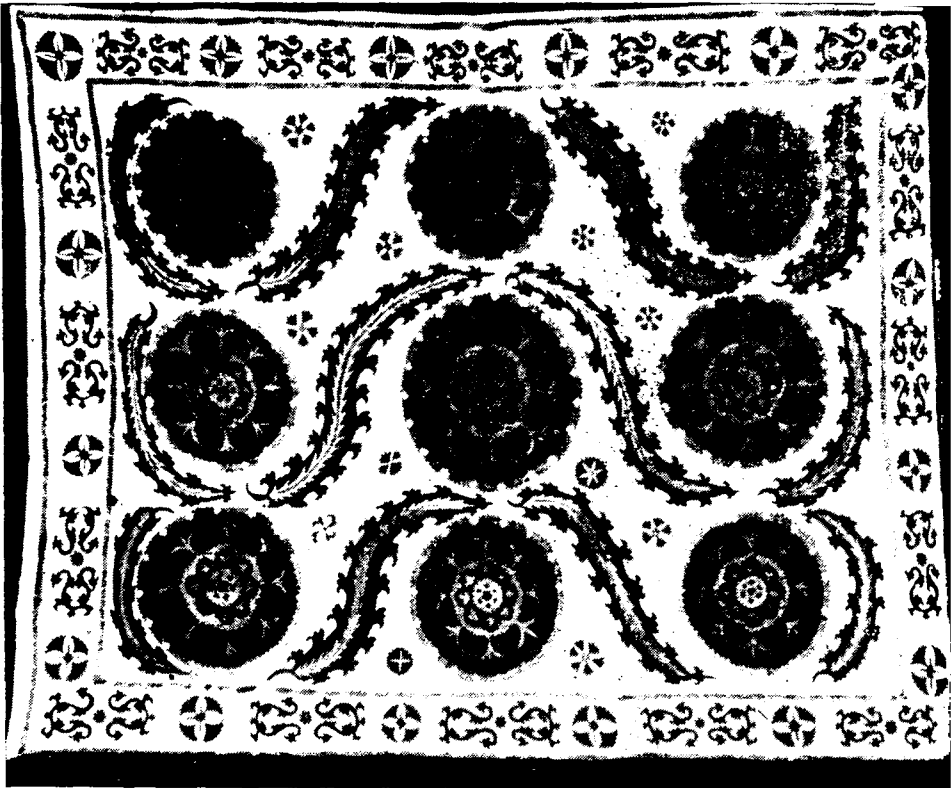

Рис. 3. Сузани 1880-х годов с узором *корди ош*

трактовались как цветочные элементы: каждый овал состоял из трех концентрических частей; внешняя была малинового цвета, как и крупные розетки, за ней следовала красная, а в центре помещалась желтая или зеленая, теплого оттенка. Овалы «сидели» на цветоножках¹². Реальный предмет — глиняный или чугунный светильник с четырьмя фитилями — отчетливо просматривается в описанном мотиве (ср. рис. 6 и 7).

Узоры *каламфур* — «перец», *бодом* — «миндаль» и мотив «птицы». Оберегом считался красный перец, изображение которого мы видим в широко распространенном узоре *каламфур* — «перец». По поверью перец отпугивает нечистую силу. Поэтому в дверях комнаты, где лежали роженица и новорожденный, вешали на нитках стручки перца. Долгое время я не могла понять, какое значение придавалось распространенному на старых вышивках мотиву миндаля. Миндаль — любимое лакомство; казалось, этот мотив не может трактоваться как оберег. Разгадка пришла после того, как в таджикском селении Ургут (Самаркандская область) мне довелось увидеть просверленные плоды дикого горного миндаля, подвешенные к детскому браслету вместе с «бусами от сглаза», и получить объяснение, что миндалинки призваны защищать ребенка от злых духов. Дикий миндаль очень горек, и, видимо, поэтому ему отведена роль оберега. Но узор «миндаль» в качестве оберега мог возникнуть и в той среде, где был распространен культурный миндаль: его плоды, как известно, иногда бывают не только горькими, но и ядовитыми. Приведенные факты позволяют предполагать, что мотивы «перец» и «миндаль» могли иметь апотропеическое значение, и что именно это обеспечило им место в орнаменте вышивок.

Мотивы «красное перца» и «миндаля» различаются лишь тем, что первый чаще более вытянут, второй не имеет такого острого конца. Нередко, однако, эти различия не принимались во внимание: узору прида-

¹² Деталь самаркандского болиппуша с узором *чорчирог* см. *Чепелевецкая Г. Л.* Указ. раб., табл. V.

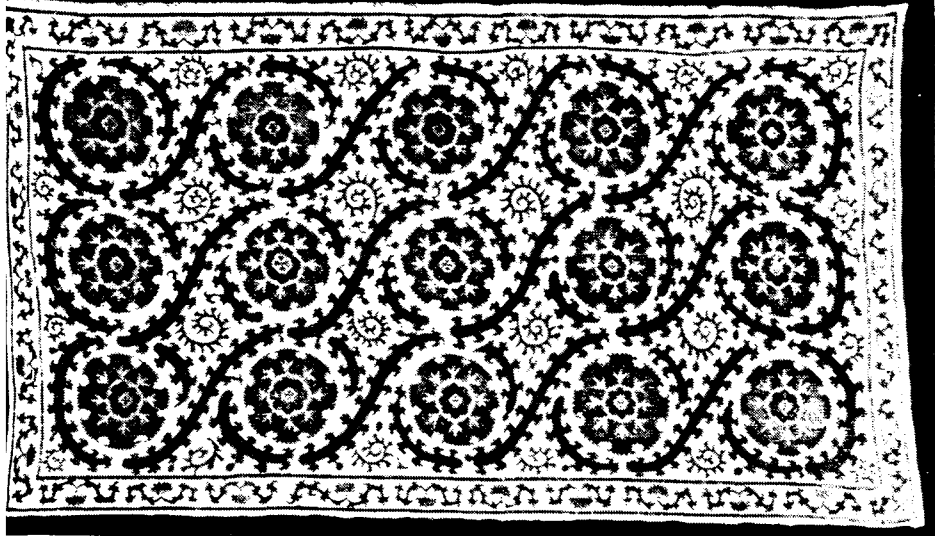

Рис. 4. Сузани конца 1890-х годов с узором *корди ош*

алась то более, то менее вытянутая форма, в зависимости от требования композиции, от места, на которое этот узор помещен. В одних районах (Самарканд) подобный мотив чаще называют каламфур, в других Ходжент, ныне Ленинабад) — бодом.

С этими двумя сходными по форме и назначению мотивами сливается и мотив птицы, проанализированный Г. В. Григорьевым, вскрывшим его глубокие культовые корни, в частности, его значение оберега. Такое значение придавалось не только птице (в свете зороастрийских воззрений, вероятно, петуху, предвещавшему своим пением зарю), но растению «петушиный гребешок» (тадж. *тоджи хуруз*), которое сажали в качестве оберега около жилища (это отмечено и Г. В. Григорьевым). Вероятно, апотропеическое значение имел и узор *тоджи хуруз*, изображающий цветок петушиный гребешок на джизакских вышивках. Уточняя близость формы стилизованного мотива птицы и мотивов пера и миндаля, Г. В. Григорьев считал, что последние получили свое растительное обличье позже, в результате деформации мотива «птицы» и оживления связанных с ним религиозных представлений. Однако с этим утверждением нельзя согласиться. Все три мотива могли иметь самостоятельное происхождение и свои прототипы. В одних случаях такой мотив называется перцем или миндалем, в других, несмотря на ту же форму, — птицей. В последнем мотиве лишь название подсказывает нам, что именно послужило прообразом орнамента. Так, в Ургуче один из миндалевидных узоров для тибетеек был назван *мусича* — «горлинка», а в Чекече (оба пункта в Самаркандской области, первый населен таджиками, второй — узбеками) такой мотив, тоже в орнаментации тибетеек, — *урдак муйини* — «шея утки». Подобно этому один вид самаркандских ювелирных украшений — ожерелье, состоящее из миндалевидных фигурок, называется *мургак* — «птичка». Представляется, что в тех случаях, когда элементы орнамента описанной формы называются «перцем» или миндалем», нет оснований возводить их к единому прототипу — птице. Все три мотива восходят к определенным магико-анимистическим представлениям древности.

Изображение птицы в орнаменте, могло, видимо, иметь значение не только оберега, но и талисмана — предназначаться для достижения желаемого (магия «по сходству»). Таковы, возможно, обращенные друг к другу павлины — самец и самка — на упомянутом нуратинском сузани. Можно предполагать, что мотив этот должен был способствовать уста-

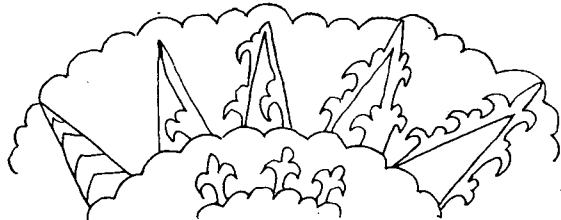

Рис. 5. Варианты мотива *тегча* — «лезвие», помещаемого внутри розетки

вался *мургон* (тадж. «птицы») и трактовался как изображение самца (*ургачи-мургон*) и самца (*эркак-мургон*)¹³. Знаменательно, что такие вышивки и ковры изготовлялись к свадьбе; это лишний раз подчеркивает магический характер узора.

Значение благопожелания имело, видимо, реалистическое изображение птицы, держащей в клюве веточку, на вышивке из узбекского книсила Бухарской области (хранится в Самаркандском музее). Именно так было истолковано Г. В. Григорьевым изображение птицы с ожерельем в клюве на серебряном блюде сасанидского времени.

Мотив *анор* — «плод граната». Роль талисмана несомненно выполняли и некоторые мотивы растительного происхождения. Прежде всего, это плод граната, который археологи справедливо считают символом плодородия, атрибутом богини Анахит: она чаще всего изображалась на древних терракотах с плодом граната. Но и реальный плод граната призван был обеспечить плодovitость: так, в бухарский свадебный обряд входило насыпание гранатов в подол невесты. Мотив плода граната был довольно широко распространен в орнаменте как декоративных вышивок типа сузани, так и вышивок на одежде, в част-

новлению хороших отношений между молодежью, появлению потомства. Прямой параллелью этому мотиву на сузани является характерный узор «на «девичьих коврах» (*кыз гилем*) у среднеазиатских арабов. Как пишет В. Г. Мошкова, этот очень сильно стилизованный орнамент назывался «*мургон*».

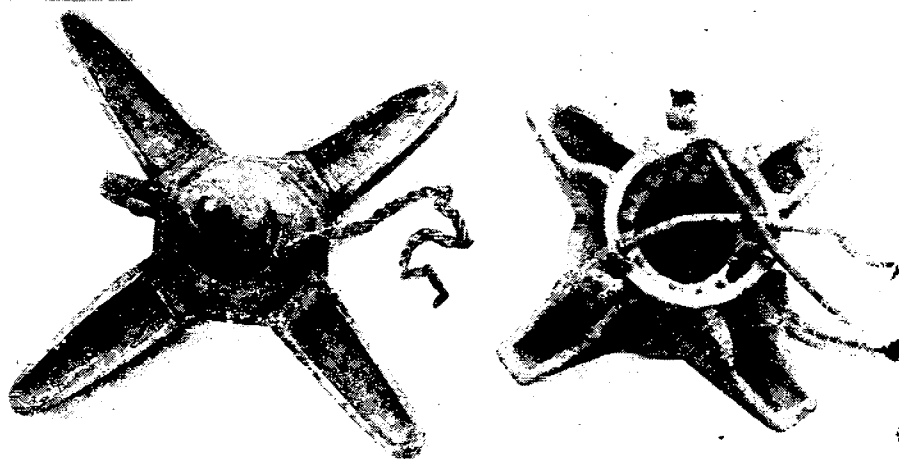

Рис. 6. Четырехфитильные светильники

ности на тибетейках. При этом нередко подчеркивалась именно та черта, которая сделала гранат символом плодородия, — обилие зерен в одном плоде. Он изображался как бы раскрытым, видна его внутренность. Но часто встречается и изображение цельного плода, — тогда его отличает круглая форма и трилистник на макушке¹⁴, имеющийся и на настоящем гранате. Средством обеспечить плодovitость признавался опийный мак. Изображающий его узор (*кукнор*) напоминает узор гра-

¹³ Мошкова В. Г. Указ. раб., с. 114.

¹⁴ Чепелевецкая Г. А. Указ. раб., с. 75, рис. 44, с. 84, табл. XIV.

ната (*анор*), только трилистник на макушке плода крупнее, а сам плод несколько вытянутой формы.

Мотивы «баран» и «верблюд». Культовое значение придавалось и мотивам, прототипами которых являются почитаемые животные — баран и верблюд. Святость барана подчеркивается и таджикским названием этого животного: *гусфанд*, *гуспанд* от слова *зоу*, *гау* — «скот» (корова, бык). Г. В. Григорьев высказал предположение (вполне обоснованное, на мой взгляд), что этимология второй части слова — *сипанд* восходит к индоевропейскому корню

«свет» (отсюда и тадж. *сафед* — «белый»). Слово *сипанд* в словарях толкуется как название растения *рута*, дымом которого в Средней Азии окуривали больных, стремясь изгнать болезнь, точнее духов, ее причинивших. Термин *сипанд* входит также в состав некоторых слов, связанных с культом солнца: *сипандор* — «стояние солнца в созвездии Рыб», свеча; *сипандормуз* — «12-й месяц персидского года» (февраль)¹⁵.

В представлениях многих народов, в том числе таджиков, баран действительно считался *рахмони* («божеским»), тогда как козел — *шайтони* («дьявольским»). Баран-самец (*кучкор*) играл роль магического оберега: в семьях, где сыновья умирали, новорожденному давали имя Кучкор, которое должно было отпугнуть злых духов. Узбеки Хорезма обычно держали во дворе барана, чтобы обезопасить себя от сглаза: верили, что злой взгляд падает на рога барана и теряет силу¹⁶. Баран-самец с его круто загнутыми рогами признавался лучшей жертвой, и его рога часто можно было видеть на мазарах. Особенно много их было на мазаре с примечательным названием Кучкор-ота в Бухаре. В орнаменте вышивок изображался лишь один признак барана — его рога. Узор этот, имевший широкое распространение у оседлых и особенно у кочевых народов, назывался у самаркандских таджиков и у узбеков Самаркандской области *кучкорак*, у киргизов Ферганской долины — *кайкалак*, у узбеков-туркман Нурата — *муйиз*, у туркмен — *гочок* или *гочбуйниз*¹⁷. Он имел вид двух спирально загнутых завитков, обращенных в разные стороны, и мог либо занимать место второстепенных, мелких узоров, либо помещаться на кайме. Иногда очень крупные завитки оказывались в самом центре композиции — следовательно, им придавалось особое значение.

Вторым животным, нашедшим отражение в узорах вышивок, был верблюд. На старинных самаркандских вышивках лиственное окружение розеток очень часто изображалось в виде замкнутого кольца, которое было украшено пальметами, сидящими на круто загнутом книзу стебле. Этот мотив назывался *гариани шутур* — «шея верблюда». Сходный мотив *туя муюн* встречается и в ковровом орнаменте киргизов Ферганской долины¹⁸. Один из ведущих узоров старинной ходжентской вышивки — ритмично расположенные по всему полю вышивки розетки — назывался *пайпоки шутур* — «след (чулок) верблюда». Таким образом, в вышивках отражена какая-либо одна черта, характеризующая данное животное. Так, в самаркандском узоре изображена длинная вытянутая шея верблюда, а в ходжентском — след его широкой мягкой ноги (следы животных или птиц — один из часто встречающихся сюжетов орнамен-

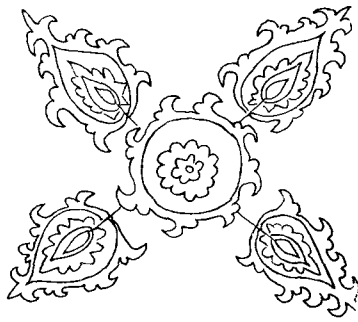

Рис. 7. Мотив *чорчирог* — «четырёхфитильный светильник»

¹⁵ Ягелло И. Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910.

¹⁶ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969, с. 316.

¹⁷ Подробнее см. Басилов В. Н. О пережитках тотемизма у туркмен. — Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР, т. VII. Ашхабад, Изд-во АН ТССР, 1963, с. 141—146.

¹⁸ Мошкова В. Г. Указ. раб., табл. XXIV, рис. 7.

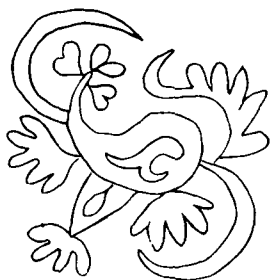

Рис. 8. Мотив *мусича* — «горлинка». Рисовальщица Овидой (Ургут, Самаркандская область)

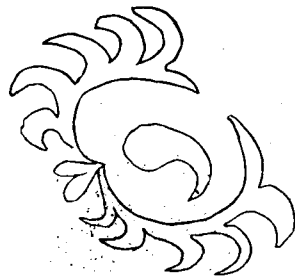

Рис. 9. Мотив *урдак-муини* — «щёя-утки». Рисовальщица из с. Катта-тюрк, Самаркандская область

та). Возможно, ассоциация шеи верблюда с круто загнутым завитком тоже чисто внешняя. Однако вряд ли можно назвать случайным тот факт, что именно верблюд поразил воображение художницы, когда-то, вероятно, очень давно, создававшей этот мотив. Верблюд почитался у многих народов Средней Азии. В Самарканде верили, что если человеку приснился верблюд, значит, к нему явился во сне какой-то святой (*бузургвор*) и следует по обычаю принести жертву на ближайшем мазаре. С другой стороны, верблюд считался наделенным особой половой силой, и, может быть, именно это представление породило узор, схематически изображавший верблюда, на вышивках, подготовлявшихся к свадьбе. У таджиков Шахристана (Северный Таджикистан), предлагая привезенной в дом жениха невесте сесть, произносили (после долгих уговоров и обещаний) ставшее сакраментальной формулой двусишие: «Шутури нора додем, ташнави тара додем» — «Мы даем самца-верблюда и влажный сток для воды», намекая на жениха и полагающееся по мусульманскому обычаю омовение¹⁹.

Астральные мотивы в вышивке. Следует отметить и наличие в вышивках некоторых астральных мотивов. Их культовое значение почти забыто, но можно предполагать, что именно оно заставило ввести подобные мотивы в орнаментiku вышивок-амулетов. Прежде всего обращает внимание, что в Ташкенте и, вероятно, в некоторых других местах, крупные розетки, на которых, в сущности, держится вся композиция вышивки, называются *ой* — «луна»; луну дополняют звезды — *юлдуз*²⁰, а сами сузани на белой ткани, сплошь зашитые узорами, называются *палак*. Этот термин, по-видимому, происходит от арабского *фалак* («небо»), измененного в тюркском произношении.

С трактовкой розеток как изображения солнца мы встретились и в узбекских кишлаках Бухарской области, где одна рисовальщица узоров для сузани назвала солнцем (*офтоб-нуска*) небольшую розетку в явно цветочной композиции, состоявшей из кустов или веток. В Самарканде розетки в узорах вышивок называются *лола* — «тюльпан». Однако в Самарканде в другой отрасли декоративного искусства — резьбе по сырой глине, украшавшей стены богатых усадеб в пригородах, розетки нередко трактуются как солярные знаки²¹, и такое их значение подтвердилось наблюдением Г. В. Григорьева. Он, заинтересовавшись прочерченным по сырой глине кругом над дверью маслобойки, получил объяснение, что это — солнце, которое охранит работу от сглаза (чтобы выход масла не уменьшался). По данным Г. П. Снесарева, вихревые ро-

¹⁹ Сухарева О. А. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристан.— Сборник научного кружка при Восточном факультете Среднеазиатского гос. университета. Ташкент, 1928, с. 87.

²⁰ Ташкентская вышивка изучалась М. А. Бикжановой. К сожалению, ее материалы остались неопубликованными.

²¹ Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда. Душанбе: Дониш, 1975, рис. 146—147.

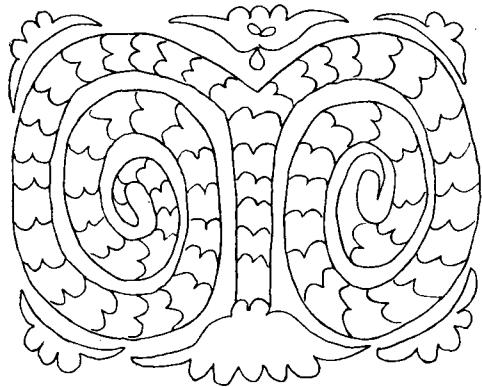

Рис. 10. Мотив *кучкорак* — «баранчик», «баранья рога»

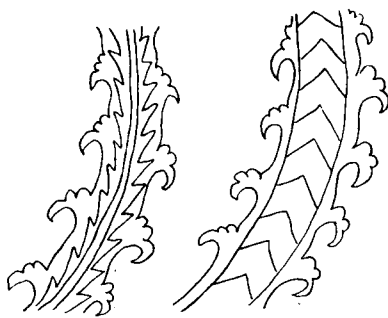

Рис. 11. Мотивы, используемые для оформления сердцевин лиственных элементов орнамента: *а* — *абри бахор* — «весеннее облако»; *б* — *тиру камон* — «молния»

зетки (знак солнца) изображались как оберег на домах узбеков Хорезма.

Самаркандское название *лола* — «тюльпан» пока еще трудно объяснить; неясно, какое значение придавалось некогда изображению тюльпана. Но на память приходит и праздник тюльпанов в Исфаре²² и наличие широко распространенного топонима *лолазор* — «тюльпанное поле», относящегося иногда к местам, где вряд ли когда-либо росли тюльпаны (так называется, например, один из ближайших пригородов Самарканда, к началу XX в. вошедший в черту города). В этой связи следует вспомнить, что слово *лолазор* в ряде мест означало женские гулянья, которые, несомненно, остались от какого-то древнего ритуала, совершавшегося, вероятно, весной. О таких гуляньях известно мало. Мне приходилось наблюдать *лолазор* в к. Шахристан в 1926 г. во время праздника курбан-байрам (в тот год он пришелся на июль). Конечно, эти гулянья к мусульманскому празднику курбан не имели отношения. В с. Бричмулла (Ташкентская область) я слышала рассказы о весенних гуляньях девушек, они тоже назывались «лолазар».

С астральными представлениями были связаны, вероятно, приемы расцветки некоторых элементов орнамента на старых самаркандских вышивках: мотив разделялся волнистыми линиями на поперечные разноцветные полосы. Эта расцветка в Самарканде называлась *абри бахор* — «весеннее облако» и, судя по названию, могла восходить к изображению радуги. Такая расцветка была распространена и в вышивках других районов (Ташкент, Джизак, Ходжент). Она породила хорошо известный термин «абровые ткани» — ткани с пестрым, переливчатым узором. В Самарканде и Ташкенте поперечными полосами *абри бахор* нередко оформлялась сердцевина лиственных элементов, а также мелкие элементы узора, например «перец» или «миндаль». Второй прием расцветки лиственных колец (на ранних вышивках темно-зеленых) назывался *тиру камон*. В этом случае сердцевину листа обозначала тонкая красная полоса, по обеим сторонам которой шли зубцы или ломаная линия теплого зеленого цвета²³. Слово *тиру камон* — букв. «стрела и лук» — означало молнию или (в Самарканде) радугу. У узбеков в значении радуга употреблялся термин *ук-йой*, имеющий ту же этимологию. В таджикском литературном языке радуга называлась *камони Рустам* —

²² Пещерева Е. М. Праздник тюльпана (лола) в селе Исфара Кокандского уезда. — В кн.: В. В. Бартольд. Ташкент, 1927; *её же*. Некоторые дополнения к описанию праздника тюльпана в Ферганской долине. — Иранский сборник. К семидесятилетию профессора И. И. Зарубина. М.: Изд-во вост. лит., 1963, с. 214—218.

²³ Чепелевская Г. Л. Указ. раб., табл. V.

«лук Рустама»²⁴. Зубчатая или зигзагообразная форма мотива позволяла думать, что он скорее был связан с изображением не радуги, а молнии, которая могла быть воспроизведена в узоре в виде зубцов или ломаной линии. Однако даже в памяти самых пожилых рисовальщиц эта связь уже к 1930-м годам не сохранилась: были забыты и причины, породившие название узора.

Таким образом, оба способа оформления сердцевинки лиственного узора в старинных самаркандских вышивках, корнились, видимо, в представлениях и образах астрального характера. Это предположение вполне закономерно, если учитывать, с одной стороны, наличие в Средней Азии в далеком прошлом астральных культов, а с другой — культовое, магическое значение старинных мотивов орнамента декоративных вышивок.

* * *

Понимание вышивок и их узоров как магических в Самарканде начало изживаться, видимо, еще до середины XIX в., т. е. задолго до того, как в искусстве вышивки произошли большие перемены, обусловленные глубокими изменениями в жизни общества после присоединения Средней Азии к России. Конечно, изменения происходили в вышивках и прежде. Можно не сомневаться, что для выработки стиля и орнамента, для достижения стилистического единства всех разнообразных компонентов, создающих композицию вышитых панно, потребовалось много веков. Законченные, прекрасно отработанные вышивки середины XIX в. появились далеко не сразу. Однако, как можно судить по сохранявшимся еще во второй половине XIX в. весьма древним чертам орнамента, имела место скорее эволюция формы, но не изменение сущности. Последняя до конца XIX в. осталась связанной с ранними верованиями. Архаичная основа вышивок стала изживаться только с конца XIX в., постепенно уступая место новому стилю, новым сюжетам и мотивам орнаментальных композиций.

В Самарканде изменения стиля и орнамента вышивок, а отчасти их технологии начались в 1880-е годы, в других районах, вышивки которых в историческом плане пока не изучены, — несколько позже или раньше. Направление эволюции стиля тоже не было единым. В Ташкенте, например, сложилась очень яркая гамма; в Самарканде же, где колорит вышивок всегда был более темным, происходило постепенное сокращение компонентов цветовой гаммы. В итоге орнамент приблизился к полной монохромности: узор на цветных тканях (обычно темных оттенков — фиолетового, темно-зеленого, темно-красного) стал вышиваться только белым цветом. В вышивках по белым тканям число цветов сократилось, в узоре осталось противопоставление колорита малиновых розеток и лиственного обрамления. Его темно-зеленый цвет заменился черным, но сначала — до 1900-х годов — сердцевина «листьев» делалась по-старому: посередине шла узкая красная линия, по сторонам которой помещались зеленые зубцы. Потом исчезла и эта яркая сердцевина, весь лиственный узор вышивался только черным. Следовательно, произошла и значительная эволюция в мировоззрении: был преодолен суеверный страх перед черным цветом — цветом траура. Как сообщали пожилые женщины, в молодости им пришлось выдержать немалую борьбу со своими бабушками, чтобы сделать вышивки для приданого в новом (модном) стиле. Переход на черный цвет лиственного орнамента, а в других районах — на черный фон для вышивок, этот мелкий на первый взгляд факт, знаменовал значительный шаг вперед в изживании и старых художественных традиций, и суеверий. Последние не устояли перед натиском нового, вторгавшегося во все сферы жизни населения.

Вместе с изменением колорита вышивок менялся и орнамент. Уже к концу XIX в. исчез мотив «светильника». Но зато «кухонный нож» вытеснил все прочие виды лиственного окружения розеток. Сильно увели-

²⁴ Фарханги забони тоҷики, I. М.: Сов. энциклопедия, 1969, с. 534.

ившись в размерах, «ножи» сделались похожими на кривые сабли, так как им стали придавать значительный изгиб, дабы они могли охватить оетки. Мотив «кухонный нож» можно встретить еще и в начале 900-х годов, но он остался только на мелких вышивках, например на жойнамазах, превратившись просто в кустик с изогнутым стеблем, от которого в обе стороны отходят многочисленные завитки. От прежнего мотива сохранились лишь загибающиеся концы (один вверх, другой вниз) и старое название.

В результате всех этих изменений от прежнего архаического, магического по своей семантике орнамента в вышивках остались лишь отдельные мелкие узоры (вроде «перца» и «миндаля»). Некоторое время еще продолжали изображать плоды граната и головки опийного мака, но они вскоре исчезли. Когда орнамент вышивок потерял свою магическую культовую функцию и традиционные узоры перестали быть обязательными, открылись широкие возможности для расширения круга сюжетов. Появились стилизованные под растения узоры — «самовар», «поезд», «сундук», отражавшие изменения в быту. Особенное развитие получили узоры, изображавшие разные фрукты, которые, видимо, символизировали изобилие. Ушли в прошлое разнообразные магические зоры. Правда, суеверия, породившие их, еще долгое время сохранялись в семейном быту, но вышивки потеряли с ними связь; лишь в сознании пожилых женщин осталось смутное воспоминание о былой роли вышивки-оберега.

З. А. Аршавская

ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ В СЕЛЕНИИ ХУФАР (УЗБЕКСКАЯ ССР)

В последнее время значительно усилился интерес к народному зодству Узбекистана. В ряде публикаций рассматриваются структура жилища, его конструктивные решения, декоративные приемы и др. Исследование этих вопросов весьма существенно, так как значительно расширяет наши представления о традиционно-бытовой культуре населения Узбекистана, в том числе по народному жилищу. Наименее изучена в том плане Сурхандарьинская область. Можно назвать немного работ, которых в той или иной мере затрагиваются названные вопросы. Так, статье Л. И. Ремпеля, в основе которой — результаты полевых исследований Института искусствознания им. Хамзы (Ташкент) 1960—1962 гг., рассматривается архитектура предгорных селений¹. В работах Л. Ворониной на примере народной архитектуры Шерабадского района характеризуется в основном ордерная система². Архитектура горных поселков Сурхандарьинской области частично освещена в диссертации А. Назилова³.

В связи с составлением «Свода памятников архитектуры и монументального искусства Узбекистана», подготавливаемого Институтом искусствознания им. Хамзы, нами были обследованы предгорные и горные поселения Сурхандарьинской области, традиционная архитектура которых представляет значительный интерес. Данная статья содержит результаты исследований кишлака Хуфар (Сарыасский район), где автор работал в 1979 г. вместе с археологом Э. В. Ртвеладзе⁴. Некоторые сведения

¹ Ремпель Л. И. Народная архитектура предгорной зоны Узбекистана.— В кн.: Искусство зодчих Узбекистана. В. IV. Ташкент: Фан, 1969, с. 158—191.

² Воронина В. Л. Колонны в народной архитектуре Узбекистана.— В кн.: Проблемы истории архитектуры народов СССР, № 3, М.: ЦНИИП градостроительства, 1976, с. 37—41; *её же*. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. М.: Стройиздат, 1977, с. 49.

³ Назилов Д. А. Архитектура горных районов Узбекистана: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. архитектуры. М.: Московский арх. ин-т, 1976.

⁴ Большую помощь в сборе материалов оказал местный житель Абдусаттар Санов, за что приносим ему искреннюю благодарность.

Рис. 1. Общий вид сел. Хуфар

ния о Хуфаре (история возникновения, этнический состав населения и др.) приводят в своих трудах И. Хидоятов⁵ и Б. Х. Кармышева⁶, которые, однако, не касаются традиционного жилища хуфарцев.

До сих пор при непосредственном изучении и обследовании народной архитектуры Сурхандарьинской области почти не выявлены жилые дома, построенные до революции. Социальные преобразования в республике коснулись и жилища: каждый год на месте старых традиционных жилищ возводятся новые более просторные и удобные дома. Однако представления о традиционном жилище, в частности в период средневековья, в какой-то мере могут дать материалы по горным и предгорным районам, где наиболее стойко сохраняются культурные традиции. Примером служит горное селение Хуфар, где и поныне, по сообщению жителей, новые дома, заменяющие старые, обветшавшие, строятся на прежнем месте, по традиционному плану, сохраняя прежние конструкции, декор и т. п.

Принцип планировки кишлака известен по селениям аналогичных географических зон Узбекистана и особенно Таджикистана, в частности, по описаниям селений Каратегина и Дарваза⁷. В Сурхандарьинской области это один из немногих кишлаков, сохранивших позднесредневековые архитектурные традиции как в общем облике селения, так и в жилых и хозяйственных постройках, мечетях.

Селение Хуфар расположено на горных саях, впадающих справа в реку Туполанг на высоте более 2 тысяч метров над уровнем моря (рис. 1). Оно заселено таджиками. По легенде, этот кишлак основан двумя братьями, которые разыскивая своих пропавших коров, увидели прекрасные пастбища. Красота окружающей природы, изобилие воды заставили братьев поселиться здесь и назвать поселок «Хуш бахр» (*хуш* — приятный, *бахр* — удовольствие), который впоследствии якобы транскрибировался в Хуфар⁸.

Кишлак расположен на противоположных склонах межгорной впадины и делится на две части: зимнюю и летнюю. В зимней *кышлыг* — скученная террасообразная застройка, при которой крыша нижнего сооружения служит двором для вышестоящего, в летней — *баг* — сады и огороды жителей; на каждом участке имеется легкого типа однокомнатный домик с односторонним айваном.

Кишлак делится на кварталы — *махалля*: Тупхана, Мачити-калон, Мачити-каморо, Гури-ашик, Сари-пуль, Техирахимо и т. д. Центр каждого квартала до революции занимала мечеть, построенная на средства его прихожан. Названия мечети и махалля характеризуют категорию

⁵ Хидоятов И. К вопросу о формировании населения южных районов Узбекистана. — В кн.: Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент: Фан, 1965, с. 131-132.

⁶ Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976, с. 139—141.

⁷ Таджики Каратегина и Дарваза/Под ред. Кислякова Н. А. и Писарчик А. М. В. 2. Душанбе: Дониш, 1970, с. 5—19.

⁸ Кармышева Б. Х. Указ. раб., с. 139.

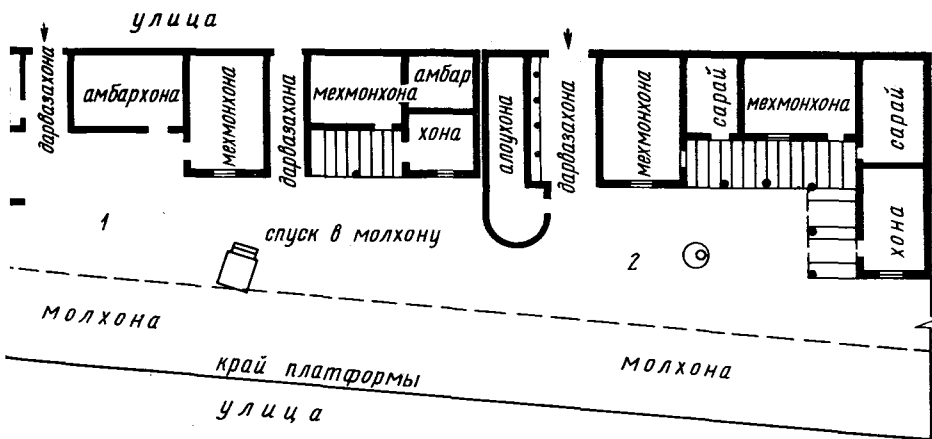

рис. 2. Планы жилых домов: 1 — Ходжи Саидназарова, 2 — Ниезахмеда Ибрагимова

ителей, живших в этих кварталах. Например, мечеть Лючику, что зна- ат «голые», построена в махалле бедных.

В настоящее время из имевшихся ранее 13 мечетей осталось 5. Они строены в конце XIX — начале XX в., в основном по типовой схеме: стенам с плоским балочным перекрытием примыкает двух- или одно- торонний айван, но они отличаются друг от друга вариантами и деко- ом резных деревянных деталей, в основном колонн. Некоторые мечети ерестраивались 30—40 лет назад, однако, по словам информаторов, олностью копировали старые здания, откуда переносились деревянные асти: колонны, балки, подбалки.

Среди обследованных домов, в отличие от известных нам усадеб- ных горных селений Сурхандарьи — Ушор, Сина, Вахшувар, Сангар- ак, Хандиза и др. — в Хуфаре почти нет замкнутых дворов. Застройка ишлака скученная, компактная, у всех жилых домов айваны обраще- ны в сторону ущелья. Вероятно, это продиктовано условиями рельефа. если он позволяет, то на отдельных участках дома примыкают друг другу и расположены цепочкой вдоль улицы, на которую выходят тухие фасады.

Дома, как правило, решены в двух уровнях (рис. 2). В первом этаже азмещается хлев — *молхона*, во втором — жилой блок — *уй*. Крыша олхоны используется как дворик перед домом. Иногда также двориком лужит и крыша соседнего дома. Разное количество комнат, в зависимо- ни от состава и материального достатка семьи, группируется П- или -образно вокруг прямоугольного в плане айвана. Сам айван также ожет иметь аналогичное очертание, повторяя конфигурации дома по нутреннему или наружному контуру. Комната для приема гостей — *ехмонхона*, как правило, помещается в торце айвана. Иногда комнат- таким названием две. При П-образном очертании дома помещение для остоянного обитания семьи — *хона* занимает противоположный торец. Мехмонхона и хона разделяются небольшими хозяйственными помеще- ниями, которые называются по-разному — *сарай* или *амбар-хона*. При- ольшом числе комнат это разделение также обязательно. Каждое по- мещение изолировано, имеет отдельный вход из айвана.

Для приготовления пицци существует отдельное сооружение — *ошхо- а*, или *алоухона*. Оно объединяется с жилым блоком крытым проходом *аравазхона*. В ошхона также предусмотрены хозяйственные отделы (хозяйственная утварь, посуда). Часто рядом с ошхоной снаружи под авесом или без него устраивается цепочка очагов для летнего пользо- ания.

Таким образом, все очаги вынесены из жилого помещения, в отличие, ажем, от каратегинских или дарвазских, где пищу готовят на веран- : — *долоне*, а часто и в жилой комнате. Возможно, в старину так мог-

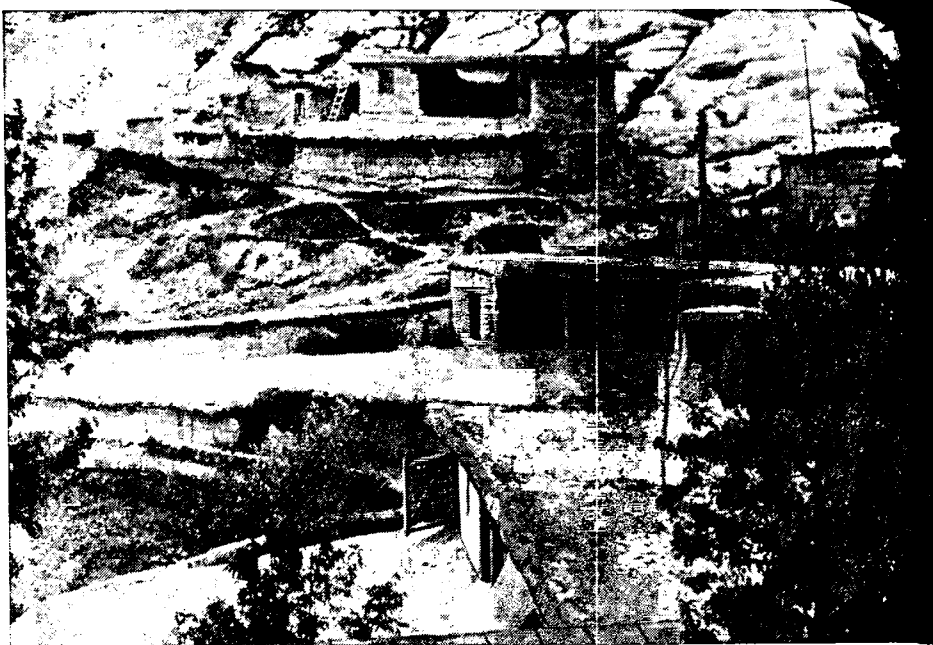

Рис. 3. Часть селения Хуфар

ли делать и в Хуфаре. Например, в кишлаке Панджоб в Кугитанге в доме конца XIX в. крупный очаг расположен именно на айване. Часть айвана около очага огорожена невысокой стеной для защиты его от непогоды, т. е. тот же вариант каратегинского долона⁹.

Рационально решена связь с хлевом (*молхоной*) в зимнее время: него, в непосредственной близости от айвана, устроен крытый спуск. Другой вход в хлев — внизу, со стороны улицы, и используется для выгона животных и для загрузки кормов. В том случае, когда молхон строится на одной террасе с жилым блоком, площадкой перед домом служит крыша дома соседей. Живописные пространственные решения получили ворота дарвазахона, варианты которых зависят как от особенностей рельефа участка, так и от вкусов хозяина.

На рис. 3 представлен фрагмент ленточной застройки горной планировки, включающей две смежные усадьбы и показывающий поэтапно развитие состава помещений жилой части дома.

Усадьба № 1 Ходжи Саидназарова состоит из трех частей, с двумя промежуточными дарвазахона. Наличие двух входных помещений объясняется двумя этапами строительства, разделенными большим промежутком времени. В старом доме всего две комнаты, расположенные по прямому углу друг к другу: *амбархона* — складская и *мехмонхона* — чистая половина (для гостей). Айвана нет. С другой стороны от дарвазахона находится зимняя кухня ошхона и рядом летний навес над очагами. Со временем устаревшая постройка была приспособлена под хозяйственные нужды, а рядом появилось новое жилище, в котором примерно на такой же площади расположено уже три комнаты — хозяйственная половина расчленилась на отдельные помещения: жилое — *хон* и складское — амбар. Помещения объединены маленьким одноколонным айванчиком.

Смежная усадьба Ниезахмеда Ибрагимова имеет идентичную планировку: закрытая кухня алоухона¹⁰ отделена дарвазахонной от жилой части. Но в этой усадьбе уже до пяти помещений: две мехмонхоны, одна хона и два хозяйственных сарая. Соответственно увеличивается и айванчик.

⁹ Таджики Каратегина и Дарваза, с. 64, рис. 30 (13—14).

¹⁰ Названия помещений записаны в местном произношении.

ван, принимая оптимальную в данной ситуации Г-образную форму — по внутреннему обводу дома, объединяющему все комнаты под один навес. Роль дворика перед домами выполняет крыша длинной молхоны, спуск в которую — один на две усадьбы — смещен в сторону дома Саидназарова.

Обращает внимание отсутствие айвана в старом доме усадьбы Ибрагимова. По данным В. Л. Ворониной, обследовавшей горные кишлаки Шерабадского района в 40-х годах, айваны перед домами в высокогорных селениях встречались нечасто, только в более теплом климате, а кроме того, были привилегией зажиточного хозяина, так как значительно удорожали постройки¹¹. Вероятно, в Хуфаре в прежнее время были распространены оба типа жилищ — как с айванами, так и без них.

Есть в Хуфаре и дома современного типа: с высокими двускатными крышами, покрытые шифером или железом, с большими окнами и застекленными верандами. Интересно, что веранды — это утепленные айваны, сохраняющие то же самое разнообразие очертаний, что и открытые айваны, с той же схемой взаимосвязи с помещениями. То есть планировочные традиции сохраняются незыблемо.

Значительный интерес представляют функционирующие и ныне здания производственного назначения (рис. 4) маслобойни — *джувозхона*. Осмотренная нами маслобойня построена в 1932 г., но по сообщению местных жителей, ничем не отличается от тех, в которых работали их деды и прадеды. Джувозхона стоит в комплексе с обслуживающими ее хозяйственными постройками, в основном это *гаухона* и *аспхона* — помещения со стойлами для лошадей и волов, поставленные по периметру двора. Собственно джувозхона (их две, расположенных смежно) — небольшое прямоугольное (4×5,2 м) помещение, в центре которого установлена крупная деревянная ступа — *кунда*. Вокруг нее в радиусе 1,6 м — углубленная дорожка для вола, который приводит в движение пест — *тир*. За работой животного смотрит идущий рядом погонщик, для которого предусмотрена круговая дорожка со стороны ступы. Помещение за внешней стороной круга использовалось, вероятно, для хранения мешков с зерном и готовой продукции. Просторный прямоугольный двор (23,5×14,5 м) окружен стенами, оштукатуренными саманом, лишенными архитектурных деталей. Окон нет. При подобной аскетичности кажется искусной незамысловатая фигурная деталь — привязь для лошадей — *яккамех*, устроенная в центре двора.

Джувозхона — не единственный производственный объект поселка. По сообщению местных жителей, в 10 км от него находится старинная водяная мельница — *тигирмоан*, обследовать которую, к сожалению, не удалось.

Основным строительным материалом для возведения домов в Хуфаре, как и на равнинах, является глина. Ее используют в стеновых пахсовых конструкциях, чаще в постройках хозяйственного назначения, а также в виде комков (*зуваля*), которыми заполняют однорядный каркас, в основном жилых домов. Кроме того, она необходима для фундаментов, представляющих собой сильно утрамбованную глиняную платформу, на

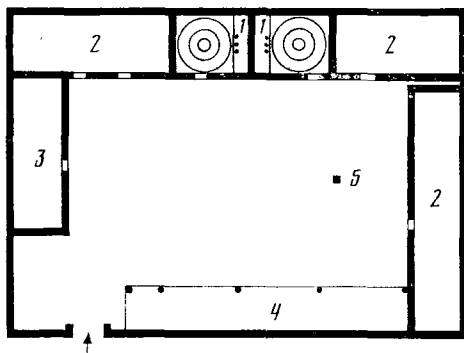

Рис. 4. Маслобойня (джувозхона) в Хуфаре: 1 — собственно джувозхона, 2 — стойло для быков (*гаухона*), 3 — стойло для лошадей (*аспхона*), 4 — навес с кормушками (*чунтора*), 5 — привязь для лошади (*яккамех*)

¹¹ Воронина В. Л. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока...

которой покоится основание дома (в отличие от фундаментов Каратепина и Дарваза, где по контуру дома роют канавы различной глубины).

Для перекрытия используются арчевые балки, поверху которых кладут доски, затем *шох* (хворост), и все это засыпают сухим песком и заливают саманом. В результате получается довольно высокое покрытие, которое весной, прорастая густой травой, придает постройкам, особенно небольшим (например, *бадрабам* — туалетам), вид гигантских грибов с зеленой шляпкой и алыми крапинками маков:

Дерево — материал дефицитный и используется при устройстве каркасов, строчно-балочных конструкций, в последнем случае оно служит предметом особого отношения и в большей или меньшей степени несет и декоративную нагрузку. В конструкциях цоколей часто используется камень, особенно, когда дом строится на участке с резким перепадом рельефа.

Хуфарцы особенно бережно относятся к дереву. Фигурная колонна — непременная деталь почти каждого архитектурного объекта поселка: они более изысканны в мечетях и проще в айванах жилых домов. Их умеет обрабатывать почти каждый домовладелец, однако иногда для этой цели приглашаются и мастера. Известны имена таких мастеров — резчиков колонн, как Раджаб Халилов в мечети Лючико, и Саид Тилляк — в мечети Мирзоб.

Колонны жилых домов можно в основном свести к одному типу с наиболее характерными чертами его составляющих — это две колонны мечети Лючико (рис. 5, *д*). Одна из них покоится на высоком мраморном постаменте с вогнутыми гранями. На верху постамента на граненой ножке поставлена грушевидная куза, тоже граненая. Ствол несколько нависает двумя оборками. Ствол и простейшую геометрическую капитель разделяет круглый валик. Горизонтальные грани на колонне и постаменте вырезаны фестонами. Колонны аналогичной формы и с аналогичным набором деталей, а также манера их обработки встречаются не только в Хуфаре, но и в иных селениях этого региона. Притом, форма кузы может быть кувшинообразной, грушевидной, приближающейся к цилиндру. Сверху она утончается, у основания закруглена, иногда в верхней части сильно вытянута. Поверхность колонн бывает граненой и гладкой округлой. Иногда ствол имеет каннелюры. Разделительные валики отделяются резьбой в виде спирали или елочки. Украшением зачастую служили пояски несложной «занджиры» и почти непременно — частые и мелкие фестоны.

Колонны айвана мечети Лючико более поздние, массивны и кажутся очень высокими за счет того, что толщина их ствола у основания почти в два раза больше, чем в верхней части (рис. 5, *в, з*). Многие в них несовершенны. Нарушены пропорции, тяжеловатые объемы базы и кузы контрастируют с узким завершением ствола и мелкой капителью, формы обработаны грубовато, ствол и куза в сечении — скорее квадрат со скругленными углами, нежели круг. Однако несмотря на это, колонны создают праздничное настроение: на всех их составляющих присутствуют элементы резьбы. Интересно наличие лопастей на кузе (рис. 5, *а, б*), поскольку в исследованных нами горных районах междуречья Халкаджара и Обизаранг-Каратага это явление довольно редкое и встречено пока только дважды в сильно стилизованном варианте.

Проста, лаконична по силуэту и оригинальна одна из колонн мечети Мирзоб (рис. 5, *е, ж*). Она покоится на тоненькой, не более 5 см, квадратной подставочке, начинается с элемента, выполняющего роль кузы — призмы с вырезанной на каждой грани плоской «восьмеркой». Однако в колонне нет ни постамента, ни разделительных поясков, ни валиков между кузой и выше — капителью.

Предмет особого почитания хуфарцев — выставленные под открытое небо перед мечетями Мирзоб и Лючико древние каменные базы из-под колонн. Эти восьмигранные тумбы плавно вогнутого очертания в вертикальном сечении, с квадратным верхним и нижним основанием. База мечети Лючико украшена фестонами.

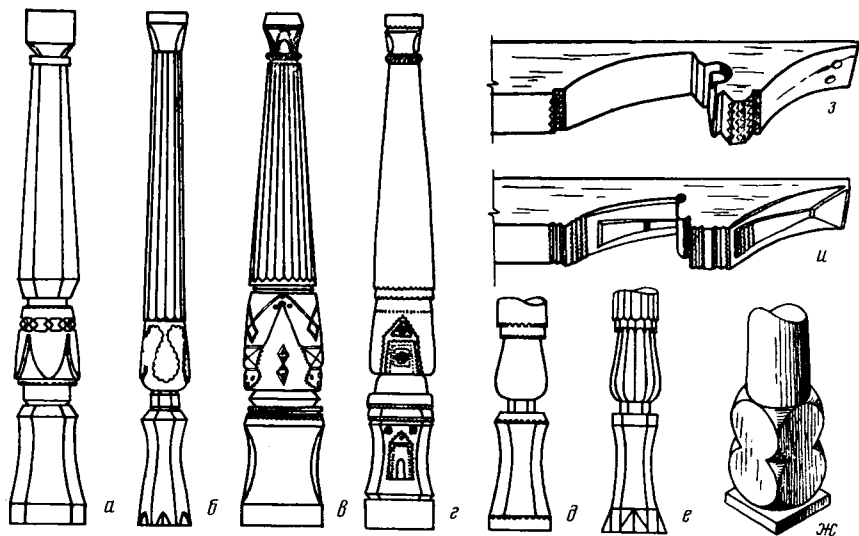

Рис. 5. Колонны Сурхандарьинской области: а — в мечети Суфи Алласта в Катта Вахшуваре, б — в мечети Дашнабада, в, з, д — в мечети Лючико в Хуфаре, е, жс — в мечети Мирзоб в Хуфаре; подбалки: з — в мечети Дашнабада, и — в мечети Лючико в Хуфаре

Определенное внимание в хуфарском ордере уделено подбалке (как в жиле, так и в общественных зданиях): ей придается хотя и несложный, но обязательно фигурный профиль, резьбы нет. Исключение составляют подбалки на айване мечети Лючико. Здесь мотив бараньего рога — *кочкорак* изменен и усложнен поздними модернизациями: многочисленные мелкие резные пояски и членения дробят цельную форму, делая ее невыразительной. Подбалка из Дашнабадской мечети (рис. 5, з) показывает переход к более замысловатым формам аналогичной детали в мечети Лючико (рис. 5, и). Интересно, что другие деревянные архитектурные детали декора не несут. Резьбы нет и на балках, как, например, в мечетях кишлаков Ходжасоат и Дахона-Обишир, где они украшены розетками, выполненными трехгранно-выемчатой резьбой.

Декоративно оформленные двери мы видели только однажды, в мечети Калон. Это самая крупная и наиболее почитаемая в кишлаке мечеть, построена на месте старой мечети и по тому же плану. Главная ее достопримечательность — большие двустворчатые двери. Верхняя часть дверей украшена четырьмя сквозными полуциркульными арочками, напоминающими ревак¹² портала, а их плоскости покрыты орнаментальной резьбой. Интересно, что узор резьбы скопирован с сундука, хранящегося в школьном музее (рис. 6). Как нам сказали, сундук «очень старый», но откуда он взялся неизвестно. Внешне это нечто среднее между комодом и шкафом. Его створки искусно оформлены резьбой из розеток в квадратах, имитирующих филенки. Различные варианты бордюров *занджир* обрамляют эти квадраты. Перенесенный на двери мечети орнамент выполнен более примитивно, неглубокой врезкой, почти условно.

Рассмотренные некоторые принципы организации жилища, как уже отмечалось, встречаются в горных районах Узбекистана¹³ и особенно Таджикистана. Сравнивая их, в частности, с каратегино-дарвазскими примерами, мы находим между ними много общего, не говоря уже об идентичности строительных материалов и конструкций. Так, двучастность планировки Хуфара находит аналогии в «двудомных» селениях Каратегина и Дарваза¹⁴. Подобное явление широко распространено и в горной части Сурхандарьинской области. К примеру, селение Дербент

¹² *Ревак* — сквозной арочный пояс, украшающий верхнюю часть порталов. Особенно характерен для хорезмийских мемориальных памятников.

¹³ *Назилов Д. Л.* Указ. раб., с. 6—11.

¹⁴ Таджики Каратегина и Дарваза, с. 7.

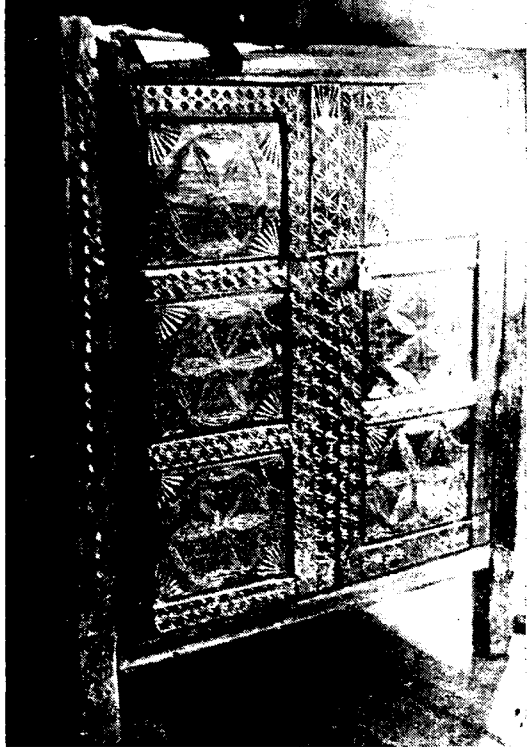

Рис. 6. Сундук в школьном музее Хуфара

Каратегина и Дарваза, но где они все же были, и их нередко выполняли мастера, приглашенные из Зеравшанской долины и Афганистана¹⁹.

Обладая некоторыми признаками, общими с жилищем Таджикистана, хуфарское жилище имеет своеобразные черты, чему в значительной степени способствует живописный рельеф. Исключительная красота местности, живописная застройка рельефа, разновеликое сочетание светотеневых пятен усиливают ощущение неповторимости композиции каждого строения. Разнообразны формы айвана, его соотношение с жилым помещением, но принцип застройки один: двухуровневый, при котором жилая часть всегда располагается в верхнем, а хозяйственная — в нижнем этаже. Правда, иногда кроме молхоны в первом ярусе, при входе во двор, во втором, имеется еще и строение или огороженный участок для содержания мелкого скота — *бузголахона*. Специфично для Хуфара и отсутствие вертикальной застройки жилых и хозяйственных построек, что характерно для обследованных автором данной статьи и известными в литературе²⁰ селений Сурхандарьи — Сина, Ушор, Аулад, Вахшувар и др.

Айваны характерны для всей Сурхандарьинской области. Чаще всего они вытянуты вдоль фасада и, как правило, охватывают все помещение дома. Реже встречаются айваны междукомнатные (Сангардак), что так характерно для селений таджикистанского Куляба²¹ и верховьев Кашкадарьинского Гиссара (Хисарак, Якка-хона)²². В районах Каратегина

также четко делится на зимнюю и летнюю части, но с одинаково капитальными постройками в обеих частях¹⁵. Кроме того, в Хуфаре, как и в Дарвазе, дома старались строить на том же месте, где стоял дом отца¹⁶. Жилище в Хуфаре не делится на дарун-берун (внутренняя и внешняя части), так же как и в верхних кишлаках Каратегина и Дарваза, что, вероятно, объясняется той же причиной — «женщины от мужчин не закрывались»¹⁷. В терминологии отдельных помещений также много сходства между хуфарским жилищем и жилищем «равнинного типа» Каратегина и Дарваза¹⁸. Интересен и тот факт, что мечети Хуфара, да и все обследованные нами сурхандарьинские мечети, не украшались росписями. Впрочем, они могли просто не сохраниться, как не сохранились в подобных сооружениях

¹⁵ Полевые материалы автора 1982 г.

¹⁶ Таджики Каратегина и Дарваза, с. 20.

¹⁷ Там же, с. 52.

¹⁸ Там же, с. 49—54.

¹⁹ Там же, с. 90.

²⁰ Ремпель Л. И. Указ. раб., с. 162, 169, 171, 178, 185, рис. 1, 4, 6, 7, 12, 16.

²¹ Воронина В. Л. Заметки о народной архитектуре Южного Таджикистана. — Сов этнография, 1957, № 1, с. 138—145.

²² Полевые материалы автора 1979 г.

Дарваза айван заменяет полуоткрытый или открытый «долон»²³. Хуфаре же встречается наибольшее число вариантов айванов.

Определенное достоинство хуфарского дома — вынесение очагов за пределы жилых помещений. Их устраивают перед зданием, либо в отдельной кухне, что обеспечивает чистоту и незадымленность комнат. «равнинном» жилище Каратегина и Дарваза — такие очаги появились лишь около 40 лет назад²⁴. Трудно сказать, насколько это традиционно Хуфаре.

Архитектурные детали, рассмотренные нами при описании колонн, типичны с аналогичными фрагментами построек из кишлаков Вахшурская, Туполанга, Обизаранга, Газаракса²⁵. Отдельные их образцы напоминают регарские и гиссарские. Такие же граненые базы можно встретить в мечети Ура-Тюбе²⁶. В сурхандарьинских постройках, так же как в каратегино-дарвазских, не встретишь наборных капителей. Такое сходство в решении сурхандарьинского и таджикского горного ордера, так и близость самой архитектуры этих сопредельных регионов объясняется наличием в этих районах единого этноса, территориальной близостью, едиными географическими и складывающимися с древности социально-экономическими условиями.

²³ Таджики Каратегина и Дарваза, с. 64.

²⁴ Там же, с. 68.

²⁵ Аршавская З. А. Колонны в народной архитектуре Сурхандарьи.— Строительство и архитектура Узбекистана, 1982, № 1, с. 24—26.

²⁶ Рузиев М. А. Резное дерево Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976, с. 36, рис. 9—71.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

С. С. Савоскул

Н. К. РЕРИХ И ЛЕГЕНДА О БЕЛОВОДЬЕ

В 1929 г. в одном из выступлений о своей недавно закончившейся многолетней экспедиции по Центральной Азии Н. К. Рерих говорил: «Когда мы не так давно проходили через алтайские высоты, нам показывали пути и потаенные, ведомые лишь избранным тропинки к священным местам, именуемым Беловодьем»¹.

На Алтае художник услышал легенду, память о которой не потускнела после ярких впечатлений и многих, часто опасных приключений, ждавших путешественника и его спутников в Монголии, Тибете, Гималаях. Эта легенда и сейчас поражает многих, кто с ней знакомится, верой в существование вольной и счастливой мужицкой страны. Вдохновленные этой верой большие группы русских крестьян, иной раз по несколько сот человек, в течение всего XIX в. много раз отправлялись из алтайских деревень на поиски легендарной страны.

Русская социально-утопическая легенда о Беловодье входит в круг многочисленных рассказов о далеких счастливых землях, издавна распространенных у многих народов. В феодальной России популярности таких легенд способствовало постоянное наличие резервных пространств на окраинах, до известной степени ослаблявшее социальные конфликты в центре страны. Несомненно, что движение на «вольные» земли должно было рождать как среди самих переселенцев, так и среди крестьян, остававшихся на месте, массу рассказов и легенд, возбуждавших надежду на избавление от феодального гнета и создание своего мужицкого царства, где не будет помещиков и царской власти, где царят справедливость и правда.

К. В. Чистов, автор интереснейших исследований о русских социально-утопических легендах², убедительно показал, что реальным прототипом Беловодья была независимая община беглых крестьян, заводских рабочих, солдат, поселившихся во второй половине XVIII в. в алтайских горах, в долине р. Бухтармы к югу от оборонительной линии, прикрывавшей Колывано-Воскресенские заводы от набегов кочевников. Очевидно, довольно скоро слух о беглецах, ушедших из-под власти государства и заводской администрации и живущих вольной жизнью, дошел до крестьян вначале ближних, а потом и более отдаленных губерний. Видимо, именно в эту пору стала формироваться легенда, в которой под Беловодьем имелись в виду Бухтарминская и ближайшие к ней алтайские долины. Однако это представление жило недолго. Трехлетний неурожай в конце 1780-х годов, столкновения с кочевниками и другие трудности заставили бухтарминцев обратиться к правительству с просьбой принять их в состав государства. В 1791 г. на сравнительно льгот-

¹ Фосдик З. Г. На Алтай с Рерихами.— Рериховские чтения. 1976 год. К 50-летию исследований Н. К. Рериха на Алтае. Новосибирск, 1976, с. 88.

² Чистов К. В. Легенда о Беловодье.— Тр. Карельского филиала АН СССР, т. 35. Петрозаводск, 1962, с. 116—181; *его же*. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М.: Наука, 1967. Дальнейшее изложение беловодской легенды и ее истории приводится в статье без ссылок на эти работы.

ных условиях они вошли в состав России. Но местная администрация чем дальше, тем меньше считалась с привилегиями, дарованными бухтарминцам Екатериной II, пока, наконец, в 1878 г. не ликвидировала их совсем. Бухтарминцы отвечали на нарушения их традиционных прав иногда открытым сопротивлением или неподчинением, но чаще побегами в хорошо знакомые им горы и беспрестанными поисками Беловодья. С включением Бухтарминской долины в состав Российского государства местонахождение легендарной страны в сознании крестьян, естественно, переместилось в более отдаленные места.

Основные мотивы легенды о Беловодье, сложившейся к началу прошлого столетия, проступают уже в первом сообщении правительству о легендарной стране, сделанном в 1807 г. В этот год в Москву явился крестьянин Дементий Бобылев, приписанный к Колывано-Воскресенским заводам, и передал в Министерство внутренних дел следующее донесение: «Я находился на море Беловодье. Живут русские старообрядцы, имеют епископов и священников и церкви по старому закону... А бежали оне от царя Алексея Михайловича и Никона патриарха во время разорения Соловецкого монастыря, тогда в Соловецком монастыре всех старцев замучили за веру... и много разбежалось по лесам и по странам и еще на море Беловодье бежали». Беловодцы, по его словам, «сами по себе живут, никому дани не платят». Население Беловодья сказочно большое — «там сот до пяти тысяч или боле»³.

Наиболее полное представление об этой легендарной стране дают «Путешественники» — тайные листки, призывавшие идти в Беловодье. Во всех списках «Путешественника» говорится, что автор его, некий Марк (иногда Михаил) из Топозерской обители (в Олонеккой губернии), сам побывал в Беловодье. А Беловодье это находится на 70 больших островах в океане, около Японии или, быть может, в самом «Опонском государстве». Жители обетованной страны живут независимо и «в землю свою никого не пушают». Беловодье, судя по «Путешественнику», представляется союзом мелких равных производителей, без какой-либо власти над ними. Единственное, что они признают, — это «духовные власти». Последние же мыслились во вполне идеализированных и демократических формах («и все служат они босы»), очевидно, близких к идеалам первых христиан. В Беловодье нет «татьбы и воровства», не знают там ни войн, ни, следовательно, армии и солдатчины. Природа таинственной страны щедро награждает земледельца, там «родится виноград и сорочинское пшено»⁴. Помимо всего ее жители сказочно богаты: «У них золота и серебра несть числа, драгоценного камня и бисера драгого весьма много».

Описание Беловодья в «Путешественнике» возбуждало желание туда попасть. И тем, кто стремился его найти, давался своеобразный путеводитель. В первой его части указывался путь по России, приводящий во всех без исключения списках в деревню Уймон (нынешний Верхний Уймон), забравшуюся в самое сердце Алтайских гор. Во второй описывался дальнейший путь в сторону чудесной земли на 70 островах.

С первой частью маршрута «путеводитель» худо-бедно справлялся. Худо-бедно потому, что во всех списках «Путешественника», за исключением одного, составленного в Сибири, путаница географических названий начинается уже после Екатеринбурга. Здесь и «Выбернум деревня» (очевидно, Барнаул; в другой редакции — Кабарнаул) и «Избенск» (видимо, Бийск). А название конечного пункта в отдельных редакциях совершенно неизвестно — Умоменска, Оймайска, Устьменска, Димонска, Дамаская.

Что это — незнание или конспирация? Последнее, на мой взгляд, не исключено. Ведь и сама легенда, и связанные с ней листки — плод тайной религиозно-общественной мужицкой организации — секты «бегу-

³ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977, с. 220—221.

⁴ Сорочинское (сарацинское) пшено — рис.

нов», или «странников», крайне левого ответвления старообрядчества. Но все же скорее всего здесь незнание. Почти все списки «Путешественника» происходят из центральных и северных губерний Европейской России, из среды, весьма отдаленной от Алтая, — отсюда и возможность искажений. Не случайно единственный известный список «Путешественника» из Сибири отличается абсолютной точностью первой части маршрута.

Вторая часть маршрута во всех «русских» списках — сплошная загадка. А в сибирском списке дается самое общее описание пути и не приводится ни одного географического названия. Больше того, создается впечатление, что Беловодье находится вовсе не на островах, как во всех других списках «Путешественника», а за какими-то высокими горами. Правда, и здесь оно отделено от остального мира морем. Где-то в середине пути «двенадцать суток ходу морем и три дня голодной степью». Вообще, как мне кажется, сибирский «Путешественник» в наибольшей мере учел реальный опыт поисков Беловодья алтайскими крестьянами. На это обстоятельство еще никто из исследовавших беловодскую легенду не обращал внимания, а оно, на мой взгляд, позволяет несколько по-иному взглянуть на историю легенды, в частности на роль «Путешественника» в крестьянских поисках счастливой страны.

Основываясь на выявленных к настоящему времени фактах, можно предположить, что «Путешественник» был рассчитан в первую очередь на агитацию не столько на Алтае, сколько в более отдаленных местностях Сибири и Европейской России. Русское же крестьянство Алтая, особенно Бухтарминской и Уймонской долин, само являлось постоянным возбудителем слухов о Беловодье и из его среды вышло наибольшее число искателей этой страны. Недаром в ряде списков «Путешественника» говорится, что в Уймоне найдутся люди, которые помогут укрыться и покажут дорогу дальше. Как уже отмечалось, наибольшее число списков «Путешественника» обнаружено в Европейской России, а не в Сибири. Все это, как мне кажется, позволяет предположить, что эти листки были сравнительно мало известны на Алтае, а значит, среди искателей Беловодья могли сложиться иные, нежели в «Путешественнике», представления о Беловодье и его местонахождении. Запомним этот вывод, он пригодится нам при рассмотрении представлений Н. К. Рериха об интересующей нас легенде.

Поиски Беловодья — одна из драматических и в то же время поистине поэтических страниц истории русского крестьянства. Стремление попасть в вольные края было так велико, что ни возраст, ни иные обстоятельства не сдерживали беглецов. В 1826 г. в одной из семей, ушедших вместе с другими на поиски обетованной земли, в дороге родился ребенок, а одному из путников было 72 года. Убегали, почти в прямом смысле слова сжигая за собой все мосты. В 1828 г. на поиски Беловодья ушла группа бухтарминских крестьян. Посланный вслед казачий отряд не успел их догнать. На глазах у казаков беглецы переправились через р. Чую, приток Катуня и уничтожили все лодки. А потом, проходя по горам, разломали мостки через провалы⁵.

Все партии искателей Беловодья направлялись самыми различными маршрутами на восток или юго-восток. Здесь в горах и пустынях после долгих блужданий обычно иссякали силы искателей счастливой страны и оставшиеся в живых возвращались домой. Однако неудачи не охладили веры в Беловодье, и многие из беглецов при благоприятных обстоятельствах вновь отправлялись в поход. Некоторые из бухтарминцев и уймонцев вновь и вновь уходили из своих деревень, каждый раз надеясь найти желанные вольные края. Очередную неудачу объясняли тем, что неправильно взяли направление, или тем, что слишком рано повернули назад.

⁵ Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе. — Зап. Зап.-Сибирск. отд. РГО, кн. XXV. Омск, 1898, с. 18.

К началу XX столетия поиски Беловодья прекратились. Большие социально-экономические и политические перемены, охватившие страну, привели к значительным сдвигам и в сознании крестьянства. Но память о легендарной стране и ее ронских долго еще жила на Алтае. Даже в 20-е годы было много стариков, свято веривших в существование Беловодья. Но люди помоложе, многие из которых участвовали в первой мировой и гражданской войнах, в основном уже разуверились в Беловодье и к рассказам о нем относились иронически. Переход от веры к неверию ощутимо передают воспоминания стариков, записанные мной в 1979 и 1982 гг. в Верхнем Уймоне и окрестных деревнях.

«Двое-трое соберутся, плохо, мол, живем, надо на Беловодье ехать,— вспоминает разговоры, слышанные в молодые годы, 96-летний китель Мульти, что неподалеку от Верхнего Уймаона, И. Г. Горохов.— А где оно, не знаю. Шутили — реки молока там, на кустах коралички⁶ растут».

Примерно так же относился к рассказам о Беловодье 73-летний В. Железнов: «Там все готовое, молоко течет, речки молочные, коров держать не надо. Трое—пятеро соберутся, один другому наврет и поедут потом искать — на Аргут, в Казахстан⁷, до самого Китая».

По его словам, чаще других ездили на эти поиски верхнеуймонцы. Старики припоминают, что большим любителем таких поездок был Кирилл, по прозвищу Гагара. Рыбные места, правда, находил, но рыба и здесь была.

В иных воспоминаниях гораздо яснее ощущается вера в существование Беловодья. Отчетливо видна она в рассказах Ф. С. Бочкаревой (в девичестве Атамановой). Она неоднократно слышала разговоры об этой стране своего отца С. К. Атаманова с односельчанином В. О. Атамановым. В доме последнего, кстати, по приезду в Верхний Уймон оставалась семья Рерихов. От него путешественники больше всего слышались рассказов о Беловодье. «Оба Атамановы,— вспоминает Ф. С. Бочкарева,— говорили, что надо, мол, искать его, что там горячие целебные воды (В. О. Атаманов был лекарем-самоучкой.— С. С.). Да не дается оно всем, Беловодье. Недостойный, неправедный душой не попадет туда».

— Где же оно? — спросил я.

— Между Бухтармой и Китаем, широкое⁸ место такое.

— А был ли кто там?

— Говорят, Соколиха туда попала. Звали ее Зиновья Харитоновна Соколова, а за характер прозвали Соколихой. Жила она в Бузулаевой (маленькая, ныне не существующая деревенька между Мульти и Верхним Уймаоном.— С. С.). Немолодая уже женщина, лет 50 ей тогда было. Муж у нее умер. С ней поехали ее ребята — парни лет 15—17. Говорили потом, что присылала она оттуда письмо, да адрес свой не указала.

⁶ Печенье из кислого теста, обычно в форме кольца.

⁷ На поиски Беловодья чаще всего уходили из долины р. Бухтармы, находящейся на территории нынешней Восточно-Казахстанской области Казахской ССР.

⁸ Широкое, просторное место.

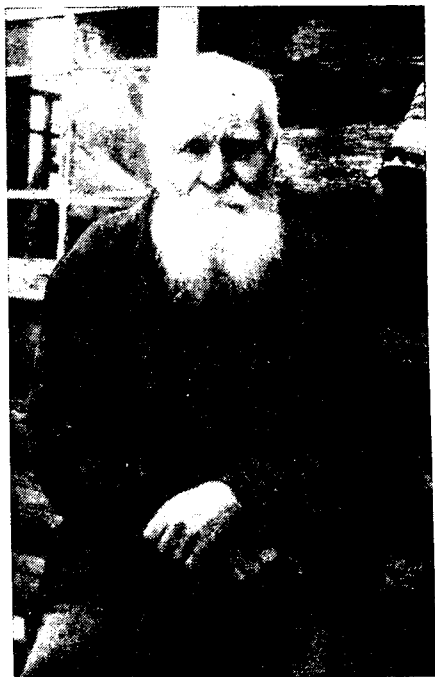

Рис. 1. И. Г. Горохов — один из последних рассказчиков о Беловодье

О Соколихе и о письме, в котором она будто бы писала своим родственникам, что святого места они еще не нашли, но надеются найти его, упоминает в своем дневнике и Н. К. Рерих. Эти последние могики Беловодья ушли на его поиск, по словам художника, лет за шесть до прибытия рериховской экспедиции в Верхний Уймон, т. е. примерно в 1920 г.⁹ Бочкарева же назвала более раннее время — 1915—1916 гг.

* * *

Н. К. Рерих попал на Алтай во время своей Центральноазиатской экспедиции. Помимо чисто художественных задач (а Н. К. Рерих привез из экспедиции сотни полотен, открывших зрителям дотоле неведомый им мир Центральной Азии), она имела и научные цели, связанные в первую очередь с исследованием многовековой культуры народов этой, тогда сравнительно мало известной части Азии. И со своей научной задачей экспедиция, как известно, справилась блестяще.

Отправившись в 1925 г. из западной Индии, Н. К. Рерих и другие сотрудники экспедиции прошли через высочайшие гималайские перевалы в Синьцзян. Где они провели беспокойную зиму и в конце мая 1926 г. после двухмесячного пути подошли к границе СССР. Перейдя ее в районе оз. Зайсан, Николай Константинович и его спутники¹⁰ добрались по Иртышу в Омск, а оттуда выехали в Москву. Здесь Н. К. Рерих встретился с художниками, учеными, наркомом Г. В. Чичериным и А. В. Луначарским. Получив их одобрение и поддержку успешно начатой экспедиции, Рерих продолжил ее. В июле семья Рерихов и другие участники экспедиции были уже в Новосибирске. Отсюда, перед тем как отправиться дальше через Монголию и Тибет в Индию, совершили поездку на Алтай. Конечным ее пунктом стало старейшее русское село в Горном Алтае — Верхний Уймон, которое уже не раз упоминалось в статье. Село это, основанное старообрядцами с Бухтармы, по-видимому, в самом конце XVIII в., занимает, как мы помним, особое место в легенде с Беловодье. Именно сюда после странствий по городам и весям России приводит «Путешественник» всех желающих попасть в счастливую страну.

Случайно ли оба маршрута — «Путешественника» и рериховской экспедиции — были нацелены на одно и то же село? Мне кажется, что не случайно. Скорее всего именно беловодская легенда привела в Верхний Уймон экспедицию знаменитого художника. Правда, прямых свидетельств о знакомстве Н. К. Рериха с этой легендой до поездки на Алтай у нас нет. Однако, помня о давнем интересе художника к этому горному краю и знакомстве с людьми, не только бывавшими там, но и писавшими о беловодской легенде, можно со значительной долей вероятности предположить, что хотя бы в общих чертах он имел представление о ней и раньше. Прежде всего он мог узнать о легенде из работ Н. М. Пржевальского и Г. Н. Потанина.

Н. М. Пржевальский, оказавший большое влияние на художника, во время своих путешествий узнал о пребывании в начале 1860-х годов русских староверов на оз. Лоб-Нор. По его словам, «о них рассказывали... лица, видевшие собственными глазами пришельцев, явившихся в эту глушь Азии, вероятно искать обетованную страну „Беловодье“»¹¹. Через год поселение, основанное старообрядцами, было по приказу китайских властей разорено, а его жители разбежались¹².

⁹ Рерих Н. К. Алтай — Гималаи. М.: Мысль, 1974, с. 241; *его же*. Сердце Азии. — В кн.: Рерих Н. К. Избранное. М.: Советская Россия, 1979, с. 176.

¹⁰ Постоянными сотрудниками экспедиции на протяжении всего времени ее работы кроме Николая Константиновича была его жена Елена Ивановна и старший сын Юрий, впоследствии известный востоковед. О рериховской экспедиции кроме книг Н. К. Рериха «Алтай — Гималаи» и «Сердце Азии» можно узнать также из дневника Ю. Н. Рериха — см. Рерих Ю. Н. Тропами срединной Азии. Хабаровск, 1982.

¹¹ Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. СПб., 1878, с. 33.

¹² Пржевальский Н. М. Четвертое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Гарима. СПб., 1888, с. 317—319.

С Г. Н. Потаниным, изучавшим беловодскую легенду еще в 60-е го-
прошлого века¹³, Н. К. Рерих был знаком. Видимо, он не раз слышал
рассказы известного путешественника, если в книге «Сердце Азии» пи-
шет, что от В. В. Радлова, бывшего в то время директором Музея антро-
пологии и этнографии Академии наук, или от Потанина узнал «сказоч-
ную, вывезенную откуда-то из глубин Монголии»¹⁴.

Эти сообщения русских путешественников не могли пройти мимо вни-
мания Н. К. Рериха, который всегда проявлял большой интерес к мо-
дам социальной справедливости в народном сознании.

Слова Рериха: «В некоторых сокровенных записях намечается и
идет к этому месту (Беловодью. — С. С.). Опять географические указа-
ния места умышленно запутаны или произнесены неправильно»¹⁵ —
свидетельствуют о его знакомстве с каким-то списком «Путешественни-
ков». Не исключено, что он видел его у верхнеуймонцев.

Все сказанное позволяет предположить, что легенда о Беловодье
огла приватно экспедицию Рериха в Верхний Уймон. Возможно, зная
ту легенду в общих чертах еще до поездки на Алтай, Рерих более по-
дробно познакомился с ней, собираясь к алтайским старообрядцам. Это
могло произойти в любом из сибирских городов — Томске, Новосиби-
рске, Барнауле, Бийске, где он был и где, несомненно, встречался с ху-
дниками, краеведами, работниками музеев.

Л. Р. Цесулевич, обстоятельно изучивший алтайский этап рерихов-
ской экспедиции, главной причиной приезда художника именно в Верх-
ний Уймон считает близость этого села к Белухе — высочайшей вершине
Алтая¹⁶. Конечно, увидеть эту знаменитую гору было одним из заветных
желаний создателя сотен «горных» полотен. Белуха — одна из семи свя-
щенных вершин Азии, и Рерих отмечает это в своем дневнике: «На Алтае
а правом берегу Катуня есть гора. Ее значение уподобляется мировой
горе Сумеру»¹⁷. В Верхнем Уймоне, кстати, жил Вахрамеев Семенович
таманов — известный проводник, не раз водивший по горам и к самой
Белухе многих исследователей Алтая. Он стал проводником и в рери-
ховской экспедиции. Однако, мне кажется, не желание увидеть Белуху
было главной причиной приезда экспедиции именно в это село. Иначе
лучше было бы выбрать место, расположенное еще ближе к горе,
например Катанду. Именно это село в 90-х годах прошлого века посто-
янно избирал базой своих маршрутов к Белухе самый известный иссле-
дователь Алтая — В. В. Сапожников¹⁸. В среднем течении Катуня это
наиболее близкое к Белухе место. Поднявшись немного по склону горы
Катан, ближайшей к селу, можно увидеть знаменитую алтайскую вер-
шину.

Другой причиной прибытия рериховской экспедиции именно в Верх-
ний Уймон Л. Р. Цесулевич считает интерес к нему как к самому старо-
му русскому селу в горах Алтая. Правда, он преувеличивает его древ-
ность — селу не больше 200 лет, а не 300, как он утверждает¹⁹. Старо-

¹³ Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отноше-
нии. — Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом,
VI. Спб., 1864, с. 150—151.

¹⁴ Рерих Н. К. Сердце Азии, с. 132.

¹⁵ Там же, с. 175.

¹⁶ Цесулевич Л. Р. На Алтае. — В кн.: Н. К. Рерих. Жизнь и творчество. Сборник
статей. М.: Изобразительное искусство, 1978, с. 172—173.

¹⁷ Рерих Н. К. Алтай — Гималаи, с. 247.

¹⁸ Сапожников В. В. По Русскому и Монгольскому Алтаю. М., 1947, с. 78, 114, 136.

¹⁹ Цесулевич Л. Р. Указ. раб., с. 172—173. Верхнеуймонские старики рассказывают,
что их предки «забежали» на Катунь еще при Екатерине. Пришли они сюда, по словам
некоторых, с Бухтармы по течению Аргута. Последнее подтверждают и расспросы, пред-
принятые в свое время Н. Н. Пожровским. — См. Покровский Н. Н. Антифеодальный про-
ект урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974,
с. 335. Судя по тому, что старики из коренных уймонских фамилий — Атамановы и Бо-
древы — насчитывают не менее шести поколений, начиная от первых из своих предков,
пришедших в Уймонскую долину, появление здесь русских крестьян относится к 70—
80-м годам XVIII в. Т. С. Мамсик предполагает, что поселение русских в Уймоне связа-
но с разногласиями среди бухтарминцев по поводу возвращения в состав России. Часть
из них, по ее мнению, не захотела подчиниться и ушла дальше в горы, в том числе и в

обрядческое село в далеких горах с многочисленными приметами русской старины, давно увлекавшей художника, должно было привлечь Николая Константиновича и других участников экспедиции богатыми возможностями для художественной работы и для этнографических и фольклорных изысканий.

Легенда о Беловодье жила тогда еще в памяти очень многих. З. Г. Фосдик, сопровождавшая вместе со своим мужем семью Рерихов в поездке по Алтаю, вспоминая о пребывании в селе, пишет: «Все говорят о Беловодье. Можно подумать, что чуть ли не со всего мира стекаются на Алтай те, кто мечтает туда попасть»²⁰. Записям этой легенды Рерих придавал большое значение. З. Г. Фосдик вспоминает, что Николай Константинович вместе с ее мужем М. М. Лихтманом собирали сказания о Беловодье, о которых много слышались от Вахрамеева Семеновича Атаманова, ...а также от местных рассказчиков»²¹.

Легенда о Беловодье и страстные поиски этой обетованной страны, во время которых иные из искателей, возможно, доходили до Тибета и Гималаев, должны были привлечь Рериха реальным воплощением его любимой мысли о давних связях России и русских людей с Востоком. Эта же мысль отразилась и в необычном подходе художника к беловодской легенде, на которую он тоже посмотрел как бы с Востока. Если все исследовавшие легенду ученые рассматривают ее возникновение и дальнейшую историю только в контексте русской крестьянской старообрядческой идеологии, то Рерих сделал попытку увязать ее возникновение с миром центральноазиатской культуры и сблизил Беловодье с легендарной страной буддистов Шамбалой²². Легенда о Шамбале поразила его еще во время путешествия по Сиккиму, предшествовавшему Центральноазиатской экспедиции, а затем уже во время этой экспедиции, в западных Гималаях. В то время Восток был полон ожидания скорого прихода эпохи всеобщего равенства и счастья, который связывался с этой таинственной, затерянной в неведомых горах страной. Предсказания о наступлении эры Шамбалы и знаменующем ее приходе Майтрейи — грядущего Будды — волновали тогда многие народы Азии. Недаром песню о Шамбале, сложенную Сухэ-Батором, распевали воины монгольской народной армии. Наступление царства Шамбалы, по буддийской легенде, будет связано с предстоящими битвами и ознаменуется особыми приметами и символами. Кстати говоря, художник часто использовал их в своих картинах, особенно в серии «Майтрейя». Один из этих знаков — красный всадник²³.

В легендах о Шамбале Рериха увлекал и символический подтекст, особенно близкий его искусству, и поиски внутреннего смысла, и мысли о счастливом будущем, в которых сложно переплелись религиозные верования, жизненные чаяния народов Азии и влияние идей, идущих из страны, давшей яркий пример переустройства жизни на новых социалистических началах. В книге «Сердце Азии», написанной по свежим впечатлениям от Центральноазиатской экспедиции, Н. К. Рерих, коротко описав маршрут, заключает первую часть словами: «Вы спросите меня: „Среди всех многообразных впечатлений и заключений какое понятие

верховья Катуня, где и основали Уймон.— *Мамсик Т. С.* Новые материалы об алтайских «каменщиках». — В кн.: Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск: Наука, 1982, с. 253—254.

²⁰ Фосдик З. Г. Указ. раб., с. 88.

²¹ Там же, с. 85.

²² Шамбала (или Шамбхала) — от одноименного санскритского слова. См.: Мифы народов мира. Энциклопедия, т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982, с. 639. В современной науке Шамбала рассматривается как фантастическая страна, однако некоторые исследователи полагают, что под нею подразумевается какая-то реальная местность к северу или северо-западу от Индии и Тибета. — см., например, *Гумилев Л., Кузнецов Б.* Шамбала в легендах и истории. — Азия и Африка сегодня, 1968, № 5. Р. Е. Пубаев пишет, что, судя по ряду публикаций, тибетская историческая традиция, возможно, и до сих пор признает Шамбалу реальной страной. — *Пубаев Р. Е.* «Пагсам-чжонсан» — памятник тибетской историографии XVIII века. Новосибирск: Наука, 1981, с. 252—253, примечание 2.

²³ Филиппов В. А. Серия «Майтрейя». — В кн.: Н. К. Рерих. Жизнь и творчество.

особенно явилось для меня вдохновляющим?" Без колебаний скажу вам: „Шамбала!“»²⁴. Во второй части книги, озаглавленной именем легендарной страны, пересказываются легенды и беседы с людьми, верящими в ее существование, описываются приметы, якобы выдающие скорый приход ее царства, и называются явления, указывающие невидимые границы потаенной страны.

Судя по книгам «Сердце Азии» и «Алтай — Гималаи», Рерих в соответствии с интерпретацией этой легенды в центральноазиатской махаяне воспринял ее двойко. С одной стороны, он считал Шамбалу символом грядущего справедливого строя, отождествляемого им часто с Советской Россией. Не случайно Рерих постоянно подчеркивал, что по легенде Шамбала находится где-то на севере. С другой стороны, он верил в реальность Шамбалы — страны, находящейся в неведомых гималайских долинах, где процветает община «держателей» и носителей «будущего» мира. По скудным сообщениям, разбросанным в книгах художника, можно представить, как рисовалась ему эта страна. По его мнению, в практически недоступной Шамбале живут просветленные, мудрые люди, опередившие в своем развитии остальное человечество на целую эпоху. Ученые Шамбалы, имея в своем распоряжении превосходные лаборатории и библиотеки, производят исследования, результаты которых должны в будущем помочь людям и осчастливить все человечество. Рерих пишет, что во время путешествия по Гималаям он не раз беседовал с махатмами, ушедшими в горное уединение для размышлений. Этих учителей-гуру восточная традиция издавна считает представителями Шамбалы в мире людей. Собираясь в 1926 г. в Москву, Н. К. Рерих официально объяснял свою поездку необходимостью выполнить поручения махатм. При встрече с Г. В. Чичериным художник передал советскому правительству послание махатм, опубликованное почти 40 лет спустя²⁵. Сказанного достаточно, чтобы стало ясно: Рерих придавал большое значение всему, что стояло за словом «Шамбала»²⁶.

О впечатлении, произведенном на художника этой легендой, можно судить и по его картинам. Начиная с полотен, написанных во время экспедиции по Центральной Азии, тема Шамбалы не исчезала из творчества Рериха до самой его кончины. Последнюю картину, связанную с ней, — «Весть Шамбалы» (одну из нескольких под этим названием) — он писал в 1946 г.²⁷

Что же привело Н. К. Рериха к мысли увидеть истоки беловодской легенды в буддийском сказании о Шамбале? Одним из главных аргументов для отождествления этих двух легендарных стран Рериху служит то, что легенда о Беловодье была когда-то заимствована алтайскими староверами от народов Центральной Азии и по-своему ими переосмыслена. Утверждая это, он ссылается на слова верхнеуймонцев, которые говорили ему, что о Беловодье «пошла весть от калмыков да от монголов. Первоначально они сообщили нашим делам», и делает вывод: «Значит в основе сведений о Беловодье лежит сообщение из буддийского мира. Тот же центр учения жизни перетолкован староверами»²⁸.

Как согласуется это утверждение с исследованиями русской утопической легенды? У авторов второй половины прошлого и начала текущего столетия нет фактов о подобном пути возникновения легенды. К. В. Чистов, сделавший больше всех для ее изучения, обоснованно считает, что беловодская легенда возникла в старообрядческой среде, в

²⁴ Рерих Н. К. Сердце Азии, с. 151.

²⁵ Зарницкий С., Трофимова Л. Путь к Родине.— Международная жизнь, 1965, № 1.

²⁶ О Шамбале кроме указанных книг Н. К. Рерих написал специальное исследование, вышедшее в Нью-Йорке в 1930 г. Об этой легендарной стране писал и Ю. Н. Рерих — см., например, его книгу «Тропами срединной Азии», с. 118—120.

²⁷ Соколовский В. В. Художественное наследие Николая Константиновича Рериха.— В кн.: Н. К. Рерих. Жизнь и творчество.

²⁸ Рерих Н. К. Алтай — Гималаи, с. 241.

первую очередь среди «бегунов»²⁹, имела свое начало и свой конец, ликом укладывающиеся в рамки истории русского народного сознания. Однако, мне кажется, это не означает, что нельзя принимать всерьез высказывание Н. К. Рериха. Ведь у него речь идет о самом начальном этапе истории беловодской легенды. А он фактически ничем не документирован, хотя и приходится, по мнению исследователей, на сравнительно позднее время — последние годы XVIII — первые годы XIX в.³⁰ Это и неудивительно — ведь вся деятельность «бегунов» была настолько законспирирована, что правительство узнало о существовании этой тайной мужицкой организации лишь 70—80 лет спустя после ее возникновения. Принимая же во внимание историю общины бухтарминцев, несомненно, сыгравшей важную роль в возникновении беловодской легенды, следует признать, что высказывание Рериха может вполне согласоваться с действительностью. Ведь даже беглое знакомство с историей побегов алтайских крестьян, заводских рабочих и солдат в «камень», в долину Бухтармы и далее на восток показывает, что в этой среде с самого начала были весьма широкие контакты с народами Центральной Азии и среди них с последователями буддизма. И позднее некоторые из алтайских крестьян хорошо знали языки своих восточных соседей, в том числе монгольский и китайский³¹, а это важнейшее условие проникновения в их духовный мир. С другой стороны, постоянная ориентация на поиск вольных земель, характерная для старообрядцев Бухтармы и Уймона, должна была привести к тому, что всякое сообщение о каких-то потаенных местах жадно ловилось ими и по своему истолковывалось. Так могло случиться и с легендой о Шамбале.

Аргументом в пользу сближения Беловодья и Шамбалы является для Рериха и маршрут в легендарную страну, открытый ему уймонцами. Он отличается той же неопределенностью, что и описания зарубежной части пути в Беловодье в «Путешественнике». В книге «Сердце Азии» художник пишет: «Седобородый строгий старовер скажет вам, если станет вам другом: „Отсюда пойдешь между Иртышом и Аргунью. Трудный путь, но коли не затеряешься, то придешь к соленым озерам. Самое опасное это место. Много людей уже погибло в них. Но коли выберешь правильное время, то удастся тебе пройти эти болота. И дойдешь ты до гор Богогорше, а от них пойдет еще труднее дорога. Коли осилишь ее, придется в Кокуши. А затем возьми путь через самый Ергор, к самой снежной стране, а за самыми высокими горами будет священная долина. Там оно и есть, самое Беловодье“». Уймонцы рассказали Н. К. Рериху, что их «деды Атаманов и Артамонов тоже ходили (в Беловодье.— С. С.). Пропадали три года и дошли до святого места. Только не было им позволено остаться там, и пришлось вернуться. Много чудес говорили они об этом месте. А еще больше чудес не позволено им было сказать»³².

По аналогии с описаниями маршрутов в Шамбалу Рерих предполагает, что географические указания легендарной страны умышленно запутаны или произнесены неправильно. Расшифровывая по-своему эти названия: Богогорше — хребет Бурхан-Будда, Кокуши — хребет Кокушилы, Ергор — нагорье Чан Танг у Трансгималаев, он помещает Беловодье, как и Шамбалу, в одну из гималайских долин³³.

На первый взгляд здесь наиболее очевидное противоречие между данными Н. К. Рериха и народной традицией, отраженной в «Путешественнике» и в основывающихся на ней устных преданиях, частично записанных во время близкой экспедиции художника³⁴. Но, может быть, это противоречие связано с тем, что речь идет о разных этапах истории одной легенды. Возможно, «Путешественник» и связанные с ним устные

²⁹ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв., с. 240, 249 сл.

³⁰ Чистов К. В. Легенда о Беловодье, с. 177.

³¹ Белослюдов А. К истории Беловодья. Зап. Зап.-Сибирск. отд. РГО, т. XXXVIII. Омск, 1916, с. 33.

³² Рерих Н. К. Сердце Азии, с. 175.

³³ Там же, с. 175—176.

³⁴ Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930, с. 39—40.

рассказы отражают более ранний этап жизни легенды, а записи Рериха относятся к более позднему времени. Не исключено, что на заключительном этапе истории легенды в сознании искателей Беловодья, а тем более их потомков, с которыми в основном и беседовал художник, углубилось расхождение между когда-то возникшим представлением о нахождении легендарной страны на островах, закрепленном в «Путешественнике», и реальными поисками ее, направленными в самые разные стороны, но ни разу не приводившими к морю. Возможно, эти реальные пути поисков и переместили Беловодье с островов за высокие снежные гребты, чаще всего встававшие на пути искателей легендарной страны. Зпомним в этой связи сибирский список «Путешественника». В нем, как уже отмечалось, нет упоминаний об островном положении Беловодья. Мы уже говорили о том, что «Путешественник», видимо, не получил широкого распространения среди алтайских крестьян. Он и не был особенно им нужен. О Беловодье они были наслышаны с детства, а в поисках этой таинственной страны руководствовались не столько «Путешественником», сколько собственными догадками и опытом, часто горьким, своих предшественников или собственным.

Словом, ко времени рериховских записей первоначальная идея о нахождении Беловодья на островах близ «Опоньского государства» могла забыться. Не исключено, что и раньше существовали иные представления о местонахождении этой чудесной страны, чем те, которые мы находим в «Путешественнике». Но поскольку устные рассказы о Беловодье и сохранились хуже, и менее известны, то письменный памятник получил приоритет в исследованиях интересующей нас легенды.

В пользу рериховской гипотезы могу сослаться и на собственные рассказы сторожиков Уймонской долины. Ни один из тех, кто еще помнил рассказы о Беловодье, не считал, что оно находится на островах в море. Наоборот, все уверяли, что искали его где-то в горах, хотя эти горы были, может быть, и не так далеки, как предполагал Рерих. Так, например, Ф. С. Бочкарева, на слова которой я уже ссылался, говорила, что Беловодье находится где-то между Бухтармой и Китаем. И действительно, все известные нам факты свидетельствуют, что в этом районе бродило наибольшее число искателей легендарной страны. Правда, с другой стороны, Н. Н. Покровский, слышавший легенду от старообрядцев верховьев Енисея³⁵, где она, по его мнению, сохранилась лучше всего, пишет, что и в конце 60-х — начале 70-х годов нашего столетия рассказчики упоминали об островном положении Беловодья. Точности ради надо отметить, что, по словам автора, ему была поведена явно фантастическая история о посещении Беловодья самим информатором³⁶.

В какой-то мере гипотезу Н. К. Рериха подтверждает и то обстоятельство, что искатели Беловодья знали об Индии. Это видно, например, из рассказа бухтарминца Ассона Зырянова о путешествии 1861—1862 гг.³⁷ В 1807 г. томский купец Мефодий Шумилов доносил правительству об «обитающих в смежности Индии и Китая (т. е. где-то в районе Тибета и Гималаев.— С. С.)... Российских жителей не менее 200 тыс. человек»³⁸. Донесение позволяет предположить, что в указанном горном районе жила какая-то группа старообрядцев. Это тоже могло как-то отразиться в памяти алтайских крестьян. О попытках искать Беловодье в Афганистане и даже в Индии рассказывали бухтарминские старики в 1927 г.³⁹

³⁵ Русские села в верховьях Енисея (в Тувинской АССР), о которых упоминает Н. Покровский, в значительной мере заселены выходцами из Уймонской и Бухтарминской долин. Переселенцев привлекли туда слухи о больших земельных просторах, югатых охотничьих и рыболовных угодьях. Переселение, по словам старожилов, продолжалось ряд десятилетий, начиная с 70—80-х годов прошлого века до 20-х годов нынешнего.

³⁶ Покровский Н. Н. Указ. раб., с. 335—336.

³⁷ Белослюдов А. Указ. раб., с. 33.

³⁸ Клибанов А. И. Указ. раб., с. 223.

³⁹ Бухтарминские старообрядцы, с. 38.

Помимо мысли о заимствовании беловодской легенды от буддистов и отождествлении представлений о местонахождении двух легендарных стран — Шамбалы и Беловодья — Рерих в качестве аргумента в пользу сближения последних приводит и некоторые другие представления об обетованной стране старообрядцев Уймонской долины. Так, в книге «Сердце Азии», где беловодская легенда освещена несколько шире, чем в книге «Алтай — Гималаи», о Беловодье говорится следующее: «В далеких странах, за великими озерами, за горами высокими, там находится священное место, где процветает справедливость. Там живет высшее знание и высшая мудрость на спасение всего будущего человечества. Зовется это место „Беловодье“»⁴⁰.

На первый план, как видим, выдвинута этическая и духовно-просветительская миссия Беловодья, призванного спасти в будущем все человечество. Если этическая сторона, представление о царящих в чудесной стране правде и справедливости близки народной традиции, отраженной как в «Путешественнике», так и в сознании искателей Беловодья, то характеристика его как царства высшего знания и мудрости, призванного спасти в будущем мир, кажется, не имеет соответствия в сознании русских крестьян-старообрядцев XIX — начала XX в. Во всяком случае, К. В. Чистов, обстоятельно рассмотревший представления о Беловодье, ничего не пишет об этом. Вполне возможно, что это вольный пересказ Рерихом слов уймонских крестьян. Названная функция легендарной страны наиболее близка представлениям о Шамбале, отраженным в цитированных книгах художника.

С легендами о Шамбале и Беловодье Рерих связал и ряд других преданий, бытовавших в то время на Алтае. Среди них русская легенда о Чуди и алтайская о приходе Ойрота — вестника Белого Бурхана, которого художник отождествил с Буддой. Так, в легенде о Чуди, и сейчас широко известной уймонским крестьянам, Рериха привлек рассказ об уходе какого-то неведомого народа под землю и его будущем возвращении. Вот как передает эту легенду автор книги «Сердце Азии». «Старик ведет нас на каменистый холм и, указывая каменные круги древних погребений, торжественно говорит: „Вот здесь и ушла Чудь под землю. Когда Белый царь пришел Алтай воевать и как зацвела белая береза в нашем краю, так и не захотела Чудь остаться под Белым царем. Ушла Чудь под землю и завалила проходы камнями. Сами можете видеть их бывшие входы. Только не навсегда ушла Чудь. Когда вернется счастливое время и придут люди из Беловодья и дадут всему народу великую науку, тогда придет опять Чудь со всеми добытыми сокровищами“»⁴¹.

С легендами о Шамбале и Беловодье предание о Чуди сближает мотив тайных мест, подземных ходов, пещер, через которые ушли скрывшиеся, и через них же они время от времени общаются с миром. Упоминание об особых проходах в эту таинственную страну встречается и в «Путешественнике»⁴² и в пересказе легенды о Беловодье Н. К. Рерихом. Вот что он пишет об этом пути: «Через Ергор по особому ходу. А кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи. Бывает, что и беловодские люди выходят. На конях по особым ходам по Ергору Или было, что женщина беловодская вышла давно уже. Ростом высокая. Станом тонкая. Лицом темнее, чем наши. Одета в долгую рубаху, как бы в сарафан»⁴³.

Эти мотивы, общие для названных легенд, Рерих считает отражением эпохи великих переселений в исторической памяти народов. «В пределах Алтая, — пишет он, — можно также слышать очень значительные легенды, связанные с какими-то неясными воспоминаниями о давно прошедших здесь племенах»⁴⁴.

⁴⁰ Рерих Н. К. Сердце Азии, с. 175.

⁴¹ Там же, с. 177.

⁴² Чистов К. В. Легенда о Беловодье, с. 136, 139.

⁴³ Рерих Н. К. Алтай — Гималаи, с. 240—241.

⁴⁴ Рерих Н. К. Сердце Азии, с. 124.

Общественная Николая Константиновича очень занимала соотношение легенд, преданий и исторической реальности. Он не раз говорил, что «все легенды от были»⁴⁵ и что в «оберегаемых и сохраняемых преданиях вы можете узнать реальность прошлого. В каждой искре фольклора есть капля Истины, приукрашенной или искаженной»⁴⁶.

Переплетением реальности и легенды становилась часто жизнь и самого знаменитого художника, ученого и путешественника. Разве не фантастическим было для алтайских крестьян прибытие его экспедиции из далекой, почти сказочной Индии? Подобное событие в жизни глухой деревни, беседы с таким своеобразным человеком, как Н. К. Рерих, его расспросы о легендарном Беловодье вполне могли породить какие-то таинственные рассказы о художнике.

В Верхнем Уймоне можно и сейчас услышать рассказы о посещении Беловодья самим Рерихом. Л. Р. Цесулевич приводит одно из таких преданий, записанное им от дочери В. О. Атаманова Агафьи. Во время пребывания Рерихов в селе она занималась их хозяйством и делилась с ними богатым запасом запомнившихся ей легенд и сказаний. Она вспоминала о семье Рерихов: «Три года по всем дорогам путешествовали. На Беловодье были. Три дня там прожили. Фотографии показывали оттуда. Василисе скатерть подарили, кому-то рубаху оттуда»⁴⁷. И мне рассказывали о посещении художником чудесной страны. Ф. С. Бочкарева, уверяя, что недостойный, неправедный человек не попадет в Беловодье, заметила: «А вот Рерих попал туда. Один тамошний мужик дал ему адрес — будешь мол в Уймоне, заходи к Вахрамее Семеновичу Атаманову. Он как приехал, так сразу к Вахрамее Семеновичу, у него и остановился».

Возможно, здесь не только вымысел уймонцев. Что-то в этом рассказе и от слов самого Рериха, в чем-то неизбежно искаженных, а в чем-то и подлинных. Ведь пишет же он о поразившем его сходстве костюма жителей Ладакха (в западных Гималаях) со старым русским костюмом⁴⁸. Художник, обладая богатейшим воображением, мог передать это сходство как свидетельство давних связей русских людей с этим районом Индии. Не исключено также, что в рассказе о своем пребывании в Беловодье он мог использовать определенный психологический прием, позволявший завоевать доверие и симпатии хранителей преданий о таинственной стране. При этом можно было исходить из мысли, высказанной им по поводу легенды о Шамбале в книге «Сердце Азии»: «Если вы хотите быть поняты в Азии как желанный гость, вы должны встретить хозяев ваших самыми священными словами. Вы должны доказать, что эти понятия для вас не пустой звук, что вы цените их...»⁴⁹.

О пребывании экспедиции Рериха в Верхнем Уймоне напоминают не одни рассказы старожилов. Сохранился, хотя и был перестроен, дом, в котором когда-то жила семья Рерихов. Сейчас на нем мемориальная доска. А рядом с ним совсем недавно поднялся двухэтажный светлый сруб — музей Н. К. Рериха. На его строительстве не один отпуск проработали почитатели художника из разных городов страны. Больше всего приезжало их из новосибирского Академгородка.

Летом 1979 г. сотрудники Алтайского отряда Восточнославянской экспедиции Института этнографии АН СССР, и я в их числе, застали уже строительство музея, а прошедшей зимой я уже побывал в его просторных, теплых комнатах. Сквозь большие окна виднелись заснеженные, чуть порозовевшие от садящегося солнца отроги Катунского хребта, с трех сторон обступившие небольшое село. А вдали за Катунью по

⁴⁵ Цесулевич Л. Р. Указ. раб., с. 178—179.

⁴⁶ Цит. по: Шапошникова Л. Реальность и легенда.— Вокруг света, 1979, № 3.

⁴⁷ Там же опубликована заметка С. Буланцева «Беловодье, Тебу, Шамбала?...»

⁴⁸ Цесулевич Л. Р. Указ. раб., с. 184.

⁴⁹ Рерих Н. К. Алтай — Гималаи, с. 85.

⁴⁹ Рерих Н. К. Сердце Азии, с. 152.

Рис. 2. Музей Н. К. Рериха в Верхнем Уймоне. На переднем плане дом, в котором в 1926 г. жила семья Рерихов

голубому зимнему небу протянулся белый-белый зубчатый гребень Теректинского хребта.

В самой большой комнате, отданной для занятий детского художественного кружка, деревенские девчонки и мальчишки увлеченно рисовали родные горы, и белые, зимние, и в зеленой шубе лесов, и долины в цветах, и Катунь, серебряной лентой убегающую в голубую даль к Белухе.

Экспозиция еще не была готова, но молодые сотрудники музея — муж и жена Смирновы — показали мне небольшую этнографическую коллекцию, собранную ими в окрестных деревнях, — яркие бухтарминские сарафаны, опояски, горшки, старые книги. Музей пока не богат фондами, но само его существование и знак Рериха⁵⁰ над его крышей говорят что большого художника и патриота помнят на чудесной алтайской земле.

Музей в далеких горах напоминает, что поездка в эти края имели особое значение для художника. Так случилось, что лето 1926 г. оказалось последней встречей его с Родиной и Алтай стал звеном в великой цепи гор, связавшей далекие Гималаи с Россией. Недаром же свою книгу о многолетней, трудной и счастливой экспедиции по Центру Азии художник назвал — «Алтай — Гималаи».

Алтайские впечатления и среди них легенда о Беловодье вдохновили Н. К. Рериха на создание ряда картин. Среди них искусствоведы в первую очередь называют большое полотно «Танг-Ла», или «Сказание о Шамбале». На первом плане виден человек в характерной древнерусской одежде, вдали гряда высоких прекрасных гор. Древнерусский богатырь в Гималаях воплотил мысль художника о поисках русскими людьми легендарного Беловодья, отождествляемого им с Шамбалой. Под впечатлением беловодской легенды написана в 1927 г. и картина «По Ергору едет всадник». Отражением алтайских легенд были полотна «Чудь подземная» (1927 г.), «Ойрот — вестник Белого Бурхана». Образ проводника экспедиции, лекаря-самоучки В. О. Атаманова, навея-

⁵⁰ «Знак Рериха» — три круга, символизирующие прошлое, настоящее и будущее заключенные в четвертый, олицетворяющий вечность, — предложен художником в качестве охранного знака, своеобразного «Красного креста» учреждений и памятников культуры.

ртинку «Пантелеймон-целитель». Алтайскими мотивами вызвано к жизни и полотно «Сосуд нерасплесканный», начатое в Верхнем Уймоне, и некоторые другие работы художника⁵¹.

Экспедиция Рериха пробыла на Алтае меньше месяца. Но в памяти всегда осталось: «Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Бела Белуна. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы и кедры». Вперед звали не пройденные пути: «За Белухой кажется милый сердцу хребет уньлуны, а за ним — „Гора божественной владычицы“ и „Пять сокращенных снегов“, и сама „Владычица белых снегов“, и все писанное и не писанное, все сказанное и не сказанное.

Между Иртышом и Аргунью. Через Кокуши. Через Богогорше. По имени Ергору едет всадник...»⁵².

---

⁵¹ Цесулевич Л. Р. Алтай в творчестве Н. К. Рериха.— В кн.: Рериховские чтения. 76 год, с. 68—69.

⁵² Рерих Н. К. Алтай — Гималаи, с. 247.

Наши ЮБИЛЯРЫ

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ доктора исторических наук, профессора ГЕННАДИЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА МАРКОВА

[к 60-летию со дня рождения
и 30-летию научно-педагогической деятельности]

- К вопросу о формировании туркмен Хорезмского оазиса. — Советская этнография (далее — СЭ), 1953, № 4, с. 41—55.
- Материалы по этнографии гагаузов. — Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, в. 19, М.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 55—67.
- The Turkmen Population of the Khorasm Oasis. — Asian Review. L., Oktober 1954, № 184, v. 1, p. 22—39.
- Рец.: Журнал «Советская этнография» в 1953—1954 гг. — Вопросы истории, 1955, № 7, с. 132—137 (в соавторстве с Г. Г. Громовым).
- Новые работы о туркменах. — СЭ, 1955, № 3, с. 193—196.
- Типы оседлого жилища туркмен Хорезмского оазиса. — Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, в. 23. М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 46—58.
- Die Wirtschaft der Turkmenen vor ihrer Übersiedlung in die Mittelasiatische Oasen im 18 und 19 Jahrhundert. — Ethnographisch-archäologische Forschungen. Berlin, 1958, H. IV, Teil 1, 2, S. 161—171.
- Скотоводческое хозяйство и общественная организация северобалханских туркмен в конце XIX — начале XX в. — Вестник МГУ, серия историко-филологическая, 1958, № 4, с. 165—177.
- Из этнической истории туркменского народа. — Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, в. 29. М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 84—90.
- Рец.: *История Туркменской ССР*. Ашхабад, 1957, т. 1—2. — Вестник истории мировой культуры, 1958, № 5, с. 197—203 (на англ. яз.).
- Археологическая разведка 1957 г. в Западной Туркмении. — Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР, 1959, в. 5, с. 45—53 (в соавторстве с В. М. Бахтой).
- Средневековое кладбище Ак-Деле. — Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР, 1959, в. 5, с. 218—226.
- Aus der Geschichte der Nordturkmenen (Teil 1) — Ethnographisch-archäologische Forschungen. Berlin, 1959, H. 6, S. 57—71.
- Рец. *Golomb, Ludwig*. Die Bodenkultur in Ost-Turkestan. Oasenwirtschaft und Nomadentum. Freiburg, 1959. — Вестник истории мировой культуры, 1960, № 5, с. 132—136.
- Очерк истории формирования северных туркмен. М.: Изд-во МГУ, 1961, 208 с.
- Раскопки первобытной стоянки Оюклы. — Вестник МГУ, 1961, № 3, с. 67—82.
- Aus der Geschichte der Nordturkmenen (Teil 2). — Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. Berlin, 1961, H. 2, S. 112—123.
- Vorläufiger Bericht über einige Ergebnisse der Teilnahme an einer Ethnographisch-archäologischen Expedition in die Turkmenische Sowjetrepublik im Jahre 1959. — Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig, B. 18/1959. Berlin, 1961, S. 32—66 (в соавторстве с В. Кёнигом).
- Sechs turkmenische Teppicherzeugnisse aus dem Museum für Völkerkunde zu Leipzig. — Ibid., Berlin, 1962, B. 19, S. 120—134.
- Из истории земледелия у северных туркмен в начале XX в. — Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР. Ашхабад, 1962, т. 6, с. 262—289.
- Народы Индонезии. М.: Изд-во МГУ, 1963, 39 с.
- Рец.: *W. König*. Die Achal-Teke. Berlin, 1962. — Acta ethnographica Academiae scientiarum hungaricae. Budapest, 1963, T. 12, Fasc. 3—4, p. 445—448 (на немец. яз.)

- Рец.: Очерки истории Каракалпакской АССР. Ташкент, 1964. — Вопросы истории, 1965, № 9, с. 152—159.
- Грот Дам-Дам чешме 2 в Восточном Прикаспии. — Сов. археология, 1966, № 2, с. 104—125.
- Раскопки памятника первобытной культуры в Западном Туркменистане — грота Дам-Дам чешме 2. — Изв. АН ТССР, 1966, № 5, с. 41—54.
- Кочевничество. — Историческая энциклопедия, т. 7, М., 1966, с. 1017—1019.
- Dam-Dam-cesme 2. Eine Urgeschichtliche Höhle in Westturkmenien (Ost-Kaspi-Gebiet). — Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. Berlin, 1966, H. 7, S. 1—19.
- Губнатор Туркменистаны Гадымы ядыгэрликлери. — Мугаллым газети, Ашхабад, 1967, № 147.
- Народы Зарубежной Азии. — В кн.: Основы этнографии. М.: Высшая школа, 1968, с. 160—219.
- Рец.: Я. Р. Винников. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969. — СЭ, 1969, № 4, с. 171—174.
- Рец.: *Belenickij Aleksander*. Zentralasien. München, Genf, Paris, 1968. — Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. Berlin, 1969, B. 10, S. 550—556 (на немецк. яз.).
- Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. — СЭ, 1970, № 6, с. 74—89.
- Рец.: Проблемы этнических общностей и этнических процессов (по страницам журнала «Советская этнография»). — Вопросы философии, 1970, № 12, с. 150—156.
- Die wirtschaftliche und gesellschaftliche Struktur der Nomadenviehzüchter-Völker Asiens. — Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Völkerkunde zu Dresden. Berlin, 1970, B. 31, S. 55—77.
- Рец. Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien. Herausgegeben von Laszlo Földes. Budapest, 1969. — СЭ, 1971, № 2, с. 161—164.
- Материалы по каменному веку Прибалхья. — В кн.: Материальная культура Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1971, с. 23—59.
- Развитие культуры и быта туркменского народа за годы советской власти. — Вестник МГУ, серия 8, история, 1972, № 6, с. 60—72.
- Die Dynamik der gesellschaftlichen Organisation bei den Nomaden Asiens. — Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Berlin, 1972, B. 23, S. 176—180.
- Einige theoretische Fragen des Übergangs der Völker Mittelasiens zum Sozialismus. — In: Nichtkapitalistische Entwicklung. Berlin, 1972, S. 91—98 (в соавторстве с В. Кёнигом).
- Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. — СЭ 1973, № 1, с. 101—113.
- Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии. М.: Наука, 1973, 13 с. [Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук].
- Некоторые проблемы этнографии иолотанских туркмен. — В кн.: Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен. Ашхабад: Ылым, 1973, с. 76—86.
- Некоторые материалы по этнографии туркмен западного Ахала. — Изв. АН ТССР, серия обществ. наук, 1973, № 3, с. 22—31 (в соавторстве с А. О. Оразовым).
- Рец.: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972. — СЭ, 1973, № 3, с. 181—184.
- Die Turkmenen der Oase Bacharden. — Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Berlin, 1973, B. 29, S. 84—95.
- Probleme der Entstehung des Nomadentums. — In: Hirtennomaden und Viehzüchter. Leipzig, 1973, S. 15—22.
- Кочевничество. — Большая Советская Энциклопедия, изд. 3, т. 13. М., 1973, с. 298—299 (ст. 881—883).
- Оседание кочевников и формирование у них территориальных общностей. — Расы и народы, 5. М.: Наука, 1974, с. 27—44.
- Рец.: Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки. М.: Наука, 1973. — Вопросы философии, 1974, № 8, с. 172—174.
- К проблеме возникновения социальной организации у гоминид. — СЭ, 1974, № 5, с. 112—114.
- Рец.: *Grjaznov Michail*. Südsibirien [Archaeologia Mundi]. Stuttgart, München, Genf, Paris, 1970. — Ethnographisch archäologische Zeitschrift, Berlin, 1974, B. 15, S. 355—360.

Советский образ жизни и проблемы этнографии. — Тезисы докладов Всесоюзной конференции, посвященной этнографическому изучению современности. Москва — Нальчик, 1975, с. 15—17.

Категория «образ жизни» и характер советского образа жизни. — В кн.: Вопросы совершенствования распределительных отношений в условиях развитого социализма. М.: Ин-т экономики АН СССР, 1975, с. 18—29.

Памятники каменного века в Западной Туркмении и проблема типологии археологических культур в мезолите и неолите. — История материальной культуры Узбекистана, в. 12. Ташкент, 1975, с. 60—67.

Советский образ жизни и проблемы этнографии. — СЭ, 1976, № 2, с. 3—14.

Социальные факторы, дивергенция и популяции. — СЭ, 1976, № 4, с. 137—139.

Рец.: Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М.: Наука, 1974. — Вопросы истории, 1976, № 6, с. 159—162.

Община у кочевников и сложение в ходе их оседания территориально-соседской общины. — Тезисы докладов и сообщений. Всесоюзная тюркологическая конференция «Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР». Алма-Ата, 1976, с. 23—25.

Некоторые экономические аспекты проблемы социалистического образа жизни. — В кн.: Методологические вопросы прогнозирования повышения народного благосостояния. М.: Ин-т экономики АН СССР, 1976, с. 5—18.

Кочевники Азии. М.: Изд-во МГУ, 1976, 318 с.

Новые исследования первобытных памятников Прикаспия. — Каракумские древности, в. 5, Ашхабад, 1977, с. 40—56 (в соавторстве с М. Б. Дурдыевым).

Этнос, этнические процессы и проблема образа жизни. — Расы и народы, 7. М.: Наука, 1977, с. 9—28.

«Нравы и обычаи туркмен-салыр». Забытый источник по социально-экономической истории и этнографии Юго-Восточной Туркмении. — Вестник МГУ, серия 8, история, 1977, № 1, с. 65—74 (в соавторстве с Ч. Я. Язлыевым).

Die Ausbildung der Ethnographen in der UdSSR. — Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. Berlin, 1977, H. 3, S. 509—517.

Проблема жизненных укладов в системе советского образа жизни. — В кн.: Экономические условия и критерии социалистического образа жизни. М.: Ин-т экономики АН СССР, 1977, с. 28—39.

Функции этнической культуры в системе образа жизни и жизненных укладов. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур, Ереван, 1978.

К проблеме общественного строя кочевников (по полевым материалам, собранным на Алтае). — Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 г. Тезисы докладов, Ереван, 1978.

Рец.: Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первые века нашей эры. М.: Наука, 1975, 197 с. — СЭ, 1978, № 4, с. 170—172.

Problems of Social Change Among the Asiatic Nomads. — In: The Nomadic Alternative. The Hague, Paris [1978], p. 305—314.

Political Organisation of Pastoral Nomads. — X International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. USSR Academy of Sciences N. N. Mikloucho-Macalay Institute of Ethnography. Moscow, 1978, p. 203—211.

Political Organization of Nomads — X International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Abstracts, v. 2. India, Delhi, 1978.

Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 147—158.

История хозяйства и материальной культуры (в первобытном и раннеклассовом обществе). М.: Изд-во МГУ, 1979. 303 с.

Обычай избегания и проблема «пережитков». — СЭ, 1979, № 1, с. 63—68.

Развитие современной германской буржуазной этнологии. — В кн.: Этнография за рубежом. М.: Наука, 1979, с. 149—168.

Рец.: Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана — Ташкент: ФАН, 1977. — Обществ. науки Узбекистана, 1979, № 8, с. 39—47.

Новая стоянка оюклинской культуры в Северном Прибалханы. — Вестник МГУ, серия 8, история, 1980, № 4, с. 67—76 (в соавторстве с С. Хамракулиевым).

Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества. —

- Литературоведение и теория. Тезисы докладов и сообщений. III Всесоюзная тюркологическая конференция. Ташкент, 1980, с. 125—127.
- община у кочевников и складывание в ходе их оседания территориально-соседской общины. — Проблемы современной тюркологии. II Тюркологический конгресс. Алма-Ата, 1980, с. 309—315.
- Конституция СССР и дальнейшее развитие советского образа жизни. — В кн.: Актуальные проблемы национальных отношений в свете новой Конституции СССР. М., 1981, с. 99—110.
- Кочевничество в Восточном Прикаспии. — грот Дам-Дам чешме 1. — Вестник МГУ, серия 8, история, 1981, № 3, с. 41—55.
- Национальное и интернациональное в советском образе жизни. — В кн.: Национальное и интернациональное в современном мире. Кишинев, 1981, с. 269—276.
- Качественные показатели советского образа жизни и сближение жизненных укладов. — В кн.: Проблема планомерного развития системы производственных отношений (социальный аспект). М.: Ин-т экономики АН СССР, 1981, с. 12—24.
- ср.: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. — СЭ, 1981, № 4, с. 174—178.
- Классификация скотоводства и дефиниции. — В кн.: Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981, с. 45—48.
- Кочевническое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология. — СЭ, 1981, № 4, с. 83—94.
- Историческая типология способов жизни. — Народна творчѣсть та етнографія, 1981, № 6, с. 7—17.
- Einige Probleme aus der Geschichte von Wirtschaft und materieller Kultur in der Urgesellschaft. — Ethnographisch-archäologische Zeitschrift, Berlin, 1981, H. 3, S. 433—442.
- Ausbeutungs- und Abhängigkeitsverhältnisse bei den Nomaden Asiens. — Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart. Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Berlin, 1981, H. 33, S. 13—22.
- В кн.: Этнография (М.: Изд-во МГУ, 1982) разделы: Предисловие, с. 3—4; Классификация народов мира, История этнографической науки, с. 13—26; Народы Западной, Южной, Юго-Восточной Азии, с. 60—106.
- Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества (ответ оппонентам). — СЭ, 1982, № 4, с. 80—87.
- Рациональные (целесообразные) потребности как качественный показатель социалистического образа жизни. — В кн.: Проблемы развития материальных основ социалистического образа жизни. М.: Ин-т экономики АН СССР, 1982, с. 38—51.
- Программы курсов: История первобытного общества; Основы этнографии. М.: Изд-во МГУ, 1982, 15 с.
- Проблема сближения жизненных укладов в советском образе жизни. — Тезисы докладов на координационном совещании по теме «Изменение социально-классовой структуры общества и развитие материальных основ социалистического образа жизни». М.: Ин-т экономики АН СССР, 1982, с. 16—21.
- Социальная структура и общественная организация древних и средневековых кочевников. — В кн.: Скифо-сарматское культурно-историческое единство. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1980 [1982], с. 21—37.
- Primitive History as the Object of Ethnographic Study. — In: Problems of the European Ethnography and Folklore. Moscow, 1982.
- ср.: *Периц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. Учебник. — Вопросы истории, 1983, № 6, с. 142—145.
- Термины и понятия в этнографии. — СЭ, 1983, № 5, с. 73—77.
- Кочевники Азии и Африки. Проблемы истории типологии и периодизации. — Вестник МГУ, серия 8, История, 1983, № 5, с. 59—72 (в соавторстве с К. П. Калиновской).
- Новое в исследовании истории первобытного общества. — Преподавание истории в школе, 1983, № 4, с. 12—19.
- Classification of Cattle-Breeding and Nomadism. — In: Studies in Ethnography and Anthropology. Papers Presented by Soviet Participants, Part II (XI International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences). Moscow, 1983, p. 70—76.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕЛЕ И ЗАДАЧИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ МАЙСКОГО (1982 г.) ПЛЕНУМА ЦК КПСС».

С 31 мая по 2 июня 1983 г. в Казани проходила конференция, посвященная современным этносоциальным процессам на селе и задачам их изучения в свете решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС. Она была организована Орденом дружбы народов Институтом этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, Научным советом по национальным проблемам при секции общественных наук Президиума АН СССР, Министерством культуры ТАССР. В ее работе участвовали представители 7 союзных и 13 автономных республик, в их числе сотрудники АН СССР и ее филиалов, академий наук союзных республик, научно-исследовательских институтов высших учебных заведений, этнографических и краеведческих музеев, предприятий местных художественных промыслов, партийных и государственных органов республики. В Казани собрались ученые, занимающиеся исследованием различных аспектов хозяйства, культуры и быта сельского населения нашей страны: этнографы, этносоциологи, демографы, историки, философы, архитекторы, искусствоведы, этнохореографы фольклористы — всего около 120 человек*.

Приветствуя конференцию, секретарь Татарского обкома КПСС М. Ф. Валеев охарактеризовал основные этапы развития республики за годы Советской власти, рассказал об успехах трудящихся Татарии и проблемах, которые решаются ими на современном этапе. Он говорил о важности участия общественников в решении идеологических задач и некоторых вопросов практики хозяйственного строительства.

В докладе акад. Ю. В. Бромлея (Москва) «Актуальные задачи этнографического изучения современности» проблемы изучения этносоциальных процессов на селе рассматривались в связи с общими задачами развития этнографической науки. Докладчик подчеркнул, что советские этнографы давно уделяют серьезное внимание проблемам современности. При этом они всегда стремились к практической направленности в работе и оказывали действенную помощь государственным организациям в решении различных вопросов социалистического и коммунистического строительства. Среди задач, стоящих перед этнографами в настоящее время, докладчик особо выделил изучение этнических аспектов национальных процессов в СССР, которые имеют в нашей многонациональной стране не только научное, но и практическое значение. Присутствующее внимание, по мнению Ю. В. Бромлея, следует обратить на изучение трудовых навыков народов нашей страны, что будет способствовать решению проблемы развития и развития различных отраслей народного хозяйства.

В докладе отмечалось, что для понимания современных этносоциальных и этнодемографических процессов на селе требуется выяснение национальных особенностей в семейно-бытовой сфере, ибо они влияют на такие важные социальные явления как миграция, трудовое воспитание, межличностные отношения. В заключение Ю. В. Бромлей подчеркнул необходимость повышения практического значения этнографии, усиление ее конструктивных, управленческих функций¹.

В докладе Ю. В. Арутюняна (Москва) «Общее и национально-особенное, социально-культурное облик сельского населения» раскрывалось влияние национально-особенного на направления и результаты социально-этнических процессов, проявляющееся даже в таких явлениях, как миграция, социальная мобильность, социальные отношения. Докладчик высказал мнение, что без учета национальной специфики в таком многонациональном государстве как СССР трудно судить о направлениях результатах и тем более перспективах социального развития советской деревни.

Я. Г. Абдулин (Казань) на материалах Татарской АССР охарактеризовал социально-экономические аспекты современных этнокультурных процессов на селе. Он остановился на некоторых проблемах, вызванных сложившейся за последние годы социально-демографической ситуацией, осложняющей обеспечение сельскохозяйственного производства квалифицированной рабочей силой. Решению этих проблем, по мнению докладчика, должно способствовать выполнение программы социального ра-

* Тексты докладов, представленных на конференцию, предполагается опубликовать в специальном сборнике.

¹ Подробнее см. статью Ю. В. Бромлея в этом номере журнала.

вятия села, которое необходимо осуществлять с учетом национально-культурных особенностей населения.

В докладе Р. Г. Кузеева и Н. Н. Моисеевой (Уфа) «О некоторых тенденциях в этнокультурном развитии сельского населения Волго-Уральской историко-этнографической области в связи с формированием и укреплением новой исторической общности — советского народа» подчеркивалась важность исторического подхода к изучению отдельных регионов. Проанализировав основные тенденции сближения уровня социального и культурного развития народов Поволжья, докладчики сделали вывод о том, что при сохранении в течение длительного времени различий в пропорциях городского и сельского населения у различных национальностей дальнейшее сближение должно идти по пути уравнивания качества и сложности труда и более глубокой интеллектуализации на селе.

Обсуждение пленарных докладов проходило на четырех тематических секциях. На секции «Социально-демографические проблемы» (кураторы Ю. В. Арутюнян и Е. П. Бусыгин) было прочитано 29 докладов.

А. П. Тюрин (Москва) осветила социально-экономические изменения в современной деревне. А. Г. Галямов (Казань) рассказал о состоянии межхозяйственной кооперации в Татарии, В. С. Долгов (Москва) — о роли трудовых традиций крестьянства в развитии производительных сил советской деревни.

Д. М. Исхаков (Казань) сообщил о динамике численности татарского сельского населения в Поволжско-Приуральском регионе, Н. А. Томилов (Омск) — о социально-этнических процессах в среде сельского татарского населения Сибири.

Четыре доклада — В. И. Сырадова (Казань), Е. Г. Матвеевой (Казань), А. В. Орлова (Киев), М. Б. Рогачева, О. В. Котова и Ю. П. Шибаяева (Сыктывкар) — были посвящены изменениям социально-этнической структуры сельского населения.

Миграционные процессы в Поволжье рассматривались в трех докладах. Г. П. Шабалина (Ульяновск) выделила три направления миграционных потоков внутри региона — межрайонные, внутрирайонные и внутриобластные.

В. П. Иванов (Чебоксары) охарактеризовал этнические особенности миграций сельского населения Чувашской АССР, Г. К. Шкляев (Ижевск) — факторы, способствующие миграции сельского населения Удмуртской АССР.

В двух докладах рассматривались различные аспекты миграций населения Кавказского региона, М. В. Кантария (Тбилиси) остановилась на хозяйственных основах миграционных процессов в Западной Грузии, Р. С. Карапетян (Ереван) — на роли семейно-родственных отношений в миграции сельского населения Армянской ССР.

Актуальным вопросом миграции сельской молодежи и проблемам рационального распределения трудовых ресурсов был посвящен доклад А. А. Шевченко и Л. А. Ткаченко (Киев). Авторы, в частности, высказали мысль о том, что стирание различий между городом и деревней должно идти не по линии нарастания сходства градостроительных форм, а в направлении создания одинаково благоприятных условий для труда и быта. Некоторые гипотезы относительно развития социально-демографической структуры сельского населения Украинской ССР в связи с осуществлением Продовольственной программы предложил на рассмотрение участников конференции В. В. Никитенко (Киев). О значении социальных и культурно-бытовых изменений, как существенном факторе современных этнодемографических процессов в украинских Карпатах говорилось в докладе В. А. Фриза (Львов).

Этнодемографические, этнокультурные и этнопсихологические проблемы современного села рассматривались в докладах: Г. Л. Файзрахманова (Казань) «Современные этнодемографические процессы на селе (по данным актов гражданского состояния в ТАССР)», В. П. Курылева и Ч. М. Таксами (Ленинград) «Современные проблемы адаптации сельского населения в Сибири и Казахстане», А. А. Аббасова и А. Г. Салимова (Баку) «Этносоциологические изучения связи и взаимовлияния между населением г. Сумгаита и окрестным сельским населением», Г. В. Старовойтовой (Ленинград) «Этнопсихологические характеристики долгожителей абхазских сел».

Несколько докладов было посвящено проблемам культурно-бытового развития села. Эта тема, прозвучавшая на всех четырех секциях, будет рассмотрена отдельно.

В центре внимания участников секции «Традиции в хозяйственной деятельности» (кураторы И. С. Гурвич, Р. Ф. Кузеев, Р. Г. Мухамедова) находились вопросы использования народного опыта в современном сельском хозяйстве и проблемы взаимодействия новой агротехники с традиционной земледельческой культурой. Рассматривались здесь также формы традиционного животноводства и динамика изменения традиционной культуры под воздействием механизации сельских работ. На секции было прочитано 29 докладов.

В докладе Б. В. Андрианова (Москва) сообщалось о практической работе Института этнографии АН СССР по внедрению в жизнь народного трудового опыта. Докладчик охарактеризовал деятельность специальной Комиссии по использованию данных исторических наук для практики хозяйственного строительства в СССР, организованной в 1960 г. при Отделении общественных наук АН СССР, и те мероприятия, которые были осуществлены по рекомендации этнографов и археологов в ходе ирригационных работ в Средней Азии.

Во многих докладах отмечалось, что в результате нарушения некоторых традиционных приемов ведения хозяйства снижается его продуктивность. Это наиболее заметно в местностях со сложными климатическими условиями, в связи с чем применение народных знаний в подобных регионах приобретает особое значение. Ряд докладчи-

вогу уделіли значительное внимание показу прогрессивных народных трудовых традицій. И. С. Гурвич (Москва) рассказал о них на примере промыслового хозяйства народностей Севера, С. И. Вайнштейн (Москва) — тувинского оленеводства. Проблемы использования этнических традицій в земледелии и животноводстве Кавказского региона рассматривались в докладах В. М. Шамиладзе (Батуми), И. М. Шаманова (Черкесск), Н. А. Брегадзе и Л. К. Бернашвили (Тбилиси), Л. З. Куніжевой (Черкесск). В докладе В. П. Кобычева и Г. А. Сергеевой (Москва) на обширном материале были показаны локальные народные традиции скотоводства и земледелия, выработавшиеся в разнообразных и сложных природных условиях региона. По мнению авторов, сейчас имеются необходимые условия для восстановления более продуктивной местной традиционной системы выпаса, а также — для возрождения заброшенных террас, пригодных для земледелия. Однако успехи земледелия в горной зоне зависят от обеспеченности хозяйств специальной техникой, приспособленной к работе на склонах.

Большое внимание было уделено и вопросам агротехники. С. П. Павлюк (Львов), включившей в понятие «агротехника» сумму знаний о природе и ее явлениях, о структуре и качестве почвы, об орудиях обработки земли, отметил, что развитие агротехники проходило относительно самостоятельно в каждой историко-этнографической области.

Доклады Б. З. Гамбурга (Ленинград), Н. А. Халикова (Казань) и В. Ф. Горленко (Киев) были посвящены проблемам использования народных земледельческих орудий и некоторых традиционных приемов земледелия в современном общественном сельскохозяйственном производстве. Докладчики указали, в частности, на целесообразность изготовления промышленным путем традиционных орудий, пользующихся и в настоящее время значительным спросом. В. В. Руднев (Москва) сообщил о возможностях использования народных фенологических наблюдений и примет для разработки точных сроков посевов и уборки.

При обсуждении докладов многие выступавшие отмечали, что этнографические сведения, накопленные исследователями, весьма важны для развития и интенсификации сельскохозяйственного производства. В связи с этим на заключительном заседании секции было высказано предложение суммировать выявленные в ходе сессии данные по народному трудовому опыту и передать их в Комиссию по практическим предложениям при Отделении исторических наук АН СССР, а также в Министерство сельского хозяйства и в другие заинтересованные ведомства.

На заседаниях секции «Семья и трудовое воспитание» (кураторы Л. М. Дробижина, Я. С. Смирнова и Р. К. Уразманова) было заслушано 15 докладов.

Р. Г. Мухамедова (Казань) осветила результаты изучения местными этнографами современного татарского сельского населения. Различные формы традиционного воспитания в семье и их практическое применение рассматривались в докладах Р. К. Уразмановой (Казань) «Трудовые традиционные праздники и обряды татар и их роль в воспитании сельской молодежи», Н. Ф. Беляевой (Саранск) «Народные традиции физического и трудового воспитания детей у мордвы» и С. Х. Мафедзева (Нальчик) «Трудовое воспитание в устном народном творчестве адыгов».

Тема трудового воспитания прозвучала и в ряде докладов, посвященных другим аспектам изучения семьи, в частности положению женщин в семье (Я. С. Смирнова — Москва, З. З. Мухина — Темир-Тау, Д. Д. Шалхаков — Элиста и Р. Х. Керейтов — Черкесск), а также в докладах о внутрисемейных отношениях (Н. В. Лештаева — Казань, А. П. Пономарев — Киев, И. Н. Смирнов — Москва и Р. Н. Мусина — Казань).

Два доклада были посвящены межнациональным и межличностным контактам, складывающимся в семье: Д. М. Коган (Москва) «Влияние города на культурно-бытовое развитие села через семейно-личностные контакты» и В. Я. Бабенко (Уфа) «Межнациональные браки у украинских переселенцев в Башкирии (на примере сельского населения)».

Г. Г. Раимова (Казань) выступила с докладом «Роль традиций и обычаев в процессе жизнедеятельности сельской молодежи в условиях промышленных предприятий села».

Наибольшим тематическим разнообразием отличались доклады секции «Культурно-бытовые проблемы села» (31 доклад, кураторы В. К. Бондарчик, В. В. Пименов).

Некоторые философские проблемы изучения сельского быта были поставлены в докладах казанских ученых М. Р. Булатова («Диалектика интернационального и национального в условиях развитого социализма») и Т. Э. Власовой («О некоторых тенденциях изменения сельского быта населения в свете решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС»). Докладчики подчеркнули две тенденции в развитии национальных культур: дальнейший расцвет национальных форм быта и интернационализацию образа жизни советских людей. Ряд вопросов сближения образа жизни городского и сельского населения в условиях социализма был рассмотрен в докладе Н. Я. Бромлей (Москва).

В. К. Бондарчик (Минск) в развернутом обзорном докладе охарактеризовал работу белорусских этнографов по изучению сельского быта, осветив основные направления исследований за последние сорок лет.

Результаты конкретных этнографических исследований были отражены в докладах В. И. Васильева (Москва) «Этнические и культурно-бытовые процессы на Европейском Севере и северо-западе Сибири», А. В. Коновалова (Ленинград) «Влияние прогрессивных этнических традиций на современную бытовую культуру казаков Южного Алтая», И. Ф. Гребинь (Киев) «Изменения в быту молдавского сельского населения на территории УССР за 1960—1982 г.», Е. В. Михальченко (Казань)

«Изменения в общественном быту русского сельского населения Татарии», З. И. Хасбулатовой (Грозный) «Изменения в быту сельского населения (на примере с. Толстой-Юрт Чечено-Ингушской АССР)», К. Басаевой (Улан-Удэ) «Традиции и новации в быте бурятского села», А. Е. Тер-Саркисянц (Москва) «Изменения в бытовой культуре армянского сельского населения».

Важнейшей задачей, подчеркивается в решениях Пленума ЦК КПСС о Продовольственной программе, является последовательное проведение в жизнь мероприятий по социальному развитию села, дальнейшему повышению уровня благосостояния культуры, медицинского и бытового обслуживания сельских жителей². Различным вопросам, связанным с выполнением этой задачи, было посвящено большинство докладов секции «Культурно-бытовые проблемы села», а также ряд докладов, зачитанных на других секциях.

Большое внимание участники конференции уделили анализу различных направлений в благоустройстве сельских поселений. На возможности использования прогрессивных этнических традиций в сельском жилищном строительстве указывалось в докладах Ф. Д. Люшкевич (Ленинград), С. С. Чеботарь (Кишинев), К. М. Текева (Черкесск), А. Н. Жилиной (Москва), В. А. Липинской (Москва), Х. Г. Надыровой (Казань), Ю. Г. Мухаметшина (Казань), Л. С. Токсубаевой (Казань), Р. Р. Айтова (Казань), Г. Ф. Сулеймановой-Валеевой (Казань), В. Л. Бигвава и Н. В. Ушакова (Ленинград), А. Х. Байбурина (Ленинград), В. С. Гуркова (Минск), Г. К. Кожолякко (Черновцы), Т. В. Косминой (Киев). По мнению большинства докладчиков, однотипность регулярной застройки современных селений объясняется схематизмом планировочных решений, неоправданным переносом городских строительных принципов в сельскую архитектуру. Необходимость отражения специфики сельского образа жизни в планировочной структуре населенных пунктов была подчеркнута в докладах Э. Пайна (Москва) и В. Ф. Савилина (Саранск).

Этнические аспекты сельского расселения освещались в докладах В. Н. Шамшурова (Москва) «Особенности расселения сельского населения в союзных республиках» и Р. Я. Рассудовой (Ленинград) «Влияние этнических традиций на сельское расселение в Средней Азии».

Несомненное практическое значение имеет участие научных работников в моделировании развития отдельных селений. Подобный опыт ученых Казани был изложен в коллективном докладе Е. П. Бусыгина, Н. В. Зорина, Н. В. Лештаева, Г. Р. Столярова, Л. С. Токсубаевой «Современные этнодемографические процессы в колхозе им. Вахитова — д. Шали Пестречинского района ТАССР», а также в докладе Ф. В. Салиховой и Ю. В. Наливкина (Казань) — «Социальные аспекты ландшафтно-планировочного решения территории центральной усадьбы колхоза «Кама» Рыбно-Слободского района ТАССР (по материалам выполнения договора о творческом содружестве между Казанским государственным педагогическим институтом и колхозом «Кама»)».

Большой интерес вызвал доклад В. В. Пименова (Москва) «Статистико-этнографические исследования в Урало-Поволжье (прикладные аспекты)», в котором были проанализированы материалы о личном приусадебном хозяйстве. С помощью данных статистического обследования были выявлены значительные потенциальные возможности для развития подсобных хозяйств, а также причины, сдерживающие его.

Участники конференции с большим интересом встретили доклад С. Б. Рождественской (Москва) «Современная народная художественная культура как фактор оптимизации образа жизни сельского населения», связанный с актуальной задачей поднятия престижности сельского быта, сохранения его специфики и улучшения благоустройства жилищ путем введения систем автономного обеспечения.

12 докладов были посвящены народному декоративному искусству и народным промыслам. Т. А. Бадаева (Москва) и Д. К. Валеева (Казань) охарактеризовали современные направления в развитии декоративно-прикладного искусства. В остальных докладах рассматривалось народное декоративное искусство отдельных народов: татар (Ф. Ш. Сафина, И. Ф. Шишкина, Ф. Ф. Голова — Казань), удмуртов (К. М. Климов — Ижевск), чувашей (А. А. Трофимов — Чебоксары), коми (Л. С. Грибова — Сыктывкар), марийцев (Г. С. Соловьева — Йошкар-Ола), абхазов (Ю. Г. Аргун — Сухуми), армян (К. В. Сехбосян — Ереван), белорусов (С. А. Милюченков — Минск). Выступавшие говорили о возросшем внимании к народным промыслам, о ценности народных традиций и значении их использования. Докладчики указывали на некоторую осложненность развития промыслов стремлением к излишней стилизации, забвением многих ремесел, недостаточностью музейных коллекций и пр.; на необходимость изучения народного наследия, активизации собирательской работы, пополнения музейных фондов. Специально музейной работе был посвящен доклад Г. С. Сабирзянова (Казань) «Некоторые вопросы деятельности местных историко-краеведческих музеев по пропаганде опыта этнокультурного взаимодействия в сфере культурно-бытового строительства на селе».

В докладах Н. Н. Куцурявенко (Казань) «Роль культурно-просветительских учреждений в формировании новой общественной обрядности (по материалам сельского населения Среднего Поволжья)» и И. К. Сургаладзе (Тбилиси) «Традиции и инновации в современных празднествах» были отмечены этнически специфические

² Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации. Материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 года. М.: Изд-во политической литературы, 1982 с. 57.

и общесоветские черты в народных праздниках и обрядах. Национальные особенности народного искусства были отражены в докладах Ф. Т. Валева и С. М. Исхакова (Казань) «Сельский фольклор сибирских татар (генетические корни, современное развитие)» и М. Я. Жорницкой (Москва) «Отражение этнокультурных процессов в хореографическом искусстве народов СССР».

Среди показателей повышения жизненного уровня советского народа немаловажное место занимают организация снабжения населения продуктами питания, а также ассортимент и качество продуктов, уровень их потребления. Этим темам на конференции было уделено большое внимание. Общие концепции развития современных тенденций питания были изложены в докладе Я. В. Чеснова (Москва). «Модели питания: традиции и современные тенденции развития», где прослеживалась перестройка моделей питания и структуры трапезы на фоне социально-экономических и культурных процессов.

Преимущественно в экологическом аспекте рассматривалось питание отдельных народов в докладах А. Е. Пахутова (Москва) «Положительный опыт переработки молока у монголоязычных народов», Л. С. Христолюбовой и Е. Э. Трофимовой (Ижевск) «Традиционная пища в современном быту сельских удмуртов», Г. А. Сапаева (Йошкар-Ола) «Этнические традиции питания марийского населения», Г. Г. Копешавидзе (Сухуми) «Учет этнических традиций при производстве продуктов питания (по этнографическим материалам абхазов)», Л. Ф. Артюх (Киев) «Использование прогрессивных народных традиций в современном питании (по материалам Украинской ССР)». В них отмечалась устойчивость традиционных моделей питания сельского населения, подчеркивалась его связь с личным приусадебным хозяйством, говорилось о необходимости согласования регионального сельского хозяйства и производства продовольственных продуктов с местными структурами питания. В докладах обращалось внимание на желательность расширения этнографического изучения народных традиций в организации питания населения, использования традиционных норм пищевых рационов. Последнему аспекту особое внимание было уделено в докладе А. С. Варзиева и В. С. Уарзиати (Орджоникидзе) «Социально-гигиенические аспекты традиционной системы питания осетин». Проанализировав традиционные рационы питания горцев на значительном отрезке времени, они пришли к выводу, что в последние десятилетия рацион «не только стал разнообразнее, но и оказался чрезмерно калорийным». Для традиционных рационов характерна сбалансированность ингредиентов, необходимых для поддержания средних норм физиологических потребностей взрослого человека. По мнению докладчиков, «пропаганда рационов народной диетологии и активное применение в современном быту рационального опыта традиционной системы питания может явиться важным условием борьбы за здоровье всех советских людей».

Важнейшие вопросы, обсуждавшиеся на Всесоюзной конференции этнографов, сейчас звучат особенно актуально в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. В докладе Ю. В. Андропова указывалось, в частности, что формулу «Повышение уровня жизни» не следует упрощать, сводя ее только к росту доходов населения и производству предметов потребления. Понятие уровня жизни гораздо шире и богаче. В создании того, что Ю. В. Андропов определил как «социалистическую цивилизованность»³, использование накопленных этнографами знаний различных сторон народного быта приобретает особое значение.

Конференция показала, что этнографическая наука обладает значительными потенциальными возможностями для того, чтобы обеспечить применение в хозяйственной практике богатого положительного хозяйственного опыта и знаний, накопленных народами нашей страны. Об этом говорил Ю. В. Бромлей на заключительном заседании, состоявшемся 2 июня. Он отметил, что от предыдущих научных форумов данную конференцию отличали два обстоятельства: 1) участие практических работников и 2) принятие рекомендаций, направленных на реализацию народных знаний на практике. Дальнейшей задачей научных работников, подчеркнул Ю. В. Бромлей, является продолжение на местах работы по изучению народного опыта. Этнографы должны пропагандировать и популяризировать лучшие хозяйственные и трудовые традиции народа и добиваться внедрения народных знаний в практику работы соответствующих учреждений и ведомств.

Выступившие ранее кураторы доложили о практических предложениях, принятых на секциях. В них указывалось, что важнейшей функцией этнографов должна быть подготовка рекомендаций по различным вопросам этносоциального развития современного советского села и в особенности по таким вопросам, как дальнейшая оптимизация сельского образа жизни и необходимый уровень воспроизводства трудовых ресурсов.

С учетом многоаспектности и целевой направленности Продовольственной программы следует расширить комплексные этносоциологические исследования социальных и культурно-бытовых процессов на селе.

В рекомендациях указывалось на желательность организации региональных совещаний этнографов с участием экономгеографов, работников ВАСХНИЛ и практических специалистов для обсуждения возможностей использования народного опыта в современном сельскохозяйственном производстве. Говорилось о необходимости обратить особое внимание на поиски дополнительных резервов для стимулирования и активизации подсобных индивидуальных хозяйств.

³ Речь Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова.— Коммунист, 1983, № 9, с. 9.

Необходима пропаганда практических народных знаний через центральную и местную печать, радиовещание, телевидение. Целесообразно также организовать чтение лекций по этнографии в школах партийных, советских и комсомольских работников. Следует шире привлекать средства пропаганды этнографических знаний и вновь поставить вопрос о введении преподавания этнографии в соответствующих высших учебных заведениях.

В. А. Липинская

III ЕВРОПЕЙСКИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

С 25 по 30 сентября 1982 г. в Халкидики (Северная Греция) проходил III Европейский антропологический конгресс, организованный Греческим антропологическим обществом и Европейской антропологической ассоциацией¹. В работе конгресса участвовали свыше 300 делегатов — представителей более чем 23 европейских стран. От СССР было шесть делегатов, в их докладах освещались проблемы палеоантропологии, дерматоглифики, пластической антропологической реконструкции и археологии. Поездка советских специалистов состоялась по приглашению, полученному от президента Греческого антропологического общества и председателя оргкомитета конгресса А. Н. Пуляноса².

Доклады группировались по трем темам: 1) предистория человека, 2) миграция человеческих коллективов и 3) механизмы адаптации человека. Ввиду невозможности исчерпывающе осветить все сделанные доклады мы остановимся на некоторых из них.

На секции «Пресапиентная стадия в эволюции человека» было сделано 25 докладов. Заседания этой секции проходили в новом прекрасном Антропологическом музее Греции, выстроенном у входа в Петралонскую пещеру³. Петралонская пещера к настоящему времени оборудована для посещений туристами и производит незабываемое впечатление. Она находится на склоне холма Катсика, сложенного мезозойскими известняками, и относится к числу национальных сокровищ Греции. Общая протяженность ее исследованных галерей около 2 км, но основная ее часть еще не изучена. В одной из трещин пещеры в 1960 г. обнаружен череп древнего человека. Большой сталяктитовый блок перекрывал галерею пещеры и образовывал своего рода «убежище», где и был найден череп, плотно сращенный со стеной грота сталяктитовой массой и покрытый известняковой коркой. В пещере были также обнаружены кремневые и костяные орудия. Среди исследователей этой находки не было единого мнения о ее месте в систематике ископаемых гоминид. Некоторые относили находку к стадии архантропа, другие — к палеоантропам. Однако все большее число исследователей развивает или постулирует идею об отнесении петралонской находки к стадии архантропа. Это уникальное местонахождение стало по сути международным центром по изучению различных аспектов жизни ископаемого человека и условий его обитания. Здесь постоянно работают ученые из разных стран, применяя новейшие методы исследования.

Центральное место на секции занимали вопросы, связанные с филогенетическим положением петралонского гоминида и различными методами его абсолютного датирования. В настоящее время петралонец является наиболее хорошо датированной находкой в Европе, причем датировки, полученные различными способами (в том числе новейшими), дают в целом совпадающие результаты (около 700 тыс. лет).

Доклад Ван Варка (Нидерланды) был посвящен филогенетическому положению петралонца. Автор демонстрировал матрицы обобщенных расстройний, вычисленных с применением сложных математических методов, которые показали, что петралонец занимает особое место в ряду других ископаемых гоминид. Д-р Ч. Стрингер (Великобритания) остановился на проблемах таксономии европейских плейстоценовых гоминид, подчеркнув необходимость хронологических датировок для создания эволюционной модели. Существующая среди ученых нечеткость относительных датировок не позволяет судить о числе видов рода *Ното* в среднем и нижнем плейстоцене Европы. Рассматривая находки из Петралоны, Араго и Бильцингслебена, автор высказал мысль, что структурные элементы черепа, характерные для неантропов, различны уже у обитателей среднего и нижнего плейстоцена. Фаунистическое, геологическое и археологическое описание слоев Петралонской пещеры с упором на микрофауну было дано в докладе Н. А. Пуляноса (Греция). По его сведениям, орудия из камня и кости встречались чаще начиная с 16-го слоя, что свидетельствует об обитании в пещере человека в течение длительного времени. Концентрация в различных слоях орудий соответствует смене теплых и холодных периодов, определяемых по микрофаунистическим комплексам. Ранняя датировка петралонского черепа была подтверждена японским ученым — специалистом в области ядерной физики М. Икейа на основании примененного электронно-спин-резонансного метода, который дает возможность определить количество времени, прошедшего с того момента, когда исследуемый материал принял свою кристаллическую форму. М. Икейа исследовал сталягмит из I-го слоя, возраст

¹ Европейская антропологическая ассоциация (ЕАА) — крупнейшая научная организация антропологов, объединяющая специалистов из разных стран Европы, является координационным центром антропологических исследований в Европе.

² В состав делегации входили: В. И. Сарияниди, И. С. Каменецкий, Ж.-Б. Логолова, Г. Л. Хить, Г. В. Лебединская и М. М. Герасимова.

³ Музей был построен на средства четы Пуляносов.

которого оказался 250—300 тыс. лет. 10-й слой Икея датирует 670 тыс. лет, а следы огня из 24-го слоя — 1 млн. лет. В докладе группы ученых из Франции и Греции, прочитанном Ю. Иокояма, приводились датировки кальцитов петралонских сталактитов. Находящихся в 10-м слое, т. е. выше места находки черепа. Интересно, что кальциты эти имеют тот же возраст, что и кальциты в гроте Араго в Тотавеле (Южная Франция) — не менее 400 тыс. лет. Особенно важно, что эти данные хорошо согласуются с данными торий-уранового датирования верхней части сталактита 10-го слоя — $370\,000 \pm 80\,000$ лет. Доклад Б. Куртена (Финляндия) был посвящен изучению останков хищных животных Петралонской пещеры. Он установил существование трех локальных фаунистических комплексов, следующих один за другим, в верхних ярусах пещеры. В нижнем ярусе обнаружен только наиболее древний комплекс, ведущей формой которого является перьерская гиена и пещерная гиена из рода крокута. Человеческий череп был обнаружен именно в нижнем ярусе пещеры и может быть соотнесен с этой древней фауной. Ближайшие ассоциации — с фауной, сопровождающей Маурэвскую челюсть. По мнению Б. Куртена, архитектура пещеры исключает возможность более позднего попадания черепа в этот слой.

Небезынтересен вывод, который сделала в конце доклада С. Калли (Франция), о том, что индустрия тотавельского человека аналогична индустрии, сопряженной с *H. erectus* из Вертешселлеш, Бильцингслебен и гоминидом из Петралоны. Г. В. Лебединская (СССР) продемонстрировала выполненную ею графическую реконструкцию внешнего облика человека из Петралоны. Докладчица предполагает переходный характер петралонца между архантропами и палеоантропами. В докладе Г. Ульриха (ГДР) был выдвинут представляющий весьма спорным тезис о том, что на петралонском черепе заметны следы посмертных искусственных повреждений, носящих, возможно, ритуальный характер. А. Пулянос говорил о результатах 16-летних работ по изучению Петралонской пещеры, о том, что было обнаружено 27 стратиграфических слоев, геоморфологические характеристики которых свидетельствуют о постоянных климатических колебаниях в раннем и среднем плейстоцене Юго-Восточной Европы, о чередовании гумидных и пловидных фаз. Череп гоминида был найден на уровне 11-го слоя. Чуть ниже черепа недавно найдены фрагменты посткраниального скелета очень плохой сохранности. Следы пребывания человека имелись и в более ранних слоях, начиная с 24-го по 26-й. В 24-м слое были обнаружены следы огня. Стратиграфическое значение фауны и микрофауны подтверждается данными геофизических методов (палеомагнитного, торий-уранового, электронно-спин-резонансного, термолюминесцентного). Все вместе взятое позволяет утверждать, что петралонская находка наиболее древняя из европейской (около 700 тыс. лет). Морфологическое своеобразие черепа из Петралоны, примитивные черты объясняются ранним геологическим возрастом находки, однако петралонский архантроп имеет и некоторые «прогрессивные» черты, что позволяет автору считать его ранним предшественником *H. sapiens* в Европе.

Морфологический облик петралонца, его исключительная древность, наличие следов огня (найден древнейшие зольные остатки в Европе) имеют чрезвычайно важное значение для решения проблемы прародины человека, в зону которой, таким образом, включается и Европа. Этот момент был специально подчеркнут в резолюции, принятой участниками конгресса на заключительном заседании.

Среди других докладов этой секции следует отметить сообщение Б. Кнарелли (Италия) о кариологических методах исследования филогении гоминид. Сравнив кариотипы шимпанзе, гориллы и orangов с современным человеком, докладчик пришел к выводу, что горилла и шимпанзе дивергируют намного позже, чем ответвляется от общего предкового ствола род *Ното*. Человек хотя и отстоит достаточно далеко от гориллы, шимпанзе и orangутов, но все же более близок к ним, чем к гиббонам, имеющим изолированное положение на родословном древе современных приматов.

Доклад Д. Куртовика (Греция) был посвящен социальной жизни ранних гоминид и перестройке половых отношений в связи с утратой сезонных течек самками. Д. Куайт (США) в докладе рассматривал семью как адаптивную систему, состоящую из отдельных независимых подсистем, т. е. индивидуумов, и обсуждал важность проблемы распределения пищи в увеличивающихся семейных объединениях для выживания отдельных особей и сообществ. Д. Спербер (США), проанализировав связь мест обитания ископаемых гоминид на разных ступенях развития с очагами распространения мухи цеце, рассмотрел роль кровососущих насекомых и распространения трипаносом в человеческой эволюции. М. Теллиан-Киркостас (США) рассказала о результатах изучения нижней челюсти уранопитека македонского, объяснив ее особенности изменением характера питания в связи с переходом из тропических лесов к обитанию на открытых пространствах. М. Дэй (Великобритания) продемонстрировал реставрацию черепа из Нгалоба Бэдс (Летолий, Северная Танзания), датированного 120 тыс. лет. Исследователь помещает эту находку в ряд других форм (Омо I и II), лежащих, по его мнению, на границе *H. erectus* и *H. sapiens*. Г. Бройер (ФРГ) рассматривал проблему пресапиенса на примере ископаемых форм Африки. По мнению докладчика, в то время как Европа, часть Азии и Средиземноморье были заселены популяциями неандертальцев, среди обитателей Африки уже происходило формирование анатомических особенностей, свойственных современному человеку. М. Кретцой (ВНР) вновь обратился к проблеме прародины человечества. Исключив австралопитеков из магистральных форм развития, он склоняется к гипотезе об азиатской прародине человека. Доклад Я. Елинека (СССР) был посвящен возобновлению раскопок верхнепалеолитического местонахождения Младеч в Моравии и критическому обзору археологических и палеоантропологических исследований этого памятника. В. И. Сараниди (СССР) сопровождал свое сообщение о кушанских погребениях

Афганистана показом цветных слайдов, демонстрирующих изображения монголоидных типов на предметах искусства носителей кушанской культуры.

Основной вопрос, который обсуждался на секции «Биология мигрирующих популяций», — изменение физического типа мигрантов и выявление причин и факторов этого феномена. Несмотря на широко проводящиеся исследования, особенно за рубежом, эти факторы далеко не изучены. Однако очевидно, что географическая среда продолжает и в настоящее время воздействовать на человеческий организм. В докладе Ш. Сюзана (Бельгия) на примере изучения мигрантов в Бельгию рассмотрены социально-экономические и демографические факторы, влияющие на физический тип мигрантов, обсуждены методологические вопросы и была дана критика концепции селективности миграции. Группой бельгийских ученых, в том числе д-ром Сюзанном, было проведено исследование кривых размеров и веса тела детей мигрантов (испанцев и марокканцев) в Бельгии в сравнении с детьми коренных жителей Брюсселя. Анализ показал конституциональные различия между этими группами, например, испанские дети имели тенденцию к увеличению веса по сравнению с бельгийскими. П. Рудан (СФРЮ) изучал аборигенное и пришлое население о. Хвар и обнаружил значительные корреляции между биологическими расстояниями (морфологическая и физиологическая изменчивость), культурными (словарный фонд) и географическими расстояниями между этими популяциями. Однако эти закономерности прослеживались лишь в каждой из групп населения (пришлой или аборигенной), т. е. биологически популяции различались сильнее, чем географически. Группа израильских ученых (И. Гершкович, Е. Кобылянский, В. Аренсбург) представила доклад о влиянии миграции популяций и изоляции на варибельность метрических и неметрических (дискретно варьирующих) признаков черепа и нижней челюсти. Изучалось население трех бедуинских племен, чьи предки иммигрировали на территорию современного Израиля с Аравийского полуострова несколько веков назад. Анализ метрических и дискретных признаков показал, что на последних больше отражается генетическая изоляция. На метрические признаки генетическая изоляция имеет ограниченную степень влияния, полагают авторы, и требуется большее время для проявления существенных морфологических изменений. Изменению морфологии черепа израильских евреев, обусловленному миграцией, был посвящен доклад Е. Кобылянского (Израиль), который на большом материале констатировал уменьшение черепного указателя у детей мигрантов и считает, что окружающая среда влияет уже на внутриутробной стадии развития. Д-р Палссон (Исландия) доложил о результатах исследования исландских мигрантов и их потомков в Северную Америку, В. Шефран (Швейцария) сделал доклад о генетическом аспекте (группы крови, ферменты, белки сыворотки) изучения популяций Швейцарских Альп.

На секции рассматривались также вопросы палеодемографии и воздействия внешних условий на мигрантов в древние эпохи. Так, в докладе В. Валаораса (Греция) приводились данные о плотности населения различных областей Греции эпохи неолита и бронзы. В докладе Р. Гарвея (Англия) говорилось о том, что у современных народов Восточно-Балтийского региона прослеживаются гены древнего, в основном неолитического, населения. Автор рассматривает своеобразие литовцев как проявление у них генофонда ранних предков индоевропейцев.

В секции «Адаптивные механизмы у современного человека» были представлены доклады самого различного плана. Здесь анализировались методические приемы (соматология, дерматоглифика), возрастная динамика некоторых размеров тела, варибельность различных признаков, адаптивный характер морфологических структур в разных климатических зонах, некоторые вопросы этнической антропологии.

Большую дискуссию вызвал доклад Т. Белицкого (ПНР) о связи длины тела с социальной мобильностью. Автор высказал мысль о том, что индивидуальная социальная мобильность является селективной, и постулировал идею о связи этого типа селекции с некоторыми соматическими признаками. Сравнение взрослых sibсов на большой выборке поляков в аспектах образования, семейного статуса, локализации и т. д. показало дифференцирующую роль социальной мобильности относительно длины тела.

Установочно-методическим характером отличались доклады Д. Мавалвалы (Канада) и А. де Вилде (Голландия). Первый докладчик отметил острую необходимость детальной разработки и уточнения дерматоглифической методики и предложил новый вариант ее, который планировался к обсуждению широкого круга специалистов на XI МКАЭН в Канаде в августе 1983 г. А. де Вилде предложил усовершенствованный вариант типологической классификации пальцевых узоров, включающий 120 типов.

Модифицированный способ определения «адекватной массы» тела предложили в докладе чешские специалисты С. Коменда и И. Клемента. Возрастной динамикой соматических признаков был посвящен доклад З. Гавриловича (СФРЮ). Данные по физическому развитию современных детей, изученных по Международной биологической программе, сравнивались с данными 1937 г. Обнаружилось, что у современной молодежи обоих полов рост выше, больше вес тела, более широкие грудная клетка, плечевой и тазовый диаметры. Ш. Сюзанн (Бельгия) доложил о результатах лонгитудинального исследования ростовых процессов у детей от 3 до 17 лет при наличии тяжелых металлов в окружающей среде, в частности кадмия. Зависимости между массой тела, «паспортным» возрастом и скелетной зрелостью бельгийских мальчиков от 12 до 17 лет был посвящен доклад Г. Бойнена (Бельгия).

В докладе И. Клемента (ЧССР) приведены данные о варибельности длины большого пальца стопы в моравской популяции. На материале в несколько тысяч де-

тей и молодых людей от 7 до 20 лет обоего пола устанавливали частоты типов дигитальной формулы, которая, по мнению автора, является функцией возраста, физического развития и длины стопы.

Д-р Али Эль-Нюфэли (АРЕ) исследовал толщину кожных складок у 1613 детей обоего пола от 6 до 12 в трех этнических группах египтян и выявил возрастную динамику, половые и этнические различия в жиротолжени.

Несколько докладов было посвящено проблемам адаптивной изменчивости и воздействию экологических факторов на биологию человека современного вида. Адаптивными особенностям бушменов саванны Анголы был посвящен доклад М. Э. Де Каштро э Альмейда (Португалия). Докладчица указала, что две популяции бушменов племени кунг с малой степенью инбридинга, обитающие в различных по степени аридности саваннах южной и юго-восточной Анголы, различаются по своим соматическим характеристикам, что расценивается автором как свидетельство приспособленности каждой группы к своим условиям обитания. Е. Струхал (ЧССР) сделал доклад об адаптивных особенностях древнего населения Египта. Материалом для исследования послужили три серии скелетов из Абузира периода последних династий. Результаты одно- и многофакторного анализа, проведенных автором, позволяют говорить о гомогенности населения, представленного этими тремя сериями. Строение тела, развитие мускулатуры, функциональные особенности костей, размеры и характер патологии зубов, малая степень травматизма свидетельствуют о сельском образе жизни и большой степени эндогамности этого населения. В докладе Е. Пагези (Франция) рассматривался случай «культурной адаптации». Речь шла о традициях специального образа жизни и питания девушек, выданных замуж и готовящихся стать матерями, в племени нтомба, в экваториальных лесах бассейна Конго.

Дж. Хьюзинга (Голландия), экс-президент ЕАА, в докладе «Адаптивные механизмы у современного человека», подчеркнул, что механизмы эти не имеют общей генетической основы и не всегда на протяжении существования человечества были одними и теми же.

Четыре доклада были посвящены проблемам исторической антропологии. В докладе А. Димы (Албания) обсуждались вопросы краниологии населения Адриатики, в частности соотношение средиземноморского и кроманьонского типов в различные эпохи. Ц. Минков (НРБ) доложил о результатах исследования одонтологии болгар. В докладе М. М. Герасимовой (СССР) на краниологическом материале анализировались древние связи греческих колонистов Северного Причерноморья с абортгенным населением его. Г. Л. Хить (СССР) рассмотрела проблему этногенеза греков Европы и Малой Азии в свете данных дерматоглифики.

30 сентября на заседании Генеральной Ассамблеи ЕАА ее новым президентом был единогласно выбран Ян Елинек (ЧССР). Выступив на этом заседании Я. Елинек рассказал о структуре ассоциации, о различных трудностях в работе и указал на настоятельную необходимость расширить круг участвующих в ЕАА восточноевропейских стран. Местом следующего (1985 г.) конгресса ассоциации антропологов выбран г. Флоренция (Италия). Делегаты конгресса выразили искреннюю признательность его организаторам за хорошую организацию и радужный прием.

Все заседания конгресса проходили в исключительно теплой и доброжелательной атмосфере. Делегаты имели возможность неоднократно осмотреть Петралонскую пещеру и Антропологический музей в Петралоне, совершить экскурсию на раскопки местонахождения гиппарионовой фауны в Трилле, близ Халкидики. Греческое антропологическое общество организовало для делегатов выступление Македонского фольклорно-ансамбля и Афинской драматической группы, давшей представление «Медее» Еврипида на древнегреческом языке.

М. М. Герасимова, Г. В. Лебединская, Г. Л. Хить

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «РОЛЬ СЕМЬИ В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИЗМА»

В последние десятилетия этнографы все активнее включаются в изучение современности. Исследования ведутся по широкому спектру проблем, связанных с этническими процессами, с этнокультурными изменениями в образе жизни народов.

Одной из форм координации исследований в этой области, осуществляемой Международным комитетом по этнографическому изучению современности, является проведение конференций и симпозиумов.

С 11 по 15 октября 1982 г. в Братиславе-Смоленце (ЧССР) проходил Международный симпозиум «Роль семьи в этнокультурных процессах в условиях социализма», организованный Этнографическим институтом Словацкой академии наук совместно с Международным комитетом по этнографическому изучению современности.

В работе симпозиума приняли участие представители большинства социалистических стран Европы: И. Морвай (ВНР); Г. Гриппентрог (ГДР); Л. Макавеева и Д. Тодоров (НРБ); М. Бернацка и А. Шифер (ПНР), Л. М. Дробичева, Т. А. Жданко и М. С. Кашуба (СССР); Д. Антонич, З. Дивац, Д. Николич и М. Радованович (СФРЮ). Наиболее представительной была делегация ЧССР, в которую входили

не только руководители этнографических учреждений Братиславы и Праги — член-кор. Словацкой академии наук Б. Филова и проф. А. Робек и такие известные ученые, как И. Герольдова, А. Пранда, но и молодые исследователи. В работе симпозиума участвовали также представители смежных дисциплин — социологи и философы Д. Провазник, Е. Мала. Всего в работе симпозиума приняли участие 75 ученых, было заслушано более 30 докладов.

Основное внимание участников симпозиума было сосредоточено на вопросах теории и методологии изучения семьи, а также на таких важных проблемах семьи и семейного быта, как структура семьи (ее состав, внутрисемейные отношения и т. д.); соотношение в семье традиций и инноваций; функции семьи (в том числе прежде всего функция социализации, передачи межпоколенной этнокультурной информации); роль семьи в трансмиссии и изменении семейных обычаев и обрядов. Характерно, что абсолютное большинство докладов отражало изменения, произошедшие в семье за последние десятилетия под влиянием новых политических, социально-экономических и культурных условий жизни в странах социализма. При этом подчеркивались забота, всесторонняя поддержка и помощь, которую социалистические государства оказывают семье, что выражается в самых разнообразных формах (различные виды материальной помощи, социальное обеспечение, удовлетворение культурных потребностей и т. д.). Вместе с тем отмечалось, что в настоящее время общество еще не всегда в состоянии полностью удовлетворить возрастающие запросы семьи. В современной семье, как отмечали докладчики, существуют и проблемные ситуации, связанные с возросшими производственными нагрузками женщин при сохранении традиционного распределения ролей в значительной части семьи.

В докладе директора Этнографического института Словацкой академии наук члена-кор. Словацкой академии наук Б. Филовой «Современная семья как среда функционирования традиций в быту. Теоретические установки и цели чехословацких исследований» был подведен итог работы по изучению семьи и семейно-брачных отношений за последнее время, при этом особое внимание было сосредоточено на теоретических и методологических аспектах проблемы, на связи семьи и общества.

Актуальным вопросом сравнительного изучения семьи в европейских социалистических странах был посвящен доклад Л. М. Дробижевой «Опыт этносоциологического исследования семьи у народов СССР — к вопросу о возможности сравнительного изучения проблемы в социалистических странах». В нем на примере межреспубликанских исследований в СССР и исследований по проекту «Культура семьи», в которых участвовали семь европейских стран (ВНР, Греция, Италия, ПНР, СРР, СССР, Франция) были изложены некоторые результаты изучения общих тенденций и национально-специфических особенностей в жизни современной семьи.

Проф. А. Робек в докладе «Основные факторы интеграции или дезинтеграции этносов, проживающих на общей территории» поднял важный вопрос о роли семьи в развитии современных этнических процессов. Положения и выводы его доклада были проиллюстрированы конкретными примерами из жизни населения Западной Чехии.

Как известно, исследование института современной семьи особенно активизировалось в последние десятилетия, причем отдельные аспекты брачно-семейных отношений изучают ученые различных специальностей — социологи, этнографы, демографы, юристы, медики и др. В этой связи весьма актуальным был доклад Д. Провазника «О методологических проблемах изучения семьи в ЧССР с точки зрения междисциплинарного подхода».

Характеристика различных аспектов структуры семьи (социального количественного состава, внутрисемейных отношений, авторитета в семье и т. д.) дает достаточно полное представление о современных брачно-семейных отношениях и о тех изменениях, которые они претерпели за последние десятилетия. Поэтому не случайно именно эти аспекты семьи и брака привлекли внимание значительного числа участников симпозиума. Так, А. Шифер охарактеризовала семью, и в частности ее структуру, в условиях небольшого польского города. Т. А. Жданко посвятила доклад изменениям традиционной структуры семьи у народов Средней Азии и Казахстана в условиях социализма. И. Кондерт, опираясь на большой фактический материал, охарактеризовал структуру семьи в Центральной Словакии. Этнографическим аспектам изучения неполных по составу семей были посвящены доклады Т. Штибрани и М. Зигмундовой; в докладе последней освещались вопросы, связанные с однодетными семьями у словаков в прошлом и настоящем.

Характер межличностных отношений в семье является одним из основных показателей семейного быта. Этой проблеме было также посвящено несколько докладов.

Проблемы межличностных отношений в семье (отношения между супругами, между родителями и детьми) рассматривались в докладах М. С. Кашубы (на примере народов Югославии) и М. Чукана (на примере крестьянских и шахтерских семей Северной Словакии). Отношениям между супругами в семье, их трансформации и современному состоянию особое внимание было уделено в докладах Л. Макавеевой о болгарской семье и Г. Гриппентрог о семье крестьян и сельскохозяйственных рабочих в деревнях Магдебурга. П. Сальнер, опираясь на материалы из Центральной Словакии, охарактеризовал межпоколенные отношения в семье, уделив главное внимание положению старших членов семьи. Авторитету стариков в семье в прошлом и настоящем и их положению в семье посвятили свои выступления Д. Антонич (на материалах сельской семьи у сербов) и М. Рыхликова (на примере положения женщин пенсионного возраста в словацкой семье в окрестностях Сеницы).

Вопросы традиций и инноваций в современной семье в той или иной степени затрагивались почти всеми докладчиками. Однако в ряде докладов они заняли централь-

ное место. Так, М. Бернацка проанализировала эту проблему на примере польской крестьянской семьи («Семейная связь в крестьянском обществе — традиции и изменения»), М. Радованович — на примере сербской крестьянской семьи («Существенные признаки современных процессов в сельской семье в Сербии»). Р. Столичная остановилась на вопросе соотношения традиционного и нового в повседневной и праздничной пище в словацкой семье.

Одна из важнейших функций семьи — функция социализации, в том числе межпоколенная передача этнокультурной информации, играющая важную роль в воспроизводстве этноса. По этой проблеме также был сделан ряд докладов, в основном учеными из ЧССР: например, доклады А. Пранды («Основные факторы процесса передачи этнокультурных традиций»), И. Герольдовой («Передача этнокультурной информации в этнически гомогенных и гетерогенных семьях»), Д. Ратицы («Семейное воспитание как форма передачи этнокультурной информации»), В. Гашпариковой («Семья и повествовательная традиция»), М. Малой («Влияние культурной ориентации семьи на культурное развитие детей») и др.

Роли семьи в трансмиссии семейных обычаев и обрядов также было посвящено несколько докладов. Так, Д. Тодоров в докладе «Структура и интенсивность потребления культуры в современной болгарской семье» остановился на функциях современных обрядов и их толковании. В специальных докладах освещались вопросы трансформации семейных обрядов и праздников у венгров (М. Морвай) и у сербов (З. Дивац).

Симпозиум показал, что во всех европейских социалистических странах, участвующих в работе Международного комитета по этнографическому изучению современности, в последние годы активизировалось исследование различных этносоциологических и этнографических аспектов брака и семьи по скоординированной программе. Она была разработана в рамках комитета на основе проекта, подготовленного советскими учеными с учетом изучения семьи в европейских социалистических странах. Проблематика, методология и содержание докладов показали, что опыт этнографических и этносоциологических исследований в СССР довольно широко известен в странах, участвующих в работе Международного комитета. В то же время советские исследователи учитывают опыт изучения современности, в том числе семьи и быта, в европейских социалистических странах.

В ходе обсуждения докладов выявилось много общего в методологии изучения и в процессах и закономерностях развития семьи у народов европейских социалистических стран при сохранении исторически сложившихся этнокультурных особенностей.

В заключительном слове директора Этнографического института САН члена-корр. САН Б. Филовой была дана высокая оценка научной значимости симпозиума. Она отметила, что обсуждавшиеся на симпозиуме проблемы имеют не только научно-теоретическое, но и большое практическое значение с точки зрения совершенствования морали, эстетики и гуманизации отношений в семье, соответствующих социалистическому образу жизни. Не случайно работа симпозиума освещалась в прессе, в том числе в журнале словацких женщин¹.

Во время симпозиума состоялся «круглый стол» (словацкие ученые называют его «открытая трибуна») для молодых ученых, организованный Этнографическим институтом САН в рамках периодически проводящегося семинара по марксистской методологии. Эта встреча была посвящена междисциплинарному подходу к изучению семьи и привлекла много молодых участников симпозиума.

Участники симпозиума единодушно высказались в пользу целесообразности дальнейшей координации исследований по различным проблемам брака и семьи путем проведения конференций и симпозиумов, а также в публикации их материалов. В связи с этим было принято решение об издании материалов симпозиума, состоявшегося в Смоленце (с кратким резюме докладов на русском и английском языках). Публикация будет осуществлена Этнографическим институтом САН в Братиславе.

Во время работы симпозиума состоялась рабочая встреча членов Международного комитета по этнографическому изучению современности, на которой присутствовал председатель комитета А. Робек (ЧССР), а также члены комитета М. Бернацка (ПНР), Л. М. Дробижева (СССР), Д. Тодоров (НБР). Было принято решение о выпуске бюллетеня с информацией о тех конкретных темах, которые исследуются этнографами и этносоциологами по культурным процессам в условиях социализма.

Л. М. Дробижева, М. С. Кашуба

¹ «Slovenka», t. 14, 1983, s. 14—15.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФИННО-УГОРСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР: ПРОБЛЕМЫ СИНКРЕТИЗМА»

1—4 октября 1982 г. в Таллине проводилась всесоюзная конференция на тему «Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма», организованная Институтом языка и литературы АН Эстонской ССР и Фольклорной комиссией Союза композиторов Эстонской ССР. В конференции приняли участие фольклористы-музыковеды, филологи, хореографы и этнографы из 18 городов нашей страны, представлявшие 25 научных учреждений двенадцати союзных и автономных республик. Всех

было прослушано 27 докладов. Вступительное заседание было посвящено общетеоретическим аспектам синкретизма, следующие — более частным темам. К конференции был издан сборник тезисов докладов¹.

Синкретизм представляет собой мало изученное явление. Сама проблема весьма актуальна не только с теоретической, но и с практической точки зрения, в связи с возрастающей ролью фольклора в современной культуре.

Понятию синкретизм посвятил свое выступление зав. сектором фольклора Института языка и литературы АН ЭССР Ю. Тедре (Таллин). Синкретизм в фольклоре, подчеркнул он, означает прежде всего изначально нерасчлененность отдельных видов, жанров и функций искусства, а также единство народного творчества, верований и мировоззрения. Особенно ярко синкретизм проявляется в архаических пластах культуры. В процессе развития из первичного нерасчлененного целого выделяются отдельные элементы искусства, становясь самостоятельными видами и подвидами, которые, однако, и в более поздних пластах культуры не существуют разрозненно, а переплетаются и пересекаются между собой. А. И. Богданов (Москва) выдвинул понятие макросинкретизма на уровне фольклор+традиционный труд и материальная культура+природа и призвал охранять фольклор, как природу. Интересный аспект синкретизма был затронут Е. А. Алексеевко (Ленинград), рассказавшей о единстве функции народной музыки и медицины, а также музыканта и врачавателя у хантов, якутов и других народов.

До какого предела мы имеем основание говорить о синкретизме, а с каких пор о синтезе отдельных видов искусства — этот вопрос стал основой живой дискуссии. Были высказаны самые противоположные мнения: от отрицания синкретизма в дошедших до нас слоях фольклора до безоговорочного признания синкретизмом любого факта сосуществования в одном фольклорном произведении поэзии, музыки, танца и других видов движения. Компромиссную идею высказал М. Г. Кондратьев (Чебоксары), считаящий, что синкретизм проявляется только в древних видах фольклора. Но где проходит граница между древними и новыми видами, и можно ли вообще предполагать существование ясно фиксируемой границы? Виды, жанры и отдельные элементы искусства не заменяют друг друга в строгой исторической последовательности. При новой общественной формации живет и развивается ряд явлений культуры более ранних эпох, совмещаясь и перекрещиваясь с новыми. В фольклоре разных народов можно обнаружить явления, весьма отличающиеся друг от друга по происхождению, жанровой специфике и по художественно-выразительным средствам, которые еще недостаточно изучены, чтобы делать категорические заключения. Существоющая ситуация предостерегает от преждевременных обобщений и теоретических выкладок и призывает к тщательному, точному и объективному анализу материала.

Классификация ритмики народных мелодий, предпринятая М. Г. Кондратьевым, явилась интересным примером того, как выведенная на конкретном материале обобщенная система в целом сохранила свое значение и в рамках иной, более широкой теоретической концепции. Докладчик выделил четыре типа ритмики (речитативный, квантитативный, акцентно-тактовый и интонационный). Возможное влияние ритма движения на ритмический строй напева автором отвергалось.

В ряде докладов подчеркивалось, что во многих случаях ритм движения, сопровождающего песню, оказывается весьма важным, даже первичным, и определяет ритм напева. В качестве примеров приводились мордовские колыбельные и детские песни-забавки (Т. И. Одинокова — Саранск), северэстонские качельные песни (И. Рюйтед, К. Салве — Тарту), калмыцкие танцевальные песни и прибаутки (Т. Б. Бадмаева — Элиста). В первом и последнем случаях ритм движения послужил причиной возникновения акцентно-тактового типа ритма, который отличается, например, от ритмической структуры большинства мордовских песен, а исполнение песен при качании на качелях обусловило возникновение особого типа ритма, основывающегося на весьма своеобразных квантитативных отношениях.

В прениях был также поднят вопрос об исследовании синкретизма на уровне семиотики (Х. Воола — Тарту). В связи с этим возникла дискуссия о том, можно ли считать раннефольклорные явления художественной или же чисто коммуникативной знаковой системой. Эти системы в фольклоре, особенно раннем, не всегда четко дифференцируются. И в этом можно видеть одно из проявлений первоначального синкретизма.

О связи эстетической и практической функций (последняя может реализовываться непосредственно, или же путем предполагаемого влияния магии) говорилось как во вступительном докладе Ю. Тедре, так и в ряде других докладов. Проблема взаимоотношения искусства и неискусства, эстетически воспринимаемой музыки и комбинации звуков чисто сигнального рода возникла также при анализе пастушьих песен и наигрышей — доклады И. Д. Назиной (Минск) о сигнальной музыке белорусов, А. Виссел (Тарту) об эстонских пастушьих песнях, А. Черепановой (Петрозаводск) о карельских пастушьих наигрышах. Докладчики отметили, что звуки пастушеской трубы при выгоне и загоне скота, сигналы тревоги, пастушьи переключки и обращения к животным — это прежде всего коммуникативные сигналы, но во многих случаях в них выявляется уже известная музыкальная упорядоченность звуков, которая оказывает эмоциональное воздействие, следовательно, в большей или меньшей степени в них обнаруживаются признаки художественной знаковой системы. Эта степень зависит,

¹ Финно-угорский музыкальный фольклор: проблема синкретизма. Тезисы доклада. Таллин, 1982. 72 с.

однако, не только от объективных признаков, но и от субъективного восприятия, которое в значительной мере представляет собой проекцию традиционного, коллективного художественного восприятия. Поэзия, музыка, верования и обряды, эстетическая, развлекательная, производственно-магическая и непосредственная практически коммуникативная функции, степени, формы и взаимоотношения их в отдельных жанрах и видах фольклора открывают многообещающие перспективы для дальнейших исследований. Именно эти явления на границе фольклора и нефольклора могут оказаться источником который поможет и решению таких коренных вопросов, как возникновение музыки.

Учитывая нынешнее состояние музыкального финноугроведения, для достижения более конкретных результатов было решено сосредоточить тематику конференции главным образом на двух аспектах синкретизма в более узком смысле — отношении слова (поэзии), музыки и движения. Такой вид синкретизма был сформулирован уже А. Н. Веселовским: «сочетание ритмованных... движений с песней-музыкой и элементами слова»². Часто для создания общей картины не хватает именно каких-то важных деталей. Так, в науке до сих пор почти не описаны такие явления, как удмуртские причитания, хороводные песни и языческие молитвы, которые на конференции рассматривались в докладах Т. Г. Перевозчиковой и Р. А. Чураковой (Ижевск) и М. Г. Хрущевой (Астрахань), а также марийские игровые и танцевальные песни, и песни в сказках, с которыми познакомили слушателей О. Герасимов и Д. М. Кульшетов (Йошкар-Ола).

Почти у всех финно-угорских народов зафиксированы архаические явления культуры, синкретический характер которых очевиден даже при наличии позднейших черт, где проявляется известная автономность составных элементов. Одним из таких жанров являются причитания — важный компонент древних похоронных и свадебных обрядов. В подлинном причете, особенно при исполнении его в реальной обстановке, слово, напев и собственно плач неразрывно связаны между собой, причем, интонации рыдания и жалобы зачастую определяют всю музыкальную структуру причитания. Связь стиха и напева в причитаниях рассматривалась в докладе И. Б. Курагиной (Петрозаводск). Она указала, что у венгров, от которых записаны причитания как на венгском, так и на русском языках, начало акцентно-ритмической единицы мелодии в венскоязычных записях обычно совпадает с началом слова; при этом ритмическую структуру мелодии всегда определяют словесные ударения. В русскоязычных же причитаниях начало акцентно-ритмической единицы часто приходится на середину слова и встречаются перенесения словесных ударений.

Лучшие предпосылки для осмысления материала имеются там, где фольклорная традиция еще жива, а сам исследователь является членом коллектива — носителя традиции. В настоящее время в довольно благоприятных условиях оказались исследователи фольклора финно-угорских народов Поволжья. Ценные сведения о видах и особенностях мордовских плачей по умершим были приведены в докладе Л. Б. Бояркиной (Саранск). Очень интересным оказалось выступление Т. Г. Перевозчиковой. В удмуртских причитаниях превалирует мелодия, являющаяся основным жанровым признаком. Даже само название причитания включает понятие «напев», «мелодия» (у северных удмуртов оно, впрочем, совпадает с названием гуслей). Текст может состоять лишь из асемантических припевных слов, подобно саамским йойгам, или из отдельных фраз, комментирующих события. Самой ранней стадией развития жанра причитания докладчица считает свободно рецитруемые прозаические импровизации. Имеются и причитания с определенной стихотворно-строфической структурой (часть свадебных причитаний), но они несут уже отпечаток более позднего происхождения. Если у мордвы, коми, карелов и русских свадебная причеть представляет весьма развнутый жанр со многими подвидами, связанными с различными моментами свадьбы, то у удмуртов, как подчеркнула докладчица, причитание сопровождает лишь одно, наиболее важное событие — проводы невесты из родного дома. Очевидно, подобная ситуация в прошлом была характерна и для эстонской свадьбы — поэтические мотивы песен, исполняемых при проводе невесты из дома, по содержанию весьма близки к причету. Они известны и другим прибалтийско-финским народом и, по мнению финских исследователей, по своему происхождению связаны с древними свадебными причитаниями. Заслуживает внимания и тот факт, что функция и магическая основа их та же, что и у удмуртов — заставлять невесту плакать. Плач при уходе из родного дома должен был обеспечить новобрачной благополучное будущее в доме жениха. Такого рода традиции свадебного причитания подтверждают, что свадебная причеть у финно-угров — относительно древнее явление, а не позднее, и заимствованное из похоронного обряда, либо от других народов.

Специальное заседание конференции было посвящено проблемам взаимосвязи музыки и хореографии. Доклады о марийских, удмуртских и калмыцких танцевальных песнях представляли собой первую трактовку данной тематики и конференция послужила прежде всего стимулом для постановки вопросов. Все доклады содержали ценную информацию и, несомненно, будут способствовать дальнейшему изучению танцевальных песен.

На конференции был затронут и такой вид синкретизма, как связь песни, танца и обрядов: доклады З. П. Соколовой (Москва) о культовой основе и обрядах, связанных с танцами медвежья праздника у обских угров, Т. М. Ааничевой (Москва), о свадебных песнях и обрядах мордовского населения русско-мордовского пограничья, Я. и М. Сарв (Таллин) о провах в солдаты у удмуртов.

² Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1940, с. 200.

Этнокультурные взаимосвязи и культурные контакты народов — неизменно актуальная тема в фольклористике. Можно было бы привести множество эстонских параллелей к докладу И. Д. Назиной о белорусской пастушьей сигнальной музыке.

Представляется, что одной из основных функций подобных конференций и является установление научных контактов и расширение перспектив исследования. На общие моменты в репертуаре пастухов разных народов обратила внимание А. Виссел, которая нашла близкие параллели к мелодиям переключек южной Эстонии в латышских и финских пастушьих песнях. Весьма любопытно было узнать из доклада В. Бендорфа (Рига), что так называемое нескандинавованное исполнение, при котором музыкальные акценты свободно переносятся в зависимости от словесных (частое явление в эстонских рунических песнях), не редкость и в латышских «сказываемых» песнях, причем от такого исполнения зависит и весь мелодический строй песни, который варьирует в зависимости от текста.

В ряде выступлений затрагивались взаимосвязи фольклора тюркских и финно-угорских народов. Л. И. Нагаева (Уфа) обнаружила в марийских танцах черты, явно заимствованные от башкир. Тюрко-татарские влияния ясно ощутимы и в музыке приволжских финно-угров. Прибалтийско-финские народы не имели прямых контактов с культурой тюркских народов, однако некоторые ее элементы (в трансформированном виде) знакомы им через посредство русской культуры.

Музыкальная фольклористика в автономных республиках Поволжья и Европейского Севера — молодая, но в последние годы быстро развивающаяся наука. В Эстонии же имеются давние традиции национальной фольклористики, опыт организации центрального архива (на основе системы карточек и регистров которого довольно легко исследовать любую деталь в общем контексте), а также относительно хорошая информация о достижениях международной науки. Эстонская школа фольклористики была представлена рядом докладов, которые в известной степени переключались и дополняли друг друга. К. Салве дала обзор проблем исследования синкретизма эстонской рунической песни. Она считает целесообразным различать способ исполнения в узком и широком смысле. Первый отвечает на вопрос «как?» и зависит во многом от того, кто, где и когда исполнял песню, т. е. от способа исполнения в широком смысле. Далее докладчица рассмотрела, в какой степени имеющиеся архивные материалы позволяют решить эти проблемы. Кто, когда, где и как исполнял свадебные песни на эстонских островах — этот вопрос подробно освещался в докладе О. Кыйвы (Тарту), причем виды движения, сопровождающие исполнение песен, иллюстрировались живыми примерами в исполнении группы ансамбля «Лээзаюс». Автор данного обзора, опираясь на методы современной математической статистики, исследовала отношения мелодического типа с песенным жанром и другими признаками и показала, что благодаря структурной близости к речевой интонации (а также общему руническому стиху) один и тот же напев использовался в разных жанрах, где главенствовало речитативное исполнение (несмотря на возможную связь с движением). Единственным жанром, имеющим положительную корреляцию с определенным мелодическим типом, не употребляемым в иных жанрах, оказалась качельная песня (то же касается колыбельной, которая однако в данном материале встречалась редко). Анализ показал, что мелодический тип качельных песен во всей своей мелодической и ритмической структуре соответствовал раскачиванию качелей. Анализ базировался на наиболее архаичном слое северо-эстонских рунических напевов (одностроичные трихордные мелодии). В докладе А. Виссел характеризовались три основных ареала эстонской пастушьей песни, ее подвиды и музыкальные особенности. В. Сарв говорила о песнях в сетуских сказках. Она показала, что песня в сказках часто выполняет функцию осуществления связи между «своим» и «чужим» миром. Докладчица отметила большую близость исследуемых сетуских одноголосных песен и аналогичного жанра остальных районов Эстонии.

Специальное заседание было посвящено прослушиванию магнитофонных записей и просмотру слайдов и фильмов. Большое впечатление произвели кинофильмы «Песни ливов» (производство Рижской киностудии) и фильм об этнической культуре хантов, снятый под руководством томского этнографа Н. В. Лукиной во время научной экспедиции. Оба фильма содержали ряд уникальных с научной и общенациональной точек зрения кадров. Т. Б. Бадмаева продемонстрировала слайды о калмыцких танцах, З. П. Соколова о «медвежьем» празднике у обских угров. Н. Сайнахова (Ханты-Мансийск) ознакомила слушателей с записями хантыйских песен и обрядами мансийского «медвежьего» праздника Х. Силвет (Тарту) продемонстрировал два уникальных явления хантыйского фольклора: специальные культурные мухоморные песни и впервые зафиксированные наигрышы на инструменте *тороп-юх*.

В программу конференции входили и фольклорные концерты. Анна Осипова (Мурманская обл.) пела саамские песни, в исполнении ансамбля с. Паданы Карельской АССР прозвучали карельские песни, а также старинные свадебные причитания. Ансамбль семьи Сталте из Риги ознакомил слушателей с песнями, играми и танцами ливов; ансамбль «Рентушки» из с. Рапполово Ленинградской обл. исполнил песни, круговые игры и танцы ингерманландских финнов. Особое место в репертуаре этого ансамбля занимают *рентушки* — своеобразные ингерманландские танцевальные песни. Марийский фольклорный ансамбль Тынбаевского сельсовета Башкирской АССР представил зрителям этнографический монтаж «Марийской свадьбы»; группа Вильнюсского художественного училища им. М. К. Чюрлениса порадовала публику мастерским исполнением литовских *сутаргинес* (арханчский жанр с особым полифоническим многоголосием). Выступала также сетуский ансамбль «Сысаре» («Сестрицы») Таллинского Дома работ-

ников просвещения и науки. Аутентичный фольклор без сценической обработки, особенно если исполнители его сами являются носителями живой традиции, обладает особым очарованием. После концертов участники конференции имели возможность попеть и плясать вместе с исполнителями. Желаящие могли еще раз на практике проверить неясные для себя вопросы, другие просто получили удовольствие от соприкосновения с народным искусством.

И. Рюйтел

СИМПОЗИУМ ПО ДРЕВНЕМУ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВУ

С 24 по 26 мая 1983 г. в Риге проходил межреспубликанский симпозиум «Проблемы изучения древнего домостроительства VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР», организованный Институтом археологии АН СССР и Институтом истории АН ЛатССР. На четырех заседаниях симпозиума было прочитано 17 докладов, представленных 19 докладчиками, среди которых — 10 сотрудников научных учреждений РСФСР, 4 — Латвийской ССР, 2 — Эстонской ССР, 2 — БССР и 1 — УССР.

Основная тема симпозиума — древнее строительство деревянных наземных домов — чрезвычайно актуальна для археологов и этнографов, занимающихся восточнославянскими, балтскими и прибалтийско-финскими народами: она тесно связана с позднейшим городским и сельским жилищным строительством, основные приемы которого были выработаны еще в глубокой древности. Тема эта входит как важнейшая составная часть в изучение народной культуры. При разработке ее выявились как черты, общие для культуры соседних и родственных народов, так и локальные, характерные для тех или иных областей в прошлом и настоящем, а также взаимные связи и влияния народов на протяжении столетий.

В докладах были отражены результаты исследований, проведенных на территории гораздо более широкой, чем намечалось первоначально. Большинство докладов посвящалось древнему жилищу Северо-Запада СССР (Прибалтика, Новгородская и Псковская области), меньшая часть — аналогичным постройкам центральных областей Европейской России, Белоруссии и Украины, где в культурном слое археологических памятников хорошо сохраняется дерево.

Я. Ф. А п а л с (Рига) сделал доклад об уникальном памятнике древней Латгалии — Арайшском озерном поселении, в культурном слое которого было открыто 146 деревянных сооружений, в том числе 76 жилых домов, а также хозяйственные постройки и укрепления IX—X вв. Благодаря прекрасной сохранности дерева стало возможным выявить не только нижние части сооружений, но и практически все детали их перекрытий, конструкцию кровли с «самцами» и «курицами». В результате исследований возможна полная реконструкция жилых домов — однокамерных и двухкамерных (один такой дом смонтирован сейчас на опытном участке «вблизи поселка») и музеефикация всего этого озерного поселения.

Жилищу Латвии XII—XIV вв. посвятил доклад Э. С. Мугуревич (Рига). Он рассмотрел средневековые жилища сельского населения, а также жителей посадов и замков. Анализ археологических материалов показал, что в XIII—XIV вв. в развитии домостроительства произошли существенные изменения. Древние традиции сохраняются преимущественно в деревенских домах, тогда как в городских, и в особенности в замковых постройках можно увидеть значительные инновации, в частности в отопительной системе (печи с подачей теплого воздуха, кафельные печи). Однако некоторые нововведения, например кирпич, применяются в сельских жилищах.

С докладом о зданиях каркасной конструкции XII—XIV вв. в Риге выступил А. В. Ц а у н е (Рига). Построек фахверковой и рамочной конструкции здесь открыто более 20. Отмечая, что некоторые элементы конструкции применялись в народном зодчестве Латвии, а также в городах Вильнюсе, Минске, Новгороде и Киеве (в последнем даже ранее XIII в.), автор считает, что большие каркасные дома средневековой Риги принадлежали немецким переселенцам (аналогии в Нижней Саксонии).

В докладе С. Я. Ц и м м е р м а н и с а (Рига) «Некоторые архаические элементы в латышском народном зодчестве» показаны этнографические параллели археологическим материалам как в планировке жилища в целом, так и в конструктивных его деталях.

Два доклада касались эстонских жилищ XI—XII вв.

Ю. Я. С е л и р а н д (Таллин) анализировал постройки, открытые им при раскопках на городище Охеярве в Южной Эстонии, — это рубленые дома с углами, скрепленными в «обло», в некоторых случаях (нижние венцы) просто стесанными. Полы в таких домах из обожженной глины, печи — каменки. Докладчик широко использовал аналогии с других эстонских городищ конца I — начала II тысячелетия н. э.

Э. Ю. Т ы н и с с о н (Таллин) говорил о постройках городища Лыхавере Вильяндинского района ЭССР, исследованного под руководством Х. А. Моора. Здесь обнаружены дома как с открытым очагом, так и с печью-каменкой, расположенной справа от входа, устьем к входу. В двухкамерных домах, которые автор считает прообразом жилой риги, в одной комнате располагалась печь, в другой — очаг.

Большая группа докладов связана со строительством домов в северо-западных областях Древней Руси, граничащих с Прибалтикой. В. В. С е д о в (Москва), выступив-

ший с докладом «Домостроительство кирпично-словенского региона в VIII-X вв.», считает, что наземные срубные дома, характерные для региона, стали в дальнейшем основой севернорусского жилища. В начале рассматриваемого периода неоднородность этнического состава населения сказалась в особенностях внутреннего устройства домов: деревянный или земляной, поземный или несколько опущенный в землю пол, различные конструкции печей. Большие (площадью 42—120 м) наземные дома Старой Ладogi с печами-каменками существовали лишь в эту пору. К X в. разнообразие в строительстве домов региона исчезает.

Е. Н. Носов (Ленинград) в докладе, посвященном домостроительству в I тысячелетии н. э. в Приильмене, привел новые материалы раскопок поселений, на которых обнаружены срубные наземные жилища, различающиеся в основном конструкцией печи. Особенно интересны данные о хлебных печах, располагавшихся во дворе жилого дома и имеющих аналогии в более поздних этнографических материалах.

Е. А. Рябинин (Ленинград) подробно рассмотрел конструкцию так называемого «большого дома», характерного для ранних горизонтов культурного слоя Старой Ладogi.

Основные типы построек этого крупнейшего археологического памятника, открытых в слое X в., охарактеризовал В. П. Петренко (Ленинград), показавший, что Ладoga застраивалась одновременно домами нескольких типов, вопреки мнению исследователей, считавших, что в X в. здесь строили только небольшие однокамерные избы с печью в углу.

О домостроительных приемах XIV—XV вв. в городах Северо-Западной Руси — Новгороде, Пскове, Старой Ладoge, Орешке, Кореле, Копорье — говорилось в обобщающем докладе В. И. Кильдюшевского и О. В. Овсянникова (Ленинград). Авторы подчеркнули прогрессивное значение появления новой хозяйственной единицы — двора, усложнения плана дома, характерной для городского домостроительства трехчастной связи (изба — сени — клеть) в дальнейшем развитии городского жилища.

Застройке русского средневекового города посвящен доклад И. К. Лабутинной (Псков) «Двор в средневековом Пскове (некоторые аспекты археологического изучения)», в котором рассматривались вопросы методики археологического исследования городского двора в процессе его развития. Докладчица убедительно показала эффективность применения комплексного метода, в котором анализ вещевого материала сочетается с изучением письменных источников.

В. М. Горюнова (Ленинград) сделала доклад об изменениях в домостроительстве Городка на Ловати (вблизи Великих Лук) в X—XII вв., выразившихся в уменьшении размеров дома, развитии элементов столбовой конструкции, появлении подполья. Ею прослежены также некоторые обряды, сопровождавшие строительство, в частности жертвоприношения животных (обнаружены черепа лошади и собаки), близкие к обрядности «культуры сопок» и длинных курганов.

Жилые и хозяйственные постройки в городах на территории так называемой Черной Руси (Гродно, Волковыск, Новогрудок), а также древнего Слонима XI—XIV вв. охарактеризовала в своем докладе Ф. Д. Гуревич (Ленинград). В этой пограничной в природном отношении зоне встречены как типичные для лесных областей наземные постройки, так и жилища, углубленные в землю (в том числе дома зажиточных горожан). Особый интерес представляет открытый при раскопках в Новогрудке богатый городской дом с фресковой росписью.

М. А. Ткачев (Гродно) и Л. В. Колединский (Минск) сообщили о раскопках культурного слоя средневекового Витебска (раскопано 90 построек). На основании добытых материалов они восстановили множество технических приемов, применявшихся средневековыми городскими плотниками, в частности столбовые постройки с горизонтальной или вертикальной закладкой «в паз» («у шулы»), распространенные с конца XIII в., а также установили преобладание в строительном материале сосновых бревен (их оказалось 60%), и приемы транспортировки бревен. По строительным традициям Витебск в XII—XVII вв. был близок к городам лесной зоны.

Доклад В. А. Харламова (Киев) «Архитектура деревянных комплексов Киева X—XII вв.» построен на материалах раскопок последних лет на Киевском Подоле — первом районе древней столицы, в котором преобладала срубная застройка. Были показаны изображения найденных деталей и реконструкций жилищ.

М. Г. Рабинович (Москва) в докладе «Главные черты московского домостроительства в XI—XIV вв.» охарактеризовал открытые при раскопках дома рядовых юсвичей и известные по письменным источникам дворцы знати.

По докладкам развернулись прения, в которых обсуждались конкретные положения докладчиков, общие проблемы развития средневекового жилища, методика его исследования и реставрации. Особо хочется отметить развернутые выступления А. Н. Кириичникова (Ленинград), предложившего интересную гипотезу о функциях так называемых «больших домов» Старой Ладogi, которые он считает жилищами зажиточных горожан и знати, а также архитектора Ю. М. Васильева (Рига), поставившего важный вопрос о строгости методов реконструкции и призывавшего в сомнительных случаях воздерживаться от реконструкций. Ю. М. Васильеву возражал В. А. Харламов (Киев), защищавший право архитектора на обоснованную гипотезу. Обсуждение методики реставрации было продолжено во время осмотра на месте реставрируемых памятников (Арайшай, Цесис, Турайда).

Симпозиум принял развернутую резолюцию, в которой отмечается польза подобных обменов мнениями, необходимость регулярных встреч специалистов — археологов, архитекторов, этнографов по проблемам развития народного жилища, а также содержится призыв к соответствующим учреждениям обеспечить музеефикацию некоторых

Заседания симпозиума, проходившие в главном здании АН ЛатССР, привлекли внимание научной общественности Риги и проходили при большом числе участников. Собравшиеся неоднократно отмечали четкую организацию работы симпозиума, важность и интерес обсуждавшихся проблем.

М. Г. Рабинович

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЛЕСЬЕ И ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН»

Конференция «Полесье и этногенез славян», организованная Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и филологическим факультетом МГУ, проходила в Москве с 17 по 20 мая 1983 г. и была посвящена вопросам изучения этнокультурной и языковой истории Полесья, представляющего собой уникальную в славянском мире зону по степени сохранности многих архаических форм народной культуры. Она проводилась по решению Второго координационного совещания по комплексным проблемам истории и культуры славянских и балканских народов, состоявшегося в 1978 г. в Звенигороде, на котором была принята рекомендация провести серию специальных конференций по вопросам этногенеза и древней духовной культуры славян. Первая в этой серии конференция состоялась в Ленинграде в 1981 г.¹

В московской конференции «Полесье и этногенез славян» приняли участие лингвисты, этнографы, фольклористы, археологи, антропологи, музыковеды — представители 30 научных учреждений и вузов Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Львова, Житомира, Гомеля, Мозыря, Ровно, Луцка, Глухова, Сум, Нежина, Курска, Днепропетровска, Иванова. Комплексность и единство направления всех докладов обеспечивались разработкой метода ареального, картографического представления диалектных, этнографических, фольклорных и т. п. фактов с целью выявления конкретных ареалов и границ внутри самого Полесья, а также линий, связывающих Полесье с другими зонами славянского мира.

После вступительных слов заместителя директора Института славяноведения и балканистики АН СССР Ю. В. Богданова и заведующей кафедрой русского языка МГУ К. В. Горшковой конференцию открыл руководитель программы «Полесье» Н. И. Толстой докладом «Полесье и его значение для славянской ареалогии». Он поставил вопрос о выявлении определенного типа ареала, имеющего ряд признаков, существенных для общеславянских этногенетических исследований, и охарактеризовал Полесье с точки зрения таких признаков.

Принципиально важным вопросом об объекте этногенетических исследований, междисциплинарном подходе к решению проблем славянского этногенеза, о соотношении языка праславян с конкретными этносами и с археологическими культурами были посвящены доклады Г. А. Хабургаева (Москва), В. В. Мартынова (Минск), А. С. Герда (Ленинград).

Интересные выводы, касающиеся первобытной истории и материальной культуры Полесья, были сделаны в докладах археологов В. В. Седова (Москва, «Припятское Полесье в славянском этногенезе по археологическим данным»), Л. Д. Побоя (Минск, «К проблеме этногенеза славян: анализ археологических культур железного века Белорусского Полесья»), В. Ф. Исаенко (Минск, «Полесье в первобытную эпоху»). По мнению В. В. Седова, Припятское Полесье в археологическом отношении сохранило наиболее чистый тип архаической славянской культуры, свободной от влияний посторонних традиций (например, финно-угорской, дунайской), следы которых отчетливо видны в других славянских зонах.

Большую степень архичности отдельных полесских обычаев в сопоставлении с индоевропейскими данными отметил Вяч. Вс. Иванов (Москва) в докладе «Отражение в обычаях Полесья индоевропейских обрядов почитания и ритуального сожжения коня (и его головы) и колеса».

Часть докладов была посвящена вопросам этнолингвистики, ареалогии и диалектного членения Полесья². Выступавшие единодушно признали особое значение картографического метода изучения полесской традиции. В частности, было отмечено, что к настоящему времени накоплено уже много данных для разграничения восточной и западной частей полесской этнокультурной зоны. Выводы такого рода прозвучали в докладах С. М. Толстой (Москва, «К ареальной характеристике полесского традиционного календаря»), А. С. Соколовской (Минск, «Соотношение языковых, этнографических и археологических границ на территории Припятского Полесья»), Ю. Ф. Лащук (Львов, «Районирование Украинского Полесья по данным народного искусства»), Ф. Д. Климчука (Минск, «Следы исторических границ в современном диалектном ландшафте Полесья») и др.

Многосторонне и разнообразно была представлена в программе конференции фольклорно-этнографическая проблематика. Группа докладов, объединенная тематикой, связанной с календарной обрядностью, была посвящена преимущественно анализу полес-

¹ См. Гуря А. В. Симпозиум «Вопросы комплексного изучения древней славянской культуры» (этногенетический аспект). — Сов. этнография, 1982, № 6.

² Обзор лингвистической проблематики конференции будет опубликован в журнале «Вопросы языкознания».

ских обычаев весенне-летнего цикла. Так, в докладе Т. А. Агапкиной (Москва) рассматривался обряд заклинания весны, который внутри полесской зоны не представляет единого по своей форме комплекса. Для Черниговско-Гомельского Полесья характерен обычай «перегукивания», т. е. антитеонический тип исполнения веснянок в форме переключки. Докладчик отметила связь корильных веснянок, используемых для «перегукивания», с весенними хороводными песнями.

Сопоставлению локальных типов волянского и белорусского обрядов «Вождения куста» был посвящен доклад С. А. Китовой (Ровно). В полесской зоне этот обряд фиксировался преимущественно в Ровенской и Волянской областях, а также на Пинщине, но сходный по терминологии и по деталям структуры обряд обнаружен и на территории Горьковской области. На значение такого рода переключек между песенной традицией Полесья и Горьковско-Ивановско-Муромской территорий указал В. А. Смирнов (Иваново) в докладе «Белорусские песни в Верхнем Поволжье». На примере анализа песенных форм свадебного и весенне-летнего циклов он показал направление миграционных потоков с юго-запада на северо-восток, а также своеобразный тип этнических контактов белорусского и русского населения Горьковской и Ивановской областей. Вопросы межэтнических контактов на материале фольклорной традиции были затронуты и в докладе Ф. Т. Евсеева (Нежин) «Русальные обряды и песни российско-украинско-белорусского пограничья», в котором был представлен интересный материал, собранный в районах Брянской, Черниговской и Гомельской областей.

Обрядов календарного цикла касались и доклады музыковедов Ю. И. Марченко (Ленинград) — «Музыкальные формы обряда „Вождения стрелы“» и О. А. Пашиной (Москва) — «Живные песни восточнобелорусского Полесья». В первом из них была дана характеристика типовых напевов песен, сопровождающих обряд «Вождения стрелы», которые составляют единый комплекс с весенним циклом песен и исполняются в строго определенное время. Докладчик сумел дать комплексный анализ ритуальной, музыкальной, хореографической и вербальной сторон обряда. О. А. Пашина проанализировала два основных напева живных песен — «припятский» и «днепровский» — и показала их роль и место в системе календарных напевов каждой из этих традиций. Ряд интересных замечаний касался так называемых «бородных» песен, напев которых значительно отличается от основных музыкальных типов «живива» и по музыкально-стилевым признакам сходен с детскими закличками, шедровками и другими песнями подобной формы.

Семейная обрядность рассматривалась в докладах П. Ф. Романюка (Житомир), О. А. Седаковой (Москва), В. И. Харитоновой (Москва), Н. К. Гаврилюк (Киев), Л. Н. Виноградовой (Москва). Первый из них — «Обрядовое деревце в Правобережнополесской свадьбе» — содержал материал для картографирования терминологии и обрядовой характеристики свадебного деревца Украинского Полесья. Два других доклада касались фрагментов похоронной обрядности. О. А. Седакова рассмотрела значение отдельных терминов погребальной обрядности в их связи с архаическими представлениями мифологического характера о понимании смерти как переходе через водный рубеж. Доклад В. И. Харитоновой был посвящен фольклорной стороне традиции похоронных причитаний. Докладчик систематизировала все типы причитаний, выделив семь основных групп (похоронные, свадебные, рекрутские, необрядовые, плачи при ритуальном вызывании дождя, при ритуальном выведении насекомых, при играх в покойника) и предприняла попытку картографировать основные типы полесских гошений. Большое внимание в докладе было уделено манере исполнения причитаний.

Материал картографирования родильной обрядности был изложен в интересном докладе Н. К. Гаврилюк «Об этнографическом районировании Украинского Полесья и полесско-карпатских параллелях». На основе собранного докладчиком по специальной программе материала были составлены карты отдельных явлений и целых комплексов родильной обрядности, при сопоставлении которых четко выявилось членение Украинского Полесья на западную и восточную подзоны. Характерно, что восточночерниговская и волянская подзоны дают наибольшее число переключек со сходным материалом района Карпат. К этому докладу тематически примыкало и сообщение Л. Н. Виноградовой «Архаические формы полесских магических приемов и оберегов, связанных с уходом за ребенком».

В ряде докладов было уделено внимание бытовой и производственной обрядности. Выступление А. Б. Страхова (Москва) на тему «Ритуально-бытовое обращение с хлебом и печью и его связь с представлениями о Доле и загробном мире» касалось малоразработанных вопросов о значении обрядового хлеба в системе обычаев и мировоззрении славян (комплекс ритуальных запретов, связанных с хлебом; гадания по хлебу; процесс выпечки хлебов; ритуал дележа обрядового хлеба и пр.). Отдельные формы производственных приемов и обрядности были описаны в докладах Г. И. Трубицыной (Москва) — «Нить» и ее обрядовые функции» и И. Я. Яшкина (Минск) «О географии некоторых полесских трудовых приемов».

Кроме перечисленных были заслушаны следующие доклады, также примыкающие к этнографической проблематике: А. Т. Нестер (Львов) — «Региональные особенности народного ткачества Правобережного Украинского Полесья», Р. А. Свириды (Киев) — «Строительные обряды Украинского Полесья», С. В. Вериговского (Киев) — «Строительные традиции Украинского Полесья», Е. А. Охомуш и А. Т. Сизько (Днепропетровск) — «Из наблюдений над архаическими элементами народной духовной культуры Стеной Украины», В. В. Аниченко (Гомель) — «Полесские традиционные народные приметы», А. Ф. Ошуркевич (Луцк) — «О музыкальных трубах в Волянском Полесье», Л. С. Худаш (Львов) — «Из наблюдений над традиционно-бытовыми анимистическими представлениями населения Полесья».

Группа фольклорных докладов включала разнообразную тематику, связанную с изучением сказочной, балладной и песенной традиций, а также отдельных форм малых фольклорных жанров. Ю. И. Смирнов (Москва) выступил с двумя докладами: «Собиранье общеславянских и сходных с ними фольклорных текстов в Полесье» и «Баллада „Плененная татарами девушка губит себя“». В первом из них были представлены методологические принципы целенаправленного поиска полесских вариантов баллад по составленному докладчиком списку схождения эпического славянского фонда. Предварительным, но очень важным итогом такого обследования является тот факт, что Полесье дает больше параллелей в общеславянском плане, чем Западная Украина и Словакия. С этим выводом необходимо считаться при изучении славянской эпической традиции.

Анализ жанрового состава календарно-обрядовой песенности был посвящен доклад К. П. Кабашникова (Минск) «О некоторых региональных особенностях фольклора Гомельской области». Докладчик рассказал о результатах многолетних экспедиций Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, выполняемых по единой программе. Необходимость такого планомерного обследования выделенной зоны была обусловлена потребностями системного описания фольклорной традиции, при акцентировании особого внимания на циклах календарно-обрядовых комплексов.

Отдельные фольклорные жанры и мотивы рассматривались в докладах О. В. Беловой (Москва) «Мотив „грешной ивы“ в одной локальной традиции», Ф. К. Бадалановой и О. А. Терновской (Москва) «О сове смаленой», А. В. Гурн (Москва) «Об одном малом фольклорном жанре в Полесье. Словесная передача птичьих голосов».

За четыре дня работы конференции был заслушан и обсужден 61 доклад. Большая их часть основывалась на собственных полевых записях выступивших. Краткое содержание докладов было опубликовано в сборнике «Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции» (М., 1983). В решении конференции, принятом на заключительном заседании, отмечалась необходимость всемерно поддерживать ведущие в настоящее время полевые экспедиционные исследования в Полесье и способствовать их расширению. В этих целях конференция рекомендовала вузам Полесья включать в программу диалектологической и фольклорной практики студентов сбор материала, связанного с традиционной духовной культурой по вопросникам, разработанным и опубликованным Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Одна из таких программ, составленная для работы над Полесским этнолингвистическим атласом, только что опубликована³.

В решении признано также целесообразным и актуальным организовать подготовку очередной конференции по проблематике этногенетических исследований на материале Полесья, которую рекомендуется провести в 1985 г. в Гомеле.

Л. Н. Виноградова

³ Полесский этнолингвистический сборник/Отв. ред. Толстой Н. И. М.: Наука, 1983.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ БЫТА СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

(Ашхабад, 23—25 марта 1983 г.)

Среднеазиатское региональное совещание, организованное Институтом этнографии АН СССР совместно с Институтом истории им. Ш. Батырова АН ТуркмССР, носило рабочий характер; его задачей был обмен опытом авторских коллективов и информация о некоторых предварительных результатах исследований по теме «Новое и традиционное в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана». Это исследование ведет Институт этнографии АН СССР (сектор Средней Азии и Казахстана с участием сектора конкретно-социологических исследований) в сотрудничестве с институтами истории академий наук республик Средней Азии и Казахстана; тема включена в планы на 1981—1985 гг. всех этих институтов. Работа проводится по единой программе, разработанной в Институте этнографии (составители — Т. А. Жданко, Г. П. Васильева). Осуществляется комплексный метод исследования — сочетание полевых этнографических работ с этносоциологическим опросом населения изучаемых сельских районов по опросному листу, учитывающему этнокультурную специфику Среднеазиатско-Казахстанского региона. В каждой республике имеются авторские коллективы этнографов и выбраны объекты (селения) в качестве опорных пунктов для стационарных исследований в основных этногеографических зонах. Важнейшими индикаторами при выборе сел-стационаров был этнический состав населения (моноэтническое и этнически смешанное село), а также уровень урбанизации, определяемый статистико-экономическими данными, связанными с жителями села с городом и промышленным производством, материальными, социальными бытовыми условиями жизни.

За период с 1981 г. авторские коллективы в республиках с участием ряда сотрудников сектора Средней Азии и Казахстана Института этнографии произвели выбор и первоначальное обследование сел-объектов, изучали состав семей (численный, родственный, социально-профессиональный) по похозяйственным книгам сельсоветов, нача-

ли полные этнографические работы по отдельным темам программы. Сектор конкретно-социологических исследований составил и передал на обсуждение опросный лист для предстоящих этносоциологических исследований.

Помимо руководителей и членов авторских коллективов республик к участию в совещании были привлечены многие этнографы, историки, социологи, педагоги республиканских вузов, изучающие отдельные аспекты широкой проблемы семьи и современного быта села. В частности, в совещании деятельно участвовали преподаватели Туркменского, Казахского и Ташкентского университетов.

Совещание открыл директор Института истории АН ТССР акад. АН ТССР Ш. Т. Ташлиев. В заседаниях участвовали вице-президент АН ТССР акад. АН ТССР А. А. Росляков и академик-секретарь Отделения общественных наук член-кор. АН ТССР М. Анпанесов. В день открытия совещания в газете «Туркменская искра» было опубликовано интервью корреспондента газеты с акад. Ш. Т. Ташлиевым под заглавием «Семья: традиции и современность». В этом интервью Ш. Т. Ташлиев указал, что тема «Новое и традиционное в быту туркменской семьи» — ключевой раздел разрабатываемой Академией наук ТССР комплексной проблемы «Развитие и совершенствование социалистического образа жизни», он подчеркнул научно-практическое значение этой работы и отметил действенную помощь Института этнографии АН СССР республиканским академиям наук в проведении актуальных исследований по этнографии современности.

Доклады и сообщения охватили широкий круг вопросов, связанных с изучением семьи и семейного быта. Первые два доклада были посвящены общим проблемам этносоциологического и этнографического изучения семьи. В докладе Л. М. Дробижевой и И. А. Гришаевой (Москва) «Опыт этносоциологического исследования семьи у народов СССР (некоторые итоги сравнительного анализа)» обобщены материалы по семье, полученные в итоге проведенного в пяти союзных республиках (в том числе в Узбекской ССР) исследования по теме «Оптимизация условий развития и сближения социалистических наций в СССР». Сопоставляя черты сходства и национального своеобразия быта семьи в разных регионах страны, авторы доклада сделали ряд важных выводов, касающихся общих тенденций развития советской семьи на современном этапе. В частности, большое значение имеет вывод о признании семьи как одной из главных ценностей в жизни людей (ориентация на хорошую семью наряду с интересной работой, по данным опросов, — одно из основных условий счастливой жизни); обнаружены многие общие черты в нормах семейной жизни (распространенность нуклеарных семей, тенденция роста национально-смешанных семей и др.); сделан вывод об устойчивости влияния этнического фактора на особенности семейного быта и др. Доклад содержал также новейшую информацию об изучении семьи за рубежом.

Доклад Т. А. Жданко (Москва) «Этнографическое исследование нового и традиционного в семейном быту сельского населения Средней Азии и Казахстана» посвящен научно-теоретическим задачам регионального изучения современной семьи у народов республик Советского Востока. Эта тема входит в круг актуальных проблем становления и совершенствования социалистического образа жизни народов СССР и представляет одно из главных направлений этнографического изучения современности. Разработка ее требует накопления новейшей этнографической информации, широких региональных полевых исследований, совершенствования методики, тесного сотрудничества с социологами. Перед коллективом авторов стоит задача изучения микро-ячейки социальной структуры общества — семьи, выявить этнокультурные процессы, происходящие на современном этапе в сфере повседневной жизни сельского населения республик региона: соотношение и конкретные формы компонентов традиционного и нового, национального и общесоветского в быту и культуре. Предполагается, что исследование «через семью» изменения традиций и становления социалистических форм бытовой культуры наиболее реально и объективно отразит живую действительность, тенденции процессов, происходящих в быту и сознании. Этому должен способствовать и принцип одновременного исследования семьи в пяти республиках крупного историко-культурного региона страны. Наряду с яркой спецификой национальной культуры и быта у этносов этого региона исторически сложились сходные черты, способствующие в современных условиях сближению народов, стимулирующие процесс межэтнической интеграции — утверждение интернационального сознания. Региональные исследования признаны целесообразными, как этап в организации общесоюзных исследований современной советской семьи у народов СССР. В докладе отмечалась научно-практическая связь разработки координируемой темы с решениями XXVI съезда КПСС, поставившей задачу эффективной демографической политики, направленной на укрепление советской семьи, и с постановлениями майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС об улучшении социально-бытовых условий жизни на селе, приближения ее к городской. Завершался доклад информацией, характеризующей общее состояние разработки коллективной темы (одним из руководителей которой является докладчик) и дальнейшие планы координации научного сотрудничества.

Рекомендации к совершенствованию методики этнографического изучения современной семьи содержались в докладах А. Е. Тер-Саркисянца (Москва) и Х. Кауановой (Алма-Ата). Оба доклада основаны на богатом личном опыте авторов по исследованию семьи у армян и казахов.

В последующих докладах рассмотрен обширный комплекс тем, разносторонне освещающих современную сельскую семью у народов региона. Доклад А. Ф. Бурковского (Фрунзе) «Производственная жизнь и личное хозяйство киргизской семьи» осветил участие семей животноводов-колхозников и рабочих совхозов в общественном производстве, современные условия их труда и производственного быта, а также организацию их труда в домашнем хозяйстве и на приусадебных участках.

Весьма интересными были доклады о структуре сельской семьи у таджиков Л. Ф. Моногаровой (Москва) и И. Мухиддинова (Душанбе); у киргизов А. Кочкунова (Фрунзе); у каракалпаков — Х. Есбергенова (Нукус). Все они построены на новейших материалах, собранных в 1981—1982 гг. в селах, избранных для стационарного изучения семьи. В докладе о таджикской семье нашли отражение и некоторые результаты проведенного его авторами в 1982 г. анкетного опроса в 12 кишлаках (746 семей). Выборки из похозяйственных книг сельсоветов, сбор документации и статистических данных, этнографические наблюдения и опросы позволили накопить уже значительный фонд сведений по составу и типам семей.

Картотеки семей, учтенных для определения родственного, поколенного, численного состава семей и их типов, составлены авторами по Южному Таджикистану (Гиссарская долина, долина Вахша, Кулябская область) на 1492 семьи; по Киргизии (Прииссыккулье, Нарынская область — на 1123 семьи; по Каракалпакии (Кегейлинский и Ходжейлинский районы в дельте Амударьи) — на 440 семей. Выявлены основные тенденции развития структуры семьи — такие, как общая для всей страны закономерность преобладания в сельских местностях простых малых семей; доля которых повсеместно превышает 70% от общего числа учтенных семей. Преобладавшая в дореволюционном прошлом, в особенности у оседлых земледельческих народов региона, неразделенная семья из нескольких брачных пар трех и более поколений (перехиточная форма большой патриархальной семьи) изживается, однако еще бывает: неразделенных семей у таджиков и каракалпаков выявлено несколько больше 20% от общего числа учтенных; у киргизов в слабее урбанизированных и моноэтнических селениях Тянь-Шаня (Нарынская область) — 16,9% и в экономически развитой Иссык-Кульской области с ее этнически смешанным населением — менее 10%. Рассматривались в докладах и такие особенности состава семей, как частое включение в семью престарелых родителей мужа (теперь часто и жены), обусловленное в прошлом обычаем минората, а ныне ставшее гуманной традицией, моральным долгом взрослых детей, в том числе и дочерей. Новым и широко распространенным явлением стала социальная гетерогенность семей — неоднородность социально-профессионального их состава. Устойчива специфичная для народов региона многодетность (как известно, наивысшая по СССР в Таджикистане, Узбекистане и Туркмении). Этой теме был специально посвящен доклад социолога Ш. Кадырова (Ашхабад) «Из прошлого и настоящего многодетной семьи у туркмен».

Помимо состава семьи в последние годы изучался такой важный компонент ее структуры, как внутрисемейные отношения. Эта тема нашла отражение как в упомянутых докладах, так и в ряде других. Огромное влияние на характер этих отношений (изживание авторитарности, деспотизма главы семьи, неравноправия женщин, регламентации исламом и древними обычаями взаимоотношений членов семьи разных поколений и т. д.), оказали коренные изменения в положении женщины и узаконенная в Советской стране свобода вступления в брак. В докладе И. М. Нурмухамедовой (Ташкент) «Традиционное и новое в брачных отношениях каракалпаков» был дан анализ современных форм брака у каракалпаков; установлено, что, хотя браки по выбору и настоянию родителей еще не совсем исчезли, преобладает как в городе, так и в сельских местностях республики заключение браков по свободному выбору молодых людей, но при согласии на брак и их родителей. По данным социологических опросов, число таких браков в городах автономной республики достигает 85—90%.

В докладе К. Ниязклычева (Ашхабад) приведены данные об изживании в годы Советской власти у туркмен таких архаичных обычаев, как ограничение браков — «племенная» эндогамия — левират, сорорат и др.

Во многих докладах убедительно показано изменение роли и статуса главы семьи — мужчины, преодоление авторитарных устоев. В докладах Ф. Д. Люшкевич (Ленинград) «Характер внутрисемейных отношений в современных неразделенных семьях (по материалам узбекско-таджикского поселения Бухарской области)», З. Юсуфбековой (Душанбе) «Новое и традиционное в семейных отношениях памирских таджиков-шуганцев» и А. Толубаева (Алма-Ата) «Казахская семья в Джамбулской области Казахской ССР» отражен процесс демократизации внутрисемейных отношений даже в сложных, трехпоколенных семьях, в которых большую роль играет старшее поколение. Утрата неразделенной семьей еще в период коллективизации своего экономического фундамента — частной собственности на землю — в корне подорвало патриархальность ее уклада. Ныне общий бюджет сложных семей складывается из части заработной платы их взрослых членов, вносимой в общую кассу, из поступающих в общий котел продуктов и доходов с приусадебных участков, обычно обрабатываемых совместно; это изменяет роль главы семьи, ведет к демократизации ее быта, равноправию. Единство сложной семьи теперь часто сохраняется уже не как пережиточный социальный институт, а принимает форму традиции тесных родственных связей, чисто нравственных устоев семейного объединения при полной самостоятельности входящих в ее состав брачных пар. Этот процесс происходит интенсивнее в бухарских селах; у шуганцев З. Юсуфбекова отмечает сохранение еще многих пережитков патриархального семейного уклада.

К группе докладов о семейных отношениях примыкает и доклад В. П. Курьлева (Ленинград) «Семейно-родственные связи у казахов в современных условиях». Анализ докладчиком пережитков семейно-родственных групп показал, что этот социальный институт дореволюционного прошлого постепенно трансформировался, утратив свои основные функции — территориальное и экономическое единство; но некоторые черты прежних патронимий, несмотря на нынешнюю разбросанность родни по разным населенным пунктам, сохраняются еще в виде семейно-родственных связей (взаимопомощь в личном хозяйстве, в проведении семейных торжеств, обязательное участие в похоро-

по-иминальных обрядах). Новым явлением стало включение в круг ближайшей родни родственников по женской линии, на равных правах принимающих теперь участие в еще и исчезнувших традиционных обычаях и обрядах.

В ряде докладов раскрывалась тема воспитания детей, так называемой народной семейной педагогики, включающей у народов Средней Азии много высоко нравственных, умных этических принципов, традиции которых не утрачивают положительного значения в современных условиях. Это доклады Д. Сартбаевой (Фрунзе) «Воспитание детей в современной киргизской семье», Х. Исмаилова (Ташкент) «Воспитание детей в семье узбеков», А. Теджова (Ашхабад) «Роль старшего поколения в воспитании детей в сельской туркменской семье». В докладах показана роль семьи в процессе социализации личности, в передаче детям системы знаний, норм и ценностей, приобщающих их к жизни общества; много внимания уделялось формам трудового воспитания детей в семье — одной из лучших традиций народной педагогики. Освещались особенности воспитания детей в многодетных семьях, большая роль в этом старших детей, пользующихся уважением, авторитетом и привязанностью младших. Положительная роль старшего поколения также в настоящее время очень велика, поскольку же перестала быть закономерностью их приверженность к консервативным традициям и религиозным догмам, оказывавшая в прошлом отрицательное влияние на молодежь. Выше, старшее поколение — участники первых лет социалистического строительства, гражданской и Великой Отечественной войн — пользуется у молодежи уважением и авторитетом уже не только в силу традиции, а благодаря своему жизненному опыту, трудовым достижениям. Изменение традиций семейного воспитания касается и передачи младшему поколению этнических традиций; приобщение молодежи к этносу теперь включает и трансмиссию элементов национальной социалистической культуры, и освоение общесоветской интернациональной культуры. Доклады о воспитании детей были построены на конкретном материале новейших полевых исследований в изучаемых селах и соседних с ними районах. Д. Сартбаевой удалось провести анкетный опрос среди школьников-старшеклассников.

Докладом Г. П. Васильевой (Москва) «Влияние этносоциальных процессов на материальную культуру села и сельской семьи народов Средней Азии» открылась серия докладов и сообщений, посвященных материальным и социально-бытовым условиям жизни сельской семьи: Б. Алымбаевой (Фрунзе) «Современное сельское хозяйство киргизов», А. Пиркулиевой (Ашхабад) «О свадебной одежде туркменского сельского населения», А. А. Долгова (Ашхабад) «Типы сельского жилища в колхозах Ашхабадской области», М. Бердыева (Ашхабад) «Новое и традиционное в пище сельской семьи у туркмен», Т. Селимова (Ташкент) «Влияние технического прогресса на семейный быт в сельских районах Узбекистана».

В докладе Т. Баялиевой (Фрунзе) дана широкая картина культурного облика современного киргизского села на конкретном примере изучаемых киргизскими этнографами сел Прииссыккулья и Тянь-Шаня, показан высокий уровень распространения общего и профессионального образования у сельских жителей; докладчиком изучалась работа сельских клубов, библиотек и других культурных учреждений, художественная самодельность, постановка здравоохранения и разные стороны бытового обслуживания сельских жителей.

Большой цикл докладов отражал традиционное направление исследований этнографов: изучение новой семейной обрядности, а также народных и детских игр и праздников. В докладе Н. П. Лобачевой (Москва) «Современные тенденции развития семейной обрядности у народов Среднеазиатско-Казахстанского региона» изложен ряд теоретических положений и выводов, относящихся к обрядности и особенностям ее трансформации в условиях Среднеазиатского региона с его мощным пластом традиционной культуры и яркого национального своеобразия. Для народов региона характерно устойчивое сохранение этнической специфики в новой обрядности при сокращении старинного церемониала и включении ряда новых общесоветских компонентов, особенно в свадебный ритуал. Отмечалась незавершенность формирования советских обрядов, бытование их во многих вариантах, а также ряд отрицательных явлений (стремление к многолюдности и помпезности семейных торжеств, вызванное ложным пониманием престижности, огромные затраты на угощения и одаривание, местами культивирование некоторых старых обычаев, в том числе «замаскированного» калыма, обильное употребление спиртных напитков и т. д.). Докладчик призвал этнографов к активизации их участия в разработке и внедрении новой советской обрядности, к борьбе с негативными явлениями в этой области быта. Ценную информацию о современных обрядах, сложившихся в разных районах у казахов, содержал доклад Х. Аргынбаева (Алма-Ата), у таджиков — сообщения А. Мардоновой и Н. Тошматова (Душанбе), у туркмен — доклады А. Оразова, А. Союновой, Ч. Язылева (Ашхабад).

Современную обрядность анализировал в своем докладе «Национальные традиции, новые тенденции и религия в семейно-бытовой обрядности узбеков» И. Джаббаров (Ташкент). Освещая новую обрядность и рост атеизма, докладчик привлек большой материал этнографических наблюдений и конкретно-социологических исследований. Он уделит, в частности, внимание значению общественного мнения жилого квартала (махалля); теперь оно все реже выступает в роли защитника старых общинных бытовых традиций, обычаев и обрядов; в Узбекистане достиг большого успеха опыт работы общественности махалля — наиболее авторитетных жителей квартала — по использованию положительных традиций махалля, что часто оказывает существенное влияние на укрепление семьи: так, общественность махалля примиряет людей при семейных раздорах, часто предотвращает разводы, создает дружескую атмосферу у соседей, поощряет взаимопомощь, способствует искоренению устаревших обрядов.

Вопросы изживания религии, реликтов религиозных культов (в частности культ святых) получили освещение в докладе С. М. Демидова (Ашхабад) «Некоторые пережитки религиозных верований в быту сельской семьи у туркмен».

Возрождению народных праздников, бытующим народным развлечениям и играм посвятили свои доклады К. Шаниязов (Ташкент) «Традиционные народные праздники, их возрождение и обновление в современном сельском быту узбеков», А. Джикиев (Ашхабад) «Традиционное и новое в туркменских праздниках населения Южного Туркменистана», Г. Н. Симяков (Ленинград) «Детские игры у киргизов (традиции и современность)». Народные праздники в настоящее время модернизируются, но тем не менее сохраняют присущую им традиционную особенность: множество спортивных состязаний, развлекательных зрелищ, конные и другие игры. Неизменные участники праздников — народные музыканты и певцы — выступают на них вместе с коллективами художественной самодеятельности и профессиональными артистами. Наряду с общественными развлечениями сохраняются традиционные семейно-бытовые игры, в первую очередь детские. В докладе Г. П. Симякова дана классификация и оценка их воспитательных функций.

В программе совещания нашла отражение актуальная тема интернационализации семейного быта, роста межэтнических контактов. Эти вопросы специально освещались в докладах Л. С. Толстовой (Москва) «Тенденция развития национально-смешанной брачности в Каракалпакской АССР (к изучению современных этнических процессов)»; а также А. Б. Калышева и А. Б. Арманова (Алма-Ата) «Об этническом аспекте изучения национально-смешанных семей в Казахстане (на материалах Павлодарской и Кызыл-Ординской областей)». Оба доклада построены на большом этноста-тистическом материале, полученном авторами в результате изучения архивов загов и этносоциологических опросов. Большой интерес вызвало также сообщение У. К. Шалкенова (Алма-Ата) о полевых исследованиях студенческой экспедиции исторического факультета Казахского государственного университета, проводившихся под его руководством в 1980—1981 гг. среди корейцев и немцев, живущих в Джамбулской, Талды-Курганской и Кызыл-Ординской областях Казахстана; в быту и обрядах этих этнических групп наряду с традиционными национальными чертами имеется много общесоветских компонентов, а также заимствований из быта и ритуалов казахов, русских и украинцев. У корейцев и немцев Казахстана уже вошло в традицию проводить свадьбы и прочие семейные праздники с широким участием представителей других национальностей, что закономерно при чрезвычайной многонациональности трудовых коллективов республики — колхозов, совхозов, агропромышленных предприятий.

Как отмечалось, совещание носило рабочий характер. Оно имело большое значение для обмена опытом республиканских авторских коллективов в начатой работе по исследованию общей координируемой темы и в накоплении новейшей этнографической информации; кроме того, оно мобилизовало внимание научной общественности и общественных организаций к исследованию проблем современной сельской семьи и сельского быта; наконец, в итоге совещания выяснились резервы и возможности расширения этих исследований — выявился широкий круг этнографов и других специалистов республиканских научных учреждений, уже занимающихся изучением разных аспектов семейного быта.

При подведении итогов на заключительном заседании обсуждались трудности, отмечались пробелы в работе, неравномерность хода исследований в разных республиках, во многих случаях обусловленная недостатком кадров этнографов. Совещание приветствовало то, что в разработку этой темы уже включились кафедры этнографии ряда университетов (Ташкентского, Казахского). Был принят ряд рекомендаций, связанных с подготовкой и проведением предстоящих этносоциологических опросов. Признавая большое научно-практическое значение исследований быта сельской семьи, совещание рекомендовало участникам работ поддерживать постоянную связь с районными и областными партийными и советскими организациями, систематически информировать их о своей работе — выступать с докладами, представлять докладные записки и предложения по преодолению обнаруженных недостатков, о совершенствовании работы социально-бытовых и культурных учреждений; рекомендовалось также членам авторских коллективов выступать в периодической печати, по радио и телевидению и оказывать квалифицированную помощь местным организациям в практической работе по созданию и популяризации новой обрядности.

С заключительной речью выступил вице-президент АН ТССР акад. АН ТССР А. А. Росляков, отметивший успех совещания, определяемый высоким научным уровнем докладов и актуальностью изучаемой темы. Он сказал, что совещание убедительно свидетельствует о связи этнографической науки с практикой; оно послужило также существенным вкладом в сотрудничество этнографов республик с коллективом Головного Института этнографии АН СССР.

По окончании совещания его участники посетили с. Дурун, расположенное на территории колхоза им. Калинина Бахарденского района Ашхабадской области, избранное этнографами Туркмении как один из объектов стационарного изучения сельской семьи.

Т. А. Жданко

12—13 апреля 1983 г. в Ленинградской части Института этнографии АН СССР состоялись Пятые Маклаевские чтения. За два дня было заслушано 16 докладов по проблемам истории, этнографии, литературы и языков народов Океании и Юго-Восточной Азии.

Традиционно Чтения открывает группа докладов, посвященных жизни и деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая, судьбе его научного наследия. Докладываются результаты поисков материалов, которые проводятся в связи с подготовкой Собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, рассматриваются новые задачи и проблемы в области маклаеведения.

Как установил Б. Н. Путилов (Ин-т этнографии, Ленинград), сохранившаяся рукопись дневника, который Миклухо-Маклай вел в 1871—1872 гг. на Новой Гвинее, представляет собой неавторизованную копию части подготовленного самим автором к печати первого тома своих трудов. В рукописи содержится обильная правка, внесенная Д. Н. Анучиным и другими публикаторами в конце XIX — первой четверти XX в. Докладчик рассказал о своей работе по восстановлению авторского текста этого выдающегося памятника. Он высказал предположение, что полевой дневник 1871—1872 гг. не был уничтожен вдовой Миклухо-Маклая и вместе с другими его бумагами попал в Русское географическое общество. Дальнейшая судьба оригинала дневника остается неизвестной.

Д. Д. Тумаркин (Ин-т этнографии, Москва) сообщил в своем докладе о результатах поисков материалов о жизни и деятельности Миклухо-Маклая, проведенных им в 1982 г. в архивах и библиотеках ГДР. В Архиве АН ГДР в Берлине докладчику удалось обнаружить 10 писем ученого Р. Вирхову и неизвестную фотографию Н. Н. Миклухо-Маклая. В Доме-музее Э. Геккеля в Иене хранятся девять писем Миклухо-Маклая Э. Геккелю и несколько писем последнего, в которых тот характеризует своего «усердного и талантливого ученика» Николая Миклухо. В архивах университетов Лейпцига и Иены выявлены данные об учебе там Н. Н. Миклухо-Маклая. Обширный документальный материал, полученный в Центральном государственном архиве ГДР в Потсдаме, освещает борьбу русского ученого-гуманиста против аннексии кайзеровской Германией северо-восточной части Новой Гвинее и начальный этап немецкой колонизации Берега Маклая. В библиотеках Берлина и Лейпцига докладчик ознакомился с отсутствующими в СССР книгами и статьями немецких миссионеров, где содержатся интересные сведения о культуре и быте папуасов Берега Маклая, о следах пребывания здесь «тамо русс».

В двух докладах рассматривались особенности полевой этнографической работы Миклухо-Маклая.

Н. А. Бутин (Ин-т этнографии, Ленинград) отметил, что результаты полевых исследований во многом зависят от целей, которые ставит перед собой этнограф, от характера его концепций и гипотез, длительности его пребывания среди изучаемого народа и степени овладения им местным языком, от отношения этнографа к представителям данного народа и от отношения народа к этнографу. По мнению докладчика, полевая работа Миклухо-Маклая заслуживает самой высокой оценки. Он стремился улучшить жизнь изучаемых народов, боролся за их свободу и независимость. Целью экспедиций ученого была проверка его концепции о равенстве всех людей Земли. Он мог собирать информацию о людях Бонгу (Берег Маклая на Новой Гвинее), среди которых прожил три года, на их родном языке, к тому же он был там первым европейцем и изучал культуру бонгуанцев в ее не затронутом внешними влияниями виде. В папуасах Миклухо-Маклай видел таких же людей, как и он сам, и папуасы платили ему доверием и любовью. Добытые им этнографические сведения точны и являются ценнейшим вкладом в науку.

Те же мировоззренческие и научные принципы выявила Е. В. Ревуненкова (Ин-т этнографии, Ленинград) при изучении материалов Миклухо-Маклая по народам Малайзии. Она рассказала о неопубликованных при жизни автора сведениях о малайцах, которые имеются в дневнике путешествия Миклухо-Маклая по Малайскому полуострову и записных книжках того периода (политическая обстановка, этнографические детали быта, словесные характеристики мужчин и женщин, их портретные зарисовки). Записи свидетельствуют, что Миклухо-Маклай хорошо владел разговорным малайским языком, научился писать по-малайски в арабской графике. Возможно, в то время он был единственным русским ученым, владевшим малайским языком.

Два доклада затрагивали проблемы национальных меньшинств в Индонезии. Г. Н. Тюнь (ЛГУ) рассмотрела особенности китайского общественного движения в Индонезии в 1900—1914 гг. Массовое переселение китайцев в те районы Индонезии, где развивалось плантационное хозяйство и горнодобывающая промышленность, развернулось в последней трети XIX в. В общественном движении индонезийских китайцев, зародившемся в первые годы XX в., националистические тенденции усиливались по мере повышения культурного уровня этих иммигрантов, изменения их социально-профессиональной структуры и укрепления их связей с Китаем.

П. М. Мовчанюк (ЛГУ) в своем докладе предпринял попытку дать типологию антикитайских выступлений в независимой Индонезии и выделить их главные факторы. Антикитайские выступления 1959—1960 и 1965—1967 гг. вызывались мероприятиями властей и протекали при их поддержке. Эти выступления отразили сдвиги в структуре многоукладной экономики страны, изменения в характере государственной власти. Прочие антикитайские выступления носили локальный характер, были кратковременными, пресекались властями, опасавшимися перерастания их в антиправительственные

социальные движения. Индонезийская буржуазия пыталась направить социальные протест трудящихся коренных национальностей против эксплуатации в русло межэтнических противоречий, используя социокультурные особенности китайского меньшинства в условиях противоречивого развития индонезийского национализма.

Эти доклады сопровождались продолжительной дискуссией по проблемам национальных движений, национальных меньшинств и социально-экономического развития стран Юго-Восточной Азии.

Е. С. Соболева (Ин-т этнографии, Ленинград) рассказала об узловых моментах истории анклава Окуси и его роли в истории о. Тимор (Восточная Индонезия). Особенности рельефа и наличие гавани издавна сделали эту область важным морским торговым пунктом. Тут возникли первые европейские поселения — католические миссии. В дальнейшем в анклав стала господствовать этносоциальная группа топасов (метисное евразийское население), богатевшая на торговле сандалом. С изменением условий на международных рынках роль топасов уменьшилась, но они сумели сохранить авторитет среди местных племен и лишь номинально признавали власть Португалии, чьей колонией был Тимор. Через анклав Окуси началось проникновение на Португальский Тимор китайцев из Макао. В докладе показана динамика роли Окуси в разные исторические периоды четырех веков колонизации.

А. К. Оглоблин (ЛГУ) в докладе «Культурно-языковые ареалы в Западной Индонезии» выделил возможные признаки межъязыковых и межкультурных контактов. С письменно-культурными контактами докладчик связывает в Западной Индонезии: 1) малайский ареал диффузии в раннем средневековье; 2) яванский — в позднем средневековье; 3) малайский — в позднем средневековье и в колониальный период; 4) современный индонезийский (центр на Яве, на малайской языковой основе). Другие типы контактов (торгово-обменные, миграционные) и связанные с ними заимствования в различные сферы языка, по мнению докладчика, имеют другие центры и не вполне соотносятся с этими ареалами (например, южносулавесийский и мадурский).

Сопоставляя письменный малайский героический эпос «Повесть о ханг Туахе» и цикл кхмерских плутовских сказок о Тхмень Тее, Б. Б. Парникель (Ин-т мировой литературы АН СССР, Москва) усмотрел в них ряд аналогий, выражающихся, в частности, в однотипном отношении главных героев к зловредам, своему государству и государю-сопернику. Он проанализировал более архаические в типологическом плане образы пунакаванов (панасаров) яванского и балийского кукольно-теневого театра ваанг кулит, совмещающие в себе «охранительные» и шутовские функции, и пришел к выводу, что «Повесть о ханг Туахе» и цикл о Тхмень Тее могут рассматриваться как поздние («государственные») дериваты близнечного мифа, где герои образуют с сюзеренами пары, обеспечивающие безопасность Малаккского султаната и Кампучии.

Целью сообщения Е. В. Ивановой (Ин-т этнографии, Ленинград) было показать реакцию обществ малых народов Северного Таиланда на нарушение норм обычного права и методы осуществления контроля за соблюдением этих норм. Самой крупной единицей таких обществ является деревня, основной ячейкой в деревне — семья (домохозяйство). Несмотря на интеграцию в тайское государство, незначительная роль представителей государственной власти в решении внутренних проблем в обществах бесписьменных народов Северного Таиланда свидетельствует о сохранении в относительно нетронутом виде традиционных норм общественной жизни.

К. Ю. Мешков (Ин-т этнографии, Москва) сопоставил негритосов Филиппин с другими низкорослыми жителями региона (в частности, с некоторыми папуасскими племенами). Еще Милухо-Маклай обратил внимание на то, что они имеют некоторые сходные черты (антропологические особенности, манеру поведения, песни и танцы и пр.). Другие элементы культуры (наличие лука и отсутствие копья, рубцевание кожи, музыкальное бревно, особые системы терминов счета) сближают негритосов Филиппин с далеко от них проживающими народами, например с айнами.

М. Ф. Чигринский (ВГО, Ленинград) рассказал о путешествии в 1908 г. на Тайвань русского врача А. К. Мольтрехта. Он всю жизнь занимался энтомологией и орнитологией Дальнего Востока, и главной целью его поездки на Тайвань было исследование палеоарктической фауны, которая могла сохраниться в условиях высокогорья. Кроме того, его интересовали вопросы медицины и физиологии аборигенов — гаошень. А. К. Мольтрехт пробыл на Тайване дольше других русских путешественников (П. Ибса и Н. А. Невского), оказывал медицинскую помощь местному населению и оставил ряд интересных этнографических наблюдений о племенах пайванов, ами, цоу, бунун (вонун), атайял. Он дал краткое описание жилища, одежды, брачных и похоронных обычаев, привез уникальный фотоснимок: два аборигена братаются кровью убитого врага. Большое внимание А. К. Мольтрехт уделил описанию обычая охоты за головами, трактуя его и как обычай лечебной магии.

Т. К. Шафрановская (Ин-т этнографии, Ленинград) информировала слушателей об одном из первых в России известий о Японии XVIII в., появившемся в книге И. Г. Георги — адъюнкта по химии Петербургской академии наук с 1776 г. Книга вышла в 1775 г. на немецком языке и сейчас является библиографической редкостью. Японцы, потерпевшие кораблекрушение, преподавали в 1772 г. в Иркутске японский язык и ответили на вопросы И. Г. Георги о географическом положении, флоре и фауне страны, полезных ископаемых, основных видах сельскохозяйственных культур и домашнего скота, основных занятиях населения; охарактеризовали японский государственный строй, суд, жилища, одежду, пищу, религию и обычаи населения. Среди немногочисленных русских книг XVIII в., повествующих о Японии, сообщение И. Г. Георги было первым, полученным непосредственно от японцев.

Доклад А. Я. Массова (Ленинградский кораблестроительный ин-т) был посвящен австралийской колонизации Новой Гвинеи в 1914—1921 гг., когда с захватом Германской Новой Гвинеи было положено начало новому этапу в истории австралийского колониализма, заложены основы австралийской колониальной политики. Экономическая политика оккупационных властей была направлена на дальнейшее развитие сформировавшейся при немцах системы плантационного хозяйства, но с переадресовкой экспорта на австралийский рынок. Недостаточно эффективный, громоздкий колониальный аппарат был не в состоянии контролировать вербовку туземных рабочих, которая часто сопровождалась кровавыми эксцессами. Военные власти распространили на территорию бывшей Германской Новой Гвинеи расистскую политику Белой Австралии.

Доклад И. К. Федоровой (Ин-т этнографии, Ленинград) был посвящен сложному комплексу древних верований полинезийцев и их представлениям о человеке, жизни и смерти. На основе анализа древнейших космологических мифов показана универсальность ранних представлений о рождении человека, его духовной сущности, в том числе о множественности душ. Понятие вечной и бессмертной души — порождение религии раннеклассового общества. Вся система взглядов полинезийцев на человека и природу весьма пластична и легко реагирует на изменения социально-экономической системы общества.

Сообщение Н. З. Климовой (Ин-т этнографии, Ленинград) было посвящено идентификации перьевой накидки (МАЭ № 2520-8), доставленной участниками третьей экспедиции Дж. Кука, вероятно, с северо-западного побережья Северной Америки. Этот предмет не имеет аналогов в музейных собраниях XVIII в. Как полагает докладчик, накидка по технике изготовления сходна с гавайскими перьевыми изделиями. Автор считает, что из предполагаемых районов происхождения следует исключить Калифорнию. Наиболее убедительной представляется точка зрения Ф. Дракера (США), нашедшего подобный предмет во время полевых исследований у племени магауков. Накидка из коллекции МАЭ действительно имеет с этим предметом большое сходство по материалу и технологии изготовления.

Пятье Маклаевские чтения вызвали большой интерес, прошли в творческой обстановке. Большое значение имели плодотворные дискуссии, развернувшиеся по ряду докладов.

Следующие Маклаевские Чтения состоятся в апреле 1984 г.

Е. С. Соболева

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ ФЕДОРА ФЕДОРОВИЧА АРИСТОВА

3 мая 1983 г. состоялось заседание Этнографической комиссии Московского филиала Географического Общества СССР, посвященное 95-летию со дня рождения крупного советского ученого — слависта и востоковеда, профессора Московского университета, члена Географического Общества СССР Федора Федоровича Аристова (1888—1932) ¹.

С докладом о его жизни и деятельности выступила Т. Ф. Аристова ², которая на протяжении многих лет занимается изучением историко-этнографического и литературного архива ученого. Надо сказать, что именно благодаря ей был сохранен и значительно пополнен этот уникальный архив.

Ф. Ф. Аристов не успел издать большую часть своих трудов (он умер в расцвете творческих сил 44 лет от роду); но судя по сохранившимся рукописям и архивным материалам ³, это был яркий, бескомпромиссный и бескорыстный исследователь, педагог и пропагандист отечественной науки. История, этнография, литературоведение, языковедение, география, музееведение, археология — таков далеко не полный перечень отраслей знания, привлекавших его внимание.

Ф. Ф. Аристов родился 14/26 октября 1888 г. в г. Варнавино Костромской губернии. Демократические и гуманистические традиции он воспринял от своего отца — профессора Петербургской медико-хирургической академии, оставившего кафедру ради практической деятельности.

У мальчика рано пробудился интерес к гуманитарным наукам. Еще в детстве он серьезно и с увлечением занимался историей, литературой, географией, изучал западные языки.

В 1907 г. Ф. Ф. Аристов закончил Первый Московский кадетский корпус. Высшее образование он получает, занимаясь одновременно в Московском университете на Историко-филологическом факультете и (в качестве слушателя) в Московском коммерче-

¹ Аналогичное заседание состоялось в Ленинграде 28 января 1983 г. в Отделении этнографии Географического Общества СССР.

² Т. Ф. Аристова — дочь Ф. Ф. Аристова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР.

³ Интерес представляют, например, письма Ф. Ф. Аристова к А. М. Горькому, акад. С. Ф. Ольденбургу и другим видным деятелям отечественной культуры, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ф. 140, оп. 1, ед. хр. 32) в Москве и в Архиве АН СССР (ф. 2, оп. 1, д. 5) в Ленинграде.

ском институте на экономическом отделении (где изучил несколько восточных языков). Докладчица познакомила аудиторию с архивными документами, свидетельствующими о преследованиях, которым подвергался Ф. Ф. Аристов в студенческие годы за участие в революционных кружках⁴.

В 1914 г. Ф. Ф. Аристов ушел добровольцем на Карпатский фронт. Став позже военным корреспондентом, он смог наблюдать жизнь и быт населения Карпат, узнать его насущные интересы. Собранные здесь материалы были впоследствии использованы им в его трудах.

В первые годы Советской власти ученый защитил докторскую диссертацию.

В 1918—1920 гг. он преподавал в Тбилисском университете, затем в Феодосии. С 1922 г. Ф. Ф. Аристов — профессор Московского университета. Умер он в 1932 г.

Говоря о научной деятельности Ф. Ф. Аристова⁵, докладчица отметила, что он много занимался духовной культурой славянских народов; исследовал их этническое самосознание, этнонимы, язык, фольклор, верования, традиционное музыкальное и прикладное искусство и т. д. В своих трудах «Словацкая литература» и «Словенские поэты», до сих пор не опубликованных⁶, он посвятил специальные главы демографии и этнографии, литературе и языкам славянских народов. Кропотливо собирал ученый и материалы о значении для зарубежных славян русского языка и творчества классиков русской литературы — Гоголя, Некрасова, Толстого, Тургенева, Пушкина и др.

Большое место в деятельности Ф. Ф. Аристова занимает изучение коренного населения Галицкой, Угорской и Буковинской Руси, т. е. Прикарпатья и Закарпатья. В 1907 г. ученый создает в Москве просуществовавший до 1917 г. Карпато-русский музей, в котором насчитывалось до 100 тыс. экспонатов по истории, литературе, этнографии, географии, искусству Прикарпатья и Закарпатья. Эти материалы были им использованы для капитального труда «Карпато-русские писатели». Первый том вышел в 1916 г. и в конце 1918 г. был удостоен премии Российской Академии наук, что послужило моральным стимулом для продолжения работы над вторым и третьим томами. Большое внимание Ф. Ф. Аристов уделял позднему этапу этнической истории коренного карпатского населения, его борьбе за право на культурные связи с Россией, и особенно за право пользоваться родным языком.

Докладчица охарактеризовала также деятельность Ф. Ф. Аристова как востоковеда, подчеркнув широту его интересов — история Ближнего и Среднего Востока, кавказоведение, дальневосточная тематика⁷. Неумолимо исследовательскую и педагогическую деятельность и как славист, и как востоковед Ф. Ф. Аристов развернул на Кавказе. В Грузии наряду с преподаванием в университете, он участвует в работе Закавказского общества деятелей русской культуры и школы и Организационном комитете Кавказского библиографического института. Там же он скрупулезно собирает материал о русском и коренном населении Закавказья, о грузинах. Занимаясь комплексно историей, литературой, географией, этнографией, искусством, библиографией советского и Зарубежного Востока (Ближнего и Дальнего) и ведя специальные курсы в Московских институтах востоковедения и журналистики, Федор Федорович немало сил вложил именно в этнографические исследования. Сферой его интересов являлись главным образом малые народы и этнографические группы, их этническая история, духовная культура. Фундаментальными, но, к сожалению, опубликованными только частично остались труды Ф. Ф. Аристова: «Восток и Россия»; «Европа и Азия», равным образом как и несколько обстоятельных работ с большим числом карт, схем, иллюстраций о русских исследователях Азии, а также специальные библиографические словари⁸.

Став биографом В. К. Арсеньева и П. К. Козлова, он создал монографии об этих замечательных ученых⁹.

Докладчица отметила, что имя Ф. Ф. Аристова и его работы по славяноведению, карпатоведению и востоковедению известны не только в СССР, но и за рубежом (ЧССР, ПНР, Франция, США) и, главное, что некоторые из отстаивавшихся им идей и концепций получили признание в современной науке.

Ф. Ф. Аристов по праву можно назвать пионером советского карпатоведения.

К заседанию докладчица подготовила выставку опубликованных работ Ф. Ф. Аристова, ставших библиографической редкостью, и литературы о нем, а также фотовыставку, на которой были представлены портреты (редкие, порой уникальные) обще-

⁴ Центральный государственный исторический архив, ф. 417, оп. 7, д. 58, л. 4.

⁵ Подробнее см.: *Аристов Т. Ф., Ваврик В. Р.* Ф. Ф. Аристов. 1888—1932.— Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1959, № 27, с. 87—93; Славяноведение в дореволюционной России. М.: Наука, 1979, с. 55; Краткая литературная энциклопедия. Т. I. М., 1962, с. 296—297 и др.

⁶ О рукописи Ф. Ф. Аристова «Словацкая литература» см.: *Aristova T. F., Bogdanov J. V.* O rukopise F. F. Aristova «Slovenska literatura». — In: *Prispevky k medzislovenským vzťahom v československých dejinách*. Bratislava, 1960, s. 255—267.

⁷ Материалы архива Ф. Ф. Аристова легли в основу ряда работ, вышедших в последние годы. См., например: *Федин С. И.* Жизнь и деятельность Владимира Клавдиевича Арсеньева (По материалам из архива Ф. Ф. Аристова и опубликованным данным). — В кн.: Страны и народы Востока. В. XX, кн. 4. М., 1979, с. 21—47.

⁸ Об этом Ф. Ф. Аристов сообщал академику С. Ф. Ольденбургу — см. Архив АН СССР (ф. 2, оп. 1, д. 5, л. 338) в Ленинграде.

⁹ Части этих работ были опубликованы. См., например: *Аристов Ф. Ф.* Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский). — Землеведение, 1930, т. XXXII, в. 3—4, с. 208—243.

ственных деятелей, связанных с Карпатами. Демонстрировались также некоторые рукописи ученого.

В обсуждении доклада приняли участие ученые разных специальностей: историки, этнографы, археологи, географы (В. А. Артамонов, Абдулла Г., Н. Г. Ковальская, И. И. Крупник, А. А. Лебедева, Н. М. Пашаева, В. П. Пьянков, В. Н. Савченко, В. В. Сушкин, А. М. Членов). Все они отмечали важность работы по сбору и сохранению большого историко-этнографического наследия ученого, проделанной Т. Ф. Аристовой.

Заседание показало, что многие темы, разрабатывавшиеся Ф. Ф. Аристовым, требуют дальнейшего исследования. Присутствовавшие высказали мнение о необходимости публикации работ Ф. Ф. Аристова, прежде всего второго и третьего томов исследования «Карпато-русские писатели», а также о желательности издания к 100-летию со дня рождения ученого книги, посвященной его деятельности.

Н. М. Пашаева

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Одним из основных направлений собирательской деятельности ГМЭ народов СССР (г. Ленинград) является восполнение хронологических, тематических и предметных лагун в коллекциях по традиционной этнографии некоторых финно-угорских народов Северо-Запада РСФСР.

В соответствии с перспективными планами полевой и исследовательской работы в 1981 г. была предпринята рекогносцировочная поездка научного сотрудника музея О. М. Фишман в один из районов расселения верхневолжских карел — пограничье Спировского и Лихославльского районов Калининской области. Цель поездки — выяснение возможностей сбора вещественного материала, его характера, а также степени сохранности и объема устной информации по вопросам традиционной бытовой культуры. В результате полевого обследования и ознакомления с последними экспедиционными поступлениями в фонды Калининского областного музея была определена безотлагательность и перспективность серьезной экспедиционной работы среди карельского населения Калининской области.

При разработке задач и маршрута экспедиции 1982 г. учитывались следующие обстоятельства: длительный перерыв (более 40 лет) в систематическом и целенаправленном изучении данной этнографической группы отечественными специалистами; отсутствие точных сведений о современной локализации карельских деревень в пределах Калининской области; тематическая односторонность собрания ГМЭ народов СССР. В связи с этим в качестве основных задач экспедиции были определены: 1) сбор вещественных комплексов, ранее отсутствовавших в коллекциях ГМЭ, а также отдельных предметов, подтвер-

ждающих достоверность единичных, слабо аннотированных музейных экспонатов; 2) уточнение современного ареала отдельных групп карельских деревень; 3) сбор информации по темам «Традиционные сельскохозяйственные орудия», «Деревообрабатывающие ремесла», «Пища», «Пастушество».

В экспедиции участвовали научные сотрудники ГМЭ — О. М. Фишман и М. Л. Засецкая, а также сотрудник Вышневолоцкого краеведческого музея Ф. Б. Зернова. За 30 дней было обследовано более 20 деревень Спировского, Лихославльского, Вышневолоцкого и Рамешковского районов. Работа велась на территории расселения трех локальных подгрупп верхневолжских карел.

Материал, собранный с помощью иллюстративной картотеки и вопросников по орудиям труда и бытовой утвари, фиксировался в полевых дневниках, на фото- и магнитной пленках. Для сбора информации по духовной культуре были использованы как опубликованные, так и вновь разработанные тематические опросные листы.

Первый этап работы проходил в зоне расселения самой многочисленной и наиболее изученной — козловско-толмачевской диалектной группы, где был выбран необследованный ранее круг деревень (д. Бирючово, Волхово, Шешково, Новый Стан, Марьино). Здесь сохраняется чисто карельское население.

Одним «из белых пятен» в истории и этнографии верхневолжских карел остается локальная подгруппа, условно названная нами вышневолоцкой. В музеях, архивах и научной литературе о ней отсутствуют какие-либо данные, и лишь статистические сборники 80-х гг. XIX века и списки насе-

ленных мест 20-х гг. XX века называются более 50 карельских деревень на юге современного Вышневолоцкого и части Фировского районов (б. Заборовская вол. Вышневолоцкого уезда). Обследование показало, что часть из существующих в настоящее время деревень уже давно считается русскими. В большинстве других — население смешанное; карельский язык люди старшего и среднего возраста помнят, но в быту не употребляют.

В Рамешковском районе работа велась в Алешинском сельсовете (села Киверичи и Алешино, дер. Иевлево, Морозовка, Чубариха, Иваньково, Зубово), практически все жители которого карелы. Карельским языком владеет все взрослое население. Рамешковские карелы отличаются свой говор от козловско-толмачевского диалекта. На территории сельсовета в 60—70-х гг. работали лингвисты из Петрозаводска и ряд музейных экспедиций.

В ходе экспедиции собрана коллекция из 163 предметов. Среди них — сельскохозяйственные орудия; предметы ухода за скотом; рыболовные снаряды; ремесленные инструменты; орудия для обработки льна и шерсти, прядения, снования и ткачества; мебель и предметы убранства жилища; утварь; различные виды пирогов из ржаной и пшеничной муки. Основной массив коллекции датируется 70—90-ми гг. XIX в.; но есть группа вещей первой половины XIX в., а также 50—70-х гг. XX в. Наиболее полно представлен комплекс сельскохозяйственных орудий — рамная борона с деревянными зубьями, перекаладная палица из сука дерева, серпы со знаками собственности на рукоятках, севалки-меры и др., плотницкие и бондарные инструменты, а также орудия обработки льна и шерсти. Здесь характерные мечевидной формы трепала, различные по форме и времени изготовления щетки для чесания льна, резные и расписные прялкоточки и копанки трех локальных и временных типов, выюшки, вертящаяся сновалка, ткацкий станок XIX века с изогнутыми станинами, восходящими по форме к ткацким станам, изготовленным из копани дерева, резные блоки, набилки и притужалник. Самая многочисленная группа памятников — крестьянская мебель и утварь; расписной и резной столы «петровского» типа (первая половина XIX в.), расписной шкаф-молочник, резные рубели, ковши тверского типа для питья пива, окрашенная бондарная посуда, полный комплекс предметов для варки сусли и приготовления пива (включая 40-ведерный чан для варки).

Большинство перечисленных экспонатов отсутствовали ранее в фондах ГМЭ, отдельные из них могут быть признаны уникальными (автору хорошо известны коллекции по этнографии карел в собраниях других музеев). При сборе экспонатов особое внимание обращалось на терминологию, время изготовления и бытования предметов, выяснялись функции бытовых предметов в магических обрядах (борона — в святочных гаданиях, решето, скатерти — в пастушеских обрядах отпуска скота и т. п.).

Собранная коллекция свидетельствует о стойкой консервации специфических локальных традиций среди карел изучаемого региона вплоть до 30—40-х гг. XX в., иллюстрирует различия в путях развития форм бытовой культуры отдельных подгрупп карел и дает возможность проследить эволюцию этих явлений на фоне широкого сопоставления с культурой русского населения.

Устойчивое этническое своеобразие в значительно большей степени сохранилось в области духовной культуры верхневолжских карел, чем в сфере овеществленной бытовой. Экспедицией собраны материалы об осеннем поминальном празднике — дне Кегри, Егорьевом дне, общинных празднествах — *куарно*, престольных праздниках, сведения по демонологии, колдовству, видам и способам гаданий, тексты заговоров.

Степень сохранности такого рода знаний очень различна в каждой из трех обследованных групп карел. Значительные по объему материалы собраны по народной кухне, пастушеству. В общей сложности опрошено более 50 информаторов в возрасте от 25 до 80 лет.

На фотопленку зафиксированы в основном жилища, хозяйственные постройки, сельскохозяйственные орудия и транспорт, на магнитную пленку — заговоры, гадания, данные о годовом цикле работ, терминология разного рода, песни, духовные стихи, частушки. Весь полевой материал будет передан в фондохранилища и в архив музея.

О. М. Фишман

* * *

Собирая произведения народного искусства, Пермская государственная художественная галерея стремится представить в своей коллекции творчество различных народов, населяющих Пермскую область. Ряд целенаправленных выездов в предыдущие годы был организован в Коми-Пермяцкий автономный округ, а главной

ей экспедиции 1982 г. было пополнено собрание произведениями искусства татарского и марийского народов. Поэто-маршрут проходил по Кунгурскому, Суксунскому и Суксунскому районам, где и сейчас существуют поселения этих народов, до настоящего времени сохранившие традиционную культуру.

Время экспедиции было обследовано около 30 населенных пунктов, сделаны фотографии, выполнены резьбы, национальные изделия, сфотографированы современные мастера. Основной фонд галереи составили новые экспонаты (около 100 шт.) — это керамика, резьба и роспись по дереву, металл, образцы ткачества, плетение из бересты и корня.

В татарском доме, обставленном современной городской мебелью, национальный быт придают яркие ситцевые занавески, шторы, домотканые паласы, покрывала, диваны и устилающие полы. Тапаласы из разноцветных шерстяных нитей домашнего производства умеют ткать многие женщины. Экспедицией приобретены изделия Л. Ахматовой, С. Мановой и Н. Галимулиной, живущих в с. Турка Кунгурского района. На этом фоне, в традиционной для татарского искусства закладной технике вытканые красные, желтые, зеленые ступенчатые ковры. У этих же мастериц были приобретены домотканые полотенца, которыми и сейчас охотно украшают стены комнат в большом количестве их готовят в приезде дочерям. Полотенца выполнены из тонких катушечных нитей, а узоры на них — из шерсти, ириса, мулине. Орнаменты составлены из столбиков и полос, ромбов, подчас они напоминают яр-

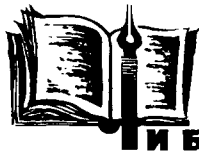
кие восточные ткани. Кроме современных изделий в татарских селах Кунгурского и Ординского районов удалось приобрести старинные полотенца, камзолы из среднеазиатских тканей и некоторые другие предметы традиционного костюма.

В селах Суксунского района (Иванково, Васькино, Тебеняки) живут марийцы, принадлежащие к восточной группе этого народа. Бережно сохраняют они свой национальный костюм, который и сегодня надевают по большим праздникам. Нам удалось сделать фотографии женщин в полном марийском костюме и приобрести кафтаны (*шовыр*), мужские и женские рубахи (*тувыр*), передники, старинные головные уборы (*шимакш*), сережки-пушки, полотенца. И сегодня почти каждая марийская женщина — искусная вышивальщица. Вышивкой украшены грудь, рукава и подол рубах, широкой полосой проходит она в центре передника, сплошь покрывает головной убор. В ней сохраняются традиционные для марийского искусства орнаменты и материалы — шерсть и шелк, а цветовая гамма стала значительно ярче. Для украшения костюма наряду с вышивкой активно используются нашивки из ярких тканей, ленты, кружева, бисер, монеты. Подолы рубах обшиты цветными оборками — явное влияние татарского и башкирского народного костюма.

Все материалы экспедиции поступили в коллекцию Пермской художественной галереи. Многие из привезенных в 1982 г. экспонатов демонстрировались на выставке «Народное искусство Прикамья», посвященной 60-летию образования СССР.

Т. Л. Сысоева

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Е. П. Бусыгин,

ЭТНОГРАФИЯ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ

Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М.: Наука, 1974, 294 с. Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в. М.: Наука, 1979, 248 с. Этнография русского крестьянства Сибири XVII — середина XIX в. М.: Наука, 1981, 270 с.

Русские, составляя большинство населения (82,6%) РСФСР, живут также во всех союзных и автономных республиках. Во многих районах они, живя длительное время по соседству с другими народами, выработали целый ряд культурно-бытовых особенностей. Эти отличия — результат длительных хозяйственно-бытовых связей с местными народами, влияния природно-географических условий и ряда социально-экономических факторов того или иного региона страны. Немаловажным является и то, что сами русские, переселявшиеся в различные районы страны из северных, центральных и южных районов Европейской части России, отличались своеобразными культурно-бытовыми чертами. Одним из районов, сложных по истории освоения русскими, была Сибирь, заселение которой началось с конца XVI в. во время походов землепроходцев и явилось следствием присоединения Сибири к Русскому государству. Сибирь, площадью более 10 млн. кв. км, расположена в различных климатических зонах, разнообразны и народы, с давних пор заселявшие этот регион. До прихода русских здесь жило более 30 народов, большинство которых (эвенки, чукчи, ненцы и др.) находились на уровне патриархально-родового строя и жили мелкими родоплеменными группами, занимаясь охотой, рыболовством и оленеводством. Русские, придя в Сибирь и осваивая огромные пространства с различными природно-географическими условиями, приспосабливались к ним. Входя в тесные хозяйственные и культурно-бытовые контакты с аборигенами Сибири, они воспринимали от местных народов все ценное и полезное, наилучшим образом отвечающее местным природно-географическим и социально-экономическим условиям. Русский народ в свою очередь оказал огромное влияние на культуру и быт местных народов, способствовал развитию производительных сил Сибири. Привнесение русскими прогрессивных культурно-бытовых форм позволило аборигенам Сибири преодолеть вековую отсталость и изолированность, оказало огромное влияние на их развитие и превращение за годы Советской власти в народности социалистического типа. Русское население Сибири не случайно с давних пор привлекало внимание ученых. Литература по этнографии русского населения Сибири весьма обширна. Сведения о русском старожильческом населении имеются в записках путешественников, начиная с первой половины XVIII в., в описании сибирских наместничеств, в трудах участников академических экспедиций второй половины XVIII в. В XIX в. появились обобщающие труды по истории и статистическому описанию сибирских земель, что было связано с развитием капитализма, массовым переселенческим движением, усилением культурного значения политической ссылки. Однако огромный собранный на протяжении полутора столетия материал отличался крайней фрагментарностью как по отдельным районам Сибири, так и по социальным группам и элементам культуры. Различный теоретический подход при попытках обобщения судеб русского населения Сибири и его традиционной культуры, хронологическая несопоставимость и отрывочность не давали возможности делать на этом материале широкие обобщающие выводы, судить об областных особенностях культуры и быта русских в Сибири, их сложении, многообразии и причинах бытования.

За последние десятилетия по этнографии русского населения Сибири появился ряд крупных работ. Это монография Л. М. Сабуровой «Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX — XX в.)», Л.: Наука, 1963, В. А. Александрова «Русское население Сибири (XVII — начало XVIII в.) (Енисейский край)», М.: Наука, 1964, М. М. Громыко «Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVII — первая половина XIX в.)», Новосибирск: Наука, 1975, «Этнография русского населения Сибири и Средней Азии», М.: Наука, 1969, и др. Начиная с 70-х гг., авторский коллектив под руководством В. А. Александрова выпустил три книги, посвященных в основном материальной культуре.

В. А. Александров в первой из рецензируемых книг справедливо отмечает, что этнографическая характеристика русского населения Сибири возможна лишь с учетом многостороннего процесса хозяйственного освоения Сибири русскими и развития общерусской традиционной культуры.

Изучение этих процессов помогает проследить пути заселения Сибири русскими, выявить судьбы принесенных русскими из разных мест культурно-бытовых традиций, степень их адаптации в различных ландшафтных зонах и появившиеся новые культурно-бытовые черты, порожденные как природно-географическими условиями, так и этнокультурными связями с местными народами. С другой стороны, без глубокого, тщательного изучения культуры и быта пришлого в Сибирь русского населения не возможно изучение местных сибирских народов.

В книге «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири» (авторский коллектив: В. А. Александров, А. А. Лебедева, В. А. Липинская, П. М. Сабурова, А. В. Сафьянова, П. И. Рощевский, В. М. Суринов)¹. Авторами четко сформулированы задачи, стоящие перед этнографической наукой в изучении русского населения Сибири, его материальной культуры. Одна из них — выявление на сибирском материале единства русской народной культуры на всей территории, заселенной русскими, изучение этнокультурных связей, установившихся в процессе миграционных движений, выяснение, на основе каких традиций, как и когда в результате взаимодействия и приспособления к местным условиям складывались комплексы традиционной культуры, отвечающие хозяйственным, экономическим, бытовым и эстетическим потребностям населения. Исходя из поставленных задач, авторы стремились показать преемственность бытования тех или иных элементов культуры, определить границы их распространения на разных этапах заселения и освоения Сибири, выявить степень и характер их изменений в различных географических зонах, формирование локальных особенностей с комплексом практически целесообразных культурных явлений как принесенных русскими переселенцами, так и заимствованных у аборигенов. Решению этого комплекса задач подчинено рассмотрение всех элементов материальной культуры. Очень подробно освещена историография изучения материальной культуры русского населения Сибири. Авторы дали обстоятельный критический обзор работ в хронологическом порядке. Проанализирована дореволюционная литература о сельскохозяйственных орудиях, поселениях и жилище, одежде. Учены этнографические публикации, помещенные в различных периодических изданиях. Вместе с тем отмечено, что несмотря на обилие источниковедческого материала, имеющиеся данные не обобщены, разноречивы и потому не позволяют судить о распространности явлений на всей обширной территории Сибири. Поэтому для решения поставленных в работе задач авторы привлекли обширный архивный материал и данные этнографических экспедиций в ряд областей Западной Сибири. На основании преимущественно полевого материала и написаны статьи «Производительные силы сельского хозяйства Западной Сибири» (В. М. Суринов), «Русские поселения южной части Тюменской области» (В. А. Липинская), «Мужская одежда русского населения Западной Сибири (XIX — нач. XX в.)» (А. А. Лебедева) и др. В статье В. А. Липинской и А. В. Сафьяновой, например, дана обстоятельная характеристика жилища русского населения южной части Тюменской области (середина XIX — нач. XX в.), выявлены его локальные комплексы. Это селения по московскому тракту, селения северной части Тюменской области, расположенные вблизи лесов, селения старообрядцев, где особо длительное время сохранялись северно-русские традиции, и юго-восточного района, который в основном заселен пореформенными переселенцами — выходцами преимущественно из южновеликорусских губерний. Интересна написанная на широком круге источников статья А. А. Лебедевой, посвященная мужской одежде русских в Западной Сибири и ее формированию. Особое внимание уделено своеобразию одежды различных социальных групп. Особенности в одежде казаков южных территорий Западной Сибири автор связывает с киргизским и татарским влиянием. Вместе с тем показана и общность мужской одежды крестьян Западной Сибири и крестьян Европейской части страны того периода. Эта общность, как показала А. А. Лебедева, четко проявляется и в терминологическом сходстве многих названий одежды.

Следует отметить статьи А. А. Лебедевой «Массовые типы архивных источников для изучения материального быта русских крестьян Сибири (конец XVIII — нач. XX в.)», В. А. Липинской «Опыт анализа фотопланов при историко-этнографическом изучении поселений (по материалам Алтайского края)» и А. В. Сафьяновой «Разработка материалов подворных переписей населения о сибирском жилище (по данным вопросных листов 1877 г.)». Известно, что основной метод этнографии — непосредственные наблюдения и фиксация элементов культуры — в настоящее время не может быть хронологически, а сплошь и рядом фактологически исчерпывающего материала. Поэтому полевые исследования в настоящее время дополняются различными архивными источниками. Поиски этих новых источников для решения указанных проблем — одна из важных задач, поставленных авторским коллективом для воссоздания картины формирования культуры и быта русского населения Сибири. Введенные в научный оборот архивные данные позволили существенно хронологически и фактологически расширить рамки историко-этнографических исследований и дать подлинно историческое освещение развития материальной культуры русского населения Сибири.

Особо следует отметить статью В. А. Александрова и П. И. Рощевского об опыте изучения материальной культуры русского населения Тюменской области студентами-историками. Очевидно, что современные этнографические исследования, связанные со сбором массового статистического материала, проведением анкетирования,

¹ Рец. на эту книгу см. П. А. Власюк, В. А. Капитанчук. — Сов. этнография, 1975, № 5.

выявлением сохраняющихся элементов материальной культуры, невозможности без привлечения широкого круга людей, в частности студентов и учащихся средних школ В Казанском университете, например, подобная работа проводится в течение последних тридцати лет. Собранный студентами огромный материал, в том числе и иллюстративный, хранится в архиве университета и используется при написании работ по культуре и быту поволжских народов. Заслуживает одобрения и широкого распространения опыт студентов-историков Тюменской области в изучении материальной культуры русского населения Сибири.

В книге «Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — нач. XX в.» (авторский коллектив: И. В. Власова, А. А. Лебедева, А. В. Сафьянова, В. А. Липинская) на основе уже проведенных исследований рассмотрены хозяйственный быт, поселения и жилище русских, живущих в различных районах Западной Сибири — в Притоболье, Верхнем Прииртышье, в восточных и южных районах Алтайского края. Во всех статьях, написанных на основании широкого круга как архивных источников, так и материалов этнографических экспедиций проводится мысль об общности русской народной культуры на всей территории расселения русского народа. Главная внимание авторы обращают на традиционные черты хозяйственной и бытовой культуры, принесенные в Сибирь переселенцами, ее трансформацию в местных условиях и образование локальных особенностей. Показательна в этом отношении статья И. В. Власовой «Землепользование в Поморье и Сибири XVII—XVIII вв. (традиции и практика)», в которой отмечается, что только с помощью сравнительно-исторического анализа явлений, характеризующих социальные и хозяйственные особенности жизни населения, можно выявить распространение традиций, принесенных русскими при миграции и проследить динамику их приспособления на вновь осваиваемых землях. Опираясь на обширный источниковедческий материал автор характеризует крестьянское землепользование и традиции крестьян Поморья и Сибири в XVII—XVIII вв. практику перераспределений земельных угодий и др. Параллельное рассмотрение земельных отношений в Поморье и Сибири дало возможность сделать выводы о многих общих для этих регионов явлениях, а также указать на их отличия. Они касаются земельно-общинных порядков, которые слабее проявлялись в Сибири, чем в Поморье, длительной сохранности захватного пользования земель (вплоть до XIX в.), что объяснялось наличием обширных свободных земельных пространств и отсутствием в Сибири переделов земли и др. Именно такое взаимосвязанное рассмотрение хозяйственных традиций дает возможность понять особенности развития Поморья и Сибири в условиях одной и той же системы феодальной эксплуатации, осуществлявшейся не посредственно государством.

В статье А. А. Лебедевой «Формирование русского населения в Притоболье и хозяйственный быт (XVIII — нач. XX в.)» показан процесс формирования русского населения в одном из первых по заселению районов Сибири, где в сравнительно короткий срок сложились производительное сельское хозяйство и различные ремесла. В статье очень обстоятельно рассмотрены разнообразные занятия населения. Большое внимание уделено крестьянским ремеслам, обслуживающим нужды местного населения (деревообработка, выделка кож, ткачество, переработка сельскохозяйственного сырья), продукция которых не только обеспечивала нужды населения своего региона, но и поставлялась на другие сибирские рынки. Использование архивных документов и иллюстративного материала позволило автору показать жизнь жителей притравных сел, роль ямщиков, местных ярмарок и торжков в их жизни.

В статье А. В. Сафьяновой «Хозяйственная жизнь русского населения Верхнего Прииртышья во второй половине XIX — нач. XX в.» показан процесс заселения этого южного района Сибири в течение трех столетий русскими выходцами из различных районов Сибири и Европейской части России, в результате чего здесь проходил интенсивный процесс взаимовлияния культур русских переселенцев и аборигенного населения. Рассмотрение в работе порядка землепользования, характера земледелия и животноводства, техники сельского хозяйства, терминологии хозяйственных процессов, орудий труда дало возможность сделать вывод о том, что в основе хозяйственного быта русского населения Верхнего Прииртышья лежат общерусские традиции. Вместе с тем выявлены и особенности, связанные с природно-географическими и социально-экономическими условиями Сибири в целом и ее отдельных районов, с культурно-бытовой спецификой различных этносоциальных групп, заселявших территорию, и влиянием местного коренного населения.

Интересна статья В. А. Липинской «Займки Западной Сибири конца XIX в. как сезонные поселения». Как известно, термин «займка» в настоящее время чаще всего встречается в Сибири, где возникновение и существование займок связано с обилием свободных и пригодных для хозяйственного освоения земель, малочисленностью населения и особенностями ведения хозяйства. В работе займки рассмотрены в основном как тип поселений. Вместе с тем автор видит в займках один из видов землепользования, фактор освоения новых хозяйственных угодий и способ расселения. Подобное рассмотрение займок имеет большое значение для понимания в масштабах всей Сибири социально-экономического и хозяйственного существа рассматриваемых явлений. Автор правильно отмечает, что займочная система и сезонные займочные поселения — важнейшие формы освоения русскими природных ресурсов Сибири. Займки как сезонные поселения иногда перерастали в постоянные, что было связано с целым рядом природных и социально-экономических факторов, способствовавших этому процессу. Подобные явления широко отмечены нами в Среднем Поволжье, где бывшие займки (займища) перерастали в крупные села и деревни. В. А. Липинская правильно

во ставит вопрос о важности изучения этого процесса в Сибири, что дает возможность глубже понять взаимосвязи природных, социально-экономических, демографических и др. факторов при освоении обширных сибирских пространств.

В статье В. А. Липинской и А. В. Сафьяновой «Жилище русского населения восточных районов Алтайского края (XIX — нач. XX в.)» авторами внимательно прослеживается множество своеобразных особенностей, связанных и с историей заселения территории русскими, и с природно-географическими условиями. Значительное участие в заселении края приняли старообрядцы, спасавшиеся от преследования православной церкви, казаки пограничных опорных пунктов, сторожевых и оборонительных сооружений. В конце XIX — начале XX в., здесь появилось много переселенцев — выходцев из южной России. Все это оказало влияние на жилище, особенности которого складывались в разное время. Тем не менее, на всей территории выработался в целом единый тип жилища, соответствующий севернорусским строительным нормам. Вместе с тем он включил в себя традиции, присущие жилищу различных районов Европейской России, и особенности, соответствующие местным условиям. Все это хорошо показано авторами на большом количестве примеров и на многочисленных иллюстрациях.

Сборник заканчивается статьей А. А. Лебедевой «Этнографические материалы о русском населении Южного Алтая (XIX — нач. XX в.)». Автор рассмотрела всю этнографическую литературу о русском населении региона и выявила новые архивные документы. Их анализ позволил охарактеризовать материальный быт различных групп русских Южного Алтая, пришедших туда в XVIII—XIX вв. из разных губерний России. В работе прослежены как севернорусские, так и южнорусские традиции и в приемах ведения сельского хозяйства, и в характере жилых построек, и в одежде. Вместе с тем показано, что длительное взаимное общение разных этнических групп русских с казахским населением содействовало приобретению ранее неизвестных русским навыков, выработке иного типа построек, форм одежды, изменению материала и покроя традиционной одежды и др. Автор справедливо отмечает, что взаимодействие разноэтнических элементов способствовало накоплению культурных ценностей, появлению новых форм в материальной культуре и созданию локальных ее вариантов.

Наконец, книга «Этнография русского крестьянства» Сибири XVII — середина XIX в.» (авторский коллектив: В. А. Александров, И. В. Власова, В. А. Липинская, А. А. Лебедева, А. В. Сафьянова, В. М. Суринов) представляет собой обобщающую работу, в которой характеризуются семейный строй русского крестьянства Сибири и важнейшие элементы материальной культуры: землепользование, поселения и жилища, одежда, пища — на протяжении двух с половиной столетий, т. е. с момента заселения Сибири, появления там первых переселенцев и до развития капиталистических отношений.

При написании этого труда авторы использовали многие новые материалы о семейном быте и материальной культуре русского населения Сибири, хранящиеся в уральских и сибирских архивах. Среди источников — годовые отчеты земских исправников начала XIX в., миссионерские описания конца XVII в., в которых по каждому селению рассматриваются виды крестьянских домашних промыслов; новые материалы из фондов окружных и волостных судов, где содержатся данные о разделе имущества, дающие возможность говорить о жилых и хозяйственных постройках, мебели, одежде, утвари и т. д. Авторы широко использовали музейные коллекции, различный иллюстративный материал: рисунки, фотографии как дореволюционных авторов, так и сделанные во время многочисленных экспедиций. Столь обширный источниковедческий материал дал возможность впервые охарактеризовать семейный быт и основные элементы материальной культуры русского населения на обширной территории Сибири во всем многообразии ее локальных вариантов.

Книга состоит из введения, шести глав и приложений. В приложения входит терминологический словарь элементов одежды русских Сибири XVII—XIX вв. Составленный на основе многочисленных архивных и литературных источников он позволяет не только судить о распространении данных элементов материальной культуры за обширных пространствах Сибири, но и проводить аналогии названиям соответствующих элементов одежды, обуви, головных уборов, бытовавшим в других районах России. Эти данные — дополнительный источник для выявления путей заселения территории Сибири русскими. Полезными являются и методические материалы для сбора этнографической информации по темам «Поселение», «Жилище», «Хозяйственные постройки». Подобная методическая разработка и предлагаемый вопросник дают возможность сделать сопоставимыми материалы, собранные в различных районах Сибири, что облегчит обработку полученной информации. Как мы уже отмечали, опыт сбора информации с помощью подобной методической разработки студентами Тюменской области имел положительное значение.

Первая глава книги посвящена характеристике семьи и семейного быта русских Сибири. Думается, что подобная компоновка работы, посвященной в основном материальной культуре, вполне обоснована, так как от семьи, ее бытовых традиций в значительной мере зависит и степень хозяйственного освоения территории, и уровень развития крестьянского хозяйства. Автор главы И. В. Власова рассматривает семью и семейный строй в связи с общей проблемой сложения русского населения Сибири. Это дало возможность выявить причины, влиявшие на создание тех или иных типов семьи в разных регионах Сибири и в Европейской части России. На основании имеющихся источников автор подробно рассмотрел этапы заселения Сибири русскими и процесс формирования крестьянских семей. Изучены типы семьи в среде земледельческого на-

селения XVII — начала XVIII в. и их эволюция в XVIII — первой половине XIX. Развитие сельской семьи в Сибири, как убедительно показано автором, шло от образования малых семей к их разрастанию в неразделенные семьи и затем путем деления неразделенных семей к малым семьям. Аналогичный процесс отмечен нами на территории Среднего Поволжья, заселение которого началось со второй половины XVI в. Полученный нами материал показал, что в первые десятилетия колонизации и освоения Поволжья наблюдалось преобладание малых семей, что было связано с приходом в край в основном мужчин-одиночек, и небольших семейных коллективов. Затем было отмечено значительное увеличение удельного веса неразделенных семей, обусловленное экономической целесообразностью существования более работоспособных семейных коллективов. К середине XIX в. численность неразделенных семей в Поволжье была весьма значительной. Затем вследствие развития капиталистических отношений в деревне и начавшегося процесса раздела семейных коллективов малая семья стала господствующей формой семейной организации. Таким образом мы видим, что в двух различных регионах страны, где были примерно одинаковые условия заселения русскими, шли идентичные процессы развития форм семейной организации. В главе подробно рассмотрены локальные особенности семейного строя у отдельных групп сельского населения — казаков, разночинцев, монастырских, ссыльных и др. При этом выявлена общая тенденция развития семьи у всех групп населения, повсеместное утверждение малой семьи. Показано также, что малая семья в Сибири не отличалась по своим размерам от обычной крестьянской семьи дореформенной России.

Вторая глава посвящена рассмотрению основных этапов развития русских поселений в Сибири с возникновения их в XVII в. до середины XIX в. Автор главы В. А. Липинская анализируя огромный источниковедческий материал, показала, как шло заселение тундровой и таежной полос Сибири, рассмотрела типы сельских поселений и их изменение во времени. Интересен рассмотренный в статье процесс превращения заимок в многодворные поселения, влияние трактов на планировку селений, появление новых типов поселений и др. Весь изложенный в главе материал свидетельствует, что в типологии сибирских поселений отражены два взаимосвязанных явления общего процесса: расселение русских и хозяйственное освоение ими сибирской земли.

В третьей главе рассмотрены жилища и хозяйственные постройки. Обобщая изложенный в предыдущих главах обширный материал по отдельным районам Сибири, авторы прослеживают весь сложный путь развития крестьянского жилища с момента заселения территории и до середины XIX в. и выявляют имеющиеся областные различия. Значительное внимание они уделяют типологии жилищ и хозяйственных построек в земледельческой полосе Сибири, технике строительства жилищ в тундровой полосе, описанию различных временных жилищ («станки», шалаши, юрты и др.), бытование которых в значительной мере связано с влиянием аборигенных народов. Известно, что русские приходили в Сибирь из различных районов страны и приносили свойственные той или иной местности культурно-бытовые навыки. Это в полной мере относится к формам связи дома с надворными постройками. Из изложенного материала следует, что во второй половине XVII в. в Сибири был распространен комплекс, известный в этнографической литературе как севернорусский. Этот вывод имеет большое теоретическое значение. Как известно, по вопросу происхождения форм связи существует две различные точки зрения. Так, Е. Э. Бломквист считала, что большая часть комплексов восточнославянского жилища, в том числе и формы связи, сформировалась в глубокой древности и корнями уходит в период расселения в Восточной Европе основных племенных групп восточного славянства. Правда, Е. Э. Бломквист писала об условности своих соображений и указывала на необходимость проведения дальнейших исследований. Другой исследователь — Г. Г. Громов, опираясь на анализ рисунков в альбоме австрийского дипломата Мейерберга, который путешествовал по России в середине XVII в., считает, что типы крестьянского жилища сложились не ранее конца XVII — нач. XVIII в. Наши результаты, полученные в процессе изучения жилищ и хозяйственных построек на территории Среднего Поволжья, убедительно показывают, что формы связи сформировались ранее XVII в. Это подтверждается тем, что многие населенные пункты, основанные в Поволжье во второй половине XVI в. выходцами с Верхней Волги или из северных районов страны, имели те же формы связи, что и на местах своего прежнего бытования. Следовательно, формы связи, как элемент традиционной культуры жилища, сложились в период предшествующий заселению края русскими, т. е. до второй половины XVI в. Нами высказано также предположение о времени сложения традиционного комплекса жилища². Поволжский материал дает нам основание датировать начало этого процесса XV в., когда Владимирско-Суздальская Русь стала экономическим и политическим центром, вокруг которого образовалось Русское государство и сложилась русская народность. Это послужило началом образования традиционного комплекса русского жилища, в том числе и форм связи в нем. Думается, что сибирский материал дает основание для подтверждения этой точки зрения. Закономерен вывод авторов и о том, что традиционный тип жилища, занесенный в Сибирь переселенцами, был сохранен, а особенности его развития определялись местными условиями и контактами с соседними нерусскими народами.

² См. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Формы связи дома с надворными постройками как исторический источник. — В кн.: Географический сборник. Казань, 1966. Изд-во КГУ, с. 140.

В четвертой главе дана характеристика крестьянской одежды. Использование широкого круга источников, в том числе музейных коллекций и экспедиционных материалов, позволили проанализировать более ранние этнографические сведения об одежде и выявить ее локальные варианты. Давая обстоятельную характеристику мужской и женской одежды различных локальных групп русского населения Сибири, автор отмечает наличие многочисленных терминологических аналогий с одеждой русского населения Европейской России того же периода. А. А. Лебедева убедительно показывает, что в XVII в. одежда русского населения Сибири была в значительной степени однотипна с одеждой русского населения Европейской России. Однако в XVIII в. традиционный костюм подвергся заметной трансформации. Мало того, появились новые своеобразные виды крестьянской одежды, неизвестные русским Европейской России, заимствованные от коренных жителей.

В пятой главе рассмотрена пища русских сибиряков. В работе хорошо показано, что если первые поселенцы активно осваивали местные продовольственные ресурсы, воспринимали кулинарию аборигенов Сибири, то в XVIII в. в связи с развитием полеводства, традиционная русская пища стала восстанавливаться. Это особенно четко проявилось в земледельческой полосе. Вместе с тем, отмечается значительное заимствование русскими блюд коренных сибирских народов, особенно заметное в неземледельческих районах Сибири, где широко вошли в употребление свежемороженая и вяленая рыба, мясо морских животных, ягоды в качестве приправы к различным рыбным блюдам и т. д.

Последняя, шестая, глава «Особенности формирования и функционирования систем земледелия в условиях Зауралья» посвящена рассмотрению многих важных проблем, связанных с развитием земледелия в Сибири. Автор ее В. М. Суринов весьма обстоятельно проанализировал условия существования трехполья в северных и лесостепных районах Западной Сибири, показал наличие переложной системы и сосуществования с ней трехполья. Он убедительно показывает, что в условиях Сибири перелог и трехполье являлись формами землепользования, применение которых восстанавливало плодородие почвы и не тормозило развитие производительных сил земледелия. Справедливо критикуя некоторых авторов, считавших наличие перелога в Сибири следствием хозяйственной несостоятельности сибирского крестьянства, якобы хищнически ведущего хозяйство, автор, опираясь на собственные исследования и подтверждая их данными других исследователей (например, М. М. Громыко) считает, что залежно-паровая система господствовала в Сибири в XVIII и первой половине XIX в. потому, что была наиболее целесообразной для крестьян в данных социальных и естественно-географических условиях. Поэтому в современном сибиреведении закономерно поставлена под сомнение оценка залежной системы как хищнической вне зависимости от условий ее существования.

Таковы основные проблемы, поставленные и освещенные в рецензируемых работах. Следует отметить хорошие рисунки и фотографии, выполненные художниками В. И. Агафоновым, В. В. Вороновой и Ю. А. Аргиропуло, позволяющие наглядно представить характеризующие элементы материальной культуры, что значительно дополняет текстовую часть. К сожалению, их очень мало, особенно цветных, хотя в распоряжении авторов, как мне известно, имеется большой иллюстративный материал. Было бы желательно его опубликовать. Это значительно расширит представление о многообразии форм материальной культуры, выработанных русскими в Сибири.

Следовало бы также приложить к книге географическую карту рассматриваемой территории и выделить на ней отдельные локальные группы русских, культурно-бытовые различия которых описаны в работе. Думаем, есть основание говорить о возможности выделения в будущем на обширной территории Сибири крупных историко-этнографических областей, связанных с особенностями формирования в них русского населения.

В целом авторский коллектив этнографов-сибиреведов проделал огромную работу. Созданы труды, имеющие большое теоретическое и практическое значение. Они, несомненно, вносят значительный вклад в изучение истории формирования и развития культуры и быта русских в одном из многонациональных регионов нашей страны, а тем самым и в решение проблемы формирования общечеловеческой культуры, выявления многообразия ее форм. Несомненно, что основная задача, поставленная авторским коллективом — раскрытие общности русской народной культуры в разных регионах, заселенных русскими, и ее типологических особенностей в Сибири успешно выполнена. Думаем, что на очереди создание подобных работ по другим элементам материальной культуры — утвари, транспортным средствам, орудиям производства и др.

Э. С. Литвин

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ [Учебники и учебные пособия последних лет]

Советские фольклористы в последние 10 лет активно и плодотворно работали над проблемами происхождения русского эпоса, структуры сказки, специфики так называемой несказочной прозы. Новые наблюдения углубили также понимание свойств обрядовой поэзии, народной лирики, проблем фольклоризма писателей прошлого и настоящего. Движение научной мысли не могло не отразиться на постановке филологи-

ческого образования, начальным этапом которого является изучение народного творчества.

Первое место в процессе изучения русского фольклора, как и всякой другой научной дисциплины, всегда занимал и продолжает занимать учебник. В конце 70-х годов появились учебник Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина для университетов (Русское устное народное творчество. М.: Высшая школа, 1977) и написанное авторским коллективом под редакцией А. М. Новиковой учебное пособие для пединститутов (Русское народное поэтическое творчество. М.: Высшая школа, 1978). Последнее представляет собой переработанное и дополненное издание того же пособия 1969 г.¹ Заново написаны главы о былинах (Б. А. Рыбаков и А. М. Новикова), сказках (М. А. Вавилова), несказочной прозе (А. И. Лазарев). Пересмотрены и другие главы, но общее построение книги осталось прежним.

Объем и содержание этих учебников соответствуют действующим программам. В книге Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина основная часть посвящена рассмотрению отдельных жанров в их историческом развитии. После нее следует очерк истории русского фольклора в целом. В пособии под редакцией А. М. Новиковой материал дается по периодам русской истории: фольклор феодализма, капитализма и советский фольклор. И в первом, и во втором случаях в композиции учебника совмещается обязательный для советской науки принцип историзма с исследованием столь значимой для народного творчества категории жанра. При этом всегда возникают серьезные трудности, поскольку при восстановлении многовековой истории фольклора неизбежен ретроспективный подход. Боязнь повторения выводов и фактов, уже приведенных в связи с теми или иными жанрами, делает исторический очерк в книге Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина чрезмерно сухим и абстрактным. Долговечность фольклорных жанров мешает строгому ограничению их теми хронологическими рамками, в которые они уложены учебным пособием под редакцией А. М. Новиковой. Большинство произведений в нем отнесено к эпохе феодализма, хотя совершенно очевидно, что многие из них возникли еще в доклассовом обществе. Рабочий фольклор рассматривается только в разделе «Эпоха капитализма», несмотря на то что в него вошли сказы и песни, порожденные еще докапиталистической феодально-крепостнической действительностью.

Недостатки учебной литературы — отражают состояние нашей фольклористики, в свою очередь обусловленное спецификой самого предмета изучения. Органически сочетать исторический и жанровый принципы в учебных пособиях станет возможным лишь тогда, когда их авторы смогут опереться на дальнейшие успешные исследования истории русского народного творчества.

Не легкой задачей для создателей учебных пособий становится также определение специфики фольклора. Поскольку единой, общепринятой дефиниции еще не существует, трактовка понятия «фольклор» в новых учебниках не совпадает. Более глубока и точна она, на наш взгляд, в учебнике Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина, где раскрыта диалектика коллективного и индивидуального начал в народном творчестве; отмечены его устный характер и сохранение синкретизма, а кроме того, введен особый раздел о соотношении интернационального и национального в фольклоре, в частности в русском. Последняя проблема в учебной литературе впервые ставится и решается как проблема теоретическая, связанная с самой сущностью изучаемого предмета.

Более традиционное и не всегда точное определение специфики фольклора дается в пособии для педагогических вузов. Так, нельзя безоговорочно принять утверждение, что поэтическое творчество русского народа в основном делится на эпос, лирику и драму (с. 4). Не укладываются в эти рубрики ни обрядовая поэзия, ни афористические произведения, ни несказочная проза с ее информативной функцией, ни, наконец, игровой детский фольклор. Недостаточно подчеркнута эстетическая значимость синкретизма, о нем говорится только как о сохранившемся пережитке прошлого (с. 8). Односторонне решена и проблема художественного метода фольклора, который характеризуется как «своеобразный реалистический», изображающий действительность «крупным планом» (с. 9). Художественный метод волшебных сказок, величальных песен, колыдок о серебряных воротах и золотых теремах, колыбельных, воплотивших мечты матери о счастливом будущем ребенка, социально-утопических легенд и т. д. вряд ли подойдет под это определение.

В главах об отдельных жанрах и разновидностях русского фольклора как в первом, так и во втором учебниках использованы новые исследования советских ученых; касающиеся вопросов генезиса былин, классификации прозаических жанров, различий между волшебным и фантастическим элементами в сказке и т. п. Впервые в учебной литературе Н. И. Кравцов и С. Г. Лазутин вводят представление о фольклоре как о качественно специфической системе жанров, но необоснованный пробел в этой системе — отсутствие детского фольклора. Нет его и в оглавлении книги. Этот пробел тем труднее объяснить, так как в 60-х, так и в 70-х годах появлялись новые работы и публикации, посвященные этому разделу устного народного творчества².

¹ Учебное пособие под редакцией А. М. Новиковой соответствует программе пединститутов, охватывает курс полностью и практически используется в качестве учебника, поэтому оно и рассматривается вместе с учебником Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина.

² Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск: Западсиб. кн. изд-во, 1970; Литвин Э. С. Песенные жанры русского детского фольклора — Сов. этнография, 1972, № 1, с. 58—67; Мартинова А. Н. Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне. — Русский фольклор, XV. Л.: Наука, 1975, с. 145—155.

В пособии для пединститута детский фольклор давно занял свое место. В работе под редакцией А. М. Новиковой главы о детском фольклоре начисаны В. А. Василенко. Однако обзор традиционного детского фольклора неполон, в него не вошли сказки, окончательно перешедшие от взрослых к детям («Репка», «Курочка ряба», «Жихарка», «Глиняный паренек» и др.). Весьма спорным следует считать отнесение колыбельных песен к «поэзии словесной игры» (с. 136—137), т. е. в один ряд с закличками, прибаутками и небылицами. Особенности жанра — переходного, тесно связанного с лирикой материнства, предназначенного не для возбуждения активных игровых эмоций, а, наоборот, для успокоения, пассивного восприятия слушателем, — таким образом, тушеваются.

Во многом спорна, а подчас и прямо вызывает возражения одна из центральных глав той же книги — глава о былинах. Анализ их исторического содержания, сделанный таким знатоком древней Руси, как Б. А. Рыбаков, безусловно, обогащает нашу учебную литературу. Убедительно доказана необходимость исторического подхода к эпосу. Однако совсем не освещены образы и сюжеты как художественное целое, не тождественное прототипам и протособытиям, не учтены законы поэтического творчества, преобразующего историческую действительность.

В тех случаях, когда сюжет обнаруживает явное несоответствие предполагаемой исторической основе, высказывается мысль о случайных изменениях и возможной путанице. Например, князь Всеслав Полоцкий оказывается забытым прототипом «излишне демократизированного» Василия Пьяницы (с. 203), хотя между образами воина-чародея Волги и выхода из народных цивов Василия Игнатьевича нет ничего общего.

Былина о царе Калине и богатыре Илье Муромце сводится к летописному известию о появлении в 1239 г. под Киевом требующих дани татар (с. 212), несмотря на то что в ней аналогичный эпизод является только завязкой действия. Основная идея произведения, выраженная нарастанием действия: отказ богатырей служить князю, подвиг Ильи Муромца, завершающий апофеоз — полная победа объединенных русских сил и позорное бегство татар — не имеют никаких аналогий с этим летописным рассказом. Идеино-художественная направленность былинны, ее героический пафос, проникающий ее призыв к единению Руси остаются в стороне.

Из-за односторонности анализа, отсутствия данных о специфике сюжетов и характеров раздел о поэтике былин, не связанный с предыдущим изложением, становится чисто формальным. Констатируется наличие в эпосе гиперболизма, ретардации и прочих стилистических особенностей, но чему они служат, какой художественной задаче подчинены, не выясняется.

Несомненное преимущество здесь на стороне книги Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина, в которой историческая основа эпоса рассматривается в единстве с присущими ему поэтическими обобщениями. В ней анализируются сюжеты былин и характеры их главных героев: Святогора (о котором в пособии для пединститута не упоминается), Ильи Муромца, Добрыни. Читатель получает объективное и разностороннее представление о русском эпосе и о различных способах его изучения, причем дискуссионность проблемы отнюдь не снимается, однако используются здесь не только открытия и гипотезы Б. А. Рыбакова, но и отдельные ценные наблюдения В. Я. Проппа.

Полнее и глубже освещена в учебнике Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина и тема современного состояния русского народного творчества. В пособии под редакцией А. М. Новиковой рассматривается советский фольклор в собственном смысле слова, о судьбе традиционных жанров говорится лишь попутно и очень бегло. Во введении к той части книги также недостаточно показано, как в новых жанрах советского фольклора используется живая устная традиция и как отмирают, а порой и неожиданно оскрашают старинные жанры. У Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина эта проблема поставлена и решена в особом разделе «Судьбы традиционных жанров», где дана объективная оценка сказительского творчества 20—30-х годов, которое многие современные исследователи склонны вообще выводить за пределы фольклора.

Но ни Н. И. Кравцов вместе с С. Г. Лазутиным, ни В. А. Василенко (автор главы советском фольклоре в пособии для пединститута) не подчеркнули размах и значение фольклора Великой Отечественной войны — явления поистине уникального как по урным темпам возникновения, так и по силе патриотического пафоса. Здесь уместна да бы даже известная публицистическая окраска, поскольку это необычайно благоприятный материал для патриотического воспитания студенчества.

Нетрудно заметить, что критические замечания, адресованные авторам учебников, исходят преимущественно сложных и спорных вопросов фольклористики. Поэтому они мешают признанию достоинств проявившихся в конце 70-х годов учебников, в которых обобщены результаты изучения истории, стилистики и функций различных жанров сского фольклора. Следует отметить также большое количество иллюстраций (портреты ученых, мастеров-сказителей, образцы вышивок и резьбы и т. п.) в учебнике И. Кравцова и С. Г. Лазутина, а в пособии под редакцией А. М. Новиковой — остоту и доступность изложения. Обе книги своевременно получили высокую оценку печати³.

Полезное и важное дополнение к названным выше учебникам — новая книга Г. Лазутина «Поэтика русского фольклора» (М.: Высшая школа, 1980), вышедшая с

³ Рецензии на учебник Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина: *Азбелев С. Н.* — Русская литература, 1978, № 4, с. 173—176; *Гудошников И. Я.* — Филологические науки, 1978, 5, с. 113—115. На учебное пособие под редакцией А. М. Новиковой: *Михнюке-В. А.* — Русская литература, 1979, № 4, с. 213—216.

рифмом «Учебное пособие». Нельзя не согласиться с автором, который в предисловии утверждает: «Наибольшие затруднения студенты испытывают при уяснении вопросов поэтики, художественной формы фольклорных произведений» (с. 3). В книге удачно выбраны наименее изученные темы: источники и формы метафоры в загадках, характер символических образов и особенности композиции лирической песни, эпитеты в частушке. Раздел о роли ритма и рифмы в прозаических сказочных жанрах замечателен новизной наблюдений и выводов.

Странно, что в главе «Ритм, метрика, рифма» исследуется только стих частушки. Возможно, стих былины и лирической песни С. Г. Лазутин считает достаточно изученным, тогда нужно оговорить этот пропуск в предисловии, как сделано по отношению к былинному гиперболизму (с. 10).

В заключении к книге даны рекомендации студенту, следуя которым он может проверить, насколько усвоил содержание пособия и выбрать направление для самостоятельной работы над курсовой или дипломом по поэтике фольклора. Эти рекомендации могли быть точнее и конкретнее, например следовало бы привести перечень хотя бы нескольких тем.

Своеобразный путеводитель по основной и вспомогательной учебной литературе, начиная с 30-х годов (от книги Ю. М. Соколова «Русский фольклор» и хрестоматии Н. П. Андреева), представляет собой пособие В. П. Аникина «Русское устное народное творчество (фольклор). Методические указания для студентов-заочников филологических факультетов государственных университетов» (М.: Изд-во МГУ, 1981). Пособия такого типа крайне необходимы при заочной форме обучения. Они должны быть разными для университетов, педагогических институтов, институты культуры, так как не совпадают ни программы, ни требования к студентам высшей школы разного профиля. Остается лишь пожалеть, что работа В. П. Аникина — единственная за последние пять лет.

Цель и задачи пособия четко сформулированы в начале работы: «Дать методологические и методические указания для усвоения наиболее сложных проблем курса. Пояснения даны к таким вопросам, которые в учебной литературе получили разное решение» (с. 3). Эти установки систематически выдерживаются в пособии. Его ценность определяется также тем, что, критически рассматривая учебники, хрестоматии и монографии по фольклору, В. П. Аникин рекомендует студенту-заочнику, в какой мере и по каким вопросам их можно использовать, даже если они давно изданы и в известной степени устарели.

Большой педагогический опыт автора чувствуется в постановке вопросов к каждой теме, помогающих понять главные особенности проблемы или жанра, а также в адресованных читателю предупреждениях от возможных ошибок. Подчеркивая значение темы «Классики марксизма-ленинизма о фольклоре», В. П. Аникин предупреждает, как опасно механическое заучивание отдельных высказываний вне связи с общей методологией (с. 14).

На основе этого опыта выделены темы, сравнительно полнее и подробнее освещенные: место и значение курса в ряду филологических дисциплин, понятие о народном творчестве, история русского фольклора, сказка и действительность, былина, народная лирика, фольклор и литература. Все они относятся к числу либо дискуссионных, либо трудных для самостоятельного изучения. В этих главах подчеркнуты и удачно сформулированы многие положения, имеющие методологически первостепенное значение. «Влияние фольклора на литературу,— справедливо утверждает, например, В. П. Аникин,— может обретать не очевидные, но внутренние, скрытые формы, которые станут понятны, если изучить основы идейно-эстетических представлений и понятий художника» (с. 72).

Но есть в этом содержательном пособии некоторые, на наш взгляд, субъективные оценки. Очень высоко оценивая главу о былинах во втором издании учебника под редакцией А. М. Новиковой, В. П. Аникин говорит только о сильной стороне этой главы, которая заключается в «последовательном проведении исторического взгляда на происхождение и развитие былины» (с. 52), и не указывает, что ее слабой стороной является отсутствие анализа былины как художественного произведения. Он сам вынужден внести необходимые коррективы и подробнее остановиться на характеристиках героев эпоса, в учебнике ограниченных поисками прототипов.

Весьма спорная оценка дана сказительскому творчеству 20—30-х годов. При всей его бесперспективности нельзя утверждать, что «они (новые сказки и былины.— Э. Л.) не имеют ни малейшего отношения к традиционному фольклору» (с. 18). Они выросли именно на почве традиции, которую не смогли ни преодолеть, ни обогатить. Их появление было закономерным, это становится совершенно ясным при рассмотрении аналогичных процессов в творчестве других народов СССР.

Выявляя специфику народной песни по сравнению с литературной поэзией, В. П. Аникин приходит к следующему выводу: «Песня приобщает певца и слушателей к такому душевному волнению, результатом которого должно стать усвоение этических ценностей» (с. 60). Но разве лирика большого поэта не оказывает такого же нравственного воздействия?

Кроме учебников и учебных пособий при самостоятельной подготовке студенту значительную помощь оказывает хрестоматия, особенно необходимая при изучении курса народного творчества. Вариантность произведений и особые принципы текстологии (сохранение форм устной речи, имеющих художественное значение) требуют тщательного отбора и редактирования текстов. Оба издания учебного пособия для пединститутов под редакцией А. М. Новиковой дополнялись выпуском хрестоматии (первое — 1971 г., второе — 1978 г.). Второе издание хрестоматии, как и само пособие, было пере-

работано. Снято обширное предисловие, в значительной степени дублировавшее учебник. Пополнен популярными в русском репертуаре произведениями раздел сказок («Три царства», «Морозко», «Царевна-лягушка», «Об Иване-царевиче и сером волке»). Введены новые разделы: «Трудовые песни», «Несказочная проза».

Не всегда, однако, оправданы изменения в составе и оформлении раздела «Былины». Примечания к текстам касаются исключительно исторического приурочения сюжетов и буквально совпадают с главой учебного пособия. Плохо представлены былины о главном герое киевского цикла — Илье Муромце, их всего две («Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Калин-царь»). Отсутствуют былины с международными сюжетами, требующие постановки проблемы типологических параллелей («Илья Муромец и Сокольник», «Добрыня и Алеша»). Убрана единственная в своем роде былина-скоморошина «Вавила и скоморохи», свидетельствующая о родстве русского эпоса с европейским искусством эпохи средневековья и в то же время о неповторимом национальном своеобразии русской традиции.

Если хрестоматия под редакцией А. М. Новиковой опирается на большой опыт аналогичных изданий, то хрестоматия, составленная Ю. Г. Кругловым, впервые адресована будущим преподавателям русского языка и литературы в национальной школе, следовательно, студентам из разных республик Советского Союза (Русское народное поэтическое творчество, Л.: Просвещение, 1981). Необычное назначение книги потребовало от составителя не только максимальной вдумчивости при отборе текстов, но и новых методических приемов подачи материала. Эта весьма нелегкая задача успешно решена Ю. Г. Кругловым. Хрестоматия составлена с большим вкусом, отобраны произведения подлинно классические для русского фольклора. Они сопровождаются необычно большим для таких изданий словарем, содержащим слова, которые могут быть непонятны нерусскому студенту: «вечерка», «жаловать» и т. п. Хрестоматия снабжена также обильными иллюстрациями, причем изображаются обычные для Руси предметы быта либо реалии русской старины: шуба, хлебница, колымага, щит и пр.

Ссылаясь на учебники и лекционные курсы, Ю. Г. Круглов отказался от вступительной статьи и свел до минимума примечания, в большинстве случаев указывая лишь на источники текста. Между тем во вступлении можно было поставить методологически и методически очень важную проблему, как правило, не затронутую или только намеченную в учебниках⁴, — проблему сходства и различия русского фольклора и творчества народов СССР. Примеры связей и параллелей между родным, обычно хорошо знакомым студентам из национальных республик и еще чуждым для них русским фольклором оживляют предмет изучения и облегчают усвоение нового материала. Сказки и эпос, обрядовый и детский фольклор, загадки и поговорки, советское народное творчество дают богатейший материал для установления идейно-художественной общности при ярко выраженном своеобразии труда, быта, природы, истории каждого народа.

Другой тип хрестоматии, также утвердившийся в учебной практике, — сборники произведений одного жанра или группы родственных жанров. Две хрестоматии такого типа составил В. Н. Морохин: «Прозаические жанры русского фольклора» (М.: Высшая школа, 1977) и «Малые жанры русского фольклора» (М.: Высшая школа, 1979). Обе книги, несомненно, полезны, так как позволяют студенту познакомиться с многими произведениями, которые не могли войти в общую хрестоматию по всему курсу. Прежде всего такое знакомство необходимо для понимания жанров несказочной прозы, очень скупо представленных в хрестоматиях общего профиля. Однако эти жанры требуют чрезвычайно строгого отбора и критического отношения к источникам, так как критерий художественности здесь применим лишь с большой осторожностью, степень коллективности бытования далеко не всегда выявлена, среди публикаций немало подделок и литературных обработок.

Некритическое отношение к материалу сказалось и в первой из названных выше работ В. Н. Морохина. Предания о Суворове в его хрестоматии (№ 21 — «Однажды убийца» и № 28 — «В альпийском походе») явно фальсифицированы. Их казенно-патриотическая направленность и риторически-слащавый стиль чужды подлинному солдатскому фольклору. Источник — публикация А. В. Елисеева, в которой записи собирателей перемежаются с сообщениями, почерпнутыми из печати начала XIX в. — ненадежен⁵. Целесообразнее, на наш взгляд, было бы использовать предания о Суворове, записанные собирателем уральского фольклора В. П. Бирюковым⁶.

В обширной вступительной статье составитель в основном рассматривает вопрос о классификации сказок, различно решавшийся учеными различных школ и направлений. Думается, что во вступительной статье следовало бы за счет сокращения этого раздела поставить вопрос о своеобразии русского сказочного репертуара, который в учебниках освещается недостаточно.

Больше нового материала читатель-студент найдет среди преданий, легенд, быличек, устных рассказов. В. Н. Морохин подобрал тексты, более или менее характерные для каждого вида несказочной прозы. К сожалению, бедно представлен фольклор Великой Отечественной войны: в разделе «Сказы и устные рассказы» помещены всего два

⁴ Так, в разделе «Русский фольклор и фольклор народов СССР» в повести под редакцией А. М. Новиковой нет ни одного конкретного примера, вся проблема освещена крайне схематично.

⁵ Елисеев А. В. Народные предания о Суворове. — Древняя и новая Россия, 1879, т. 1, с. 334—348.

⁶ Бирюков В. П. Фольклор Урала. — В. I. Исторические сказы и песни. Челябинск: Челябинское обл. изд-во, 1949, с. 32—34.

текста — «1 орячее сердце» о Панфилове и «Рассказ матери о Сергее Тюленине» (№ 4 и 42). При всей своей актуальности оба рассказа совершенно лишены примет коллективного бытования. Совсем не использован партизанский фольклор: рассказы и анекдоты о Ковпаче и других командирах, антифашистская сатира — произведения, действительно бытовавшие в широких народных массах.

Большое количество произведений, полнота бытовоей, нравственной, социальной тематики — преимущество другой хрестомати, составленной В. Н. Морохиным (в нее вошли пословицы, поговорки, загадки). Но композиция сборника для учебных целей неудобна. Прав В. П. Аникин в оценке этого пособия: «Составитель избрал далеко не лучшую в учебном отношении подачу материала в виде выдержек из публикаций разного времени — от рукописных сборников XVII—XVIII вв. до антологий наших дней. Такое расположение материала больше соответствует историографическим целям, чем изучению самого материала»⁷. В. Н. Морохин в предисловии обосновал такое построение пособия тем, что расположение записей в хронологическом порядке позволит студентам-филологам проследить эволюцию текстов (с. 3). Такая задача, принимаемая во внимание устойчивость и долговечность афористических жанров, вряд ли по силам начинающим филологам. К тому же составитель не снабдил их, сколько-нибудь надежными критериями для определения возраста пословиц, который вовсе не обязательно совпадает с датировкой рукописного или печатного сборника.

Недостатком сборника является также безоговорочное включение в него наряду с народными пословицами изречений, почерпнутых из книжных источников, особенно в разделе «Советский фольклор». Из далеко не безупречного сборника А. М. Жигулева⁸ заимствованы изречения: «Хорошая книга — искренний друг», «Наука дает крылья уму» и т. д. (с. 186). Не выделены пословичные афоризмы литературного происхождения, например: «А в сердце льстец всегда отыщет уголок» (с. 166).

Самым распространенным типом учебных пособий в последние годы стали пособия-монографии, в которых освещаются отдельные темы курса. Монографические пособия опираются на предварительные исследования, предпринятые, а часто и ранее опубликованные их авторами. Самостоятельность суждений, новизна и обилие материала, постановка дискуссионных проблем — отличительные особенности пособий такого типа. Обычно они предназначаются для заочного обучения, но практически используются и студентами дневных факультетов.

Несколько таких пособий, отличающихся высоким научным уровнем, выпущено кафедрой фольклора МГУ. Выбор тем для них прочно обоснован отсутствием единой, общепринятой трактовки этих тем в советской науке; привлечением новых записей, экспедиционных и архивных материалов; полной историографией и библиографией.

Работа А. В. Кулагиной «Русская народная баллада. Учебно-методическое пособие по спецкурсу для студентов-заочников филологических факультетов университетов» (М.: Изд-во МГУ, 1977) посвящена жанру, не так давно завоевавшему право на самостоятельную главу в учебниках, не получившему еще достаточно четко обозначенных границ и законченного общепринятого определения. После подробной историографии вопроса автор исследует соотношение эпического и лирического начал в балладах, характер конфликта в этом жанре, связи его с исторической песней и народной лирикой. Выявляются специфические черты баллады: трагическое в форме преступления, антитеза губителя и жертвы, осуждение насилия и несправедливости. Эстетическое и этическое значение русской баллады показано в пособии убедительно.

Содержательна и насыщена новым фактическим материалом (редкие записи и публикации, извлечения из архивов, данные экспедиций советского периода) книга Н. И. Савушкиной «Русская устная народная драма. Учебное пособие по спецкурсу для студентов-заочников филологических факультетов университетов»: в. I — Классификация и сюжетный состав (М.: Изд-во МГУ, 1978); в. II — Вопросы поэтики (М.: Изд-во МГУ, 1979). Автором выдвинута и доказана концепция сравнительно позднего генезиса народной драмы в России, принципиального ее отличия от более древних обрядов и зрелищ, сильного воздействия литературы на сюжеты и стиль «Царя Максимилиана», «Лодки» и других произведений. Н. И. Савушкина приходит к выводу, что стиль народной драмы отличается от классического стиля традиционного фольклора, но весьма типичен для жанров, испытавших влияние профессионального искусства на поздних этапах своего развития (в. II, с. 56).

Большим объемом и острой полемической направленностью отличается работа В. П. Аникина «Теоретические проблемы историзма были в науке советского времени. Учебное пособие» (М.: Изд-во МГУ, в. I и II, 1978; в. III, 1980). Ученый выбрал одну из важнейших и поныне вызывающих серьезные методологические расхождения проблем фольклористики. Исследования, посвященные русскому эпосу, начиная с 20-х годов и кончая современными опытами структурлистского подхода, рассматриваются им в связи с понятиями традиционности, коллективности, типологического сходства в фольклоре. В. П. Аникин показывает слабые стороны эстетико-психологической концепции А. П. Скафтымова; преувеличение индивидуального творчества и роли сказителя у Ю. М. Соколова и др. Убедительно подчеркнута перспективность далеко еще не освоенного нашей наукой историко-сравнительного и историко-типологического методов, намеченных в трудах об эпосе В. М. Жирмунского.

⁷ Аникин В. П. Русское устное народное творчество (фольклор). Методические указания для студентов-заочников. М.: Изд. МГУ, 1981, с. 94.

⁸ Русские народные пословицы и поговорки/Составил Жигулев А. М. М.: Московский рабочий, 1965.

В третьем выпуске пособия содержится развернутая характеристика «советской исторической школы» (А. И. Никифоров, В. И. Чичеро, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков). Методологию и методику, наиболее последовательно примененную В. И. Чичеровым и Д. С. Лихачевым, автор считает наиболее перспективными. В то же время В. П. Аникин предостерегает от повторения ошибок старой исторической школы, реди-дивы которой он находит у А. И. Никифорова. Здесь же дана заслуженно высокая, но и критически обоснованная оценка вклада Б. А. Рыбакова в изучение эпоса.

Однако при характеристике деятельности советских фольклористов полемическая направленность подчас приводит автора к оценкам, требующим значительного уточнения. Так, если работы Ю. М. Соколова и В. Я. Проппа оцениваются более или менее объективно, то заслуги А. М. Астаховой явно преуменьшены, а ошибки преувеличены. Рассматривая работы М. К. Азалавского о мастерах народного искусства, В. П. Аникин не считает с тем, что ученый исходил из наблюдений не над былинной, а над сказкой — жанром, в жизни которого традиция предоставляет исполнителю гораздо больше свободы. Е. М. Мелетинский и Б. Н. Путилов, много потрудившиеся в современной фольклористике, вообще упоминаются только в негативном плане. Нельзя не учитывать, что перед нами учебное пособие, читатели которого — студенты-первокурсники. Многие имена они видят и слышат впервые.

По богатству материала и тщательности стилистического анализа к перечисленным выше изданиям приближается монография Ю. Г. Круглова «Русские свадебные песни. Учебное пособие для студентов педагогических институтов» (М.: Высшая школа, 1978). Кроме обычных разновидностей свадебной поэзии — величальных, лирических, корильных песен — автор выделяет немногочисленные, но специфические по содержанию и месту в обряде заклинательные и юридически-бытовые жанры. Поэзия русской свадьбы рассматривается в тесной связи с драматической стороной обряда и воздействием необрядовых произведений, что придает книге необходимую полноту. Особенность работы Ю. Г. Круглова — сочетание в ней исследования с хрестоматией: в виде приложения опубликовано более 200 разнообразных текстов, позволяющих читателю представить себе богатство и красоту русской свадебной песни.

Пособия А. В. Кулагиной, Н. И. Савушкиной, В. П. Аникина, Ю. Г. Круглова при общих достоинствах, главное из которых — полноценное отражение как успехов, так и «белых пятен», фольклористики сегодняшнего дня, имеют и один общий недостаток — слабость методического оснащения. Авторы возбуждают творческую мысль студента, заставляя его заинтересоваться народным творчеством и наукой о нем, но не называют конкретных, желательных или обязательных (для спецкурсов) форм самостоятельной работы. Ю. Г. Круглов пишет: «При отборе текстов автор стремился дать материал для выработки у студентов навыков прежде всего поэтического анализа художественного произведения... Свадебная поэзия — благодатный материал для самостоятельных в полном смысле этого слова студенческих научных разысканий» (с. 3—4). Но какие именно навыки и каким путем нужно их выработать, какие темы разысканий предпочтительнее для начала, он не разъясняет. Не делают этого и другие авторы. В пособиях отсутствуют контрольные вопросы для повторения, не указывается, каким образом подводятся итоги спецкурсов. Не выделены рекомендуемые главы и страницы в обширных библиографических справках. Однако ни один студент не в состоянии прочесть всю литературу, перечисленную в каждом монографическом пособии.

Этот упрек относится и к пособию В. Н. Морохина «Русский сказочный эпос на современном этапе» (Горький: Изд-во Горьковск. ун-та, 1979). В нем привлекают как заявка на актуальную тему, так и широкое использование собственных и студенческих записей. Однако заглавие работы много шире ее содержания: речь идет не о сказке в целом, а лишь о сказках о животных. Выбор этого жанра слабо обоснован в предисловии. Во введении дублируется материал, излагающийся во всех учебниках.

Главное место в пособии занимает сопоставление вариантов по тематическим гнездам и типическим образам. Анализ вариантов и деталей производится тщательно, окончательные же выводы противоречивы. То В. Н. Морохин утверждает, что сказки о животных «живут, развиваются и угасают по тем же законам, как и в прошлом» (с. 70), то они оказываются «оттесненными» литературой, кино, радио и телепередачами» (с. 72). Полный картины современного бытования жанра не создается, потому что автор не обращается к свидетельствам других советских собирателей и не уделяет достаточного внимания исполнителям, аудитории, ее реакции. Данные о рассказчиках сообщаются минимальные (фамилия и возраст). Ничего не говорится о том, в какой обстановке происходит исполнение, каков состав слушателей и их отношение к сказке. Исследователь не задумывается над тем, что среди исполнителей явно преобладают пожилые женщины, и лишь однажды отмечает изменение текста под воздействием требований детской аудитории (с. 47). Поэтому в пособии отсутствует основной вывод: старинные связи сказок о животных с народной педагогией в советское время стали решающим фактором их устного бытования.

Странный случай отсутствия не только методической оснащенности, но и определенности читательского адреса представляет собой изданная с грифом «Учебное пособие» Иркутским педагогическим институтом книга В. С. Левашова «Былина в Забайкалье» (Иркутск, 1980). Содержание и построение этой работы вполне отвечают поставленной автором задаче: «Обобщить известные нам материалы, выяснить состав и характер былинного репертуара забайкальцев, степень его сохранности, черты своеобразия» (с. 6). Но остается неясным, связана ли эта задача с курсом фольклора, экспедиционной практикой или групповыми занятиями; предназначено ли пособие для основной или заочной формы обучения; включен ли отсутствующий в программе вопрос о местном эпическом репертуаре в экзаменационные билеты или избран другой способ

провери усвоения предлагаемого материала. Подобная работа была бы вполне уместна в краеведческом сборнике или ученых записках, но название учебного пособия она не оправдывает.

В книге В. П. Автономовой «Художественное своеобразие фантастики в русском героическом эпосе. Пособие по спецкурсу для студентов заочного отделения филологического факультета» (Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1981) удачно сочетается выбор научной проблематики с ярко выраженной методической ориентацией. По справедливому замечанию автора, фантастика как самостоятельная эстетическая проблема в былинах не рассматривалась. В первой, вводной части работы В. П. Автономова доказывает органичность фантастических элементов эпоса. Она убедительно полемизирует как со сторонниками исторической школы, недооценившими фантастику (Б. А. Рыбаков, Р. С. Липец), так и с исследователями, которые художественный вымысел в эпосе представляли преимущественно в мифологических формах (В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов).

Во второй части пособия с этих же позиций рассматриваются отдельные былинные сюжеты. Примером фантастики, соотносимой с историческими событиями, служит былина «Добрыня и змей». Другой тип фантастики, оразивней мировоззрение, обычаи и бытовые традиции русского средневековья, иллюстрируется сюжетом «Добрыня и Маринка». Фантастика, восходящая к архаическим языческим обрядам, воплотилась в былине о Михаиле Потыке. Те или иные наблюдения В. П. Автономовой можно оспаривать, но проделанная ею работа открывает многие новые черты в давно известных произведениях русского эпоса.

Пособие завершается заданием студенту самостоятельно, в письменном виде проанализировать одну из былин, которые перечислены составительницей. Сформулированы также контрольные вопросы для коллоквиума, завершающего спецкурс. Выполнить такое задание нелегко, зато навыки самостоятельной работы над текстом, безусловно, будут приобретены.

К сожалению, издается мало пособий, помогающих преподавателям высшей школы в организации учебного процесса. Опыт работы лучших педагогических институтов страны обобщается в работе А. М. Новиковой и С. А. Джанумова «Практикум по курсу „Устное народное поэтическое творчество“. Для студентов-заочников I курса факультета русского языка и литературы педагогических институтов» (М.: Просвещение, 1980). Авторы рассматривают различные методы проведения занятий: групповые обсуждения, индивидуальные задания в пределах общей темы, коллективный доклад, самостоятельно подготовленные несколькими студентами сообщения. При этом выясняются преимущества и недочеты каждого из них.

Названо восемь тем по основным жанрам классического фольклора и две по советскому народному творчеству. Пожалуй, только слишком мало времени рекомендуется отвести на былины и сказки (по 2 часа) и неоправданно много — на народную лирику (8 часов из 16).

К каждой теме подобраны тексты, библиография, сформулированы примерные задания и контрольные вопросы для студентов и, что особенно важно, даны методические указания для преподавателей, помогающие им при подготовке и проведении занятий. Так, например, авторы советуют при руководстве занятиями обращать внимание студентов на формы и методы использования фольклора на уроках в школе, учитывать возможность собирательской работы слушателей и провести с ними беседу по методике записи.

Большой методический опыт обобщен также в книге А. М. Новиковой и Е. А. Александровой «Фольклор и литература. Семинарий. Учебное пособие для педагогических институтов» (М.: Просвещение, 1978). Семинарий рассчитан на студентов старших курсов, уже знакомых с историей русской дореволюционной литературы. Цель занятий — углубить понимание фольклора как идейно-художественной основы русской литературы, а в широком смысле — всей русской культуры. С этой целью впервые введены в пособие на эту тему вопросы «Фольклор и русское искусство», «Сказки и былины в кино», которые, несомненно, заинтересуют студентов.

Большое количество предложенных тем различного масштаба, от обзорных (типа «Песни литературного происхождения первой половины XIX века») до ограниченных анализом одного произведения («Источники народной драмы „Царь Максимилиан“»), предоставляет участникам семинара возможность выбора. Выбор темы облегчается благодаря наличию краткого перечня близких к фольклору произведений того или иного писателя, а также тому, что указаны основные способы индивидуального освоения народного творчества художником. Подчеркнуть эти аспекты в каждой теме авторам семинария, как правило, удается, тем не менее не обошлось и без некоторых исключений.

Так, в теме № 90 — «Фольклор в педагогической деятельности Л. Н. Толстого» обработка былин и сказок в «Азбуке» и «Книжках для чтения» изображена как чисто экспериментальная, решающая лишь задачи обучения и воспитания, словно, учительству в Яснополянской школе, Толстой перестал быть великим художником. Даже не упоминается, что образцы родного фольклора, введенные в детскую книгу гениальным мастером, стали классикой русской детской литературы. Показательно, что и в библиографической справке по этой теме отсутствуют работы о Толстом — писателе для детей.

Слабее других раздел «Творческие связи фольклора и литературы в XX веке (до 1917 г.)». Вводная часть к нему занимает всего полстраницы. Беглость приводит к неточности. А. А. Блок целиком отделен от символизма и оказывается в одном ряду с А. М. Горьким и писателями «Знания» (с. 118). Символизм получает исключительно негативную оценку, хотя обвинение в «нигилистическом отношении» к народному творчеству по отношению к большинству символистов несправедливо. Не всегда они искали

в фольклоре лишь религиозно-мистические мотивы: В. Я. Брюсов сумел услышать голос современной ему городской улицы, К. Д. Бальмонт познакомил русского читателя с легендами и мифами Океании и т. д.

Среди писателей начала XX в. пропущен Н. Г. Гарин-Михайловский, собиратель и издатель корейских сказок, автор и поныне популярных сказок для детей, буквально насыщенных фольклорными реминисценциями. Вызывает недоумение тема № 103 — «Фольклор в творчестве А. И. Куприна и С. Г. Скитальца». Зачем объединять столь непохожих друг на друга писателей? К тому же связи прозы Куприна с фольклором намечены неполоно: упомянуты повести и рассказы о старой армии и так называемый «полесский цикл», но ничего не сказано о легендах, заимствованных из русского и восточного фольклора («Аль-Исса», «Демир-Кая», «Кисмет», «Пегие лошади»).

Неполон и перечень произведений в теме № 104 — «Фольклор в творчестве А. А. Блока». Отсутствует «Песня судьбы», где такую огромную роль играют символические образы вьюжной ночи и мудрого старика-коробейника. Не упомянут «Соловьиный сад», сюжет которого построен на типичном для сказки «выпадении из времени». Фольклоризм А. А. Блока настолько сложен и многогранен, что его вообще следовало бы представить не одной, а несколькими темами.

Очень своевременно издана работа Ю. Г. Круглова «Фольклорная практика. Пособие для преподавателей и студентов педагогических институтов» (М.: Просвещение, 1979). Актуальность пособия определяется тем, что по новому учебному плану с 1978 г. для студентов стала обязательной фольклорная практика. В пособии содержатся многочисленные полезные рекомендации о заблаговременной подготовке к проведению практики на кафедре и на факультете, о выборе места для экспедиции, налаживании контактов с населением, местных советами и органами информации.

Кроме указаний методического и организационного характера в пособии обобщен опыт дореволюционных и советских собирателей, Ю. Г. Круглов ссылается на советы, наблюдения, предупреждения Н. Е. Ончукова, А. М. Астаховой, Н. П. Колпаковой, Д. М. Балашова, Н. И. Савушкиной. Хорошо раскрыто самостоятельное значение фольклорной практики, пробуждение у студентов любви к народному искусству, приобщение их к научной деятельности.

В книге много живых наблюдений автора над современным состоянием народного творчества, интересные обращения к собственной экспедиционной практике, характеристики исполнителей, бытовые сценки, сопровождавшие процесс записывания текстов. Все это выгодно отличает работу Ю. Г. Круглова от обычных инструкций и методических указаний о собирании фольклора.

Перечисленные выше учебники, хрестоматии, пособия дают прочную научную основу для изучения русского фольклора в высшей школе. Все вместе они отражают поиски и находки советской фольклористики; более мобильные пособия помогают более стабильным учебникам «догонять» ее; подводя итоги дискуссий, подключая новые факты и концепции. В то же время заметно, что еще недостаточно учитывается в учебной литературе другая, не менее важная задача советской высшей школы — воспитательная. Воспитание навыков самостоятельной работы, приобщение к научному творчеству начинается с первых месяцев студенческой жизни. Все разновидности учебной литературы должны ориентироваться не только на освоение предмета, но и на пробуждение активности читателя, которому нужно помочь в выборе путей и форм самостоятельной подготовки и выработки исследовательских навыков.

НАРОДЫ СССР

Я. С. Смирнова. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М.: Наука, 1983. 264 с.

Советское кавказоведение за последние два десятилетия сделало значительный шаг вперед в области изучения семьи и семейного уклада в прошлом и настоящем у различных народов Северного Кавказа, о чем свидетельствует большое число публикаций на эту тему. Однако обобщающих трудов по северокавказской семье до сих пор не было. Поэтому появление книги Я. С. Смирновой, представляющей собой итог многих лет исследований автора и первую монографию о семье у народов Северного Кавказа, можно рассматривать как заметное событие в этнографическом кавказоведении.

Рецензируемая книга состоит из введения, трех глав и заключения. Она иллюстрирована и снабжена указателями — именным, предметным, этнических и географических наименований.

Хронологические рамки книги охватывают большой период — со второй половины XIX в. до наших дней, а порой автор совершает экскурсы в первую половину прошлого века. Такой широкий хронологический фон представляется вполне целесообразным, так как без характеристики былой северокавказской семьи и особенностей ее быта было бы, пожалуй, невозможно в полной мере осознать и оценить те поистине огромные качественные сдвиги, которые претерпела семейная организация этого отсталого в прошлом историко-культурного региона за сравнительно короткий срок — 60 лет Со-

ветской власти. Характерно, что автор не просто сопоставляет прошлое с настоящим (было так, а стало так), но дает развернутую характеристику семьи в ее историческом развитии, в динамике, показывая сложные пути и трудности переустройства по существу патриархальной семьи феодального общества в современную социалистическую семью.

Большим достоинством рецензируемой монографии является привлечение широкого и разнообразного круга источников, причем при характеристике каждого нового исторического этапа в развитии северокавказской семьи автор обращается к разным видам источников и применяет разные методические приемы их обработки. Так, глава первая — «Дореволюционная семья и ее быт» — построена главным образом на нарративных источниках, архивных и полевых этнографических материалах; в главе второй — «Семья и семейный быт в первые десятилетия Советской власти» — в большей мере использованы данные периодических изданий, прессы, законодательных материалов; наконец, в главе третьей — «Семья и семейный быт в современную эпоху» — наряду с чисто этнографическими привлекаются статистические материалы, широко применяются данные этносоциологических исследований отдельных народов Северного Кавказа. В этой главе успешно сочетаются собственно этнографические и этносоциологические приемы исследования, что позволило комплексно использовать наиболее действенные методы обеих дисциплин.

Семья и ее быт рассматриваются в книге в самом широком плане: показаны типы и формы семьи, ее численный, поколенный и родственный состав, половозрастное разделение труда в семье и внутрисемейные отношения, положение женщины и воспитание детей, наконец, семья в ее родственном и соседском окружении. Большое внимание уделено семейной обрядности, и здесь в центре исследования обряды жизненного цикла — свадебные, детские, погребально-поминальные. Все без исключения аспекты темы рассматриваются на протяжении всего исследуемого времени, а для многих явлений, в частности обычаев и обрядов, показаны их генезис и последующая трансформация, переосмысление в новых социально-экономических условиях.

Во всех подобных случаях особенно ценным представляется последовательное совмещение исторического подхода с функциональным анализом исследуемых материалов. Это позволяет одинаково хорошо понять как генетические корни ряда историко-этнографических явлений, так и их функциональную роль в той или иной общественно-экономической формации, а в ряде случаев и причины их пережиточного бытования в дореволюционном прошлом и в советское время. Сказанное относится к трактовке автором аталычества, свадебного скрывания, избегания и других институтов и обычаев. В своих историко-этнографических реконструкциях Я. С. Смирнова в одних случаях развивает и углубляет теоретические выводы таких кавказоведов, как М. О. Косвен, В. К. Гарданов, А. И. Робакидзе (институт аталычества, соотношение большесемейной, патронимической и соседской организаций и т. п.), в других — выдвигает принципиально новую точку зрения (например, по поводу функциональных механизмов сохранения обычаев избегания). Сравнительно недавно прошедшая на страницах журнала «Советская этнография» плодотворная дискуссия по критериям подхода к обычаев избегания отразила интерес исследователей к высказанной Я. С. Смирновой в соавторстве с А. И. Першицем формационной оценке некоторых остаточных явлений традиционно-бытовой культуры¹. Теоретическая разработка таких вопросов, вставших при анализе эмпирических материалов этнографии народов Кавказа, выходит за рамки кавказоведения: она важна для понимания более широких закономерностей функционирования отдельных явлений традиционно-бытовой культуры в различные исторические эпохи.

Как уже отмечалось, две главы из трех посвящены семье и ее быту в советское время. Здесь автор совершенно справедливо неоднократно подчеркивает, что прогрессивные изменения, происшедшие и происходящие в этой области у народов Северного Кавказа, — результат прежде всего закономерных процессов выравнивания уровней социально-экономического и культурного развития народов Советского Союза. Соответствующее воздействие на семью и семейный уклад оказали стремительные процессы экономических и культурно-бытовых преобразований в первые десятилетия Советской власти. Как создание общности материальных условий, прочной экономической базы подготавливало почву для преобразования семьи и дальнейших предпосылок ее развития, как происходило постепенное выравнивание особенного и все более яркое проявление общего в семейном укладе, как трудно шла вся эта перестройка и какое огромное внимание уделялось в те годы изживанию вредных обычаев — все эти вопросы автор успешно освещает во второй главе монографии.

Еще более детально характеризуются современная семья и ее развитие у народов Северного Кавказа. На большом этнографическом материале и с привлечением статистических данных автор показывает изменение функций семьи, ее состава и всего семейного уклада. Выявляется огромная роль всех современных процессов (сближения народов СССР, урбанизации и др.) в увеличении доли национально-смешанных браков способствующих сближению семейного быта разных народов региона, его интернационализации и эгалитаризации внутрисемейных отношений. Большое число статистических таблиц, рассчитанных на основании этносоциологических обследований, подтверждает основные положения и выводы третьей главы, посвященной современной семье. Важно отметить, что в этой главе, как и в предыдущей, характеризуется не только сельская но и городская семья и рассматривается влияние городского семейного уклада на сельский.

¹ См.: Сов. этнография, 1978, № 6; 1979, № 1, 5.

Весьма ценным представляется то обстоятельство, что в книге наряду с тщательным описанием современной обрядности северокавказской семьи предлагается ее типологическая классификация. При этом критически осмысливаются сохраняющиеся негативные стороны свадебного и похоронного обрядов и в то же время некоторые обрядовые инновации, не способствующие совершенствованию современного быта. Здесь также имеются теоретически важные разработки: таковы, например, выделенные автором «полутрадиционные обряды» в современных обрядовых циклах, на что уже обращалось внимание на страницах «Советской этнографии»².

Как и всякая большая работа, поднимающая ряд взаимосвязанных вопросов, книга Я. С. Смирновой не свободна от отдельных пробелов и недостатков. В частности, хотелось бы пожелать, чтобы некоторые рассматриваемые в ней вопросы получили свою дальнейшую разработку. Это относится, например, к выделению переходных типов семьи от большой к малой. Автор вслед за Д. А. Ольдерогге обращает внимание на распадное состояние, в котором может находиться большесемейная организация, однако не предлагает критериев типологизации переходных форм семьи, что ослабляет выдвинутую идею. Точно так же хотелось бы дальнейшего развития мысли об отсутствии качественных, социально-экономических различий между соседско-общинной и патронимической организацией: в таком сжатом виде, в каком изложено это положение, оно представляется недостаточно убедительным. Равным образом не аргументирован сколько-нибудь развернуто тезис о том, что патронимическая тамга не является доказательством существования в прошлом общепатронимической собственности на скот. Можно пожелать, чтобы такой интересный показатель, как индекс эндогамности браков, рассчитан на материалах народов только Карачаево-Черкесии, а не всех автономных республик и областей Северного Кавказа. Среди статистических источников почти не использованы такой, как посемейные списки.

Эти замечания не меняют общей очень высокой оценки рецензируемой книги. Монография Я. С. Смирновой, несомненно, отражает современное состояние историко-этнографической науки по проблемам семьи и уровень изученности семьи у народов Северного Кавказа, вводит в научный оборот обширный новый полевой и архивный материал, содержит интересные новые теоретические обобщения и аргументированную новую трактовку ряда историко-культурных явлений. В целом перед нами капитальное этнорегиональное исследование северокавказской семьи и ее быта, которое займет достойное и прочное место в этнографическом кавказоведении.

Е. Н. Данилова

² См.: Гурвич И. С. Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза. — Сов. этнография, 1982, № 6.

З. П. Соколова. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 325 с.

Монография состоит из введения, трех глав (из которых первые две посвящены фратриальному устройству общества хантов и манси, а последняя — третья, проблеме рода у этих народов) и заключения. Сразу же отметим, что социальной организации обских угров в советской литературе посвящено немало работ, среди которых прежде всего следует назвать труды С. В. Бахрушина, Н. Н. Степанова, В. Н. Чернецова, З. Я. Бояршиновой. Но работа З. П. Соколовой, которая в значительной степени подводит итог ее предшествующим исследованиям в этой области, в ряде отношений выгодно от них отличается. И дело не только в том, что автор кроме литературных источников использует данные своих собственных полевых исследований. З. П. Соколовой удалось выявить и ввести в научный оборот новые материалы, которые позволили ей проследить историю социальной организации хантов и манси на протяжении более чем двух столетий. Раньше эти материалы никогда и никем в таком масштабе не использовались. Это — хранящиеся в архиве г. Тобольска церковные метрические книги (фонды Тобольской духовной консистории и районных загсов Тюменской области). З. П. Соколовой удалось заставить заговорить содержащиеся в них записи о браках и исповедные духовные росписи. Кроме этого основного материала, она использовала также ревизские переписи и ясачные книги.

З. П. Соколова проделала поистине титаническую работу по классификации и подсчету сведений о более чем 24 тыс. браков хантов и манси (по всей территории их расселения, охватывающей 4 уезда, 51 волость, более 300 селений) и свыше 2,5 тыс. фамилий хантов и манси за период с 1743 по 1900 г., а по некоторым волостям по 1912 г., что само по себе представляет большую ценность.

Все эти данные содержатся в обширном приложении к книге, носящем название «Фамильный, численный и брачный состав населения по отдельным волостям и уездам в XVIII—XIX вв.» (с. 167—316). В книгу вошли далеко не все таблицы, выполненные автором. Значительное их число содержится в депонированной монографии З. П. Соколовой¹. Депонированная монография, а также таблицы, приложенные к рецензируемой

¹ Соколова З. П. Численный, фамильный и брачный состав хантов и манси в XVIII — начале XX в.: (Материалы) АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Рукопись деп. ИНИОН АН СССР, № 3515.

ние, составляя прочную фактологическую базу, на которой З. П. Соколова строит свою работу.

Ей удалось раскрыть механизм действия дуально-фратриальной экзогамии, степень ее распространения в разные хронологические периоды (XVIII в., первая половина XIX в., вторая половина XIX в. и начало XX в.), дать характеристику дуально-экзогамных групп, их численность, выявить фратриальный состав селений и проживающих в них семей, а также фратриальную принадлежность каждой фамилии на протяжении двухсот с лишним лет.

Все эти данные позволили неопровержимо доказать, что в прошлом все ханты и манси делились на две фратрии, а браки заключали по правилам дуальной экзогамии, которая постепенно ослабевала. Так, если во второй половине XVIII в. нарушения дуальной экзогамии составляли у всех групп обских угров в среднем 18%, то в первой половине XIX в.—23%, во второй половине XIX в.—27%, а в начале XX в.—39% (с. 100). В некоторых районах у представителей отдельных групп обских угров в конце XIX—начале XX в. дуальная экзогамия практически исчезла.

Не ограничиваясь статистическими данными, З. П. Соколова во второй главе дает глубокую и содержательную характеристику дуальной организации хантов и манси. Автор отмечает такие присущие, по ее мнению, этой организации черты, как сознание кровного родства, происхождение от общего предка, фратриальное имя. Она фиксирует наличие культа тотемических предков, хранителей фратриального культа, соблюдение тайны обрядов и священных мифов, раздельность культовых мест, существование фратриальных центров и фратриальных праздников. Очень интересны, на наш взгляд, приводимые в книге сведения о преданиях, в которых рассказывалось о различии между членами разных фратрий, о былых сражениях между ними, о вражде духов-покровителей фратрий (с. 105—106, 116). Полемизируя с рядом авторов, З. П. Соколова, по нашему мнению, весьма убедительно доказывает древнейший, архаичный характер дуально-фратриального устройства обско-угорского общества.

Третья глава книги посвящена, как уже указывалось, проблеме рода у хантов и манси. Основной вывод, к которому приходит З. П. Соколова, состоит в том, что при развитой дуально-фратриальной организации у обских угров в XVIII—XIX вв. отсутствовали роды. По ее мнению, развитию рода у хантов и манси помешало чрезвычайно длительное сохранение у них дуальной экзогамии. А к тому времени, когда дуальная экзогамия наконец ослабела, род уже не мог возникнуть в силу социально-экономических причин: началось разложение первобытнообщинного строя (с. 126). Однако автор не исключает возможность и того, что род у обских угров существовал в более раннее время, а к XVIII—XIX вв. исчез (с. 160, 163).

Автор, конечно, вправе придерживаться своей точки зрения, но нам она представляется не в достаточной степени обоснованной. По нашему мнению, весь приводимый в главе богатый и разнообразный материал достаточно убедительно свидетельствует о том, что род у хантов и манси существовал, причем не когда-то в далеком прошлом, а в XVIII—XIX вв.

З. П. Соколова в данной главе много внимания уделяет объединению, которое она сама именуется «генеалогической группой». По крайней мере часть этих «генеалогических групп» имела тотем и члены их называли себя по имени своего тотема (народ филина, народ орла и т. п., с. 135). «Первоначально такая группа,— пишет автор,— была тесно связана с этим тотемом: она носила его имя, вела свое происхождение от него, не должна была убивать и есть это животное или птицу, всей группой почитала его изображение в священном месте» (с. 135). Другая часть «генеалогических групп» называлась по имени предка-богатыря (с. 127).

Вполне понятно, что такая «генеалогическая группа» была экзогамной, точнее агамной. Половые связи внутри ее были невозможны. Первоначально эти группы были локализованными (с. 164), т. е. ядро каждой из них жило в одном селении. Как явствует из сказанного, «генеалогические группы» хантов и манси представляли собой не что иное, как настоящие роды, причем часть этих родов имела очень древнее происхождение, о чем свидетельствует наличие у них тотема.

Соколова «генеалогическую группу» не считает родом, т. к. та «не обладала собственной экзогамией, ее члены вступали в брак по правилам дуальной экзогамии» (с. 164). Точнее можно было бы сказать что экзогамия «генеалогической группы» была производной от экзогамии фратрии, в состав которой она входила, подразделением которой она являлась. Но такое положение далеко не уникально.

Везде, где сохранялась экзогамия фратрии, экзогамия рода была производной от экзогамии фратрии. Так было в Австралии и в Меланезии. И наличие дуальной экзогамии ни в малейшей степени не препятствовало существованию рода в качестве определенной социальной единицы. Иначе пришлось бы признать, что родов не было ни у австралийцев, ни у меланезийцев, ни у многих других народов.

Косвенно возможность существования рода при наличии фратриальной экзогамии признает и сама З. П. Соколова. Ведь она сама допускает, что род у хантов и манси мог в прошлом существовать. Одновременно же она настаивает на том, что дуальная экзогамия была у них в прошлом повсеместно распространенным явлением. Но это означает, что, по ее мнению, дуальная экзогамия в принципе вполне может сосуществовать с подразделением фратрий на роды.

Одна из причин, которая, по-видимому, привела З. П. Соколову к заключению об отсутствии у обских угров рода, состоит в том, что за классический образец рода она принимает описанный Л.-Г. Морганом ирокезский род. Отсутствие у рода хантов и манси ряда признаков, присущих ирокезскому роду, а также наличие у обских угров ду-

альной экзогамии, которая давно уже исчезла у ирокезов, и привели ее к рассмотренному выше выводу.

Однако нет никаких оснований принимать ирокезский род за эталон рода. Главный признак рода — экзогамия, точнее, агамия, а раннего рода — и наличие тотема. Даже такой признак, как вера в происхождение от общего предка, не является обязательным для рода. Предковый род — явление сравнительно позднее. Первоначально тотем не считался предком. Просто все члены рода были убеждены, что все они — особи тотемного вида, а все животные тотемного вида являются членами рода. Вера в тождество плоти и крови членов рода и животных тотемного вида, а не в происхождение первых от последних — суть первоначального тотемизма.

В качестве еще одного признака, отличающего «генеалогическую группу» обских угров от рода, З. П. Соколова указывает на ее «нечеткость и аморфность» (с. 151). Но в этом нет ничего удивительного. Общество обских угров XVIII—XIX вв. было уже не подлинным первобытным, а предклассовым, т. е. переходным от первобытного общества к классовому. Об этом свидетельствует происходивший в этом обществе процесс формирования территориально-соседской общины (с. 157). З. П. Соколова совершенно права, выступая против тезиса о существовании у хантов и манси феодальных отношений (с. 4, 147). Однако существование у них зачаточных форм эксплуатации несомненно (с. 149, 150). Все это, естественно, не могло не сказаться на роде.

Все сказанное, разумеется ни в малейшей степени не снижает общей высокой оценки рецензируемой книги. Она представляет собой новаторское, оригинальное исследование, вводящее в научный оборот огромный массив нового материала. Монография З. П. Соколовой несомненно представляет существенный вклад в этнографическую науку. Было бы крайне желательным, чтобы З. П. Соколова продолжила свои исследования, детально рассмотрев этнографические и территориальные группы обских угров, соседскую общину, семью, имущественную дифференциацию и зачатки эксплуатации у хантов и манси в XVIII—XIX вв.

Ю. И. Семенов

Ilkko Lehtinen. Naisten Korut, Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa. Helsinki, 1979. 209 с.

В Финском Национальном музее (г. Хельсинки) хранятся богатые коллекции по этнографии различных народов. Особенно широко представлены материалы по финно-уграм. В последние годы вышли интересные публикации этих музейных собраний¹. В их подготовке наряду с другими сотрудниками музея принимала участие Ильдиико Лехтинен. В 1979 г. была издана ее монография, итог многолетних исследований, — «Женские украшения в Центральной России и Западной Сибири».

Книга состоит из введения и пяти глав. В ней дается общая характеристика украшений, их типов и материалов, из которых они изготовлялись, а также описываются украшения обских угров (хантов и манси), удмуртов, марийцев, чуваш, мордвы и мещеры. При этом автор широко привлекает для сравнения данные по казанским татарам и башкирам.

Основными источниками исследования послужили материалы Финского Национального музея г. Хельсинки (Suomen Kansallismuseo), коллекции одежды и украшений XVIII — начала XX в. и фотоархив. И. Лехтинен привлекла и литературные данные, а также материалы музеев нашей страны — Москвы, Ленинграда, Тарту.

Во введении дана краткая справка о расселении рассматриваемых в книге финно-угорских народов, их истории, об их взаимоотношениях с соседями, общих закономерностях развития женской одежды и украшений (с. 8—9). Здесь же (с. 7—10) автор рассматривает некоторые общие вопросы, касающиеся эволюции украшений. Согласно ее меткому определению, украшения — это своего рода паспорт народа: они дополняют костюм, часто подчеркивают особенности национального характера. Исследовательница неоднократно отмечает взаимосвязь украшений с одеждой и головными уборами, прической.

Характер, качество и число украшений зависели от возраста, звания, экономического и социального положения людей. И. Лехтинен подчеркивает, что вышивка на одежде и украшения, как правило, дополняли друг друга: если вышивки было много, то украшений — мало, и наоборот (в качестве примера она приводит рубашки луговых и горных марийцев).

Отмеченное ею сходство в типах одежды и украшений, их названий у разноязычного населения Центральной России и Западной Сибири она объясняет общими экологическими и историческими условиями, а также этническими связями финно-угорских, тюркоязычных и русского, народов (с. 8). Отмечая близость украшений разных финно-угорских народов, автор совершенно правильно объясняет ее общностью их происхождения; когда же она говорит об общем покрое и типе рубахи-платья финно-угров (см. схему 2, с. 48, 202), то причину такого единообразия видит почему-то только в экологии.

¹ См. например, последние издания: *Istvan Racz. Suomalais-Ugrilaista kansantaidetta*. Keuruu, 1977; *Iso Karhu. Arkistokuvia etäisten kielisukulaistemme asuinsijoilta*. Lahti, 1980.

В первой главе книги («Значения украшений», с. 10—32) И. Лехтинен останавливается на вопросе о роли украшений в быту народов. Она указывает на то, что отдельные украшения выполняли функцию оберегов, амулетов, призванных «охранять» человека от злых духов (с. 10, 26—27, 31). Чаще всего их носили дети и старые женщины. Значительное внимание автор уделяет выявлению возрастных и сословных различий в украшениях и типах праздничных украшений (с. 19). Последние наряду с головными уборами составляли основу праздничного костюма, в котором автор выделяет два варианта: 1) костюм, связанный с годовыми, календарными и религиозными праздниками; 2) костюм, приуроченный к семейным событиям и праздникам (свадьба, похороны).

И. Лехтинен специально останавливается на типах застежек и пряжек, скрепляющих элементы одежды (главным образом рубах-платьев) и вместе с тем играющих роль украшений. Большой интерес представляет составленная автором табл. 1 (с. 30), на которой показаны разные способы застежек женских рубах финно-угров Поволжья и обских угров (пуговицы, шнурки, пряжки, крючки). Автором рассматриваются экономическое и социальное значение украшений, их религиозная символика, наиболее ярко проявляющаяся в цвете одежды, типах вышивки и украшений.

Во второй главе («Материалы для украшений», с. 33—46) И. Лехтинен суммирует данные о материалах, из которых изготавливались украшения у разных финно-угорских народов (бронза, серебро, латунь, олово, монеты, бусы, кораллы, раковины каури, самоцветы, ткань, шерстяные нитки и кисти, кожа), выявляет некоторые различия в материалах, используемых для украшений (коралл у чувашей и удмуртов; стекло у удмуртов и мари; металл у мордвы, мари и удмуртов; бисер у обских угров; драгоценные камни у башкир и казанских татар).

В третьей главе («Типы украшений», с. 47—77) в связи с описанием причесок подробно охарактеризованы головные уборы, а также височные и накосные украшения, серьги, бусы, подвески, нагрудные застежки, браслеты, кольца, пояса, гребни. Автор останавливается на различиях в способах их ношения у отдельных финно-угорских народов.

Четвертая, наиболее обширная глава («Употребление украшений», с. 80—187), посвящена характеристике женских украшений у отдельных народов. В ней рассматриваются основные украшения каждого народа, дается краткая история их развития, показывается способ их ношения.

Тщательно описаны различные украшения хантов и манси, показано их своеобразие и сходство с украшениями поволжских финно-угров (с. 80—101). Это главным образом накосные, нашейные и нагрудные украшения, головные повязки (налобники) серьги. И. Лехтинен правильно отмечает большую дифференциацию в одежде обских угров в связи с их широким расселением, многообразием экологических условий и хозяйственных занятий². Но автор даже не делает попытки проследить различия в украшениях у разных этнографических групп хантов и манси, хотя этот принцип анализа является основным при исследовании ею украшений других финно-угорских народов. В целом в книге украшения хантов и манси мало связаны с украшениями поволжских финно-угров. Их сходство объясняется контактами, взаимовлияниями, простым заимствованием. Однако даже при беглом сравнении некоторых типов нагрудных и накосных украшений бросается в глаза их большое сходство, которое можно объяснить только общим происхождением всех этих народов (сравни, например, рис. 16, 41, 44, 62, 68—72; 81, 85, 89, 129, 137, 143, 149; см. также табл. 2 на с. 48—49). В этом плане любопытно было бы сравнить, например, асимметричное украшение отворота воротника на кафтане васюганских женщин³ с чересплечным украшением удмуртских женщин (рис. 81).

На с. 102—114 характеризуются головные уборы, декорированные монетами и блясками, а также повязки из бересты и ткани, платки, ленты северных и южных удмуртов во всем их разнообразии — девичьи и женские (*такья* и *айшон*), будничные и праздничные, ритуальные и свадебные. В книге описываются серьги, бусы, нагрудные и чересплечные украшения удмуртов, сходные с татарскими. В целом параллели к головным уборам и украшениям народов Поволжья, найденные автором у других народов интересны и правомерны. Это касается, например, типа чувашского высокого головно го убора *хушту* и башкирского *келепуш* (рис. 32, с. 58), а также чувашских и удмуртских чересплечных ремней и способов ношения амулетных мешочков у мусульманских народов Поволжья и Средней Азии (рис. 44, 45, 76). Но, пожалуй, слишком часто и не всегда убедительно подчеркивается влияние тюркских народов вообще и татар в частности на развитие головных уборов и украшений финно-угров Поволжья и обских угров. Например, И. Лехтинен сама пишет о том, что девичья шапочка, украшенная монетами (*такья*, *тукия*, *такья*), у народов Поволжья (мари, мордвы, чувашей и удмуртов) известна издавна, вероятно, с эпохи железа. Но в то же время она считает возможным связывать ее происхождение с тюркскими народами Центральной Азии (с. 202). Другой пример: налобная повязка была известна широкому кругу народов (чувашам, мари, мордве, мешере, славянским народам⁴). Однако автор считает, что у обских угров она появилась под влиянием татар. Вероятно, это допустимо лишь по

² Хотя к иртышским хантам и кондинским манси вряд ли применим термин «фермеры» (с. 204).

³ Suomen Kansallismuseo, Фотоархив. Коллекция 36—19 (У. Т. Сирелиус).

⁴ Народы Европейской части СССР (серия Народы мира. Этнографические очерки). М.: Наука, 1964, с. 498.

отношению к некоторым южным хантам, у которых известно татарское название на-лобника; у других групп этот вид головного украшения мог быть и финно-угорского происхождения.

Среди марийских головных уборов и украшений (с. 115—136) выделены различные типы, характерные для трех этнографических групп марийцев (луговых, горных и восточных). Это — сорока, *шарпан-нашмакан* и *шимакшан* — головные уборы, расширенные нитками, бисером, бляхами, кисточками, а также нагрудники, наспинные украшения, пояса, серьги, ожерелья, бусы, как будничные, так и праздничные (свадебные). Интересно описание украшений, сплетенных из тесьмы и шнурков, которым придавалось магическое значение (с. 135).

В этой же главе (с. 136—150) проанализированы чувашские украшения: головные, (накосные), шейные, нагрудные, чересплечные, поясные и наспинные, а также головные уборы (*тукия*, *хушту*). Автор отмечает их различия у верховых и низовых чувашей и сходство некоторых из них с башкирскими, русскими, мордовскими, марийскими. Особое внимание уделяет И. Лехтинен украшениям чувашей из серебра и монет, генетически тесно связанным с волжско-булгарскими; она рассматривает их символику. Оригинальными и очень архаичными, возможно, древнего финноугорского происхождения, автор считает чувашские застежки и поясные украшения (трех- и четырехугольные куски ткани с бахромой, спускающиеся вниз от пояса).

Наиболее широко представлены мордовские украшения (с. 151—178). И. Лехтинен отмечает их различия у мордвы-эрзя, мордвы-мокши, терюхан и каратеев. В главе подробно описываются головные уборы, накосные, налобные, шейные, височные, нагрудные и поясные украшения, серьги. Читатель знакомится также с различными локальными вариантами старинных головных уборов — *панго*, сорока, *златной*. Как пишет автор, уже с XII в. эрзя и мокша носили язычковые застежки-пряжки различной формы — подковообразные и трапециевидные с подвесками. Очень интересна карта 4 (с. 67), показывающая распространение таких застежек у разных народов Поволжья (мордвы, мари, чувашей) и их терминология. И. Лехтинен рассматривает функциональную роль поясных украшений (куски ткани с бахромой и полотенца). Как и В. Н. Белицер⁵, она сопоставляет их с подобными украшениями других народов (великоросов, болгар, сербов, румын), а также с юбками земледельческих и штанами кочевых и некоторых других народов, в частности мордвы-мокши. Автор считает, что поясные украшения «обеспечивают декоративную охрану нижней части тела» и являются символом замужества (с. 208).

У мещеры И. Лехтинен выделяет декор на головных уборах, височные, накосные, шейные, поясные украшения (с. 179—188). Сам по себе раздел хотя и невелик, но уникален: ведь по одежде и украшениям мещеры почти нет публикаций. Большой интерес представляют описания несшитой юбки (*ропка*) замужних женщин, девичьего праздничного и свадебного головного убора в виде короны с золотой лентой, характерного для девушек всей Восточной Европы, а также рогатого головного убора замужних женщин (*кичка*). В costume и украшениях мещеры автор усматривает как финноугорские, так и южнорусские черты.

В целом данный раздел книги И. Лехтинен характеризуют ценные, найденные ею параллели в украшениях разных народов: чувашей с удмуртами и марийцами (с. 145, 146), мордвы с удмуртами и марийцами (с. 161), а также с чувашами и удмуртами (с. 170), чувашей с русскими (с. 141, 145), в целом поволжских финно-угров с татарами и башкирами (с. 113, 119, 124, 137, 141).

Последняя, пятая глава, посвящена изменениям в украшениях и способах их ношения в XX в., их постепенному вытеснению, как и традиционной одежды, в связи с индустриализацией и урбанизацией и заменой городской одеждой.

Книга И. Лехтинен богато иллюстрирована, в ней 158 фотографий и рисунков, 6 карт, 2 схемы-таблицы. Они существенно дополняют текст. Две карты показывают современное расселение финно-угорских народов Поволжья и обских угров (№ 1, с. 1) и характерное для конца XIX — начала XX в. расселение финно-угров Поволжья и их этнографических групп (№ 6, с. 102). Весьма интересны карты, показывающие распространение разных типов головных уборов (№ 3, с. 56), украшений из бус и монет (№ 2, с. 34), застежек (№ 4, с. 67), а также карта районов, где были собраны коллекции Финского Национального музея (№ 5, с. 78). Оригинальна табл. 2 (с. 48—51), в которой прослеживаются сходные типы головных уборов и украшений финно-угорских народов Поволжья и их терминология. К сожалению, как мы уже отмечали, в ней не нашлось места украшениям хантов и манси. Книга И. Лехтинен представляет собой сводку материалов об украшениях финно-угров Поволжья и Западной Сибири. Вероятно, следовало бы дать в ней больше обобщающих таблиц, показывающих как сходство, так и различия в типах украшений у рассматриваемых народов, что помогло бы выявить их генетические связи, прояснить вопросы происхождения отдельных типов украшений. Это замечание мы высказываем автору в качестве пожелания для будущего исследования. Книга И. Лехтинен приобретает большую ценность также благодаря систематизированной автором терминологии украшений финно-угров.

В целом книга И. Лехтинен выполнена весьма скрупулезно и квалифицированно. Это интересное обобщающее и полезное исследование.

М. Н. Морозова, З. П. Соколова

⁵ Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. — Труды Ин-та этнографии АН СССР, М.: Наука, т. 101, с. 107.

Б. Н. Путилов. Героический эпос черногорцев. Л.: Наука, 1982. 239 с.

Героический эпос черногорцев (как и их фольклор в целом) мало известен советскому читателю. Тем большую ценность представляет новая монография доктора филологических наук Б. Н. Путилова, чьи книги «Славянская историческая баллада», «Русский и южнославянский героический эпос» и др. получили заслуженное признание.

Характеризуя в одной из своих работ современное состояние фольклористики в СФРЮ, Б. Н. Путилов подчеркнул, что за «югославскими учеными остается долг — создание крупных работ, посвященных фольклорным жанрам в целом, их генезису и истории»¹. Этими же проблемами в настоящее время занимаются и советские ученые. Исследование Б. Н. Путилова — результат не только многолетней кабинетной работы, но и непосредственных наблюдений над черногорским эпосом в его живом бытовании. Начиная с 1964 г., Б. Н. Путилов несколько раз был в Югославии, вел полевые исследования, участвовал в работе различных фольклористических форумов, а также встречался и беседовал со многими этнографами и фольклористами².

В югославской фольклористике существуют отдельные проблемы и темы черногорской эпики. Книга же Б. Н. Путилова — первый опыт монографического комплексного исследования черногорского героического эпоса.

В монографии впервые собрано и проанализировано огромное количество текстов и теоретических размышлений — автор свободно владеет не только югославским, но и материалом других славянских народов, при этом следуя критическому, строго дифференцированному подходу к источникам.

Для Черногории конца XIX — начала XX в. было характерно сочинительство в сфере эпоса. Наряду с новыми песнями, возникшими вполне естественно, выраставшими на почве традиции, в позднее время появлялось множество текстов, искусственно сочиненных, не обладавших внутренними качествами эпического произведения. Такие произведения не входили за пределы репертуара их авторов — живая эпическая традиция не принимала их, но они иногда присутствовали в печатных собраниях.

Б. Н. Путилов четко различает образцы «вторичного фольклора» в публикациях конца XIX — начала XX в.: «1) тексты, созданные гусларами по их собственному почину на основе известных им книжных публикаций; 2) тексты, явившиеся результатом редакторской работы собирателей и издателей, создававших заново новые версии старых песен; 3) обработки, принадлежащие гуслерам, но инспирированные собирателями» (с. 37). Поэтому исследователь воздерживается от привлечения к историко-фольклорному анализу не только ряда текстов, но и отдельных сборников, появившихся на рубеже столетий.

Б. Н. Путилову удалось в ряде случаев более тщательно, по сравнению с предшественниками, прочесть имеющиеся материалы³. Так, предыдущие исследователи не нашли песен косовского цикла среди черногорских песен в собрании Вука Караджича и сборнике С. Милутиновича и потому считали, что у черногорцев отсутствует эпическая косовская традиция. Между тем Б. Н. Путилов в черногорском эпосе выявил не только ее отголоски, но даже целые разработки косовской тематики, на сюжеттику и содержание которых оказали влияние песни так называемого Второго Косовского цикла. Как убедительно доказывается в монографии, сборник С. Милутиновича «свидетельствует о существовании в 20-х — начале 30-х годов XIX века живой эпической традиции о косовских героях, но традиции своеобразной по содержанию и характеру выражения» (с. 75).

В центре монографии — сюжетно-тематические циклы черногорской эпики, проблемы изображения исторической действительности, эпических героев, пространства и времени в эпосе; в процессе рассмотрения указанных проблем затрагивается ряд других существенных аспектов содержания и художественной системы эпоса (главы 3—5).

В книге раскрываются специфические черты эпоса черногорцев, отмечается его многообразие в сюжетно-тематическом отношении, «многообразие» черногорской эпики в отличие от эпоса классического, где сюжетов больше, чем героев (с. 181). Автор выявляет наличие в героической эпической традиции черногорцев большого количества легендарно-мифологических и легендарно-исторических песен, в которых народная концепция истории проявляется с большой определенностью.

Рассматривая эпос черногорцев, Б. Н. Путилов выявляет в нем отражение особенностей социальной организации общества в XVIII—XIX вв., в частности племенных отношений и постепенного преодоления племенной замкнутости, развития общенациональных представлений и стремлений. Книга показывает роль эпоса в становлении черногорского национального сознания в условиях борьбы за независимость.

Черногорский героический эпос — эпос типологически поздний, ибо в силу ряда социально-экономических и культурно-бытовых условий в южнославянском регионе «эпическая эпоха» продолжалась вплоть до XIX в. и не была полностью стерта в XX в.,

¹ Путилов Б. Н. О современной фольклористике Югославии. — Сов. этнография, 1975, № 4, с. 68.

² Путилов Б. Н. Встречи с эпосом в Черногории. — Сов. этнография, 1973, № 3. См. также Гусев В. Е. У гуслеров Боснии и Герцеговины. — Там же, 1973, № 5.

³ Более того, им даже обнаружены варианты песни о героическом сватовстве, затерявшиеся в югославских журнальных публикациях и никогда не привлекавшие внимания исследователей и составителей антологий (с. 111).

что было обусловлено существованием там среды, обладающей эпической памятью и прочным эпическим сознанием. Несмотря на социальную и идеологическую дифференциацию, живое эпическое творчество не иссякало, а эпическое наследие не ушло на периферию культурного быта; оно составило характерную особенность новейшей черногорской национальной культуры.

Отсюда проистекает общетеоретическое значение книги Б. Н. Путилова: в то время как проблемам архаического и классического эпоса в нашей науке уделялось в последние десятилетия большое внимание и были достигнуты весьма значительные результаты, поздний эпос оставался как бы в тени. Между тем его изучение много дает для понимания общих закономерностей исторической типологии и судеб эпического творчества. На почве поздней черногорской эпики происходит редкий по масштабам, последовательности и значимости переход от эпического историзма классического типа к историзму конкретному.

Загравывая центральный вопрос эпосоведения — проблему историзма, Б. Н. Путилов трактует ее не в узком понимании так называемой исторической школы, а в широком теоретическом плане. Категорию историзма автор рассматривает применительно к сюжетике, героям, художественной структуре, стилю, пространственно-временным особенностям эпоса.

Исследователи, придерживающиеся концепции «исторической школы», считали, что герои эпоса — лишь подвергшиеся позитизации исторические лица. Отношение «герой—прототип» мыслилось как изначальное для эпического творчества. Б. Н. Путилов доказывает, что отношения «образ — прототип» не просты и не прямолинейны: «Историческое лицо, попав в эпос, переживает необратимый процесс и вернуться в реальную историю больше не может» (с. 201). Автор подчеркивает, что различия между ранними и поздними формами эпоса с точки зрения историзма носят качественный характер. Герои классического эпоса — это деятели эпической истории, только некоторыми своими поступками соприкасающиеся с историей реальной. Они суть эпические обобщения, строящиеся по традиционным моделям, в небольшой степени совпадающим с исторической реальностью. Прототипы же в собственном смысле слова появляются лишь на сравнительно поздней стадии развития эпоса (с. 188—189).

Говоря об общих закономерностях процесса эпического творчества, Б. Н. Путилов показывает, как они проявляются в героическом эпосе черногорцев. Он считает, что черногорская эпическая поэзия представляет особый интерес для современного эпосоведения, ибо подтверждает научную правильность выявленных в последнее время законов эпического творчества и процессов исторического развития эпоса.

В отличие от предшественников, сосредоточивавших внимание на собственно черногорских песнях, автор книги много места уделяет классическому сербохорватскому эпосу, который был известен черногорцам и составил ту эпическую традицию, на основе которой мог сложиться и развиваться их собственный эпос. Одна из задач исследования — наиболее полное выявление южнославянского эпического наследия у черногорцев и показ преемственных связей его с новым эпосом (этому посвящена вторая глава книги).

Убедительно полемизирует исследователь с учеными Югославии, например по поводу недостаточно оправданного разделения черногорской эпики на «хроникальную» и «мотивскую», а также по вопросу о стадийно-историческом соответствии в эпосе реального, «хроникального» и собственно эпического. Б. Н. Путилов высказывает также сомнения в справедливости утверждения, что источником героического эпоса черногорцев было историческое предание (с. 221—222). Опровергаются автором и утверждения приверженцев теории, согласно которой эпический сюжет, возникая на эмпирической основе первоначально эмпиричен по своему характеру, а затем переживает процесс эпической трансформации и перерождения. Как показано в книге, «эпос может эволюционировать, но при этом он не меняет своей природы и качеств, генетически в нем заложенных. Условность и вымысел не привносятся в эпическую сюжетику задним числом, но изначально в ней присутствуют и до определенной степени формируют ее» (с. 137—138).

В работах югославских коллег о южнославянском эпосе пока недостаточно учитывались общетеоретические достижения современного эпосоведения и поэтому история эпоса черногорцев рассматривалась как бы в отрыве от общих эпических процессов. Б. Н. Путилов впервые связывает задачи изучения черногорских эпических песен с общими проблемами эпосоведения. В рецензируемой монографии изучение черногорского эпоса ведется на базе современной историко-типологической методологии, поэтому труд Б. Н. Путилова является звеном в цепи исследований по теории и истории народного героического эпоса, занимающих столь заметное место в современной фольклористике, и представляет собою новый вклад в изучение эпической поэзии как единого целого в международном масштабе.

Выход в свет рецензируемого труда стал значительным событием в мировой сла-
вистике.

М. Я. Мельц

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА СУХАРЕВА

Советская этнографическая наука понесла тяжелую утрату: 22 января в Москве на 80-м году жизни скончалась Ольга Александровна Сухарева — доктор исторических наук, один из крупнейших специалистов по этнографии народов Средней Азии.

О. А. Сухарева — ветеран нашей науки: первые статьи (по этнографии таджиков) относятся к 1920-м годам; она принадлежит к первому поколению этнографов-марксистов, к славной плеяде первых советских ученых Средней Азии, вклад которых в культурное строительство национальных республик и в развитие науки неосценим. О. А. Сухареву — крупного ученого — отличала широкая эрудиция: она была этнографом и историком-востоковедом, филологом-иранистом, искусствоведом, религиоведом; можно перечислить еще немало аспектов ее многогранных исследований, всегда построенных на новом, оригинальном материале. Среди ее работ трудно найти просто описательные: даже небольшие статьи и заметки содержат элемент исследования, интересные сравнения, предположения, постановку различных научных вопросов.

Ольга Александровна родилась 15 февраля 1903 г. в Самарканде и почти всю жизнь (до 1967 г.) жила и работала в Средней Азии, в основном в Самарканде и Ташкенте. Закончила школу в Самарканде, там же начала работать — участвовала в обработке материалов переписи населения 1920 года.

В 1921 г. Ольга Александровна поступила в Среднеазиатский государственный университет в Ташкенте (САГУ, ныне ТашГУ им. В. И. Ленина), первое высшее учебное заведение Средней Азии, основанное в 1920 г. по историческому декрету, подписанному В. И. Лениным. В 1925 г. она закончила восточный факультет САГУ, в совершенстве овладев таджикским языком. Среди ее педагогов были такие известные историки и этнографы, как А. А. Семенов и М. С. Андреев, под влиянием которых она начала свои этнографические изыскания. Последние сочетались с большой педагогической работой: Ольга Александровна была завучем женского Таджикского педагогического техникума в Самарканде, преподавателем таджикского языка на рабфаке в САГУ и в Таджикском институте просвещения в Ташкенте, на Педагогических курсах, а с 1933 г. — на факультете языка и литературы Узбекского государственного университета в Самарканде. В 1930—1931 гг. она опубликовала руководство для изучения таджикского языка в двух книгах.

Все это время Ольга Александровна вела также большую работу в Таджикгосиздате как переводчик литературы с русского языка на таджикский и с таджикского на

русский; в частности, ей принадлежат переводы некоторых произведений писателя-классика Айни, с которым она была в дружеских отношениях до последних лет его жизни.

С 1934 по 1946 г. О. А. Сухарева работала в Самарканде в Государственном Музее истории культуры и искусства Узбекской ССР, переключившись в основном на этнографические исследования и лишь по совместительству продолжая педагогическую работу (читала лекции по общей и среднеазиатской этнографии). Все годы работы в этом музее О. А. Сухарева вела огромную собирательскую деятельность, пополнив его фонды многими ценными коллекциями, главным образом по одежде и вышивке. Благодаря ее сборам музей Самарканда обладает лучшей в стране коллекцией узбекской и таджикской вышивки, точно датированной и научно классифицированной; наряду с изучением истории вышивки и всех деталей ее техники Ольга Александровна исследовала, широко привлекая к своей работе местных женщин-вышивальщиц, богатейший орнамент вышивки, его семантику, верования, представления, обряды, связанные с этим видом народного декоративного искусства.

Повседневная этнографическая работа в среде узбекско-таджикского населения Самарканда и его окрестностей, а также Бухары, Ура-Тюбе и других городов и селений Узбекистана и Таджикистана позволила О. А. Сухаревой собрать обширный и разнообразный материал. В 1940 г. она защитила в Ленинграде кандидатскую диссертацию на тему «Пережитки анимизма у равнинных таджиков».

С 1946 по 1967 г. О. А. Сухарева работала в Ташкенте в Институте истории и археологии Академии наук УзССР старшим научным сотрудником, а затем заведующим сектором этнографии. Новый цикл ее этнографических исследований был посвящен феодальному городу и ремеслу Средней Азии. Ольга Александровна продолжила начатое еще в 1940 г. экспедицией САГУ под руководством М. С. Андреева историко-этнографическое изучение города Бухары, прерванное в годы войны. Многолетняя работа в древнем городе, опросы его населения в разных кварталах, беседы со старейшими жителями — ремесленниками и представителями других прежних сословий, сопоставление этнографических данных с наблюдениями топографии города, с историческими трудами (в том числе восточных авторов), а также сведения, собранные в поездках по другим городам бывшего ханства (Карши, Шахрисябз), дали возможность накопить богатейший фонд оригинальных, уникальных по своему историческому значению материалов. В дальнейшем они послужили Ольге Александровне источником для написания серии историко-этнографических монографий по среднеазиатским городам: «К истории городов Бухарского ханства» (Ташкент, 1958); «Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX в. Ремесленная промышленность» (Ташкент, 1962); «Бухара XIX — начала XX в. Позднефеодальный город и его население» (М., 1966). Той же теме была посвящена ее докторская диссертация, защищенная в 1963 г. в Москве в Институте этнографии АН СССР.

Одновременно Ольга Александровна занималась исследованием сельского населения — в 50-х годах она руководила экспедицией по изучению быта узбекского колхозного крестьянства, работавшей в Наманганской области республики; в 1955 г. в соавторстве с М. А. Бикжановой опубликовала книгу «Прошлое и настоящее селения Айкыран», впервые освещающую с этнографической точки зрения процесс социалистического преобразования культуры и быта народов Средней Азии за время Советской власти. В те же годы, продолжая изучение народного искусства, О. А. Сухарева в соавторстве с этнографами В. Г. Мошковой, А. К. Писарчик и П. А. Гончаровой написала книгу «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль» (Ташкент, 1954) и участвовала в подготовке альбома по прикладному искусству узбекских мастеров, изданного в 1955 г. в Москве.

К этому же периоду относятся несколько ее работ по исламу и доисламским верованиям и культам, в том числе содержательная научно-популярная брошюра «Ислам в Узбекистане» (Ташкент, 1960), характеризующая некоторые особенности этой религии в условиях Средней Азии, роль ислама и мусульманского духовенства в быту местного населения. О. А. Сухарева была постоянным членом авторского коллектива нескольких изданий капитального труда Академии наук УзССР — «История Узбекской ССР». Она публиковала также свои статьи в журнале «Советская этнография», в «Кратких сообщениях Института этнографии АН СССР», «Среднеазиатском этнографическом сборнике» и других изданиях нашего института, была одним из ведущих авторов раздела «Узбекистан» в книге «Народы Средней Азии и Казахстана» серии «Народы мира».

Много времени и труда Ольга Александровна уделяла подготовке новых этнографов: за 20 лет ее работы в АН УзССР под ее руководством защитили кандидатские диссертации более 10 аспирантов и соискателей.

С 1968 г. О. А. Сухарева, переехав в Москву, стала работать в секторе Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР старшим научным сотрудником-консультантом. Здесь она возглавила коллектив авторов Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, провела большую творческую и научно-организационную работу по подготовке второго выпуска этого труда — «Народная одежда». Она составила методическое руководство, программы и инструкции для сбора полевых материалов по одежде, сама Ольга Александровна неоднократно выезжала в республики для консультации авторов, редактировала первый тематический сборник по этому разделу атласа — «Костюм народов Средней Азии» (М.: Наука, 1979). С 1981 г. О. А. Сухарева совместно с Н. П. Лобачевой приступила к обобщению богатейшего материала по одежде народов Средней Азии, собранного республиканскими этнографами и сотрудниками сектора Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР. Под ее руководством началась работа редколлекции по подготовке труда, завершающего круг исследований этой темы атласа.

Одновременно с этой основной работой О. А. Сухарева подготовила последнюю, четвертую книгу своей серии о среднеазиатском городе — «Квартальная община позднефеодалного города Бухары (в связи с историей кварталов)» (М.: Наука, 1976) и опубликовала в четырех тематических сборниках сектора чрезвычайно интересные статьи: «Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков» (1975); «Традиция семейно-родственных браков у народов Средней Азии (в порядке дискуссии)» (1978); «Вопросы изучения костюма народов Средней Азии» (1979); «Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX — начала XX в.» (в соавторстве с Н. О. Турсуновым) (1982). В течение ряда лет Ольга Александровна участвовала в организованных Институтом востоковедения АН СССР «Бартольдских чтениях». Последним трудом О. А. Сухаревой, вышедшим в свет уже после ее кончины, стала книга «История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX — начало XX в.)» (М.: Наука, 1982); в ней прослежено развитие народного костюма (комплексы и покрои одежды, обувь, головные уборы, прически, украшения) на основе точно датированных материалов за период, охватывающий почти целое столетие. Установлены факторы, влиявшие на изменение одежды в условиях развития товарно-денежных отношений и социальных процессов, происходивших в дореволюционной Средней Азии. Прежние сборы материалов по этой теме она существенно дополнила полевыми исследованиями 1969—1973 гг.

Обширный список трудов О. А. Сухаревой может быть еще дополнен в ближайшие годы посмертным изданием ее рукописи «Среднеазиатская народная вышивка-сузани», законченной и переданной на рассмотрение сектора незадолго до кончины ее автора.

Трудно переоценить значение вклада О. А. Сухаревой в развитие среднеазиатской этнографии; ее заслуги перед отечественной наукой, неутомимая научная деятельность отмечены многими наградами — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», Почетными грамотами Президиумов Верховных Советов Узбекской и Таджикской ССР, а также почетными грамотами и благодарностями Института этнографии АН СССР и его общественных организаций.

Крупный ученый, всецело преданный науке, честный и принципиальный, до последнего вздоха не перестававший творчески работать, сочетался в О. А. Сухаревой с человеком высоких нравственных качеств, добрым и отзывчивым к товарищам по работе, внимательным и доброжелательным руководителем своих учеников, имевшим многочисленных друзей не только среди коллег, но и среди информаторов, многие из которых в течение всей жизни поддерживали дружеские связи с нею и относились к ней с неизменной теплотой и уважением.

Светлая память об Ольге Александровне сохранится в сердцах ее коллег и друзей, всех, кому приходилось с ней встречаться и вместе работать.

Т. А. Жданко, Б. Х. Кармышева

- Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристан. — Сб. научного кружка при востфаке САГУ, в. 1. Ташкент, 1928, с. 73—89.
- Мать и ребенок у таджиков. — В. кн.: Иран, III. Л.: Изд-во АН СССР, 1929, с. 107—154.
- К истории развития самаркандской декоративной вышивки. — В кн.: Литература и искусство Узбекистана, кн. 6. Ташкент, 1937, с. 119—134.
- Задачи этнографии в Средней Азии. — Социалистическая наука и техника. Ташкент, 1939, № 5, с. 61—65.
- Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии. — Советская этнография (далее — СЭ). Сб. статей, III М., 1940, с. 172—176.
- К истории костюма населения Самарканда. — Бюл. АН УзССР. Ташкент, 1945, № 11—12, с. 38—41.
- Художественные ремесла Узбекистана. — Звезда Востока. Ташкент, 1948, № 9.
- Этнографическая работа Самаркандского музея. — СЭ, 1949, № 1, с. 198—200.
- О культе мусульманских святых в Средней Азии. — Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, в. 2. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1951, с. 159—178.
- К истории художественного ремесла в Узбекистане (производство табакерок). — Сб. МАЭ, т. XIV. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 119—139.
- Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. — Среднеазиатский этнографический сборник, I (Тр. Ин-та этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, т. XXI). М., 1954, с. 299—353.
- К вопросу об исторической топографии Бухары X—XII вв. — Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. 27. Сталинабад, 1954, с. 25—40.
- К исторической топографии Бухары первой половины XVI в. — Изв. АН ТаджССР. Отделение общественных наук, в. 5. Сталинабад, 1954, с. 153—166.
- Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1954. 190 с. (в соавторстве с В. Г. Мошковой, А. К. Писарчик и Л. А. Гончаровой).
- Ферганская этнографическая экспедиция. — СЭ, 1954, № 3, с. 111—115.
- Народное декоративное искусство Советского Узбекистана (Альбом. Вводные тексты к разделам Б. Н. Засыпкина, В. Г. Мошковой, О. А. Сухаревой). М.: ИЗОГИЗ, 1955, 155 с.
- Прошлое и настоящее селения Айқыран. Опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955, 238 с. (в соавторстве с М. А. Бикжановой).
- Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии. — СЭ, 1955, № 3, с. 30—42.
- В кн.: История Узбекской ССР, т. 1, кн. 2. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956, разделы: Наука, с. 180—184 (в соавторстве с Т. Н. Қары-Ниязовым и В. А. Шишкиным); Реакционная роль ислама, с. 197—205; Прогрессивные изменения в быте и занятиях населения, с. 363—371.
- К истории городов Бухарского ханства. Историко-этнографические очерки. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958, 145 с.
- Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX — начало XX в.). — ҚСИЭ, в. 30. М., 1958, с. 121—129.
- Ислам в Узбекистане. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. 86 с.
- К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков — Тр. АН ТаджССР, т. 120. Сборник памяти М. С. Андреева. Душанбе, 1960, с. 195—207.
- В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана (серия «Народы мира, Этнографические очерки»), т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1962, разделы: Город и селения, с. 262—278; Одежда. Общественный и семейный быт, с. 292—304, 314—344 (в соавторстве с М. А. Бикжановой и Қ. Л. Задыхиной).
- Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962. 194 с.
- Бухара XIX — начала XX в. (позднефеодальный город и его население). М.: Наука, 1966. 328 с.
- В кн.: История Узбекской ССР, т. II. Ташкент: Фан, 1968, статьи: Города и селения Узбекистана, с. 122—137; Ремесленное производство, с. 174—201; Бытовые условия жизни народных масс, с. 491—510.

Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. — Сб. МАЭ, т. XXVI. Л., 1970, с. 101—112.

К вопросу о литье металлов в Средней Азии. — В кн.: Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник, III (Тр. Ин-та этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, т. ХСVII). Л.: Наука, 1971, с. 147—167.

В. В. Бартольд о кварталах Самарканда и новые представления об их значении и месте в жизни города. — Бартольдовские чтения. М., 1974, с. 51—53.

Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков. — В кн. Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975, с. 5—93.

Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: Наука, 1976, 365 с.

Очерки по истории среднеазиатских городов. — В кн.: История и культура народов Средней Азии. Древность и средние века. М.: Наука, 1976, с. 132—148.

Рец.: А. К. Писарчик. Народная архитектура Самарканда. — СЭ, 1977, № 1, с. 170—171.

Традиция семейно-родственных браков у народов Средней Азии (в порядке дискуссии). — В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978, с. 118—131.

В кн.: Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979, статьи: Вопросы изучения костюма народов Средней Азии, с. 3—13; Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции, с. 77—103.

Традиция сочетания городских и сельских занятий в Средней Азии конца XIX — начала XX в. — В кн.: Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М.: Наука, 1979, с. 203—212.

Участие женщины в товарном производстве тканей и одежды у равнинных таджиков в конце XIX — начале XX в. — В кн.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М.: Наука, 1980, с. 203—212.

Рец.: Среднеазиатское искусство вышивки (о книге Н. Исаевой-Юнусовой «Таджикская вышивка»). — СЭ, 1981, № 3, с. 151—158.

О ткацких ремеслах в Самарканде. — В кн.: История и этнография Средней Азии (Сборник статей). Душанбе: Дониш, 1981, с. 25—37.

Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX — начала XX в. — В кн.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982, с. 10—48 (в соавторстве с Н. О. Турсуновым).

История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1982, 142 с.

Орнамент декоративных вышивок Самарканда и его связь с народными представлениями и верованиями (вторая половина XIX — начало XX в.) — СЭ, 1983, № 6, с. 67—79.

МИХАИЛ КИРИЛЛОВИЧ ГЕГЕШИДЗЕ

В декабре 1982 г. после продолжительной тяжелой болезни ушел из жизни видный советский ученый — этнограф и социолог, заслуженный деятель науки Грузинской ССР, руководитель Отдела конкретных социологических исследований Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, доктор исторических наук, профессор Михаил Кириллович Гегешидзе.

М. К. Гегешидзе родился в 1918 г. в Тифлисе. После окончания Тбилисского государственного университета (ТГУ) в 1939 г. был зачислен в аспирантуру, окончить которую ему, как участнику Великой Отечественной войны, удалось лишь после демобилизации.

С 1948 г. М. К. Гегешидзе работал в Институте истории АН ГССР, а с 1949 г. после успешной защиты кандидатской диссертации началась его педагогическая деятельность на кафедре этнографии Тбилисского университета, продолжавшаяся до конца его жизни.

На протяжении ряда лет (1951—1954 гг.) М. К. Гегешидзе руководил Отделом этнографии Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа, отдавая все свое время, силы и энергию беззаветному служению музейному делу. Затем со свойственными ему редкостным чувством ответственности и скрупулезностью работал в должности ученого секретаря Отделения общественных наук АН ГССР (1954—1959 гг.), руководил Отделом этнографии Грузии в Институте истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили, а с 1966 г. и до конца жизни возглавлял созданный в институте по рекомендации Президиума АН СССР Отдел конкретных социологических исследований.

Перу М. К. Гегешидзе принадлежит свыше 70 научных трудов. Это монографии и статьи, в которых поставлены и решены многие культурно-исторические вопросы. Особо следует отметить заслугу Михаила Кирилловича в разработке кардинальных проблем этнографии и истории Грузии и всего Кавказа, таких как историко-этнографическое изучение хозяйства и материальной культуры, современного социалистического быта сельского и городского населения, социальное и культурное развитие современного общества. Разработке этих проблем способствовал собранный самим автором богатый этнографический материал.

Монографии М. К. Гегешидзе «Грузинский народный транспорт» (1956) и «Орошаемое земледелие в Грузии» (1963) были признаны основополагающими в изучении материальной культуры, хозяйства и хозяйственного быта грузинского народа. Так, в своих работах, посвященных народному транспорту, М. К. Гегешидзе показал эволю-

цию средств передвижения в Грузии, их конструктивные и функциональные особенности, связанные с местной спецификой. Используя грузинский этнографический материал он наметил хронологические ступени развития колеса и показал, что колесо ведет происхождение от катка.

В трудах М. К. Гегешидзе выдвинут ряд новых проблем в изучении земледелия Грузии, в том числе соотношение орошаемого и неорошаемого земледелия, «малой ирригации», горного, террасного земледелия и др. Он показал, что орошение — древнейший компонент земледелия Грузии, длительный путь развития которого на территории этой страны привел к сооружению сложных оросительных систем. С учетом природно-хозяйственных условий Михаил Кириллович выявил особенности ирригационного земледелия в Грузии и доказал, что ирригационному земледелию на равнине предшествовало развитие орошаемого земледелия в горной зоне. С орошением же ученый связывал развитие культурной флоры и необычайное разнообразие растений в Грузии.

Большой опыт полевой работы, многосторонняя подготовка, знание классических, европейских и кавказских языков, а также быта и культуры населения всех историко-этнографических областей Грузии, давали возможность М. К. Гегешидзе, ставить и решать кардинальные вопросы истории и этнографии Грузии.

В соавторстве с грузинскими коллегами М. К. Гегешидзе были сформулированы методологические принципы этнографического изучения нового быта колхозников Грузии, в которых учтена специфика хозяйственного быта грузин в его историческом развитии. Кроме того, разработан ряд вопросов, связанных с бытом и культурой рабочих Кутаиси и Ткибули.

М. К. Гегешидзе первый среди грузинских ученых применил методы конкретных социологических исследований в разработке проблем социального развития горных регионов Грузии. Под его руководством и при непосредственном участии были опубликованы комплексные коллективные труды: «Социалистическое преобразование нового экономического района Самгори» и «Вопросы экономической и социальной активизации населения высокогорных районов Грузии. I. Сванети».

Много сил отдал М. К. Гегешидзе изучению традиций и обычаев, а также практической работе по борьбе с вредными пережитками и по созданию новой социалистической обрядности. Несколько десятилетий он читал курсы по этой тематике в Тбилиском университете. Творческим итогом этой деятельности была публикация книги «Этническая культура и традиции» (1978 г.), в которой ряд проблем решен впервые, а некоторые поставлены по-новому. Определенное внимание в этой работе автор уделит этническим проблемам. Так, рассматривая вопросы, связанные с этнической номенклатурой Грузии, он считает неоправданным называть этнографическими группами жителей Картли, Кахети, Гурии, Пшави и других регионов Грузии и, опираясь на мнения академиков И. А. Джавахишвили, Н. А. Бердзенишвили, С. Н. Джанашиа, Г. С. Читая, предлагает называть их территориальными группами. Научную и практическую ценность книги составляют также постановка и разработка вопросов теории этноса, проблемы этнических традиций, исследование их природы, структуры и функций, установление их стабильности и динамизма, эволюции и трансформации, способствующих разумному использованию традиций, применительно к требованиям современного быта. В книге освещается также важная с теоретической и практической точки зрения проблема сближения этнических культур, принципы и основы их взаимообогащения.

Последняя монография М. К. Гегешидзе, вышедшая в свет в дни его болезни, — «Культурно-исторические и социальные проблемы экологии в Грузии» — результат многолетнего труда автора, который использовал многочисленные материалы по истории, этнографии, социологии, экономике и другим дисциплинам. Поставленные в труде проблемы рассматриваются на фоне исторического развития взаимодействия человека и природы. Значительное место в книге отводится современным социальным проблемам экологии, в частности, росту общественной активности в защите окружающей среды.

В разносторонней научной деятельности М. К. Гегешидзе важное место занимала работа по рецензированию и оценке научных трудов. Каждая из его рецензий отличается интересным, новым осмыслением и постановкой проблем, что во многом способствует развитию научной мысли. Немаловажное место занимала в деятельности М. К. Гегешидзе и редакционная работа. Руководил он и разработкой раздела «Народный транспорт» для историко-этнографического атласа Грузии.

Михаил Кириллович с присущей ему энергией и энтузиазмом занимался общественной и научно-организационной работой. Он был членом Республиканской комиссии по разработке перспективного (рассчитанного на 15 лет) плана социального развития

цителцкаройского района ГССР. Многие годы и до конца жизни он руководил секцией этнографии в Историческом обществе Грузии. Михаил Кириллович был членом нескольких (в том числе специализированных) ученых советов, научных обществ.

Активно участвуя в работе общества «Знание», М. К. Гегешидзе выступал с лекциями и докладами перед тружениками городов и сел ГССР. Он писал много научно-популярных статей в республиканских журналах и газетах, неоднократно выступал по телевидению, был активным участником республиканских, всесоюзных и международных форумов, а также организатором научно-практических конференций, проводимых в различных районах республики в сотрудничестве с местным общественным активом.

Совершенно особое место в жизни М. К. Гегешидзе занимала педагогическая деятельность. Не щадя сил и душевной теплоты, он отдал 33 года воспитанию молодежи, подготовке научных кадров в стенах Института истории, археологии и этнографии АН ГССР и ТГУ, где на историческом, востоковедческом, филологическом и географическом факультетах вел общий курс этнографии, спецкурсы, спецсеминары, руководил подготовкой аспирантов. Большой энтузиаст и патриот своего дела, он обладал редкостным даром заинтересовать слушателей и зажечь в них любовь к изучаемому предмету. Среди его воспитанников немало кандидатов и докторов наук.

Занимаясь захватившими его многочисленными проблемами, не щадя энергии, работающий без отдыха, словно торопясь успеть сделать как можно больше, М. К. Гегешидзе всегда находил время для своих учеников и коллег, всегда был готов подбодрить их в работе, помочь ценными советами.

Вся жизнь и деятельность М. К. Гегешидзе — наглядный пример беззаветного служения любимому делу, что и было оценено государственными наградами (две боевые и три юбилейные медали) и присуждением ему звания заслуженного деятеля науки ГССР.

Михаил Кириллович ушел из жизни полный творческих замыслов, не успев сказать многое, над чем задумывался и работал, оставив незавершенной начатую им работу. Нам остались светлая память о нем, тепло рано переставшего биться сердца и труды, составляющие ценнейший вклад в сокровищницу грузино- и кавказоведения.

Г. С. Читая, Н. А. Брегадзе

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ М. К. ГЕГЕШИДЗЕ

Хозяйственная топонимика Картли. — Тр. ТГУ, 1949, т. 37, (на груз. яз.).

Человеческие расы, расизм и расовая дискриминация. Тбилиси, 1950.

К вопросу о древнейших видах колеса. — Мимомхилвели, т. 2. Тбилиси, 1951 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

О некоторых видах грузинских народных средств перевозки. — Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952.

Вопрос о происхождении колеса — Мещниереба да текника, 1952 № 5 (на груз. яз.).

Новый быт в колхозе сел Тортиза. — Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952 (в соавторстве с Г. С. Читая и И. В. Чкония).

Система орошения Шида Картли. — Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, 1952, в. I.

Водный транспорт в Западной Грузии (бассейн р. Риони). — Мимомхилвели, т. 3, 1953 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Некоторые стороны быта и культуры рабочих Кутаисского автомобильного завода. — Вестник Гос. музея Грузии, 1953, т. 21 (в соавторстве с С. Я. Бедукадзе и Г. А. Чачашвили).

Старая и новая системы орошения на Тирифонской равнине. — Материалы по этнографии Грузии, 1953, т. 6 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Грузинский народный транспорт. I. Сухопутные средства перевозки. Тбилиси, 1956, 230 с. + 74 табл. (на груз. яз., резюме на русск. и немецк. яз.).

Деревянная посуда виноделия в Западной Грузии. — Вестник Гос. музея Грузии, 1956, т. 18 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Рец.: *Н. Н. Кецохели*. Зоны культурных растений в Грузии. — Мецниереба да текника, 1958, № 5 (на груз. яз.).

Рец.: *В. В. Бардавелидзе*. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. — Сов. этнография, 1959, № 6.

Рец.: *Дж. Сонгулашвили*. Огородничество в окрестностях Тбилиси. Мецниереба да текника, 1961, № 10 (на груз. яз.).

Рец.: *Н. Н. Кецохели*. Растительный покров Грузии — Мнатоби, 1961, № 10 (на груз. яз.).

Орошаемое земледелие в Грузии. Тбилиси, 1961, 289 с. + 26 таблиц (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Статьи: Орошение; Транспорт; Обработка металла, дерева, глины. — В кн.: Народы Кавказа, т. 2. М., 1962.

Террасное орошаемое земледелие на Кавказе (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук). Terrassenbewässerungsackerbau in Kaukasus. М., 1964.

Ирригации в Грузии. — Сов. этнография, 1965, № 5.

Быт и культура ткибульских шахтеров. — В кн.: Быт и культура рабочих Грузии. Тбилиси, 1965 (в соавторстве с Г. Н. Джавахишвили и Р. Д. Тодуа на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Коджори (топонимическое наблюдение). — В кн.: Вопросы истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

История становления и быт и культура новейших производственных коллективов города Кутаиси. — Материалы по этнографии Грузии, 1968, т. 15 (в соавторстве с Г. Н. Джавахишвили и Р. Д. Тодуа).

К истории вьючного транспорта в Грузии. — Материалы по этнографии Грузии, 1968, т. 15.

Ирригация и орошение как факторы социального развития. Варна, 1970 [Доклад на VII Международном социологическом конгрессе].

Geographische und Kulturhistorische Besonderheiten der Bewässerungswirtschaft in Bergenden. — In: III Congres International des Musées d'Agriculture. Budapest, 1971.

Die Melioration im System der bäuerlichen Agrotechnik in Georgien. — In: Getreidebau in Ost- und Mitteleuropa, Budapest, 1972.

Акад. И. А. Джавахишвили о внутренних хозяйственно-культурных связях Грузии. — Мацне (серия истории...), 1973, № 2 (на груз. яз.).

В кн.: Социальные проблемы нового сельского района. Тбилиси, 1974, статьи: Социальные отношения в ирригации; Социальные аспекты современной ирригационной практики (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

В кн.: Вопросы экономической и социальной активизации населения высокогорных районов Грузии. I. Сванети. Тбилиси, 1976, статьи: Народные традиции сельскохозяйственного природопользования; Вопросы горной ирригации (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Акад. И. А. Джавахишвили и этнография Грузии. — В сб.: И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).

Этническая культура и традиции. Тбилиси, 1978, с. 202 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Культурно-исторические и социальные проблемы экологии в Грузии. Тбилиси, 1982, с. 164 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1983 ГОДУ

Статьи

	№	стр.
Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И. Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса	2	22
Арутюнян Ю. В., Сусоколов А. А. Переписи населения СССР как источник количественного анализа этнокультурных процессов	5	13
Бгажноков Б. Х. Организация пространства и этикет	4	37
Бе Вьет Данг, Губогло М. Н. Основные направления этнографических исследований в СРВ	3	56
Бромлей Ю. В. Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР (К 50-летию ордена Дружбы Народов Института этнографии АН СССР)	2	4
Бромлей Ю. В. О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности	6	10
Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Ордена Дружбы Народов Институту этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР — 50 лет	4	20
Волкова Н. Г. Арабы на Кавказе	2	41
Губогло М. Н.— см. Бе Вьет Данг, Губогло М. Н.	3	56
Дмитриева С. И. Народное искусство русских Мезени (В связи с этнической историей края)	5	23
Итонишвили В. Д. Грузинская советская этнография за 60 лет	2	32
Июньский Пленум ЦК КПСС и задачи советских этнографов	6	3
Калиновская К. П. Традиционное скотоводство в Восточной Африке	5	38
Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии	1	3
Колпакова Н. П. О жанровой и сюжетно-тематической классификации русской народной бытовой песни	6	23
Кон И. С. Этнография и проблемы пола	3	25
Красновская Н. А. Проблемы этнической истории о. Сардиния в I тысячелетии до н. э.	6	33
Крюков М. В. О принципах типологического исследования явлений культуры	5	3
Маркарян Э. С.— см. Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И.	2	22
Мартынова М. Ю. Субэтнические группы хорватов в XIX в.	1	33
Мкртумян Ю. И.— см. Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И.	2	22
Никонов В. А. География фамилий — источник этнической истории грузин	1	23
Орфинский В. П. К методике исследования деревянного зодчества	4	50
Осорина М. В. Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований (К проблеме этнографии детства)	3	34
Покшишевский В. В. Методы изучения этнической смешанности городского населения	1	16
Рабинович М. Г. К определению понятия «город» (В целях этнографического изучения)	3	19
Соколов В. Т. Городские рабы и их семья на юге США. 1830—1860 гг.	3	45
Стельмах В. Г. Политика переселения индейцев США в 30-е годы XIX века	2	51
Сусоколов А. А.— см. Арутюнян Ю. В., Сусоколов А. А.	5	13
Тер-Акопян Н. Б. Взгляды К. Маркса на историю первобытного общества и понятие общественно-экономической формации	4	3

Федорова И. К. Тексты острова Пасхи (Рапа-Нуи)	1	42
Чистов К. В. Традиции и вариативность	2	14
Чистов К. В.—см. Бромлей Ю. В., Чистов К. В.	4	20
Чистов К. В. Из истории советской этнографии 30—80 годов XX века. К 50-летию Института этнографии АН СССР	3	3
Штробах Г. Методологические проблемы исторического изучения фольклора	5	48

Дискуссии и обсуждения

Арутюнов С. А. За корректность терминотворчества	5	71
Арутюнов С. А. Об условности понятия «этнопсихология»	2	82
Бромлей Ю. В. Важная задача современной этнографии	5	69
Бромлей Ю. В. К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику	3	67
Дашдамиров А. Ф. К методологии исследования национально-психологических проблем	2	62
Дашдамиров А. Ф. Актуальным проблемам — комплексный реалистический подход (Ответ оппонентам)	4	79
Дробижева Л. М. Актуальная задача: союз с социальными психологами	4	63
Козлов В. И. О некоторых методологических проблемах изучения этнической психологии	2	74
Кон И. С. Нужна помощь психологов	3	75
Куббель Л. Е. Терминологический словарь: принципы подхода	5	78
Кузнецов И. М. Об обыденных этнокультурных психологических представлениях	2	84
Левкович В. П. Социально-психологические аспекты этнического сознания	4	75
Леонтьев А. А. Национальная психология и этнопсихология	2	80
Марков Г. Е. О терминах и понятиях в этнографии	5	73
От редакции [К дискуссии по этнопсихологии]	4	86
Першиц А. И. Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии	5	59
Першиц А. И. Ответ оппонентам [К дискуссии об этнографической терминологии]	5	85
Решетов А. М. Этнопсихология и смежные науки	4	68
Семенов Ю. И. Терминология и теория	5	81
Старовойтова Г. В. О предметной области этнопсихологии	3	78
Яйленко В. П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии	1	54

Народы мира. Информационные материалы

Грибанов П. В. Население Белиза: этнополитическая общность в процессе становления	1	66
---	---	----

Из истории науки

Тумаркин Д. Д. Материалы экспедиции М. Н. Васильева — ценный источник по истории и этнографии Гавайских островов	6	48
--	---	----

Сообщения

Алексеев В. П., Лафлин У. Материалы к антропологии древнего населения Аляски и Алеутских островов. II. Черепа из преалеутских погребений на стоянке Чалука (о. Умнак)	1	114
Алексеев В. П. Новая палеоантропологическая находка энеолитического времени под Красноярском	4	102
Аршавская З. А. Традиционное жилище в селении Хуфар (Узбекская ССР)	6	79
Большаков А. О. Сцена драки лодочников в староегипетских гробничных изображениях	3	105
Гохман В. И. О фратриях куки-чинов Бангладеш	3	112
Грач А. Д., Молдобаев И. Б. Об одном древнем инструменте народной медицины	3	97

	№	стр.
Дубова Н. А. О некоторых аспектах содержания антропологической науки	6	62
Дугаров Д. С. Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов	5	104
Жарникова С. В. О попытке интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа (По поводу статьи Г. П. Дурасова)	1	87
Завадская Е. П. Некоторые этноконфессиональные аспекты формирования многонационального Эфиопского государства в конце XIX века	2	102
Иерусалимская А. А. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (По материалам могильника Мощевая Балка)	1	102
Куликов В. М. Некоторые проблемы изучения древнерусской музыкальной инструментальной культуры	4	94
Лафлин У.— см. Алексеев В. П., Лафлин У.	1	114
Лобанов М. А. Вокальные мелодии-сигналы в крестьянском быту (По материалам Северо-Запада РСФСР)	5	113
Мадаева З. А. Обряды вызывания дождя и солнца у вайнахов в XIX—начале XX в.	4	87
Миненко Н. А. Фольклор в жизни западносибирской деревни XVIII—60-х годов XIX в.	3	86
Молдобаев И. Б.— см. Грач А. Д., Молдобаев И. Б.	3	97
Мусина Р. Н. Социально-этнические аспекты современной духовной культуры сельских татар (По материалам этносоциологического исследования в Татарской ССР)	5	88
Панкова Н. Г. Динамика этнополитических процессов в районе Золотого Берега (XV—XIX вв.)	4	105
Рунич А. П. Наскальные рисунки и тамги в Джиналском гроте у Кисловодска	4	98
Соколова З. П., Туголуков В. А. Старые и новые названия народов Севера	1	76
Сухарева О. А. Орнамент декоративных вышивок Самарканда и его связь с народными представлениями и верованиями (Вторая половина XIX—начало XX в.)	6	67
Туголуков В. А.— см. Соколова З. П., Туголуков В. А.	1	76
Федоров И. Т. Расселение ижоры в XIX—XX веках	5	97
Ходжайов Т. К. Динамика ареалов антропологических типов на территории Средней Азии (Неолит—начало XX в.)	3	99
Цой В. С. Изучение семейной обрядности корейцев Казахстана	2	96
Чибыров Л. А. Аграрные истоки культа животных у осетин	1	94
Шлыгина Н. В. О функциональной взаимосвязи построек крестьянского двора в Восточной Прибалтике	2	88

Этнография в музеях

Мелия А. О. Музей народного зодчества и быта Грузии	2	114
Разгон А. М. Музей и наука	2	109
Сафронов Ф. Г. Музей под открытым небом в с. Черкех (Якутская АССР)	5	123
Тишков В. А. Норвежское жилище в музее под открытым небом в Тронхейме	5	129

Поиски, факты, гипотезы

Жуковская Н. Л. Визит в Каминояма	2	122
Карпов Ю. Ю. Общинный зимний праздник у цезов	3	114
Кобычев В. П. Об одной позабытой гипотезе (К этногенезу восточных романцев)	4	118
Комиссаров Б. Н. Ранние годы Н. Н. Миклухо-Маклая (К истории первого петербургского периода жизни)	1	128
Савоскул С. С. Н. К. Рерих и легенда о Беловодье	6	88

Список книг члена-корреспондента АН СССР И. Р. Григулевича (Лаврецкого). К 70-летию со дня рождения	3	120
Список основных работ доктора исторических наук Ю. В. Кнорозова (К 60-летию со дня рождения)	1	151
Список основных работ доктора исторических наук, профессора Геннадия Евгеньевича Маркова (К 60-летию со дня рождения и 30-летию научной деятельности)	6	102
Список основных работ члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге (К 80-летию со дня рождения)	4	126
Список основных работ кандидата исторических наук Маргариты Николаевны Шмелевой (К 35-летию научной деятельности)	5	142

Хроника

Зариннов И. Ю.—см. Тер-Саркисянц А. Е., Зариннов И. Ю.	3	123
Путилова Т. Б.—см. Тер-Саркисянц А. Е., Путилова Т. Б.	5	145
Тер-Саркисянц А. Е., Зариннов И. Ю. Работа Института этнографии АН СССР в 1982 году	3	123
Тер-Саркисянц А. Е., Путилова Т. Б. Заседания в Москве и Ленинграде, посвященные вручению ордена Дружбы Народов Институту этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР	5	145

Научная жизнь

Александренков Э. Г. Симпозиум по проблемам индеанистики	3	149
Басилов В. Н., Хоппал М. Советско-венгерский симпозиум «Сравнительное изучение ранних форм религии»	1	143
Бутинова М. С. XIII конференция по изучению Австралии и Океании	2	140
Бромлей Ю. В., Кузьмина Л. П. Второй конгресс Международного общества этнологии и фольклора Европы	2	130
Виноградова Л. Н. Конференция «„Полесье“ и этногенез славян»	6	122
Герасимова М. М., Лебединская Г. В., Хить Г. Л. III Европейский антропологический конгресс	6	111
Гусев В. Е. XXIX конгресс фольклористов Югославии	3	151
Давыдов А. Н. X конференция Ассоциации европейских музеев под открытым небом	4	134
Дробижева Л. М., Кашуба М. С. Международный симпозиум «Роль семьи в этнокультурных процессах в условиях социализма»	6	114
Жданко Т. А. Региональное совещание по изучению быта сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана	6	124
Кашуба М. С.—см. Дробижева Л. М., Кашуба М. С.	6	114
Коротко об экспедициях	1	148
Коротко об экспедициях	2	144
Коротко об экспедициях	3	153
Коротко об экспедициях	4	137
Коротко об экспедициях	6	133
Куббель Л. Е. Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР	3	137
Кузнецов А. И. Чебоксаровские чтения в Институте этнографии АН СССР	3	143
Кузьмина Л. П.—см. Бромлей Ю. В., Кузьмина Л. П.	2	130
Кунамбаева А. Б. Первая Всесоюзная конференция музыковедов-фольклористов	5	151
Курылев В. П., Окладникова Е. А. Объединенная научная сессия ленинградских этнографов, посвященная 60-летию образования СССР	4	131
Лебединская Г. В.—см. Герасимова М. М., Лебединская Г. В., Хить Г. Л.	6	111
Лапинская В. А. Всесоюзная конференция «Современные этносоциальные процессы на селе и задачи их изучения в свете решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС»	6	106
Люшкевич Ф. Д. Среднеазиатско-кавказские чтения 1981 года	3	146

	№ стр.
Окладникова Е. А.—см. Курьлев В. П., Окладникова Е. А.	4 131
Пашаева Н. М. Заседание, посвященное памяти Федора Федоровича Аристова	6 131
Рабинович М. Г. Симпозиум по древнему домостроительству	6 120
Рюйтел И. Всесоюзная конференция «Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма»	6 116
Соболева Е. С. Пятые маклаевские чтения	6 129
Тишков В. А. 44 Международный конгресс американистов	2 137
Хить Г. Л.—см. Герасимова М. М., Лебединская Г. В., Хить Г. Л.	6 111
Хоппал М.—см. Басилов В. Н., Хоппал М.	1 143
Чистов К. В. Славистика в этнографии социалистических стран Европы	4 133
Шаповалова Г. Г. Конференция «Вопросы развития социалистических праздников и обрядов»	1 140
Шаповалова Г. Г. Заседания Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики	5 148

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Бусыгин Е. П. Этнография русского крестьянства Сибири	6 136
Волоцкая З. М. Новое в изучении болгарских сказок	2 145
Крюков М. В. Китайские ученые о предмете этнографической науки	5 154
Литвин Э. С. Русский фольклор в высшей школе (Учебники и учебные пособия последних лет)	6 141
Мокиенко В. М. Советские библиографические указатели паремнологической и фразеологической литературы	3 156
Таболкина Т. В. Проблемы изучения этнических процессов в современном американском обществоведении	4 140

Общая этнография

Алексеев В. П. Я. Я. <i>Рогинский</i> . Об истоках возникновения искусства	5 160
Кисляков В. Н. <i>Собрание Музея антропологии и этнографии АН СССР (К 100-летию образования первого академического этнографического центра)</i>	2 151
Куббель Л. Е. А. И. <i>Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев</i> . История первобытного общества	2 148
Кузнецов А. И. <i>Ономастика Востока</i>	1 153

Народы СССР

Анчабадзе Ю. Д. <i>Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах</i>	5 167
Аргынбаев Х. А.—см. Кармышева Б. Х., Аргынбаев Х. А.	4 151
Бараг Л. Г. Л. Н. <i>Пушкарев</i> . Сказка о Еруслане Лазаревиче	1 158
Бернштам Т. А., Шаньгина Б. И., Шаскольский И. П. М. И. <i>Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков</i> . Мангазея, ч. I—II	4 154
Васильев В. И., Захарова И. В. Н. А. <i>Томилов</i> . Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (Хозяйство и материальная культура)	5 164
Гришаев И. А. Н. И. <i>Шатцнова</i> . Семья у алтайцев	3 161
Данилова Е. Н. Я. С. <i>Смирнова</i> . Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в.	6 149
Заседателява Л. Б. Б. А. <i>Килоев</i> . Земледелие народов Северного Кавказа	2 154
Захарова И. В.—см. Васильев В. И., Захарова И. В.	5 164
Кармышева Б. Х., Аргынбаев Х. А. Ф. Т. <i>Валеев</i> . Западно-сибирские татары во второй половине XIX—начале XX в. Историко-этнографические очерки	4 151
Киуру Э. С. <i>Эстонский фольклор</i>	3 163
Кобычев В. П. В. А. <i>Кузнецов</i> . Нартский эпос и некоторые вопросы исто-	

	№ стр.
рии осетинского народа	2 156
Макашина Т. С. <i>Обрядовая поэзия Пинежья</i>	2 158
Морозова М. Н., Соколова З. П. <i>Ildiko Lehtinen. Naisten korut. Keski-Venäjällä ja hansisiperiassa</i>	6 153
Остапенко Л. В. <i>Социальные перемещения в студенчество (По материалам социологических исследований в Советской Прибалтике)</i>	5 161
Перхавко В. Б. С. I. <i>Пеняч. Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI—XIII ст.</i>	4 157
Семенов Ю. И. З. П. <i>Соколова. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы фратрии и рода</i>	6 151
Соколова З. П.—см. Морозова М. Н., Соколова З. П.	6 153
Цулая Г. В. В. Е. <i>Кварчия. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке</i>	5 165
Чижикова Л. Н. Т. В. <i>Косміна. Сільське житло Поділля</i>	1 156
Чистов Ю. К. <i>Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сборник МАЭ, т. XXXVI</i>	3 165
Шаньгина Б. И.—см. Бернштам Т. А., Шаньгина Б. И., Шаскольский И. П.	4 154
Шаскольский И. П.—см. Бернштам Т. А., Шаньгина Б. И., Шаскольский И. П.	4 154

Народы Зарубежной Европы

Богина Ш. А., Михайлова Т. А. <i>Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы</i>	4 160
Бессмертный Ю. Л. <i>G. Duby. Le chevalier, la femme et le prêtre. La mariage dans la France féodale</i>	2 161
Гусев В. Е. <i>Julian Krzyzanowski. Szkice folklorystyczne. T. I—III</i>	4 166
Мельц М. Я. <i>Путилов Б. Н. Героический эпос черногорцев</i>	6 156
Михайлова Т. А.—см. Богина Ш. А., Михайлова Т. А.	4 160
Руденский Н. Е. <i>Nations without a State. Ethnic Minorities in Western Europe</i>	5 169

Народы Зарубежной Азии

Грачева Г. Н. Е. В. <i>Ревуненкова. Народы Малайзии и Западной Индонезии (Некоторые аспекты духовной культуры)</i>	2 165
Евсюков В. В. <i>Корейские предания и легенды из средневековых книг</i>	4 169

Народы Америки

Баглай В. Е. <i>Duverger Ch. La fleur létale: économie du sacrifice aztèque</i>	1 164
Ляпунова Р. Г. <i>W. S. Laughlin. Aleuts: Survivors of the Bering Land Bridge</i>	3 168
Стельмах В. Г. <i>Steve Talbot Roots of Opression: the American Indian question</i>	1 161

Народы Африки

Козлов С. Я. Г. С. <i>Киселев. Хауса. Очерки этнической, социальной и политической истории (до XIX столетия)</i>	2 168
--	-------

Михаил Кириллович Гегешидзе	6 163
-----------------------------	-------

Валентин Иванович Кочнев	1 167
--------------------------	-------

Леонид Иванович Лавров	1 169
------------------------	-------

Ольга Александровна Сухарева	6 158
------------------------------	-------

Concerning Some Urgent Tasks in the Ethnographical Study of the Present

Investigating ethno-social processes in the country-side is regarded as an urgent problem in the ethnographical study of the present. This problem is bound up with the general tasks of ethnographic research. Soviet ethnographers have long taken a deep interest in modern problems. They have always striven for practical application of their research and provided effective aid for the state organizations in solving various problems of socialist and communist construction. The study of national (ethno-social) processes and their ethnic aspects is a major task faced by the ethnographers. The USSR being a multinational country the named task has both a theoretic and a practical value.

Working traditions and habits of various peoples of the USSR should be thoroughly studied in order to put them to practical use. The investigation of those traditions and habits would contribute to solving the problem of location and proportional development of various economic branches.

Elucidating ethnic peculiarities in family and domestic life is of particular significance for comprehending contemporary ethnosocial and demographic processes. These peculiarities have an impact upon some major social phenomena including migration, manpower training and interpersonal relations. Stressed is the necessity to increase ethnography's practical importance and to enhance its constructive (managerial) functions.

Yu. V. Bromley

On the Classification of Russian Folk Songs of Everyday Life by Genre, Plot and Subject-Matter

The paper elucidates the concept of the song genre defined as the aggregate of songs having in common their function in daily life, their ideological and artistic contents and their means of artistic expression. Proceeding from this the author proposes to divide the repertory of the Russian everyday-life traditional folk song into four main genres: incantations, play songs, honour songs and lyrical songs, each genre being subdivided into thematic cycles, and further into subgroups and units according to plots or plot motifs.

This classification makes it possible to analyse the entire contents of the Russian everyday-life folk song in all the ramifications of its subject-matter and plot. This, in turn, helps to disclose the links between songs and everyday life and to reveal its ethnic specificity as well as to carry out comparative analysis of Russian folk songs and those of other peoples.

The author is at present compiling a tentative index of Russian folk songs (by genre, plot and subject-matter), each text being equipped with a bibliography and other data.

N. P. Kolpakova

Problems of the Ethnic History of Sardinia in the 1st Millennium B. C.

In the paper, the following panorama of the ethnic history of Sardinia in the 1st millennium B. C. is drawn according to classical sources and archaeological data. The beginning of the period saw the colonization of the island by the Phoenicians establishing an exchange of goods with the population of the coastal areas while the interior of the island was left intact. In the 6th century B. C. the Phoenician colonies gradually went into decline. The Greeks began to take an interest in the island at about the same time as the Phoenicians. The semilegendary reports of some classical authors seem to reflect the Hellenes' aim to take possession of Sardinia. However, it is difficult to determine how far this aim was realised. In the 6th century B. C. the Carthaginians first appeared on the island finding there an agglomerate of various tribes and peoples. The Carthaginian colonization of Sardinia was actually a military occupation. Gradually the Cartha-

ginians seized a large part of the island where they stayed dominant for over three centuries assimilating (punicizing) its inhabitants. Only the highlands of Central and Northern Sardinia populated by the tribes of Ioleans, Balars and Corses remained unconquered.

In 238 B. C. Sardinia was seized by Rome. The Romans met the hostility of all the islanders: the Carthaginians, the punicized indigenous plains-dwellers and the independent highlanders. Hence both the military conquest and the romanization of the islanders went on very slowly. Considering the latter process, the author draws the following conclusions: 1) by the end of the 1st millennium B. C. Sardinia's population still remained an ethnically mixed one; 2) the formation of the Latin people having come to a close by nearly the same time the islanders failed to become one of its components.

N. A. Krasnovskaya

The Materials of M. N. Vasilyev's Expedition — a Valuable Source for the Study of the History and Ethnography of the Hawaiian Islands

The Russian round-the-world expedition under the guidance of M. N. Vasilyev paid two visits to the Hawaiian Islands in 1821, i. e. during a critical period in the history of the archipelago: Kameamea I, the founder of the united Hawaiian Kingdom, died in May 1819, and in a few months the ancient Hawaiian religion was overthrown; in 1820 the first American missionaries and whalers arrived. The journals, records and other manuscripts left by the participants in the voyage contain valuable information on various aspects of the original Hawaiian culture and its transformations under the foreign impact as well as on the adoption by the islanders of certain elements of Western culture. The Russian sailors also collected interesting data on the heterogenous structure of government which existed at that time in the islands, on the relations between foreigners and various strata of the Hawaiian society, on the activities of missionaries, traders and whalers, and on the contradictions between these alien groups. Special attention was paid by Vasilyev and his fellow-voyagers to the large-scale exportation of the Hawaiian sandalwood and the negative social consequences of this trade. The conclusion reached by the author is that the materials of Vasilyev's expedition, the greater part of which has never been published, are of considerable interest for anthropologists and historians.

D. D. Tumarkin

CONTENTS

The June Plenary Session of the CPSU Central Committee and the Tasks Faced by Soviet Ethnographers. *Yu. V. Bromley* (Moscow). Concerning Some Urgent Tasks in the Ethnographical Study of the Present. *N. P. Kolpakova* (Leningrad). On the Classification of Russian Folk Songs of Everyday Life by Genre, Plot and Subject-Matter. *N. A. Krasnovskaya* (Moscow). Problems of the Ethnic History of Sardinia in the 1st Millennium B. C.

From the History of Ethnography

D. D. Tumarkin (Moscow). The Materials of M. N. Vasilyev's Expedition — a Valuable Source for the History and Ethnography of the Hawaiian Islands.

Communications

N. A. Dubova (Moscow). The Science of Anthropology: Some Aspects of its Content. *O. A. Sukhareva* (Moscow). The Ornament of Samarkand Embroidery and its Relationship to Folk Concepts and Beliefs (Second Half of the 19th — Beginning of the 20th Century). *Z. A. Arshavskaya* (Tashkent). Traditional Dwellings in the Village of Hufar (The Uzbek SSR).

Searchings, Facts, Hypotheses

S. S. Savoskul (Moscow). N. K. Roerikh and the Legend of Belovodye.

Our Anniversaries

A List of the Main Publications by G. E. Markov, Doctor of Historical Sciences, Professor (to His 60th Birthday and 30th Anniversary of His Scholarly Activity).

Academic Life

V. A. Lipinskaya (Moscow). Contemporary Ethno-Social Processes in the Country-Side and the Tasks of Studying Them in the Light of the Resolutions of the May 1982 Plenary Session of the CPSU Central Committee, an All-Union Conference. *M. M. Gerasimova*, *G. V. Lebedinskaya*, *G. L. Khit* (Moscow). The 3d European Anthropological Congress. *L. M. Drobizheva*, *M. S. Kashuba* (Moscow). An International Symposium «The Role of Family in Ethno-Cultural Processes under Socialism». *I. Ruytel* (Tartu). Finno-Ugric Musical Lore: Problems of Syncretism, an All-Union Conference. *M. G. Rabinovich* (Moscow). The Construction of Houses in Early Russia, a Symposium. *L. N. Vinogradova* (Moscow). Polesye and the Origin of the Slavs, a Conference. *T. A. Zhdanko* (Moscow). A Regional Conference on Studying Rural Family Life in Middle Asia (Soviet Central Asia). *Ye. S. Soboleva* (Leningrad). Maclay Readings: Fifth Session. *N. M. Pashaeva* (Moscow). F. F. Aristov Memorial Session.

Expeditions in Brief.

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. *Ye. P. Busygin* (Kazan). The Ethnography of Russian Siberian Peasantry: a Review of Publications. *E. S. Litvin* (Leningrad). Russian Folklore in Institutions of Higher Education. Peoples of the USSR. *Ye. N. Danilova* (Moscow). *Ya. S. Smirnova*. Family and Family Life of the North Caucasus Peoples. Second Half of the 19th—20th Century. *Yu. I. Semionov* (Moscow). *Z. P. Sokolova*. The Khanty and Mansi Social Organization in the 18th—20th Centuries. The Problems of Phratry and Clan. *M. N. Morozova*, *Z. P. Sokolova* (Moscow). Ildiko Lehtinen. Naisten Korut. Keski-Venäjäillä ja Länsi-Siperiassa. Peoples of Europe outside the USSR. *M. Ya. Meltz* (Leningrad). *B. N. Putilov*. Heroic Epics of the Montenegrins.

O. A. Sukhareva

M. K. Gegeshidze

Index for 1983

Технический редактор *Беляева Н. Н.*

Сдано в набор 09.09.83. Подписано к печати 24.11.83 T-21714 Формат бумаги 70×108^{1/16}.
Высокая печать Усл. печ. л. 15,4 Усл. кр.-отт. 43,9 тыс. Уч.-изд. л. 19,9 Бум. л. 5,5
Тираж 2805 экз. Зак. 4697

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

В магазинах «Академкнига» имеются в продаже:

**ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ОБРЯДЫ В БЫТУ НАРОДОВ СССР. 1981.
183 с. 65 к.**

В книге освещаются обряды как общественно-гражданского, так и лично-семейного циклов, рассказывается об истории их происхождения и возникающих новых обрядах, рассматриваются проблемы в регионально-этническом плане по республикам Советского Союза. В приложении даются методические материалы по отдельным обрядам, фото лучших образцов костюмов и обрядовой атрибутики.

Для этнографов, историков, а также широкого круга работников культурно-просветительных учреждений.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ. 1975. 238 с. 1 р. 55 к.

Сборник содержит новые материалы по этнографии латышей, литовцев и эстонцев, сведения о сельских поселениях, постройках для скота, мельницах, льноводческих орудиях труда, способах уборки и обмолота ржи. В работе на основе изучения элементов материальной культуры сделаны выводы о развитии культуры народов Прибалтики, о культурных взаимосвязях народов Прибалтики с соседними народами.

Исследование рассчитано на историков, этнографов и географов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.